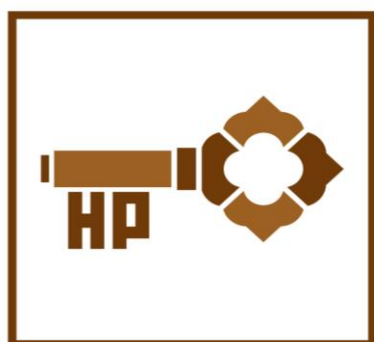

ISSN 2587-8344
(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

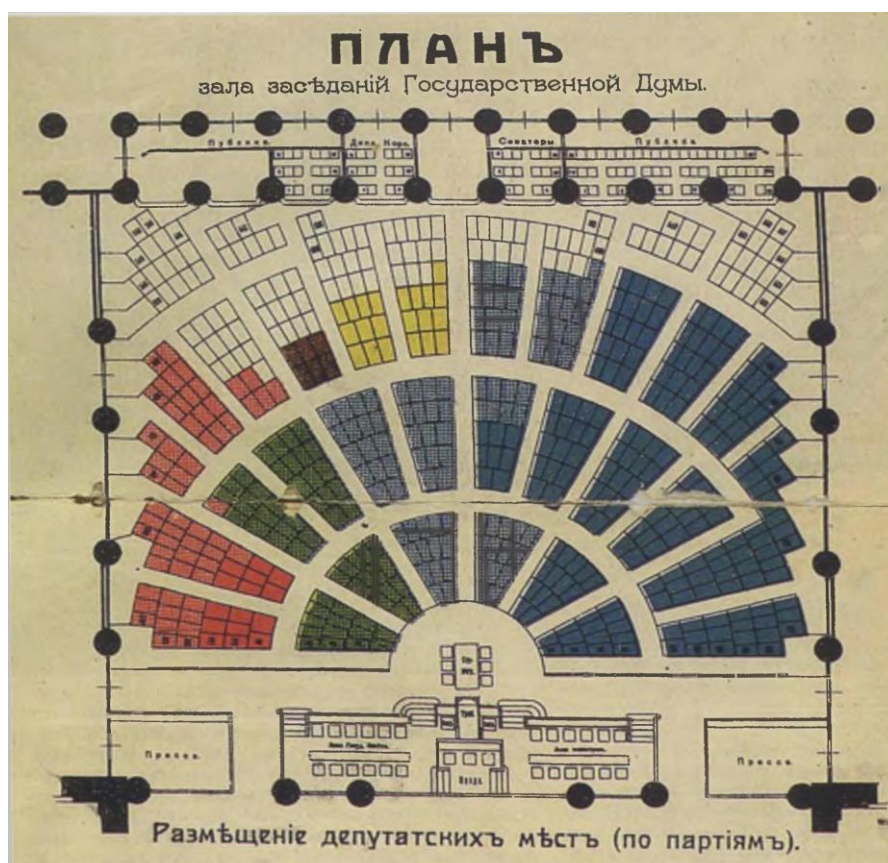
ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Сетевой научный журнал

2026 • Т. 10 • № 3

Тема номера

**Политическая история России в период Думской монархии:
к 120-летию созыва I Государственной думы**

<http://hpchsu.ru>

Выход в свет: 2026 • Т. 10 • № 3 • СЕНТЯБРЬ. Выходит четыре раза в год.
УЧРЕДИТЕЛЬ: Череповецкий государственный университет

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Эл № ФС77-70013 от 31.05.2017 г.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

Сетевой журнал “*Historia provinciae* – журнал региональной истории” со 2 декабря 2019 г. включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки), 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки), 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки). С марта 2023 г. материалы журнала индексируются в международной базе данных Scopus (3 квартиль).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: О.Ю. СОЛОДЯНКИНА, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА НОМЕР: А.Н. ЕГОРОВ, доктор исторических наук
(Череповецкий государственный университет)

РЕДАКТОР: А.А. ЛУХНЕВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: В.В. КРУГЛОВА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: А.С. ЛОБЫШЕВА, +7 (8202) 51-78-54

ВЕДУЩИЙ ПЕРЕВОДЧИК: Н.С. ШАМАЕВА, канд. филол. наук, доцент, кафедра «Теория и практика перевода и зарубежная филология» (Севастопольский государственный университет)

Адрес издателя, редакции, типографии, электронный адрес:

162600 Россия, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5.
<https://hpchsu.ru>

Фото на обложке: иллюстративный материал взят из открытых источников.

ЦЕНА СВОБОДНАЯ

Сетевое издание

Уч.-изд. л. 28

Выход в свет: 15.09.2026

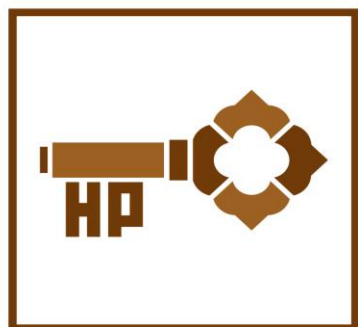
Формат 60 × 84 ¹/₈

Гарнитура Таймс

© Череповецкий государственный университет, 2026

ISSN 2587-8344
(online)

HISTORIA

PROVINCIAE-

THE JOURNAL OF REGIONAL HISTORY

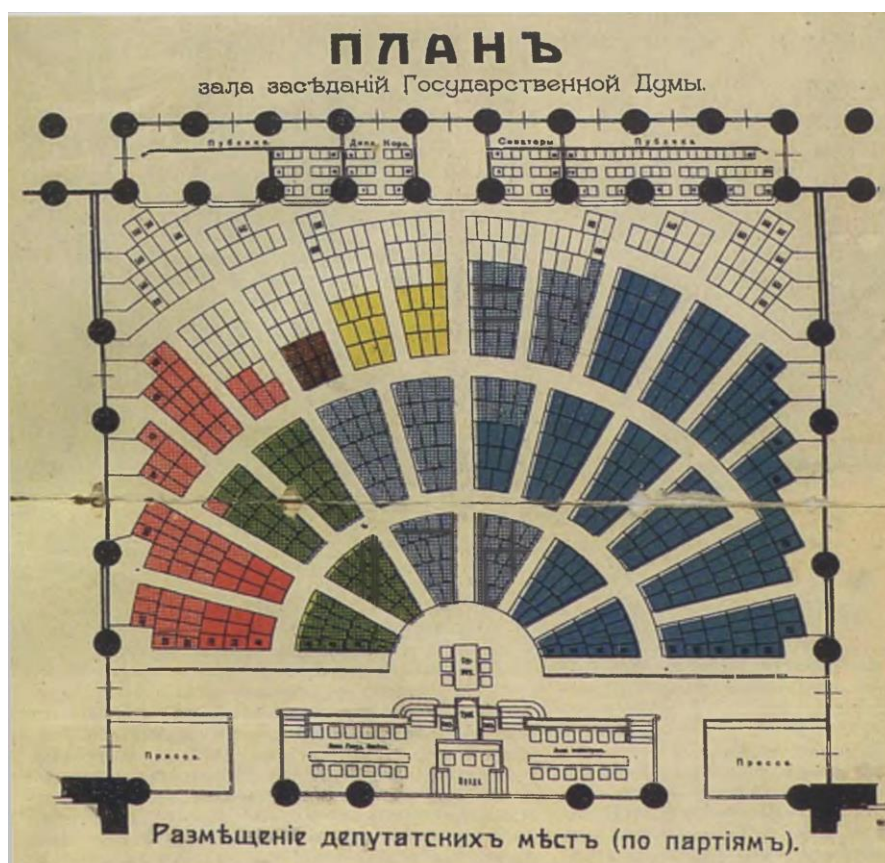
Online scientific journal

2026 • Vol. 10 • No. 3

Cover story

Political History of Russia during the Duma Monarchy:

In honor of the 120th Anniversary of the First State Duma Convocation

<http://en.hpchsu.ru>

Publication: 2026 • Vol. 10 • No. 3 • SEPTEMBER. Issued four times a year.

FOUNDER: Cherepovets State University

The mass media registration certificate is issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor). El No FS77-70013 (Эл № ФС77-70013) dated 31.05.2017.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

On December 2, 2019 the online scientific journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History* was included in the List of Peer-Reviewed Academic Journals where major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of sciences should be published in the following scientific specialties: 5.6.1. National History (Historical Sciences); 5.6.2. World History (Historical Sciences); 5.6.5. Historiography, Source Study, Methods of Historical Research (Historical Sciences); 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy (Historical Sciences). Since March 2023, the journal has been indexed in the international Scopus database (3 quartile).

EDITOR-IN-CHIEF: Olga Yu. SOLODYANKINA, Doctor of Historical Sciences
(Cherepovets State University)

MANAGING EDITOR OF THE ISSUE: Andrei N. EGOROV, Doctor of
Historical Sciences (Cherepovets State University)

EDITOR: Anna A. LUKHNEVA

COMPUTER DESIGN LAYOUT: Valeriya V. KRUGLOVA

EXECUTIVE EDITOR: Alina S. LOBYSHEVA, +7 (8202) 51-78-54

PROOFREADER (ENGLISH): Natal'ya S. SHAMAEVA, Candidate of
Philological Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Practice of
Translation and Foreign Philology (Sevastopol State University)

Address of the publisher, editorial office and printing office: 162600 Russia,
Vologda region, Cherepovets, Prospekt Lunacharskogo, 5, <https://hpchsu.ru>

Photo on the cover: artwork is taken from publicly available sources.

OPEN PRICE

Online media

28 standard publisher's sheets

Publication: 15.09.2026

Format 60 × 84 ¹/₈

Font style Times

© Cherepovets State University, 2026

Содержание

Contents

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Седов И.О.* Избирательные блоки на выборах в IV Государственную думу в Москве 690
- Егоров А.Н.* Государство и Православное духовенство на выборах в IV Государственную думу Российской империи 720
- Кирьянов И.К., Ехлакова А.Р.* Партийность гласных уездных земств и проблема ее корректной идентификации: кейс Пермской губернии 1909 года..... 758
- Иванов А.А.* Несостоявшееся убийство П.Н. Милюкова в 1916 г. и реакция российской прессы 795
- Николаев А.Б.* Депутат IV Государственной думы от Амурской области А.И. Рыслев в 1917 г. 850
- Шевяков С.В.* Положение военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности в России в 1917 г. 896
- Голосеева А.А.* Дело П.А. Селецкого. Разоблачение провокации в рядах эсеровской эмиграции 1923 г. 922

РЕЦЕНЗИИ

- Супрун М.Н.* Гарнизон Соловецкого архипелага в годы Второй мировой войны. Рецензия на: Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. Страницы истории. Наследие. Археология. Соловки; Архангельск: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2025. 558 с. 961

RESEARCH

- Sedov, I.O.* Electoral Blocs in the Moscow Elections to the Fourth State Duma..... 690
- Egorov, A.N.* The State and the Orthodox Clergy in the Election to the Fourth State Duma of the Russian Empire..... 720
- Kiryanov, I.K., and A.R. Ekhlakova.* Party Affiliation of Uyezd Zemstvo Members and the Problem of Its Correct Identification: The Case of Perm Governorate, 1909..... 758
- Ivanov, A.A.* The Failed Assassination of P.N. Milyukov in 1916 and the Response of the Russian Press..... 795
- Nikolaev, A.B.* Deputy of the Fourth State Duma from Amur Oblast A.I. Ryslev in 1917 850
- Shevyakov, S.V.* The Situation of Italian Prisoners of War from the Austro-Hungarian Army Held in Russia in 1917 ... 896
- Goloseyeva, A.A.* The Case of P.A. Seletskii. Exposing the Provocation in the Ranks of the Socialist Revolutionary Emigration of 1923 922

REVIEWS

- Suprun, M.N.* “Garrison of the Solovetsky Archipelago during the Years of World War II.” Review of Solovetskii garnizon v 1940–1947 gg. Stranitsy istorii. Nasledie. Arkheologiya [Solovetsky garrison in 1940–1947. Pages of history. Heritage. Archaeology], by A.Ya. Martynov, L.I. Prourzin, and M.P. Kalatur (Solovki; Arkhangel'sk: Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik, 2025)..... 961

HISTORIA

PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ

RESEARCH

2026 · Т. 10 · № 3

Научная статья

УДК 94(47) + 324

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-1>

<https://elibrary.ru/bkzvdq>

Избирательные блоки на выборах в IV Государственную думу в Москве

Илья Олегович Седов

Национальный Исследовательский Университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,
io.sedov@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2089-9102>

Ilya O. Sedov

National Research University
“Higher School of Economics”,
Moscow, Russia,
io.sedov@hse.ru, <https://orcid.org/0009-0004-2089-9102>

Аннотация. Статья посвящена анализу создания предвыборных альянсов между «Союзом 17 октября» и правительством, правыми, прогрессистами и Конституционно-демократической партией в период электоральной кампании в IV Государственную думу в Москве. Методология исследования находится в фарватере новой политической истории и включает в себя прагматическую социологию в интерпретации Н. Кроссли. Новизна исследования заключается в изучении политических практик партий и правительства в ходе локальной предвыборной кампании в Москве в 1912 г. Работа основана на архивных источниках из документооборота разных структур Департамента полиции, Особого делопроизводства по выборам в Государственную думу и Государственного совета. Автор также обращался к анализу опубликованных перлюстрированных писем политиков и заметок из октябристской газеты «Голос Москвы». Делается вывод, что существовавшая в столице мажоритарная избирательная система вынуждала игроков создавать политические альянсы. При этом доминирование кадетов во второй курии переносило конкретные электоральные кампании в первую, где участники под давлением ситуации склонялись к заключению предвыборных блоков. А.И. Гучков и К.Э. Линдеман предложили два противоположных состава коалиции: антикадетский блок с московскими правыми (как на предыдущих выборах в Думу в 1907 г.) и объединение с прогрессистами и частью конституционных демократов в лице М.В. Челнокова и В.А. Маклакова. Несмотря на то, что Центральный комитет Партии народной свободы допускал возможность заключения соглашения с октябристами, московские активисты отказались от контактов с правыми либералами. Консерваторы в этой предвыборной кампании проявили себя неорганизованными и подверженными влиянию правительства. Товарищ министра внутренних дел отказал октябристам в поддержке из-за их

© Седов И.О., 2026

© Sedov I., 2026

публикаций о Г.Е. Распутине и протеста против кредита на постройку военно-морского флота. В августе МВД прекратило поддержку «Союза 17 октября», а в середине сентября правые кадеты вышли из переговоров с А.И. Гучковым. В результате он проиграл выборы за три недели до дня голосования.

Ключевые слова: октябристы, кадеты, МВД, А.И. Гучков, политические практики, выборы, IV Государственная Дума, Москва

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 24-78-00183 «От Государственной Думы к Советам: институт выборов и его трансформация в Европейской России в 1905–1918 гг.», <https://rscf.ru/project/24-78-00183/>). Работа выполнена под руководством доктора исторических наук, профессора РАН, профессора ШИН ФГН НИУ ВШЭ К.А. Соловьева.

Для цитирования: Седов И.О. Избирательные блоки на выборах в IV Государственную думу в Москве // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 690–719, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-1>; EDN: BKZVDQ

Electoral Blocs in the Moscow Elections to the Fourth State Duma

Abstract. The article is devoted to the analysis of creating electoral alliances between the Union of 17 October and the government, between the rightists, the progressives and the Constitutional Democratic Party during the electoral campaign for the Fourth State Duma in Moscow. The research methodology corresponds to the mainstream of new political history and includes pragmatic sociology as interpreted by N. Crossley. The novelty of the article consists in the analysis of political practices used by the parties and the government during the local election campaign in Moscow in 1912. The study is based on archival documents from different structures of the Police Department, from the Special Office for the elections to the State Duma, and from the State Council. Published perustrated letters of politicians, items from the Octobrist newspaper *Golos Moskv*y are also referred to. The author concludes that the majoritarian electoral system that existed in the capital forced the political players to form alliances. Due to the dominance of the Cadets in the second curia, specific electoral campaigns were implemented by the first curia, and the political players needed to conclude electoral blocs. Aleksandr I. Guchkov and Karl E. Lindeman devised two opposing coalition compositions: the anti-Cadet bloc with the Moscow rightists (as it was in the previous Duma elections in 1907) and the alliance with the progressists and some of the Constitutional Democrats represented by Mikhail V. Chelnokov and Vasilii A. Maklakov. Despite the potential agreement between the Central Committee of the People's Freedom Party and the Octobrists, the Moscow activists refused contacts with the right-wing liberals. The Conservatives proved to be unorganized and susceptible to the influence of the government during that election campaign. The Deputy Minister of the Internal Affairs refused to support the Octobrists because of their publications about Rasputin and their protest against a loan to build a navy. In August, the Ministry of Internal Affairs stopped supporting the Union of 17 October, and in mid-September the right-wing Cadets withdrew from negotiations with A. Guchkov. As a result, he failed at the election three weeks before polling day.

Keywords: Octobrists, Cadets, Ministry of Internal Affairs (MIA), A. Guchkov, political practices, elections, the Fourth State Duma, Moscow

Acknowledgements: This article has been prepared with the financial support of the Russian Science Foundation (Project No. 24-78-00183 “From the State Duma to the Soviets: The Institution of Elections and Its Transformation in European Russia in 1905–1918,” <https://rscf.ru/project/24-78-00183/>). The study was carried out under the supervision of Kirill A. Solov'ev, Doctor of

Historical Sciences, Professor at the Russian Academy of Sciences, Professor at the School of Historical Sciences, Faculty of Humanities, HSE University.

For citation: Sedov, I.O. "Electoral Blocs in the Moscow Elections to the Fourth State Duma". *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 690–719, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-1>; EDN: BKZVDQ

Введение

В начале XX века политическая система России подверглась существенным преобразованиям, связанным в первую очередь с появлением законодательной Государственной думы, что изменило устоявшиеся непубличные правила общественно-политического поведения. Создание высших представительных учреждений способствовало расширению круга элиты за счет включения в ее состав депутатов и партийного руководства. Соответственно думские выборы в эпоху формирования массовой политики превратились в одно из важнейших событий.

Голосование в IV Государственную думу 1912 г. стало прецедентом в истории Российской империи. Эта электоральная кампания проходила в условиях стабильности: предыдущий созыв полностью отработал свой срок, а избирательное законодательство осталось неизменным. В 1906–1907 гг. император досрочно распустил I и II Государственные думы и изменил «правила игры». Тем самым политические игроки смогли усвоить способы достижения успеха на выборах.

«Союз 17 октября» (октябристы) во главе с А.И. Гучковым обладал крупнейшей фракцией в III Государственной думе. Однако эта праволиберальная партия состояла из консервативного большинства и *активного* левого меньшинства.

Тем не менее октябристы поддерживали манифест 17 октября «Об усовершенствовании государственного порядка», в честь которого называли свою партию, а потому считали необходимым партнерство с правительством. Также умеренные либералы симпатизировали П.А. Столыпину, поддерживали его реформаторский курс и сотрудничали с консерваторами в III Государственной думе.

Несмотря на устоявшийся политический ландшафт, в 1907–1914 гг. продолжали создаваться новые партии. С одной стороны, появились правые кадеты, в лице П.Б. Струве, М.В. Челнокова, В.А. Маклакова, стремившиеся к взаимодействию с правительством¹. С другой стороны, центристские депутаты и некоторые представители общественности, разочарованные одновременно и в

¹ Гайда Ф.А. Правый раскол в кадетской партии: причины и возможности // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. Ч. 1. С. 216–222. EDN: WPIYOL

октябристах, и в конституционных демократах, создали прогрессистскую фракцию, ставшую одноименной партией². В ее состав входили депутат И.Н. Ефремов, а также П.П. Рябушинский, А.Н. Коновалов, С.И. Четвериков. Современные исследователи Д.А. Коцюбинский и С.Ю. Таран рассматривают освещение распутинского скандала как уникальный случай публичного объединения либеральной прессы («Голос Москвы», «Утро России», «Речь», «Русское слово» и т.д.) в начале 1912 г.³. Таким образом, центристское положение октябристов в российском легальном идеологическом поле позволяло им голосовать вместе с более левыми прогрессистами и кадетами.

Каждая партия желала увеличить численный состав своей фракции, чтобы создать стабильное думское большинство и влиять на выработку государственных решений. Совету министров также были выгодны лояльные депутаты, дававшие возможность правительству реализовывать свою программу и продолжать использовать практики управления рубежа XIX–XX вв. без оглядки на парламент.

В эпоху думской монархии избирательный закон регулировал только механизм выявления победы кандидатов, но не ход электоральных кампаний. В третьеиюньской системе голосование обычно назначалось на сентябрь–октябрь⁴. В соответствии с наличием летних каникул в устоявшемся политическом календаре политики были вынуждены вступать в предвыборную гонку еще весной.

Москва являлась особым городом, который мог отправлять своих представителей в парламент. По словам исследовательницы О.А. Патрикеевой, правительство намеренно передвинуло дни выборов в столицах, поскольку

² Хайлова Н.Б. «Если цель ясна и средства выбраны верные, то для победы нужны лишь энергия и время»: либералы-центристы в III и IV Думе (1907–1916) // Россия XXI. 2020. № 5. С. 132. EDN: QACUYEL

³ Коцюбинский Д.А., Таран С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2017. Ч. 1. С. 183–191.

⁴ Согласно третьеиюньскому манифесту, III Государственная дума должна была начать работу 1 ноября 1907 г. Поэтому парламентские выборы были организованы в сентябре–октябре. (№ 29240. – Июня 3. Манифест «О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье (далее – ПСЗ-III). Т. XXVII: 1907. От № 28754–29943. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1910. С. 320.)

результаты в этих городах во многом определяли итоги голосований в других губерниях⁵.

Москвичи, обладавшие избирательным правом при голосовании за депутатов, делились на две курии: в первой находились дворяне и крупные предприниматели, во второй – различные служащие (рабочие не участвовали в выборах депутатов от Москвы. – И. С.). Двое кандидатов, набравшие более половины голосов в каждой группе москвичей, становились депутатами, что являлось ключевым элементом системы абсолютного большинства – разновидности мажоритарной избирательной системы⁶.

М. Дюверже утверждал, что в таком институте, как правило, заметна тенденция на выстраивание двухпартийной структуры⁷. Однако, по мнению Э. Дисконса и С. Кентена, она работает лишь в условиях отсутствия таких социальных групп, которые могут поддержать третьего кандидата⁸. На выборах в Москве ключевые этноконфессиональные группы (в частности, армяне, немцы, старообрядцы) уже были интегрированы в круг сторонников различных политических сил. А это значит, что в условиях становления публичной политики возможно проследить формирование именно двух избирательных блоков. В 1907–1912 гг. около 60 % столичных избирателей участвовало в голосовании, что вынуждало игроков объединяться в союзы и мобилизовывать свой электорат⁹.

Несмотря на то, что подсчетом голосов занимались местные органы самоуправления, организовывали выборы сотрудники МВД, которые могли по-своему влиять на исход кампаний: материально поддерживать лояльных общественных деятелей и привлекать административно зависимый электорат¹⁰.

⁵ Патрикеева О.А. Выборы в I Государственную думу Российской империи: столицы и провинция // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 373. EDN: NFACMH

⁶ № 29242 – Июня 3. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную думу. Именной Высочайший указ, данный Сенату // ПСЗ-III. Т. XXVII: 1907. С. 335.

⁷ Duverger M. Party Politics and Pressure Groups: A Comparative Introduction. New York: Thomas V. Crowell Company, 1972. P. 23–32.

⁸ Dickson Eric S., Scheve K. Social Identity, Electoral Institutions, and the Number of Candidates // British Journal of Political Science. 2010. Vol. 40, no. 2. P. 372. <https://doi.org/10.1017/S0007123409990354>

⁹ Выборы в Москве // Голос Москвы. 1907. № 241 (18 октября). С. 2; Упрек абсентеистам // Голос Москвы. 1909. № 223 (30 сентября). С. 3; Тимохина Д.А. «Октябристы являются людьми, чуждыми взглядам и чувствам Москвы»: к истории дополнительных выборов в III Государственную думу по 2-й курии г. Москвы // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. Ч. 1. С. 81–91.

¹⁰ Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. Москва: Квадрига, 2018. С. 229–290.

По мнению исследовательницы О.Г. Малышевой, основными тенденциями на выборах в IV Государственную думу стали ослабление местных партийных ячеек и увеличение количества кандидатов, особенно «беспартийных»¹¹.

Как правило, правительство симпатизировало консерваторам. Однако уже в январе 1912 г. В.Ф. Джунковский, генерал-губернатор Москвы, подчеркивал, что собственно правых организаций уже фактически не осталось¹². Поэтому исполнительная власть могла быть заинтересована в победе октябристов.

Поскольку Партия народной свободы всегда побеждала во второй курии, конкурентные предвыборные кампании сосредоточились в первой, где появление правых кадетов, прогрессистов наложилось на неоднородность состава «Союза 17 октября», существенно изменив политическое поле.

Единственным способом победить в игре по таким правилам стало заключение временных союзов. С кем объединялись октябристы в преддверии выборов? Как это отразилось на итогах голосования в Москве?

Исследователи, которые занимались изучением думской монархии, не уделяли должного внимания локальным электоральным кампаниям. К.А. Соловьев выявил формальные и неформальные правила игры в политической системе, существовавшей в Российской империи в 1906–1914 гг.¹³ Т. Эммонс проанализировал проблемы либерального партогенеза в условиях первых думских выборов¹⁴. Н.А. Портнягина и О.А. Патрикеева утверждают, что в 1906–1907 гг. террор стал значимым фактором, влиявшим на политические действия как и кандидатов, так и избирателей¹⁵.

Способы вмешательства МВД и Синода в ход исследуемой электоральной кампании были определены Ф.А. Гайдой¹⁶. А.В. Костылев утверждает, что особенностью городских выборов в парламент являлось создание

¹¹ Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. С. 226–229.

¹² Письмо В.В. Джунковского товарищу министра внутренних дел А.Н. Харузину, отправленное 31 января 1912 г. // Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1327. Оп. 2. Д. 211. Л. 1–2 об.

¹³ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.

¹⁴ Emmons T. The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1983.

¹⁵ Patrikeeva O.A., Portnyagina N.A. “Choose One of Two: The Duma or the Grave”: The Impact of Terrorism on the Elections to the State Duma in the Period of the First Russian Revolution // Analele Universităţii din Craiova. Istorie, Anul XXI. 2016. № 2 (30). P. 87–106.

¹⁶ Гайда Ф.А. Вокруг думских выборов 1912 г.: государство, оппозиция, духовенство // Ортодоксия. 2021. № 1. С. 111–124. <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2021-1-1-111-124>; EDN: KYKHKL

политическими партиями своих ячеек в районных отделах¹⁷. Ф. Кован выявил специфику политических дискурсов о демократии в контексте выборов в IV Государственную думу в Одессе, которая направляла одного депутата в Таврический дворец¹⁸.

По мнению Дж. Хоскинга, в 1912 г. ощущался разрыв между думской фракцией «Союза 17 октября» и А.И. Гучковым, поскольку депутаты не прислушались к рекомендации лидера партии протестовать против новой военно-морской программы¹⁹. Именно это голосование, как резюмирует британский историк, стало причиной поражения лидера октябристов на выборах. По мнению В. Пинчука, провал правых либералов был предопределен их разрывом с националистами в III Государственной думе²⁰. Советские историки А.Я. Аврех и В.С. Дякин, напротив, считали, что в целом октябристы проиграли выборы именно из-за альянса с правыми²¹. А У. Глисон лишь отметил, что А.И. Гучков потерпел поражение на выборах в 1912 г.²²

Таким образом, можно констатировать, что механизмы участия политиков в выборах в целом исследованы. Однако изучение электоральной кампании октябристов в Москве в 1912 г. сводится на данном этапе лишь к объяснению причин проигрыша лидера партии.

Для раскрытия заявленной темы автор обращается к положениям теории радикального габитуса Н. Кроссли²³. Он утверждает, что в условиях неопределенности (отсутствия устойчивых «правил игры») игроки формируют практики непосредственно в процессе взаимодействия со своими соперниками. Эти модели поведения складываются из серии ситуативных решений –

¹⁷ Костылев А.В. Выборы в Государственные думы Российской империи в городах с правом отдельного представительства // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. С. 85. EDN: UAXAVP

¹⁸ Cowan F. The Democracy versus Democracy: Representation and Politics in Odessa during the 1912 State Duma Election // *Revolutionary Russia*. 2020. Vol. 33, iss. 2. P. 172–196. <https://doi.org/10.1080/09546545.2020.1821439>; EDN: LEIATA

¹⁹ Hosking G.A. The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge: The University Press, 1973. P. 184.

²⁰ Pinchuk B.C. The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912. Seattle; London: University of Washington Press, 1974. P. 124.

²¹ Аврех А.Я. Царизм и Дума (1912–1914 гг.). Москва: Наука, 1981. С. 28; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Ленинград: Наука, 1988. С. 49. EDN: YVJDYF

²² Gleason W. Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1983. P. 48.

²³ Crossley N. From Reproduction to Transformation: Social Movement Fields and the Radical Habitus // *Theory, Culture and Society*. 2003. Vol. 20, no. 6. P. 43–68. <https://doi.org/10.1177/0263276403206003>; EDN: JTTFKR

импровизаций, ответов на шаги оппонентов, использования имеющихся ресурсов. Данная теория позволяет анализировать «думскую монархию» как пространство, в котором акторы осваивали новые политические механизмы.

Правоцентристская коалиция

Зимой 1912 г. П.А. Базилевский, предводитель московского уездного дворянства, предложил А.И. Гучкову создать блок из консерваторов и октябристов²⁴. 11 апреля лидер «Союза 17 октября» принял это предложение, однако подчеркнул, что данная коалиция должна быть именно *антикадетской*²⁵, определив таким образом задачу подобного объединения – помешать победе Партии народной свободы.

В тот же период лидер октябристов писал своему заместителю К.Э. Линдеману, что шансов на победу в Московской губернии у партии больше, а поскольку недвижимость в Серпухове им приобретена не позже весны 1911 г., то это позволяет ему выдвинуться от регионального съезда горожан той или иной курии²⁶. Это предположение удачно сочеталось с предыдущим электоральным опытом: на голосовании в III Государственную думу избрался местный лидер октябристов. Это можно считать прецедентом, поскольку кандидат победил на съезде выборщиков второй курии, состав которой был преимущественно прокадетский²⁷.

В начале апреля 1912 г. А.И. Гучков пригласил своего заместителя на встречу с предводителем уездного дворянства, итогами которой К.Э. Линдеман затем поделился с П.А. Базилевским: московские консерваторы оказались неорганизованными, однако в местной партийной ячейке доминировали правые октябристы²⁸. Согласно условиям договоренности предполагался обмен ресурсами: октябристы представили бы ораторов для агитации, а консерваторы гарантировали избрание А.И. Гучкова в губернском собрании. Но он не учел неизбежную победу кадетов в Москве, которая вела к потере политического авторитета лидера октябристов.

Однако для создания данного альянса существовала определенная сложность. Консерваторы получали субсидии от МВД, поэтому для

²⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / составитель К.А. Соловьев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. С. 228.

²⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 235.

²⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 236.

²⁷ 3-й созыв Государственной Думы: портреты, биографии, автографы / под редакцией Н.Н. Ольшанского. Санкт-Петербург: Издание Н.Н. Ольшанского, 1910. С. 77.

²⁸ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 238.

оформления правоцентристской коалиции октябристы должны были прийти к соглашению одновременно и с правыми, и с правительством²⁹.

В апреле 1912 г. партийные юристы нашли ошибку в избирательных списках: две тысячи арендаторов оказались в первой курии, хотя должны были быть во второй. Такой расклад являлся нежелательным, поскольку они составляли около 30–35 % от общего числа выборщиков и были настроены против октябристов³⁰. При подобном раскладе А.И. Гучков не смог бы повторить свой успех пятилетней давности, ибо политическая борьба перенеслась бы на оставшиеся 65–70 % электората. Как упоминалось ранее, явка на думских голосованиях в столице составляла около 60–65 %. По сути, октябристы оказались бы в безальтернативном положении: партии оставалось только мобилизовать остаток первой курии, который мог и пропустить выборы, и не поддержать А.И. Гучкова.

Поэтому К.Э. Линдеман попросил председателя Совета министров В.Н. Коковцова поспособствовать переносу квартиросъемщиков во вторую курию для победы над оппозицией³¹. Премьер перенаправил это предложение министру внутренних дел А.А. Макарову³². Но в этом составе правительства, по мнению Ф.А. Гайды, В.Н. Коковцов соперничал с чиновниками, курировавшими выборы³³. При всей неоднородности и неуправляемости Совета министров такое обращение «Союза 17 октября» вполне могло провалиться.

В середине июня октябрист П.В. Каменский доложил К.Э. Линдемону, что МВД может перенести четверть арендаторов во вторую курию³⁴. При таком исходе октябристам противостояли бы 26 % квартиросъемщиков в составе первой курии, что приблизило бы победу А.И. Гучкова. В июле К.Э. Линдеман подчеркнул, что монархистская коалиция уже достигла некоторых успехов: на выборах в органы самоуправления победила группа правых и октябристов³⁵.

В результате умеренные либералы с консерваторами предварительно объединились в один блок. Такой союз открывал следующие перспективы:

²⁹ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). С. 354.

³⁰ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 235–236.

³¹ Письмо К.Э. Линдемана премьер-министру В.Н. Коковцову, отправленное 27 апреля 1912 г. // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 212. Л. 2–3.

³² Письмо В.Н. Коковцова министру внутренних дел А.А. Макарову, отправленное 4 мая 1912 // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 212. Л. 1.

³³ Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьей июньской системы (1911–1917 гг.) // Российская история. 2009. № 4. С. 79–80. EDN: KNHEGT

³⁴ Письмо К.Э. Линдемана товарищу министра внутренних дел А.Н. Харузину, отправленное 1 июля 1912 г. // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 212. Л. 6–6 об.

³⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 237.

победу А.И. Гучкова в московской первой курии или на губернском голосовании.

Представители «Союза 17 октября», понимавшие всю неустойчивость этой конструкции, возобновили переговоры с правительством. В середине августа К.Э. Линдеман узнал, что В.Н. Коковцов не изменил состав избирательных списков³⁶. Тогда же А.Н. Харузин, товарищ министра внутренних дел, лишил октябристов поддержки из-за продолжения публикаций о Г.Е. Распутине и отказа фракции проголосовать за субсидии Балтийскому флоту в последней думской сессии³⁷. 1 сентября А.А. Макаров сам сказал городским головам, что состав курий не преобразовался³⁸. В этот момент правоцентристский альянс фактически распался.

Однако октябристы продолжали надеяться на создание предвыборной коалиции на своих условиях. С одной стороны, 21 сентября автор партийной газеты «Голос Москвы» утверждал, что националисты поддержат правых либералов на выборах³⁹. А с другой стороны, октябристская пресса порицала замысел А.Н. Харузина по привлечению священников к голосованию и победе зависимых кандидатов на выборах⁴⁰. При таком исходе консервативные фракции могли бы создать однородное думское большинство без поддержки умеренных монархистов. В начале октября источник газеты «Русское слово» подтвердил эту логику⁴¹.

В итоге правоцентристская коалиция распалась из-за стремления октябристов к удержанию третьей юньской системы, в которой они составляли опору парламентского большинства. Правительство также отказалось помочь А.И. Гучкову как медиатору думской политики, что безусловно навредило ему. Исследователь А.С. Сенин, напротив, считает, что МВД заняло срединную позицию по отношению к октябристам: не помогать и не мешать⁴². Таким образом, история становления правоцентристской коалиции дает возможность проследить столкновение октябристских практик и государственных импровизаций.

³⁶ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 257.

³⁷ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 257–258.

³⁸ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 259.

³⁹ Националисты // Голос Москвы. 1912. № 217 (21 сентября). С. 4.

⁴⁰ Синодальное мастерство // Голос Москвы. 1912. № 214 (18 сентября). С. 2; Синод и выборы // Голос Москвы. 1912. № 221 (26 сентября). С. 2.

⁴¹ Обзор газетных публикаций об октябристах, составленный 1 октября 1912 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 121. Д. 274, ч. 3.а. Л. 1.

⁴² Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. Москва: Скрипторий, 1996. С. 71. EDN: TMOWIT

Либеральная коалиция

Партия народной свободы тоже стремилась найти союзников для победы на выборах в первой курии. Политики начали обсуждение состава возможной коалиции еще в марте⁴³. На заседаниях Центрального комитета (ЦК) кадетов сложился консенсус о блокировании с либералами-центристами, но не с левыми октябристами.

С одной стороны, П.И. Новгородцев утверждал, что коалиция с левым крылом «Союза 17 октября» позволит расколоть эту партию⁴⁴. Более умеренную позицию занял А.А. Свечин. Он считал реальным создание широкого прогрессивного объединения кадетов, прогрессистов и левых октябристов. Главным условием существования такого союза являлся отказ от кадетской символики, чтобы не оттолкнуть умеренный электорат⁴⁵.

С другой стороны, Ф.Ф. Кокошкин резко выступал против блока с левыми октябристами, ибо в подобном случае радикальные либералы были бы раскритикованы «друзьями слева» – социалистами⁴⁶. Впрочем, московский депутат Н.В. Тесленко полагал, что левые октябристы сами в любом случае отказались бы от контакта с кадетами⁴⁷.

Сравнивая позиции членов Партии народной свободы, становится заметен перевес противников либеральной коалиции. Несмотря на это, ЦК Партии утвердил следующую широкую формулировку: кадеты могут объединяться со всеми силами, кроме антиконституционалистов и националистов⁴⁸, что открыло перспективу создания блока с частью октябристов.

На стыке марта–апреля московскими кадетами был создан беспартийный «прогрессивный комитет», который возглавил М.Е. Ковалевский. Агент Департамента полиции утверждал, что целью данной организации ставилась победа либерала-центриста С.И. Четверикова при одновременном поражении А.И. Гучкова на выборах в Государственную думу. Однако, после того, как

⁴³ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914 // Протоколы Центрального комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии. 1905 – середина 1930-х гг. / составители Д.Б. Павлов, Н.И. Канищева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 2. С. 17–19, 20–26.

⁴⁴ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 17.

⁴⁵ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 22.

⁴⁶ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 19.

⁴⁷ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 17–18.

⁴⁸ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 26.

данный замысел был опубликован в газете «Россия», кадеты стали отрешиваться от него⁴⁹. Московские кадеты продемонстрировали свою цель на выборах – поражение лидера октябристов. Эта публикация снизила шансы на либеральный альянс. Но дистанционирование от этого скандала позволило кадетам сгладить напряжение в отношениях с октябристами.

3 мая в ходе обсуждения состава предвыборного блока произошел спор об обязательных пунктах соглашения со сторонниками И.Н. Ефремова. Большая часть кадетов утверждала, что прогрессисты должны порвать все контакты с октябристами. Однако ЦК не принял мнение большинства⁵⁰.

На майской конференции Партии народной свободы московские активисты обозначили своей целью на предстоящем голосовании поражение октябристов и лично А.И. Гучкова в первой курии, т.е. возможность создания либеральной коалиции была исключена еще весной⁵¹. Однако у правых и левых кадетов, находившихся в постоянном споре, теоретически оставался шанс поддержать разных политиков в ходе предвыборной кампании.

После завершения работы III Государственной думы агент утверждал, что конституционные демократы уже составили свои списки кандидатов в Москве: во второй курии должны были выдвинуться В.А. Маклаков и Н.Н. Щепкин⁵². А М.М. Новиков вспомнил, что его попросили выдвинуться против А.И. Гучкова только летом⁵³.

«Союз 17 октября» рассчитывал на блок с правыми кадетами. В третьей декаде июля М.В. Челноков обсудил данную возможность с К.Э. Линдеманом. Он предположил, что от прогрессистов выдвинется только П.П. Рябушинский, что позволяло бы победить лидеру правых либералов. Однако октябрист посчитал, что из-за переговоров лидеров партии с правительством и неоднородности мнений в кадетской среде торопиться не стоит⁵⁴.

⁴⁹ Агентурная записка «Об отношении предстоящих выборов в IV Государственную Думу левых общественных кругов столицы», составленная 21 марта 1912 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 121. Д. 130, ч. 42. Л. 10.

⁵⁰ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 35.

⁵¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. 1905–1920 гг. / составитель Н.И. Канищева. Т. 2. 1908–1914 гг. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. С. 376.

⁵² Агентурная записка Московского Охранного Отделения «О предвыборной кампании», составленная 5 июля 1912 г. // ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 27ч. 46. л. Б. Л. 17.

⁵³ Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка // Выборы в I–IV Государственные думы Российской империи (Воспоминания современников. Материалы и документы) / составители И.Б. Борисов и др. Москва: РЦОИТ, 2008. С. 653–654.

⁵⁴ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 256–257.

В конце августа стало известно, что влиятельный промышленник Н.С. Авдаков посоветовал А.И. Гучкову и С.И. Четверикову объединиться⁵⁵. Логика этого хода состояла в том, чтобы одновременно создать центристское большинство и отреагировать на полевение московской первой курии.

В начале сентября «Голос Москвы» запустил слух, что П.Н. Милюков протестовал против кандидатуры В.А. Маклакова⁵⁶. Кадетский официоз «Речь» тут же дезавуировал эту информацию⁵⁷. Тогда же в ЦК Партии народной свободы обсудили тактику предвыборной кампании в Москве. Любопытно, что лидеры кадетов решили сосредоточиться именно на агитации против октябристов⁵⁸. Несмотря на всю гетерогенность левых либералов, шансы на альянс с умеренными приближались к нулю.

В середине сентября А.И. Гучков встретился с В.А. Маклаковым. Они обсудили возможность блокирования, при котором лидер октябристов и М.В. Челноков побеждали бы в первой курии, адвокат – во второй. В ходе обсуждения данного предложения В.А. Маклаков попросил прекратить травлю Партии народной свободы⁵⁹. Это было продиктовано следующим соображением: при объединении умеренных кадетов и октябристов прогрессистские избиратели больше склонятся к ним, нежели к радикалам. Однако из-за жесткой дисциплины ЦК кадетов заблокировал бы эту сепаратную сделку.

После этих переговоров К.Э. Линдеман, считавший, что подобный ход может укрепить правоцентристскую коалицию, сообщил, что попросил часть «серпуховских влиятельных лиц» агитировать за возможную кандидатуру А.И. Гучкова. Однако, это привело к тому, что правые кадеты сразу же вышли из переговоров с октябристами⁶⁰. Такой поворот в очередной раз продемонстрировал неопределенность третьей июньской монархии, поскольку за месяц до голосования кандидаты оставались неизвестны.

Затем октябристская печать опубликовала слух, что кадеты и прогрессисты планируют выдвинуть общий предвыборный список, состоящий из левых либералов⁶¹. После такого заявления потенциальная либеральная коалиция оказалась невозможной.

⁵⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 258.

⁵⁶ Кандидатуры гг. Маклакова и Щепкина // Голос Москвы. 1912. № 204 (4 сентября). С. 3. Конфликт состоял в том, что В.А. Маклаков защищал азербайджанского миллионера Г.З. Тагиева, что вызывало недовольство в социалистических и армянских кругах.

⁵⁷ Кандидатуры гг. Маклакова и Щепкина // Голос Москвы. 1912. № 208 (8 сентября). С. 3.

⁵⁸ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 71–72.

⁵⁹ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 274–275.

⁶⁰ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. С. 280.

⁶¹ Кадеты и прогрессисты // Голос Москвы. 1912. № 217 (21 сентября). С. 4.

Заключение

В начале XX века в Российской империи складывалась дуалистическая монархия. В ее политическом календаре важнейшее место заняли выборы.

Центральное место октябристов в политическом спектре открывало им две перспективы: либо союз с правительством и правыми, либо коалиция с либеральной оппозицией. А в рамках мажоритарной системы, закреплённой в Москве, политики были вынуждены блокироваться с другими силами.

Весной 1912 г. октябристы сделали ставку на альянс с правыми, в результате которого А.И. Гучков мог победить в губернии или в городе. Однако без поддержки правительства этот блок являлся нежизнеспособным.

В ходе последней думской сессии октябристы стали чаще критиковать государственный курс, что стало фактором разрыва с государством. МВД, используя лояльных священников, рассчитывало создать правое думское большинство без «Союза 17 октября».

Сделка с либералами была еще менее реальной. Правые кадеты могли бы договориться с октябристами, но московские активисты оказались принципиальными противниками А.И. Гучкова. Кроме того, прогрессисты отказались от такого соглашения без умеренных конституционных демократов. При этом ЦК Партии народной свободы допускал возможность блокирования с правыми либералами, но не в столицах, а лишь в тех губерниях, в которых большинство составлял консервативный электорат⁶².

Фактически московская предвыборная кампания свелась к поиску коалиционных партнеров. С одной стороны, МВД могло поменять составы списков выборщиков, не мешать октябристам, не выдвигать правых политиков. Следовательно, городские мандаты были бы отданы кадетам, а консерваторы предоставили бы выборщиков в Московской губернии для победы А.И. Гучкова. С другой стороны, либеральные силы имели возможность публично поддержать лидера «Союза 17 октября», убеждать своих сторонников.

В результате в ходе предвыборной кампании сформировалась одна общая политическая практика – создание предвыборных альянсов. В отличие от других акторов октябристы импровизировали и вели одновременно переговоры с двумя противоборствовавшими группами.

Однако поляризация политического поля стала важнейшим фактором провала октябристов. В 1912 г. их вынуждали к одному из решений: вступить в правую коалицию на правах младшего партнера правительства или перейти в оппозицию Совету министров.

⁶² Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. 1912–1914. С. 81–82.

В итоге А.И. Гучков, оказавшись в политическом одиночестве, проиграл выборы за три недели до голосования, кадеты М.В. Челноков и М. М. Новиков победили в первой курии, а во второй – депутатами стали конституционные демократы В.А. Маклаков и Н.Н. Щепкин⁶³.

⁶³ Выборы в Москве // Голос Москвы. 1912. № 242 (20 октября). С. 4.

Introduction

At the beginning of the 20th century, the political system of Russia greatly transformed. The legislative State Duma appeared to change the established non-public rules of socio-political behavior. The creation of higher representative institutions expanded the elite by including deputies and party administrators. For this reason, the Duma elections became one of the most important events in the era of mass politics formation.

The vote to the Fourth State Duma in 1912 became a precedent in the history of the Russian Empire. That election campaign was held in a stable environment: the previous convocation had fully completed its term, and the electoral legislation remained unchanged. In 1906–07, the emperor prematurely dissolved the First and the Second State Dumas and changed the “rules of the game.” Thus, the political players managed to learn how to achieve success in elections.

The Union of 17 October (the Octobrists) led by A. Guchkov had the largest faction in the Third State Duma. However, this right-wing liberal party consisted of a conservative majority and an *active* left-wing minority.

Nevertheless, the Octobrists supported the October 17 Manifesto “On Improving the State Order,” which gave the name to their party, and therefore they considered it necessary to partner with the government. Moderate liberals also sympathized with P. Stolypin, supported his reformist course, and collaborated with conservatives in the Third State Duma.

Although the political situation was stable in 1907–14, new parties continued to appear. On the one hand, P. Struve, M. Chelnokov, and V. Maklakov became the right-wing cadets, and they sought to cooperate with the government.¹ On the other hand, centrist deputies and some public representatives who had got disappointed in both the Octobrists and the constitutional democrats created a progressist faction that later became the party of the same name.² I. Efremov, P. Ryabushinsky, A. Konovalov, and S. Chetverikov joined it. Contemporary researchers D. Kotsyubinskii and S. Taran consider the coverage of the Rasputin scandal as a unique case of the public association of the liberal press (*Golos Moskvyy*, *Utro Rossii*, *Rech'*, *Russkoe slovo*, etc.) in early 1912.³ Thus, the centrist position of the Octobrists

¹ F.A. Gaida, “The Rightists of the Cadet Party Split: Causes and Possibilities” [in Russian], in *Tauride Readings 2014. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: A Collection of Scientific Articles*, ed. A.B. Nikolaev, pt. 1 (St Petersburg: ElekSis, 2015), 216–22, EDN: WPIYOL.

² N.B. Khailova, ““If the Goal is Clear and the Right Means Are Chosen, Only Energy and Time Are Needed to Win’: The Centrist Liberals in the Third and Fourth Duma (1907–1916)” [in Russian], *Rossiia XXI*, no. 5 (2020): 132, EDN: QACYEL.

³ D.A. Kotsyubinskii, and S.Yu. Taran, “The Russian Press about the Discussion of the Rasputin Issue in the State Duma in Early 1912: The Story of a Media and Political Scandal” [in Russian], in

in the Russian legal ideological field allowed them to vote together with the left-wing progressists and cadets.

Each party wanted to increase the number of its members that would help them to make a stable Duma majority and to influence the state decisions. The Council of Ministers could also benefit from loyal deputies, who would give the government an opportunity to implement its program and continue using the administrative practices of the early 20th century without being dependent on the parliament.

In the era of the Duma monarchy, the electoral law regulated the procedure for identifying the “winners” but not the course of electoral campaigns. In the third-June system, voting was usually scheduled for September or October.⁴ According to the political calendar, politicians had summer holidays, so they needed to enter the election race as early as in the spring.

Moscow was a particular city that could send its representatives to the Parliament. According to researcher O. Patrikeeva, the government deliberately postponed the election days in the capitals, since the election results in those cities largely determined the voting results in other governorates.⁵

Muscovites who had the right to vote for deputies were divided into two curias: the first curia included the nobles and large entrepreneurs and the second one, various employees (the workers did not participate in the election of deputies from Moscow. – I. S.). Two candidates who got more than half of the votes in each Muscovite group became deputies. That was a key element of the absolute majority system, a form of majoritarian electoral system.⁶

M. Duverger stated that in such an institution there was usually a tendency of forming a two-party structure.⁷ However, according to E. Dickson and S. Kenten, it

Tauride Readings 2017. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: A Collection of Scientific Articles, ed. A.B. Nikolaev, pt. 1 (St Petersburg: Asrerion, 2017), 183–91.

⁴ According to the Third June Manifesto, the Third State Duma was to begin work on November 1, 1907. So, the parliamentary elections were arranged in September and October. (No. 29240. – June 3. Manifesto “On the Dissolution of the State Duma, on the Timing of the Convocation of a New Duma, on Changes to the Procedure for the Elections to the State Duma” [in Russian], in *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection III (PSZ–III)*, vol. 27, 1907. No. 28754–29943 (St Petersburg: Gosudarstvennaya Tipografiya, 1910), 320.

⁵ O.A. Patrikeeva, “Elections to the First State Duma of the Russian Empire: Capitals and Provinces” [in Russian], *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 1 (2010): 373, EDN: NFACMH.

⁶ No. 29242. – June 25, “Regulation on Elections to the State Duma, Approved by the Higher Authority. Nominal Highest Decree Issued to the Senate” [in Russian], in *PSZ–III*, vol. 27, 1907, 335.

⁷ M. Duverger, *Party Politics and Pressure Groups: A Comparative Introduction* (New York: Thomas V. Crowell Company, 1972), 23–32.

was effective only if there were no social groups supporting the third candidate.⁸ During the elections in Moscow, the key ethno-confessional groups (Armenians, Germans, Old Believers) had already joined the supporters of various political forces. Given the context of the formation of public policy, two electoral blocs were distinguished. In 1907–12, about 60% of the capital voters participated in the elections, which forced the political players to form alliances and mobilize their electorate.⁹

Although it was local self-government bodies that counted votes, the elections were organized by the Ministry of Internal Affairs, which could influence the election results: financially support loyal public figures and attract an administratively dependent electorate.¹⁰ According to researcher O. Malysheva, the local party branches weakened and the number of candidates, especially non-partisans, increased – these were the main features of the elections to the Fourth State Duma.¹¹

As a rule, the government was sympathetic to the conservatives. However, in January 1912 V. Dzhunkovsky, Governor-General of Moscow, emphasized that the purely right-wing organizations had disappeared.¹² Therefore, the executive power could be interested in the victory of the Octobrists.

Since the People's Freedom Party always won in the second curia, competitive election campaigns were concentrated in the first curia, where the appearance of the right-wing cadets and progressists together with the heterogeneity of the Union of October 17 significantly changed the alignment of forces.

The only way to win the game with such rules was to conclude temporary alliances. Who did the Octobrists unite with in the run-up to the elections? How did it affect the results of voting in Moscow?

⁸ Eric S. Dickson, and K. Scheve, "Social Identity, Electoral Institutions, and the Number of Candidates," *British Journal of Political Science*, vol. 40, no. 2 (2010): 372, <https://doi.org/10.1017/S0007123409990354>

⁹ "Elections in Moscow" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 241, October 18, 1907, 2; "Reproach to Absentees" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 223, September 30, 1909, 3; D.A. Timokhina, "'The Octobrists Are People Alien to the Ideas and Feelings of Moscow': On the History of the Additional Elections to the Third State Duma from the 2nd Curia of Moscow" [in Russian], in *Tauride Readings 2020. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: A Collection of Scientific Articles*, ed. A.B. Nikolaev, pt. 1 (St Petersburg: Asterion, 2021), 81–91.

¹⁰ O.G. Malysheva, *The Electoral System and Russian Practice during the Duma Monarchy 1905–1917* [in Russian] (Moscow: Kvadriga, 2018), 229–90.

¹¹ Malysheva, *The Electoral System*, 226–29.

¹² "Pis'mo V.V. Dzhunkovskogo tovarishchu ministra vnutrennikh del A.N. Kharuzinu, otpravlennoe 31 yanvarya 1912 g." [Letter from V.V. Dzhunkovsky to Deputy Minister of Internal Affairs A.N. Kharuzin, sent on January 31, 1912]. F. 1327, op. 2, d. 211, ll. 1–2 ob. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

Researchers who studied the Duma monarchy did not pay much attention to local electoral campaigns. K. Solov'ev identified formal and informal rules of the game in the political system that existed in the Russian Empire in 1906–14.¹³ T. Emmons analyzed the issues of liberal party formation during the first Duma elections.¹⁴ N. Portnyagina and O. Patrikeeva argued that terror influenced significantly the political activity of both candidates and voters in 1906–07.¹⁵

F. Gaida described the methods used by the Ministry of Internal Affairs and the Synod to influence the electoral campaign under study.¹⁶ A. Kostylev claimed that the peculiarity of city parliamentary elections was that the political parties created their branches in district departments.¹⁷ F. Cowan revealed the specifics of political discourses about democracy in the context of the elections to the Fourth State Duma in Odessa, which sent one deputy to the Tauride Palace.¹⁸

According to G. Hosking, there was a gap between the Duma faction of the Union of October 17 and A. Guchkov in 1912 because the deputies did not follow the leader's advice to protest against the new naval program.¹⁹ The British historian concluded that it was that vote that resulted in the defeat of the Octobrist leader in the elections. According to V. Pinchuk, the failure of the right-wing liberals was predetermined by their break with the nationalists in the Third State Duma.²⁰ Soviet historians A. Averkh and V. Dyakin, on the contrary, believed that the Octobrists lost

¹³ K.A. Solov'ev, *Legislative and Executive Power in Russia: Mechanisms of Interaction (1906–1914)* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011).

¹⁴ T. Emmons, *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia* (Cambridge: Harvard University Press, 1983).

¹⁵ O.A. Patrikeeva, and N.A. Portnyagina, “‘Choose One of Two: The Duma or the Grave’: The Impact of Terrorism on the Elections to the State Duma in the Period of the First Russian Revolution,” *Analele Universităţii Ńii din Craiova. Istorie, Anul XXI*, no. 2 (30) (2016): 87–106.

¹⁶ F.A. Gaida, “On the Duma Elections of 1912: The State, the Opposition, the Clergy” [in Russian], *Ortodoksiya*, no. 1 (2021): 111–24, <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2021-1-1-111-124>; EDN: KYKHKL

¹⁷ A.V. Kostylev, “Elections to the State Duma of the Russian Empire in Cities Entitled to Separate Representation” [in Russian], in *Tauride Readings 2013. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: A Collection of Scientific Articles*, ed. A.B. Nikolaev, pt. 1 (St Petersburg: ElekSis, 2014), 85, EDN: UAXAVP

¹⁸ F. Cowan, “The Democracy versus Democracy: Representation and Politics in Odessa during the 1912 State Duma Election,” *Revolutionary Russia*, vol. 33, iss. 2 (2020): 172–96, <https://doi.org/10.1080/09546545.2020.1821439>; EDN: LEIATA

¹⁹ G.A. Hosking, *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914* (Cambridge: The University Press, 1973), 184.

²⁰ B.C. Pinchuk, *The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912* (Seattle; London: University of Washington Press, 1974), 124.

the elections because of their alliance with the rightists.²¹ And W. Gleason only noted that Guchkov was defeated in the 1912 elections.²²

Thus, the specifics of politicians' participation in elections are studied on a general level. Speaking about the electoral campaign of the Octobrists in Moscow in 1912, the researches only explain the reasons for the loss of the party leader.

To study thoroughly the stated topic, the author refers to the theory of radical habitus by N. Crossley.²³ He argues that in conditions of uncertainty (the absence of regular "rules of the game"), the political players create their own game methods immediately during the interaction with their opponents. These behavioral patterns are based on several immediate decisions, which respond to the opponents' acts, and use available resources. This theory makes it possible to analyze the Duma monarchy as a space where the actors mastered new political mechanisms.

Center-right coalition

In the winter of 1912, P. Bazilevsky, marshal of nobility in Moscow Uyezd, suggested that A. Guchkov should establish a coalition of conservatives and Octobrists.²⁴ On April 11, the leader of the Union of October 17 accepted the proposal but emphasized that the coalition should be *anti-Cadet*,²⁵ thus defining the task of such association to prevent the victory of the People's Freedom Party.

At the same time, the Octobrist leader wrote to his deputy K. Lindeman that the party had a better chance of winning in Moscow Governorate, and since he had purchased his real estate in Serpukhov no later than the 1911 spring, it allowed him to be nominated from the regional congress of citizens of a curia.²⁶ That assumption correlated with previous electoral experience: the local Octobrist leader was elected to the Third State Duma. It can be considered a precedent, as the candidate won the electoral campaign of the second curia, where pro-Cadets prevailed.²⁷

²¹ A.Ya. Avrekh, *Tsarism and the Duma (1912–1914)* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1981), 28; V.S. Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility and Tsarism in 1911–1914* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1988), 49, EDN: YVJDYF

²² W. Gleason, *Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire* (Philadelphia: The American Philosophical Society, 1983), 48.

²³ N. Crossley, "From Reproduction to Transformation: Social Movement Fields and the Radical Habitus," *Theory, Culture and Society*, vol. 20, no. 6 (2003): 43–68, <https://doi.org/10.1177/0263276403206003>; EDN: JTTFKR

²⁴ K.A. Solov'ev, comp., *Representative Institutions of the Russian Empire in 1906–1917: Materials of Perustration by the Police Department* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014), 228.

²⁵ Solov'ev, *Representative Institutions*, 235.

²⁶ Solov'ev, *Representative Institutions*, 236.

²⁷ *The 3rd Convocation of the State Duma: Portraits, Biographies, Autographs* [in Russian], ed. N.N. Olshanskii (St Petersburg: Izdanie N.N. Ol'shanskogo, 1910), 77.

At the beginning of April 1912, A. Guchkov invited his deputy to a meeting with the leader of the uyezd nobility, the results of which K. Lindeman presented to P. Bazilevsky: the Moscow conservatives were disorganized, but the right-wing Octobrists dominated in the local party branch.²⁸ The agreement implied the exchange of resources: the Octobrists would prepare speakers for agitation, and the conservatives would guarantee the victory of A. Guchkov in the governorate assembly. However, they did not take into account the inevitable victory of the Cadets in Moscow, as a result of which the Octobrist leader would lose his political authority.

Nevertheless, there was a certain difficulty in creating this alliance. The conservatives received subsidies from the Ministry of Internal Affairs, so the Octobrists needed to come to an agreement with both the rightists and the government to form a center-right coalition.²⁹

In April 1912, party lawyers found an error in the electoral lists: two thousand tenants had been included in the first curia instead of the second one. This distribution was undesirable, since they made up about 30–35% of the total number of electors and were opposed to the Octobrists.³⁰ In such a scenario, A. Guchkov would not manage to repeat the success he had five years earlier because the political struggle would involve the remaining 65–70% of the electorate only. As mentioned above, the turnout at the Duma polls in the capital was about 60–65%. In fact, the Octobrists would have found themselves in an uncontested position: there was nothing left to do but to mobilize the remainder of the first curia, which could either neglect the elections or not support A. Guchkov.

Therefore, K. Lindeman asked V. Kokovtsov, Chairman of the Council of Ministers, to facilitate the transfer of tenants to the second curia, which would help him to defeat the opposition.³¹ The Prime Minister sent the proposal to Minister of Internal Affairs Alexander Makarov.³² But in that government, according to F. Gaida, V. Kokovtsov competed with the officials who supervised the elections.³³ Given the fact that the Council of Ministers was heterogenous and difficult to control, the appeal of the Union of October 17 could have failed.

²⁸ Solov'ev, *Representative Institutions*, 238.

²⁹ Solov'ev, *Legislative and Executive Power in Russia*, 354.

³⁰ Solov'ev, *Representative Institutions*, 235–36.

³¹ “Pis'mo K.E. Lindemana prem'er-ministru V.N. Kokovtsovu, otpravlennoe 27 aprelya 1912 g.” [Letter from K.E. Lindeman to Prime Minister V.N. Kokovtsov, sent on April 27, 1912]. F. 1327, op. 2, d. 212, ll. 2–3. RGIA.

³² “Pis'mo V.N. Kokovtsova ministru vnutrennikh del A.A. Makarovu, otpravlennoe 4 maya 1912” [Letter from V.N. Kokovtsov to Minister of Internal Affairs A.A. Makarov, sent on May 4, 1912]. F. 1327, op. 2, d. 212, l. 1. RGIA.

³³ F.A. Gaida, “Intra-Governmental Conflicts during the Crisis of the Third June System (1911–1917)” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2009): 79–80, EDN: KNHEGT

In mid-June, Octobrist P. Kamensky reported to K. Lindeman that the Ministry of the Internal Affairs was ready to include a quarter of the tenants to the second curia.³⁴ With such an arrangement, the Octobrists would compete with 26% of the tenants from the first curia, which would bring victory to A. Guchkov. In July, K. Lindeman noted that the monarchist coalition had already achieved some positive results: a group of rightists and Octobrists won the local government elections.³⁵

As a result, moderate liberals and conservatives created a preliminarily coalition. Such an alliance opened up the following prospects: the victory of A. Guchkov in the Moscow first curia or in the governorate vote.

Members of the Union of October 17 realized that the situation was not stable, so they resumed negotiations with the government. In mid-August, K. Lindeman learned that V. Kokovtsov had not changed the composition of the electoral lists.³⁶ At the same time, Deputy Minister of Internal Affairs A. Kharuzin did not support the Octobrists because they continued to publish articles about G. Rasputin and refused to vote for subsidies to the Baltic Fleet in the last Duma session.³⁷ On September 1, A. Makarov announced to the city mayors that the composition of the curias had not been changed.³⁸ In fact, the center-right coalition broke apart.

However, the Octobrists hoped that an electoral coalition would be created on their terms. On the one hand, on September 21, the author of the party newspaper *Golos Moskvyy* claimed that the nationalists would support the right-wing liberals.³⁹ On the other hand, the Octobrist press criticized A. Kharuzin's plan to involve priests in voting and to assure dependent candidates' victory in the elections.⁴⁰ In such a situation, conservative factions could create a homogeneous Duma majority without the support of moderate monarchists. In early October, the *Russkoe Slovo* newspaper proved that logic.⁴¹

The Octobrists strove to retain the third June system, where they formed the backbone of the parliamentary majority. As a result, the center-right coalition broke apart. The government also refused to help A. Guchkov as a mediator of Duma

³⁴ "Pis'mo K.E. Lindemana tovarishchu ministra vnutrennikh del, A.N. Kharuzinu, otpravlennoe 1 iyulya 1912 g." [Letter from K.E. Lindeman to Deputy Minister of Internal Affairs, A.N. Kharuzin, sent on July 1, 1912]. F. 1327, op. 2, d. 212, l. 6–6 ob. RGIA.

³⁵ Solov'ev, *Representative Institutions*, 237.

³⁶ Solov'ev, *Representative Institutions*, 257.

³⁷ Solov'ev, *Representative Institutions*, 257–58.

³⁸ Solov'ev, *Representative Institutions*, 259.

³⁹ "Nationalists" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 217, September 21, 1912, 4.

⁴⁰ "Synodal art" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 214, September 18, 1912, 2; "Synod and Elections" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 221, September 26, 1912, 2.

⁴¹ "Obzor gazetnykh publikatsii ob oktyabristakh, sostavlennyy 1 oktyabrya 1912 g." [A review of newspaper publications about the Octobrists, compiled on October 1, 1912]. F. 102, op. 121, d. 274, ch. 3.a, l. 1. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

politics, which hurt him. Researcher A. Senin, on the contrary, believes that the Ministry of Internal Affairs took a neutral position in relation to the Octobrists: neither to help nor to hinder.⁴² Thus, studying the formation of the center-right coalition reveals the conflict between the Octobrist practices and the state decisions.

Liberal coalition

The People's Freedom Party also looked for allies to win the elections in the first curia. Politicians started to discuss the composition of a potential coalition back in March.⁴³ At the meetings of the Central Committee of the Cadets, they agreed to cooperate with the centrist liberals rather than with the left Octobrists.

On the one hand, P. Novgorodtsev argued that a coalition with the left wing of the Union of October 17 would split this party.⁴⁴ A. Svechin was more moderate. He considered it possible to create a large progressive association of cadets, progressists, and left Octobrists. The rejection of cadet symbols was main condition for the existence of this union, so as not to discourage the moderate electorate.⁴⁵

On the other hand, F. Kokoshkin strongly opposed the coalition with the left Octobrists because the radical liberals would have been criticized by the socialists, the "left-wing friends."⁴⁶ Anyway, as Moscow deputy N. Teslenko believed, the left Octobrists would have refused to cooperate with the Cadets.⁴⁷

Comparing the ideas shared by the members of the People's Freedom Party, one may see that the opponents of the liberal coalition predominated. Despite this fact, the Central Committee of the party approved the following statement: the Cadets were allowed to cooperate with all political forces except the anti-constitutionalists and nationalists.⁴⁸ That approval opened up the prospect of creating a coalition with some Octobrists.

In late March and early April, the Moscow cadets created a non-partisan "progressist committee" headed by M. Kovalevsky. According to a representative from the Police Department, that organization was aimed at the victory of liberal centrist S. Chetverikov and the defeat of A. Guchkov during the State Duma elections. However, after that idea was published in the *Rossiia* newspaper, the

⁴² A.S. Senin, *Alexander Ivanovich Guchkov* [in Russian] (Moscow: Scriptorii, 1996), 71, EDN: TMOWIT

⁴³ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party. 1912–1914" [in Russian], in *Minutes of the Central Committee and Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party. 1905 – mid-1930s*, comp. D.B. Pavlov, and N.I. Kanishcheva (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997), vol. 2, 17–19, 20–26.

⁴⁴ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 17.

⁴⁵ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 22.

⁴⁶ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 19.

⁴⁷ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 17–18.

⁴⁸ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 26.

cadets began to reject it.⁴⁹ The Moscow cadets demonstrated that the defeat of the Octobrist leader was their goal. This publication reduced the chances of a liberal alliance. But distancing themselves from this scandal, the cadets smoothed things over with the Octobrists.

On May 3, during the discussion of the coalition composition, there was a dispute about the mandatory points of the agreement with supporters of I. Efremov. Most of the cadets argued that the progressists should break with the Octobrists, but the Central Committee did not accept the majority opinion.⁵⁰

At the May conference of the People's Freedom Party, the Moscow activists announced their goal as follows: to defeat the Octobrists and particularly A. Guchkov in the first curia. So, the creation of a liberal coalition was ruled out already in the spring.⁵¹ However, the constantly opposing right-wing and left-wing cadets were likely to have a chance and support different politicians during the election campaign.

After the Third State Duma completed its work, an agent stated that the Constitutional Democrats had already drawn up their lists of candidates in Moscow: V. Maklakov and N. Shchepkin were to be nominated by the second curia.⁵² And M. Novikov recalled that he had been asked to run against A. Guchkov only in the summer.⁵³

The Union of October 17 put faith in coalition with the right Cadets. In late July, M. Chelnokov discussed its benefits with K. Lindeman. He believed that only P. Ryabushinsky would be nominated from the progressives and the leader of the right-wing liberals would win. However, the Octobrist was sure that there was no need to hurry because the party leaders negotiated with the government and the cadets were not unanimous in their opinions.⁵⁴

At the end of August, it became known that the influential industrialist N. Avdakov advised A. Guchkov and S. Chetverikov to unite.⁵⁵ That act would make it possible to

⁴⁹ "Agenturnaya zapiska 'Ob otnoshenii predstavlyashchikh vyborov v IV Gosudarstvennuyu Dumu levyykh obshchestvennykh krugov stolitsy', sostavlyennaya 21 marta 1912 g." [An intelligence memo "On the Attitude of the Left Social Groups of the Capital to the Upcoming Elections to the Fourth State Duma," compiled on March 21, 1912]. F. 102, op. 121, d. 130, ch. 42, l. 10. GARF.

⁵⁰ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 35.

⁵¹ N.I. Kanishcheva, comp., *Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party. 1905–1920* [in Russian], vol. 2, 1908–1914 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 376.

⁵² "Agenturnaya zapiska Moskovskogo Okhrannogo Otdeleniya 'O predvybornoi kampanii', sostavlyennaya 5 iyulya 1912 g." [An intelligence memo from the Moscow Security Department "On the Election Campaign," compiled on July 5, 1912]. F. 102, op. 242, d. 27ch. 46. l. B, l. 17. GARF.

⁵³ M.M. Novikov, "From Moscow to New York" [in Russian], in *Elections to the State Dumas (the First – the Fourth) of the Russian Empire (Memoirs of Contemporaries. Materials and Documents)*, comp. I.B. Borisov et al. (Moscow: RTsOIT, 2008), 653–54.

⁵⁴ Solov'ev, *Representative Institutions*, 256–57.

⁵⁵ Solov'ev, *Representative Institutions*, 258.

create a centrist majority and at the same time to respond to the fact that many leftists were included to the Moscow first curia.

In early September, the *Golos Moskvyy* launched a rumor that P. Milyukov was protesting against the candidacy of V. Maklakov.⁵⁶ The semi-official Cadet newspaper *Rech'* disavowed that information.⁵⁷ At the same time, the Central Committee of the People's Freedom Party discussed the tactics of the election campaign in Moscow. It is noteworthy that the cadet leaders decided to focus on agitation against the Octobrists.⁵⁸ Despite the heterogeneity of the left liberals, the chances of an alliance with the moderates vanished.

In mid-September, A. Guchkov had a meeting with V. Maklakov. They discussed the possibility of coalition, which would secure the victory of the Octobrist leader and M. Chelnokov in the first curia, and of the lawyer, in the second curia. During the discussion, V. Maklakov asked to stop persecution of the People's Freedom Party.⁵⁹ The reason was as follows: if moderate Cadets and Octobrists united, the progressist voters would be more supportive to them than to the radicals. However, due to strict discipline, the Cadet Central Committee would have suppressed that separate deal.

After those negotiations, K. Lindeman, who believed that such an act could strengthen the center-right coalition, said that he had asked some of the "Serpukhov influential people" to campaign for the possible candidacy of A. Guchkov. After that, however, the right Cadets immediately put an end to negotiations with the Octobrists.⁶⁰ That act once again demonstrated the instability of the third June monarchy, as the names of the candidates remained unknown a month before the election.

Then the Octobrist press published a rumor that the Cadets and the progressists were going to draw up a joint electoral list consisting of the left-wing liberals.⁶¹ After that statement, a potential liberal coalition turned out to be impossible.

Conclusion

At the beginning of the 20th century, a dualistic monarchy dominated in the Russian Empire. In its political calendar, the elections were the key event.

⁵⁶ "The Candidacies of Maklakov and Shchepkin" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 204, September 4, 1912, 3. The essence of the conflict was that V. Maklakov defended Azerbaijani millionaire G. Taghiyev, which caused discontent in socialist circles and among the Armenian public.

⁵⁷ "The Candidacies of Maklakov and Shchepkin" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 208, September 8, 1912, 3.

⁵⁸ "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 71–72.

⁵⁹ Solov'ev, *Representative Institutions*, 274–75.

⁶⁰ Solov'ev, *Representative Institutions*, 280.

⁶¹ "Cadets and Progressives" [in Russian], *Golos Moskvyy*, no. 217, September 21, 1912, 4.

The Octobrists occupied the central position in the political arena, which offered them two prospects: either an alliance with the government and the rightists or a coalition with the liberal opposition. The majority system, which dominated in Moscow, forced the politicians to cooperate with the representatives of other political groups.

In the spring of 1912, the Octobrists put faith in coalition with the rightists, which could assure the victory of A. Guchkov in the governorate or city elections. However, without the support of the government, that alliance was not viable.

During the last Duma session, the Octobrists began to criticize the state course more often, which led to breaking with the state. The Ministry of Internal Affairs used loyal priests to create a right-wing Duma majority without the Union of October 17.

The deal with the liberals was even less real. The right-wing Cadets might have agreed with the Octobrists, but the Moscow activists strongly opposed A. Guchkov. Moreover, the progressives refused that agreement without the participation of moderate constitutional democrats. At the same time, the Central Committee of the People's Freedom Party allowed the possibility of cooperation with the right-wing liberals, but only in governorates where the conservative electorate prevailed rather than in the capitals.⁶²

In fact, the Moscow election campaign was aimed at the search for coalition partners. On the one hand, the Ministry of Internal Affairs could have changed the electoral lists, not interfere with the Octobrists, and not nominate the right-wing politicians. Consequently, the Cadets could have received the city mandates, and the conservatives would have provided electors in Moscow Governorate to ensure the victory of A. Guchkov. On the other hand, the liberals had the opportunity to publicly support the leader of the Union of October 17 and convince their supporters.

Creation of pre-election alliances was a characteristic feature of the campaign, revealing the common political practice. Unlike other actors, the Octobrists improvised and negotiated simultaneously with two opposing groups.

However, the polarization of the political arena greatly contributed to the failure of the Octobrists. In 1912, they needed to make a decision: either join the right-wing coalition as a junior partner of the government or go into opposition to the Council of Ministers.

As a result, A. Guchkov found himself in political solitude and failed at the elections three weeks before the vote, while cadets M. Chelnokov and M. Novikov won in the first curia, and constitutional democrats V. Maklakov and N. Shchepkin became deputies from the second curia.⁶³

⁶² "Minutes of the Central Committee of the Constitutional Democratic Party," 81–82.

⁶³ "Elections in Moscow" [in Russian], *Golos Moskvy*, no. 242, October 20, 1912, 4.

Список литературы

Аврех А.Я. Царизм и Дума (1912–1914 гг.). Москва: Наука, 1981. 292 с.

Гайда Ф.А. Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьеиюньской системы (1911–1917 гг.) // Российская история. 2009. № 4. С. 79–80. EDN: KNHEGT

Гайда Ф.А. Вокруг думских выборов 1912 г.: государство, оппозиция, духовенство // Ортодоксия. 2021. № 1. С. 111–124. <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2021-1-1-111-124>; EDN: KYKHKL

Гайда Ф.А. Правый раскол в кадетской партии: причины и возможности // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2015. Ч. 1. С. 216–222. EDN: WPIYOL

Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Ленинград: Наука, 1988. 227 с. EDN: YVJDYF

Костылев А.В. Выборы в Государственные думы Российской империи в городах с правом отдельного представительства // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2014. Ч. 1. С. 82–91. EDN: UAXAVP

Коцюбинский Д.А., Таран С.Ю. Российская пресса об обсуждении распутинской темы в Государственной думе в начале 1912 г.: история одного медийно-политического скандала // Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2017. Ч. 1. С. 183–191.

Малышева О.Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. Москва: Квадрига, 2018. 238 с.

Патрикеева О.А. Выборы в I Государственную думу Российской империи: столицы и провинция // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1. С. 356–379. EDN: NFACMH

Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. Москва: Скрипторий, 1996. 268 с. EDN: TMOWIT

Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с.

Тимохина Д.А. «Октябристы являются людьми, чуждыми взглядам и чувствам Москвы»: к истории дополнительных выборов в III Государственную думу по 2-й курии г. Москвы // Таврические чтения 2020. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: сборник научных статей: 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2021. Ч. 1. С. 81–91.

Хайлова Н.Б. «Если цель ясна и средства выбраны верные, то для победы нужны лишь энергия и время»: либералы-центристы в III и IV Думе (1907–1916) // Россия XXI. 2020. № 5. С. 130–163. EDN: QACYEL

Cowan F. The Democracy versus Democracy: Representation and Politics in Odessa during the 1912 State Duma Election // Revolutionary Russia. 2020. Vol. 33, iss. 2. P. 172–196. <https://doi.org/10.1080/09546545.2020.1821439>; EDN: LEIATA

Crossley N. From Reproduction to Transformation: Social Movement Fields and the Radical Habitus // Theory, Culture and Society. 2003. Vol. 20, no. 6. P. 43–68. <https://doi.org/10.1177/0263276403206003>; EDN: JTTFKR

Dickson Eric S., Scheve K. Social Identity, Electoral Institutions, and the Number of Candidates // *British Journal of Political Science*. 2010. Vol. 40, no. 2. P. 349–375. <https://doi.org/10.1017/S0007123409990354>

Duverger M. *Party Politics and Pressure Groups: A Comparative Introduction*. New York: Thomas V. Crowell Company, 1972. 168 p.

Emmons T. *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1983. 529 p.

Gleason W. *Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1983. 90 p.

Hosking G.A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914*. Cambridge: The University Press, 1973. 281 p.

Patrikeeva O.A., Portnyagina N.A. “Choose One of Two: The Duma or the Grave”: The Impact of Terrorism on the Elections to the State Duma in the Period of the First Russian Revolution // *Analele Universităţii din Craiova. Istorie, Anul XXI*. 2016. № 2 (30). P. 87–106.

Pinchuk B.C. *The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912*. Seattle; London: University of Washington Press, 1974. 232 p.

References

Avrekh, A.Ya. *Tsarizm i Duma (1912–1914 gg.)* [Tsarism and the Duma (1912–1914)]. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

Cowan, F. “The Democracy versus Democracy: Representation and Politics in Odessa during the 1912 State Duma Election.” *Revolutionary Russia*, vol. 33, iss. 2 (2020): 172–96. <https://doi.org/10.1080/09546545.2020.1821439>; EDN: LEIATA

Crossley, N. “From Reproduction to Transformation: Social Movement Fields and the Radical Habitus.” *Theory, Culture and Society*, vol. 20, no. 6. (2003): 43–68. <https://doi.org/10.1177/0263276403206003>; EDN: JTTFKR

Dickson, Eric S., and K. Scheve. “Social Identity, Electoral Institutions, and the Number of Candidates.” *British Journal of Political Science*, vol. 40, no. 2 (2010): 349–75. <https://doi.org/10.1017/S0007123409990354>

Duverger, M. *Party Politics and Pressure Groups: A Comparative Introduction*. New York: Thomas V. Crowell Company, 1972.

Dyakin, V.S. *Burzhuaziya, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg.* [Bourgeoisie, nobility, and tsarism in 1911–1914]. Leningrad: Nauka, 1988. EDN: YVJDYF (In Russian)

Emmons, T. *The Formation of Political Parties and the First National Elections in Russia*. Cambridge: Harvard University Press, 1983.

Gaida, F.A. “Pravyi raskol v kadetskoi partii: Prichiny i vozmozhnosti” [The rightists of the Cadet Party split: causes and possibilities]. In *Tavricheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma: Istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh statei: v 2 ch.* [Tauride Readings 2014. Current problems of parliamentarism: History and modernity: A collection of scientific articles], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 1, 216–22. St Petersburg: ElekSis, 2015. EDN: WPIYOL (In Russian)

Gaida, F.A. “Vnutripravitel'svennye konflikty v period krizisa tret'eiyun'skoi sistemy (1911–1917 gg.)” [Intra-governmental conflicts during the crisis of the Third June system (1911–1917)]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2009): 79–80. EDN: KNHEGT (In Russian)

Gaida, F.A. “Vokrug dumskikh vyborov 1912 g.: gosudarstvo, oppositsiya, dukhovenstvo” [On the Duma elections of 1912: The state, the opposition, the clergy]. *Ortodoksiya*, no. 1 (2021): 111–24. <https://doi.org/10.53822/2712-9276-2021-1-1-111-124>; EDN: KYKHKL (In Russian)

Gleason, W. *Alexander Guchkov and the End of the Russian Empire*. Philadelphia: The American Philosophical Society, 1983.

Hosking, G.A. *The Russian Constitutional Experiment: Government and Duma, 1907–1914*. Cambridge: The University Press, 1973.

Khailova, N.B. “‘Esli tsel' yasna i sredstva vybrany vernye, to dlya pobedy nuzhny lish' energiya i vremya’: liberaly-tsentristy v III i IV Dume (1907–1916)” [“If the goal is clear and the right means are chosen, only energy and time are needed to win”: The centrist liberals in the Third and Fourth Dumas (1907–1916)]. *Rossii XXI*, no. 5 (2020): 130–63. EDN: QACYEL (In Russian)

Kostylev, A.V. “Vybory v Gosudarstvennye dumy Rossiiskoi imperii v gorodakh s pravom otdel'nogo predstavitel'stva” [Elections to the State Duma of the Russian Empire in cities entitled to separate representation]. In *Tavrisheskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh statei: v 2 ch.* [Tauride Readings 2013. Current problems of parliamentarism: History and modernity: A collection of scientific articles], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 1, 82–91. St Petersburg: ElekSis, 2014. EDN: UAXAVP (In Russian)

Kotsyubinskii, D.A., and S.Yu. Taran. “Rossiiskaya pressa ob obsuzhdenii rasputinskoi temy v Gosudarstvennoi dume v nachale 1912 g.: istoriya odnogo mediino-politicheskogo skandala” [The Russian press about the discussion of the Rasputin issue in the State Duma in early 1912: A history of a media and political scandal]. In *Tavrisheskie chteniya 2017. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh statei: v 2 ch.* [Tauride Readings 2017. Current problems of parliamentarism: History and modernity: A collection of scientific articles], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 1, 183–91. St Petersburg: Asterion, 2017. (In Russian)

Malysheva, O.G. *Izбирatel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoi monarkhii 1905–1917* [The electoral system and Russian practice during the Duma monarchy 1905–1917]. Moscow: Kvadriga, 2018. (In Russian)

Patrikeeva, O.A. “Vybory v I Gosudarstvennuyu dumu Rossiiskoi imperii: stolitsy i provintsiya” [Elections to the First State Duma of the Russian Empire: Capitals and provinces]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, no. 1 (2010): 356–79. EDN: NFACMH (In Russian)

Patrikeeva, O.A., and N.A. Portnyagina. “‘Choose One of Two: The Duma or the Grave’: The Impact of Terrorism on the Elections to the State Duma in the Period of the First Russian Revolution.” *Analele Universităţii Ńii din Craiova. Istorie, Anul XXI*, no. 2 (30) (2016): 87–106.

Pinchuk, B.C. *The Octobrists in the Third Duma, 1907–1912*. Seattle; London: University of Washington Press, 1974.

Senin, A.S. *Alexandr Ivanovich Guchkov*. Moscow: Scriptorii, 1996. EDN: TMOWIT (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Mechanisms of interaction (1906–1914)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. (In Russian)

Timokhina, D.A. “‘Oktyabristy yavlyayutsya lyud'mi, chuzhdymi vzglyadam i chuvstvam Moskvyy’: k istorii dopolnitel'nykh vyborov v III Gosudarstvennuyu dumu po 2-i kurii g. Moskvyy” [“The Octobrists are people alien to the ideas and feelings of Moscow”: On the history of the additional elections to the Third State Duma from the 2nd curia of Moscow]. In *Tavrisheskie chteniya 2020. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': sbornik nauchnykh statei: v 2 ch.* [Tauride Readings 2020. Current problems of parliamentarism: History and

modernity: A collection of scientific articles], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 1, 81–91. St Petersburg: Asterion, 2021. (In Russian)

Информация об авторе

Илья Олегович Седов – аспирант, <https://orcid.org/0009-0004-2089-9102>, io.sedov@hse.ru, Национальный Исследовательский Университет «Высшая школа экономики» (д. 21/4, стр. 1, ул. Старая Басманная, 105066 Москва, Россия).

Information about the author

Ilya O. Sedov – Postgraduate student, <https://orcid.org/0009-0004-2089-9102>, io.sedov@hse.ru, National Research University “Higher School of Economics” (21/4, str. 1, ul. Staraya Basmannaya, 105066 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 08.12.2024; одобрена после рецензирования 26.12.2024; принята к публикации 17.04.2026.

The article was submitted 08.12.2024; approved after reviewing 26.12.2024; accepted for publication 17.04.2026.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 720–757.

Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 720–57.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-2>

<https://elibrary.ru/fuzdte>

Государство и православное духовенство на выборах в IV Государственную думу Российской империи

Андрей Николаевич Егоров

Череповецкий государственный университет,

Череповец, Россия,

anegorov65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Andrei N. Egorov

Cherepovets State University,

Cherepovets, Russia,

anegorov65@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>

Аннотация. В статье рассматривается роль Православной церкви на выборах в IV Государственную думу. В условиях размывания социальной опоры существующего строя правительство стремилось использовать духовенство с целью получить нужный состав депутатов. В то же время у Церкви были свои основания идти на выборы и играть существенную роль в будущей Думе. Духовенство не скрывало своего недовольства Указом о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., по которому все конфессии получили значительную свободу деятельности, но Православная церковь осталась в прежней зависимости от государства. Духовенство хотело расширения автономии, большей самостоятельности при сохранении привилегированного положения, восстановления патриаршества, преобразований в церковной жизни. Показаны причины недовольства священников политикой III Думы (решением о передаче церковно-приходских школ государству, проектами расширения прав старообрядцев и проч.), что стимулировало их участие в избирательной кампании. Раскрыта роль обер-прокурора В.К. Саблера и Святейшего Синода в организации выборов. Отмечается двойственное отношение правительства к участию Церкви в выборах: с одной стороны, стремление использовать духовенство как политический ресурс, с другой – попытки ограничить самостоятельную роль Церкви (соответствующие указания губернаторам, выделение священников в особые предварительные съезды настоятелей церквей в рамках землевладельческой курии и проч.), особенно учитывая имевшиеся с ней расхождения. Предвыборные манипуляции властей вызвали недовольство значительного числа священников, понимавших, что власть их

использует как бесправных статистов, не проводя при этом кардинальных церковных реформ. При этом речь идет не только о прогрессивно настроенных священниках, но и о консерваторах, отрицавших явно наметившийся после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. курс на расширение религиозных свобод. Делается вывод о том, что выборы в IV Государственную думу привели к нарастанию отчуждения Церкви от власти.

Ключевые слова: Православная церковь, Святейший Синод, Совет министров Российской империи, Союз русского народа, избирательные кампании, Государственная дума

Для цитирования: Егоров А.Н. Государство и Православное духовенство на выборах в IV Государственную думу Российской империи // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 720–757, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-2>; EDN: FUZDTE

The State and the Orthodox Clergy in the Election to the Fourth State Duma of the Russian Empire

Abstract. The article studies the role of the Orthodox Church in the elections to the Fourth State Duma. In the conditions when the social foundation of the existing system was losing its stability, the government sought to use the clergy's power to get the necessary composition of deputies. At the same time, the Church had its own reasons to participate in the elections and play a significant role in the future Duma. The clergy did not hide their dissatisfaction with the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905, according to which all confessions were given considerable freedom of activity, but the Orthodox Church remained in its former dependence on the state. The clergy wanted greater autonomy while taking a privileged position; they were striving for the restoration of patriarchy and for the changes in church life. The article provides the reasons for dissatisfaction of the clergy with the policy of the Third Duma (decision to transfer parochial schools to the state ownership, projects to expand the rights of Old Believers, etc.), which stimulated their participation in the election campaign. The article studies the contribution of Chief Procurator V. Sabler and the Holy Synod to the election campaign. It is noted that the government's attitude to the Church's participation in elections was ambivalent: on the one hand, the government used the clergy as a political resource; on the other hand, given the existing contradictions, it limited the independence of the Church (instructions to the governors, the grouping of priests into special preliminary congresses of church leaders within the landowning curia, etc.). A lot of priests were displeased with the pre-election manipulations of the authorities. They understood that the government used them as powerless extras without conducting any significant church reforms. Not only progressive-minded priests but also conservatives did not accept the policy of expanding religious freedoms that was clearly outlined after the adoption of the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905. The author concludes that the elections to the Fourth State Duma led to the growing alienation of the church from the state.

Keywords: Orthodox Church, Holy Synod, Council of Ministers of the Russian Empire, Union of the Russian People, election campaigns, State Duma

For citation: Egorov, A.N. "The State and the Orthodox Clergy in the Election to the Fourth State Duma of the Russian Empire." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 720–57, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-2>; EDN: FUZDTE

Введение

Важнейшей особенностью избирательной кампании в IV Государственную думу Российской империи стало широкое участие в ней православного духовенства. Летом 1912 г. левый публицист «Русского богатства» С.Я. Елпатьевский писал:

Из всех факторов русской жизни, сосредоточивающих на себе в последнее время внимание общества, несомненно наиболее ярким является широко развернувшаяся по России предвыборная агитация в среде духовенства. И не только сама агитация, а и то, что вскрылось при ней, новая организованность, новые цели и средства, в особенности ясно намечающаяся новая роль духовенства¹.

Данное обстоятельство неоднократно отмечалось как в советской, так и в современной историографии; участие Церкви в выборах рассматривалось попутно с другими сюжетами избирательной кампании в плане взаимодействия и/или противостояния власти и общества². Духовенство позиционировалось, прежде всего, как правительственный ресурс, необходимый для достижения определенного результата выборов. При этом историки зачастую ставили знак равенства между позициями Церкви и власти, что приводило к ошибочным суждениям, например, о том, что выделение священников в особые предварительные съезды настоятелей церквей (в рамках землевладельческой курии) было сделано «в целях усиления значения духовенства и обеспечения за ним искусственного преобладания на выборах»³. В статье будет показано, что цели данного выделения были другими.

Участие духовенства в выборах является частью более общей проблемы взаимодействия Церкви и государства в последние десятилетия существования Российской империи. В современной историографии данной проблематике посвящен ряд важных работ⁴, не обделено вниманием участие духовенства в

¹ Елпатьевский С. Духовенство // Русское богатство. 1912. № 9. С. 36.

² Аврех А.Я. Царизм и IV Дума (1912–1914). Москва: Наука, 1981; Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Ленинград: Наука, 1988. EDN: YVJDYF; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. Москва: Россия молодая, 1993; Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. EDN: RDVSRN; Российская империя между реформами и революцией. 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021.

³ Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. С. 94.

⁴ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Москва: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. EDN: VIXJBR; Фирсов С.Л. Церковь в

работе российского парламента⁵, но участие Церкви в выборах специально не анализировалось.

Поэтому представляется целесообразным рассмотреть вопрос об участии духовенства в избирательной кампании в IV Государственную думу с учетом позиции Православной церкви, которая не просто являлась инструментом власти, но и имела собственные интересы на выборах. Такой ракурс позволит лучше понять непростые взаимоотношения государства и Церкви в период Думской монархии.

Основная часть

Появление Государственной думы как политического института не могло не затронуть Православную церковь. Сразу же возник естественный вопрос, должны ли священники участвовать в выборах и работать в парламенте? Как известно, Каноны Православной церкви однозначно не позволяют ей вмешиваться в политическую жизнь государства⁶. На Петергофских совещаниях лета 1905 г. при обсуждении избирательной системы раздавались голоса против участия священников в выборах, говорилось об отсутствии единства в их среде, о волнениях в Церкви. Будущий обер-прокурор Святейшего Синода князь А.Д. Оболенский, выступая против привлечения духовенства в Государственную думу, подчеркивал:

Кто из хороших священников, дорожащих своею паствою и превыше всего ставящих свое духовное призвание, бросит приход на долгое время сессии. Разве Гапоны?⁷

Однако возобладала другая точка зрения, сформулированная видным правым деятелем графом А.А. Бобринским:

Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Санкт-Петербург: Сатис, 2007; Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / перевод с английского А. Глебовского, М. Долбиловой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. EDN: WSLXMU; Сафонов А.А. Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. Москва: Проспект, 2023. EDN: PVZHRH

⁵ Рожков В., протоиерей. Церковные вопросы в Государственной Думе. Москва: Издательство Крутицкого подворья, 2004.

⁶ Обоснование данного тезиса см.: Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 343–344.

⁷ Таганцев Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Петроград: 18-ая Государственная типография, 1919. С. 29.

Духовенство представляет из себя огромную, по своему влиянию на население, силу, силу разумную и спокойную и потому заслуживающую того, чтобы правительство призвало ее себе на помощь в состав Думы⁸.

В итоге политические соображения взяли верх, и священники получили право участвовать в выборах на общих основаниях по землевладельческой курии (как владельцы земли) и по городской курии при наличии необходимого имущественного ценза.

Во время выборов в I Государственную думу ни Святейший Синод, ни обер-прокурор князь А.Д. Оболенский, отличавшийся умеренно-либеральными взглядами, не требовали от священников обязательного участия в избирательной кампании. В послании Синода перед выборами в Думу от 18 февраля 1906 г. священнику разрешалось избирать депутатов и быть самому избранным (как было элегантно сказано по этому поводу – «нет ему в том укоризны»), а также своим пастырским словом влиять на выборы ради «правды Божией»⁹. Такая позиция объяснялась общим состоянием политического «брожения», охватившим Церковь. Один из последующих обер-прокуроров Синода в докладе Николаю II так характеризовал ситуацию:

Положение Православной церкви было неустойчиво и опасно. Наблюдался процесс обновленчества, была полная разнузданность печати, церковная школа совершенно отбилась от рук, епархиальные преосвященные были частью увлечены мечтами о «новом строе» Церкви... Между тем, это брожение в среде духовенства, особенно сельского, представляло величайшую опасность не только для Церкви, но и для государства¹⁰.

Духовенство быстро политизировалось, что отразилось на результатах выборов: из 6 священников I Государственной думы двое поддержали правых; двое вступили в кадетскую фракцию (подписали Выборгское воззвание); двое поддержали левых. На выборах во II Думу власти стали уже более активно использовать потенциал консервативно настроенных батюшек. Циркулярный указ Святейшего Синода от 12 декабря 1906 г. обязывал всех священников, имевших необходимый ценз, явиться на выборы и поддержать тех кандидатов,

⁸ Петергофское совещание о проекте Государственной Думы под личным Его Императорского Величества председательством. Секретные протоколы. Berlin: Eberhard Frowien Verlag, 1905. С. 110.

⁹ От Святейшего Синода пастырям православной российской Церкви перед выборами в Государственную Думу // Церковный вестник. 1906. № 8. С. 228–229.

¹⁰ Всеподданнейшие записки обер-прокурора Св. Синода С. Лукьянова // Государственный архив Российской Федерации. Ф. 543. Оп. 1 Д. 421. Л. 7–7 об.

которые стояли на позициях верности православию и царю¹¹. Целенаправленные усилия Церкви позволили увеличить число священников во II Думе до 13 человек, но их политические предпочтения по-прежнему были далеки от желаний властей – 4 правых, 1 прогрессист, 4 кадет, 4 левых¹².

Изменение избирательного закона 3 июня 1907 г. создавало новые возможности для правых сил, что сказалось и на роли Церкви. Перед выборами в III Думу Святейший Синод рекомендовал клирикам избираться в депутаты, во многих губерниях было мобилизовано консервативно настроенное духовенство. В результате в III Государственную думу прошло 48 священников, которые распределились по своим политическим предпочтениям следующим образом: 16 правых, 14 националистов, 7 октябристов, 4 прогрессиста, 7 беспартийных¹³.

Успешные для власти итоги участия духовенства в избирательной кампании подтолкнули Святейший Синод к изменению своей позиции по участию духовенства в политических партиях. Поначалу, в послании Синода перед выборами в I Государственную думу от 18 февраля 1906 г. говорилось: «Не может пастырь и не должен связывать себя ни с каким союзом, ни с какой партией, ибо один для него союз – Христов в Церкви Божией». В то же время в том же послании содержался призыв к духовенству «постоять даже до смерти» за Веру, Царя и Отечество и «царскую власть Помазанника Божия не дать на попрание врагам»¹⁴. Такая «надпартийная» позиция Синода приводила к тому, что правое духовенство поддерживало Союз русского народа и аналогичные организации скорее духовно, чем организационно, т.е. без вступления в их ряды. После же выборов в III Думу в Определении Святейшего Синода от 15 марта 1908 г. было четко сказано:

Предоставить епархиальным преосвященным... разрешать и благословлять участие подведомого им православного духовенства в деятельности Союза русского народа и других монархических патриотических обществ...¹⁵

После этого в Главный совет Союза русского народа вошло 3 священника (из которых 1 был епископом). В 1909 г. в СРН насчитывалось уже 32 епископа,

¹¹ Циркулярный указ Святейшего Синода, от 12 декабря 1906 г., за № 11, по поводу выборов в Государственную Думу в 1907 г. // Церковные ведомости. 1906. № 50. С. 530–531.

¹² *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 355.

¹³ *Рожков В., протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. С. 319–321.

¹⁴ От Святейшего Синода пастырям православной российской Церкви перед выборами в Государственную Думу // Церковный вестник. 1906. № 8. С. 228–229.

¹⁵ Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.: сборник документов / под редакцией А.К. Дрезена. Москва: Социально-экономическое издательство, 1936. С. 237.

т.е. примерно четвертая часть архиерейского корпуса. Треть сельских отделов СРН возглавили священники¹⁶. Власть окончательно убедилась в лояльности Церкви и правомонархических симпатиях значительного числа духовенства.

Итоги избирательной кампании в III Думу в совокупности с участием духовенства в СРН подтолкнули правительство к мысли широко использовать Православную церковь как политический ресурс на выборах в IV Думу. К 1912 г. власть теряла опору в среде умеренных элементов (октябристов и т.п.); в правых партиях наблюдался раскол, они утрачивали свой авторитет. Сужалась социальная база существующего строя. В такой ситуации роль духовенства возрастала, оно казалось «последней опорой» монархии, из чего вытекало желание мобилизовать священников для избрания нужных кандидатов.

При этом власть понимала, что для привлечения священников к выборам недостаточно простых административных усилий Синода – необходимы определенные обещания. Поэтому в феврале 1912 г. началась работа Предсоборного совещания, которое, по сути, стало продолжением деятельности Предсоборного присутствия 1906 г., созванного с целью обсудить основные положения церковной реформы и организовать созыв Поместного собора с перспективой восстановления патриаршества. В начале 1907 г. в условиях спада революции Николай II отложил вопрос о созыве Собора на неопределенное время. Созыв Предсоборного совещания за полгода до выборов в IV Думу должен был показать духовенству намерение властей вернуться к рассмотрению церковной реформы и тем самым стимулировать явку на выборы. В церковных кругах пошли слухи о возможном восстановлении патриаршества в связи с грядущим празднованием 300-летия дома Романовых. При этом никаких реальных церковных преобразований в обозримом будущем царем не планировалось; в записке Обер-прокурору В.К. Саблеру от 2 марта 1912 г. было недвусмысленно сказано о «невозможности предпрещения сейчас срока созыва Поместного Собора»¹⁷.

В историографии решение о созыве Предсоборного совещания связывается с давлением Государственной думы. Не отрицая данного мотива, все же заметим, что в феврале 1912 г. III Дума доживала последние месяцы, власть уже переносила акцент на парламент следующего созыва, а значит и на выборы в него. Православной церкви на этих выборах отводилась совершенно определенная роль, о которой ясно высказался редактор финансируемой правительством газеты «Россия» И.Я. Гурлянд:

¹⁶ Степанов С.А. Черная сотня. Москва: Эксмо; Яуза, 2005. С. 156. EDN: QOWOKX

¹⁷ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 416.

Участие духовенства в выборах было построено так, что фактически священники должны были, скорее, являться лишь избирательным материалом, чем самостоятельной политической силой¹⁸.

Однако Церковь не желала выступать политическим статистом – у нее были свои основания идти на выборы и играть существенную роль в будущей Думе. Духовенство не скрывало своего недовольства Указом о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., по которому все конфессии получили значительную свободу деятельности, что привело, помимо прочего, к переходу части верующих из православия в иные вероисповедания¹⁹. При этом Православная церковь свободы не получила, по-прежнему продолжала зависеть от государства. Разумеется, церковные иерархи не ставили вопрос об отделении Церкви (большую роль здесь играли финансовые соображения), но они хотели расширения автономии, большей самостоятельности при сохранении привилегированного положения, во многом утраченного после Указа о веротерпимости.

В церковных кругах не скрывали недовольства тем, что светская Дума решает церковные вопросы, не говоря уже о наличии среди депутатов священнослужителей других конфессий (получалось, к примеру, что католические священники в парламенте принимали участие в решении проблем Православной церкви). Неудивительно, что, выступая в Думе 12 марта 1912 г., В.К. Саблер говорил: «Я думаю только одно: что Церковь наша должна находиться совершенно вне гнета законодательных учреждений»²⁰.

К этому добавлялось недовольство «антицерковной» политикой III Думы (решение о передаче церковно-приходских школ государству, стремление расширить права старообрядцев, «пренебрежение» делами Православной церкви и проч.). Так, 9 июня 1912 г. священник Н.Е. Гепецкий, выступая в парламенте от имени духовенства, охарактеризовал политику думского большинства (прежде всего, октябристов) как «поход наших “конституционалистов” против Св. Православия», «разрушение церковных учреждений», «ужасные нападки и глумления» над Церковью, в результате которых «все духовенство в своей совокупности обижено, оскорблено».

¹⁸ Переписка председателя Совета министров с председателем Гос. думы, гос. секретарем и др. должностными лицами // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

¹⁹ С 17 апреля 1905 г. по 1 января 1909 г. перешло из православия в другие вероисповедания 308 758 человек (Сафонов А.А. Государство и конфессии в поздней имперской России. С. 178).

²⁰ Философов Д.В. Церковные дела // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. Санкт-Петербург: Издание редакции газеты «Речь», 1913. С. 343.

Отсюда следовал совершенно естественный призыв к священнослужителям широко участвовать в грядущей избирательной кампании, «выбирать в Думу искренне верующих и чтущих Святую Церковь людей»²¹.

Духовенство стремилось через Думу повлиять на решение своих проблем. Так, корреспондент газеты «Утро России» констатировал:

Синод смотрит на роль духовенства в выборах, как на дело церкви и желает иметь в 4-й Думе сплоченную группу духовенства для поддержки ряда проектов, касающихся реорганизации церковного суда, например, о церковном приходе, об обеспечении духовенства, о средней церковной школе и т.п.²²

Конечно, церковные иерархи не могли не задумываться и о кардинальных вопросах, таких как восстановление соборности, созыв Поместного собора, выборы патриарха, перестройка взаимоотношений Церкви и государства. И хотя было очевидным, что решение этих вопросов зависит, прежде всего, от императора, иметь по ним парламентскую поддержку представлялось нелишним.

Поэтому Православная церковь активно включилась в выборы не только в качестве правительственного ресурса, но и исходя из своих собственных интересов. При Синоде было создано особое бюро по руководству выборами; на местах организовывались особые епархиальные комитеты, которые должны были следить за явкой священников на выборы, предписывать за кого голосовать и т.п. Священникам не разрешалось выдвигать свои кандидатуры в Думу без разрешения епископов. Были предприняты специальные меры по недопущению на выборы ненадежных в политическом плане священников. В прессе сообщалось, что Синод разослал в епархии

запросы относительно мероприятий духовенства на предстоящих выборах; идет ли оно сплоченно, не замечены ли священники, входящие в соглашение с так называемыми прогрессивными партиями, что считается совершенно недопустимым²³.

Опасения Синода по поводу «неблагонадежных» священников были вполне обоснованы. На заседании ЦК кадетской партии 11 июня 1912 г. приводились

²¹ Правые партии. 1905–1907. Документы и материалы / составитель Ю.И. Кирьянов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. Т. 2. С. 257–258.

²² Участие духовенства в выборах // Утро России. 1912 (5 апреля). № 79. С. 4.

²³ Фита. Обер-прокурорская рать // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1912. № 31. С. 741.

факты попыток участия в выборах «прогрессистов-священников»²⁴ в Вятке и Перми²⁵; в запросе фракции прогрессистов в IV Думу говорилось о запрете епископа в Орловской губернии являться на выборы двум уполномоченным от духовенства, так как «они были заподозрены в прогрессивности»²⁶; от Вологодской губернии несмотря на все усилия властей избрали священника левых взглядов²⁷. Поэтому церковное руководство жестко контролировало выборы административными мерами. В епархии были командированы синодальные чиновники во главе с чиновником по особым поручениям при Обер-прокуроре князем И.П. Шаховским. К середине августа 1912 г. епархиальные власти наметили 93 кандидата от духовенства в Думу, в том числе 19 епископов²⁸.

Предвыборные мероприятия Церкви привлекли внимание общественности, вызвав ее негативную реакцию. В прессе муссировались слухи о стремлении властей и Церкви провести в Думу 150–180 священников; высказывались опасения, что власть, опираясь на поддержку правого духовенства, превратит Думу в законосовещательный орган. Умеренно-правые и октябристы не желали потерять голоса в землевладельческой курии. В прессе всех направлений (кроме крайне правых) началась кампания против участия духовенства в выборах. Типичные заголовки статей о роли Церкви в избирательной кампании звучали так: «Последний оплот», «Последний козырь». А.И. Гучков с раздражением говорил на одном из предвыборных собраний о мобилизации священников:

Уже известны факты явно заготовленных списков в руководство духовенства. Словом, кому-то желательно, чтобы над четвертой Думой был

²⁴ В связи с запретом для нелегализованных партий использовать в предвыборной агитации свои названия, все сторонники оппозиционных партий называли себя «прогрессистами».

²⁵ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. Т. 2. С. 63.

²⁶ Запрос и речи фракции прогрессистов о выборах в Четвертую Государственную Думу. Москва: Типография И.В. Леонтьева, 1913. С. 12.

²⁷ Егоров А.Н. Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 933–934. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM

²⁸ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 67.

вывешен ярлык: «С разрешения его превосходительства губернатора и с благословения его преосвященства»²⁹.

Правительство также опасалось резкого усиления политического влияния Церкви, и для этого были свои причины. Власть не собиралась поощрять клерикализм, хотя отдельные левые публицисты ее в этом обвиняли. Еще в 1908 г. Обер-прокурор Святейшего Синода П.П. Извольский писал царю в докладной записке: «В правящих кругах Церкви канонический строй понимался не как внутренняя ее самостоятельность, а как новая форма власти» и указывал на то, что церковная иерархия встала на путь вмешательства в государственные дела.

Этой церковно-политической агитации ныне надо положить предел, напомнив Церкви, что источник власти – один, и что все в государстве должно этой власти покоряться³⁰.

Разумеется, нельзя приписывать теократические идеи всему духовенству, но некоторым архиереям они были не чужды.

Взятый правительством после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. курс на расширение религиозных свобод для различных конфессий не мог не привести к нарастанию конфликта с Православной церковью, резонно опасавшейся утратить свое привилегированное положение. В декабре 1907 г. в письме П.П. Извольскому П.А. Столыпин констатировал:

По существу, конечно, Синод не только совершенно забывает Манифест 17 октября о свободе совести, но и впадает в противоречие с основаниями Манифеста 17 апреля о веротерпимости³¹.

В то же время премьер-министр не собирался выносить противоречия с Церковью в публичное пространство, подчеркивая в том же письме: «В Думе же против Синода мы не пойдем»³².

Не могло понравиться властям и слишком тесное сближение политически активного духовенства с крайне правыми кругами «дубровинского» толка³³,

²⁹ Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2. С. 376.

³⁰ Цит. по: *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). С. 393–394.

³¹ П.А. Столыпин. Переписка / под редакцией П.А. Пожигайло. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 185.

³² П.А. Столыпин. Переписка. С. 185.

отрицавшими и без того не столь уж значительные элементы конституционализма и парламентаризма периода Думской монархии³⁴. Правое духовенство неоднократно выступало с призывами если не упразднить Думу вообще, то, по крайней мере, сделать ее законосовещательной, увеличить представительство священников и т.п. Так, архиепископ Вологодский и Тотемский Никон (Рождественский) накануне выборов в Думу рассуждал:

Будет ли опять изменен избирательный закон или же будут приняты меры к более строгому его исполнению путем разъяснений, как это недавно было сделано в отношении к иудеям, – мы не знаем; знаем одно: Царь есть высший источник законов, и никто не смеет отнимать у Него права не только изменять, но и отменять законы, если Он сие признает за благо. Он может и вовсе отменить законы о Думе: ведь Он дал их, и если найдет, что законы не отвечают благу Его народа, то кто же посмеет запретить Ему и отмену их?³⁵

В апреле 1912 г. епископ Псковский и Порховский Алексей (Молчанов) обратился с воззванием к духовенству не вступать в блок ни с какой политической силой, а образовать свою партию, основанную на идеалах самодержавия³⁶.

Видный религиозно-общественный деятель Д.В. Философов писал по этому поводу:

Старый режим кажется церкви гораздо более реальным, нежели новый, гораздо более религиозным, а потому у нее нет и не может быть никакой энергии перестраивать себя в соответствии с новым режимом. И поэтому каждый раз, когда правительство ищет у церкви поддержки в консервативных своих устремлениях, оно пробуждает в церкви устремления вовсе не консервативные, а реставрационные. Церковь согласна на послушание, потому что послушание насквозь пронизывает русскую монашескую иерархию. Но если к ней обращаются не во имя послушания, а во имя активного участия в политической жизни страны, она сейчас же, и совершенно естественно, разворачивает знамя реставрации. В

³³ «Дубровинцами» называли сторонников православно-монархической партии «Всероссийский Дубровинский Союз русского народа».

³⁴ Отметим, что из-за негласного распоряжения властей в IV Государственную думу не избрали ни одного «дубровинца». Подробнее о взаимоотношениях «дубровинцев» с властью см.: *Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2024. EDN: BECHGN

³⁵ *Архиепископ Никон.* Мои дневники. Вып. III. 1912. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1915. С. 119.

³⁶ Агитация Синода // Утро России. 1912 (18 апреля). № 90. С. 3.

этом смысле, русское правительство, поскольку оно искренне признает новый строй, совершает величайшую ошибку, вводя церковь в политику. Положение еще осложняется тем, что даже в пределах старого строя у церкви существуют свои давние и очень серьезные споры с властью светской, главным образом с обер-прокуратурой³⁷.

«Реставрационная» позиция значительного числа церковных деятелей вызывала раздражение умеренно-правых кругов, в поддержке которых власть остро нуждалась. Так, пермский губернатор И.Ф. Кошко отмечал:

С воцарением в Синоде Саблера духовенство стало политиканствовать в самом узкочерносотенном направлении, что, очевидно, главою Синода поощрялось. И когда в Петроград приезжали архиереи, то они, говорят, беседовали с Саблером не столько о духовных нуждах своих епархий, сколько осведомляли его о направлении деятельности местных властей и, главное, насколько эта деятельность соответствовала ожиданиям Дубровина и его присных. Если, скажем, губернатор не вступал в «Союз русского народа» и не соглашался быть председателем в местном отделе, его сейчас же зачисляли в разряд неблагонадежных и врагов православной церкви³⁸.

Неудивительно, что либеральный публицист А.С. Изгоев, разбирая позицию «реакционно-демагогического православного клерикализма», замечал:

демагогическая деятельность духовенства, могущая встретить сочувствие масс, едва ли, однако, будет пользоваться поддержкой правительства³⁹.

Правительство оказалось в сложной ситуации. С одной стороны, использование подобранных голосов духовенства представлялось безальтернативным, с другой – аппетиты Церкви нужно было как-то ограничить. Поэтому правительство предприняло ряд мер с целью не допустить избрания большего числа священников, чем было в III Думе, опираясь в этом вопросе на поддержку Николая II⁴⁰. Так, 17 августа 1912 г. министр внутренних дел А.А. Макаров направил циркулярную телеграмму губернаторам с

³⁷ *Философов Д.В.* Церковные дела. С. 336.

³⁸ *Кошко И.Ф.* Воспоминания губернатора. Пермь (1911–1914) / составитель Н.Г. Павловский. Екатеринбург: Демидовский институт, 2007. С. 90.

³⁹ *Изгоев А.С.* Перед выборами // Русская мысль. 1912. № 4. С. 3.

⁴⁰ Накануне выборов Николай II публично поддержал ограничительные меры правительства по отношению к Церкви на встрече с представителями Постоянного совета Объединенного дворянства (*Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России. С. 357).

разъяснением, что «наличное количество духовенства в третьей Думе должно считаться максимальным» и его увеличение «крайне нежелательно»⁴¹.

Местные власти располагали соответствующими рычагами. Священники, в большинстве своем, принимали участие в выборах по съездам мелких землевладельцев, особенностью которых была крайне низкая явка избирателей, не превышавшая в среднем по стране 10 %⁴². В таких условиях организованные Синодом священники практически гарантированно получали большинство на съездах мелких землевладельцев и могли провести только своих выборщиков, не считаясь с мнением умеренно-правых сил. При такой ситуации духовенство могло получить слишком большое число выборщиков в губернском избирательном собрании и существенно нарастить свою численность в Думе. Чтобы этого не произошло, местные власти стали выделять священников в особые предварительные съезды настоятелей церквей в рамках землевладельческой курии⁴³, но только в тех случаях, когда они были уверены в благоприятном исходе выборов по данной курии без подобранных голосов духовенства. Это было сделано в 245 уездах из 330, для которых распоряжения о созыве предварительных съездов были опубликованы до 11 сентября 1912 г. Тем не менее, роль духовенства оставалась весьма значительной – в 47 губерниях с церковным землевладением на съездах мелких землевладельцев было избрано 7 162 священника из 8 764 выборщиков (81 %) ⁴⁴.

Церковное руководство открыто показало свое недовольство ограничительными мероприятиями правительства. Так, в конце августа 1912 г. синодальное предвыборное бюро высказалось в прессе против обособления духовенства в отдельную курию, полагая, что духовенство на выборах должно идти «рука об руку со всеми избирателями»⁴⁵. Отметим, что после выборов В.К. Саблер в интервью прессе утверждал, что правительство «перепутало все его карты». Он полагал, что «если бы священники не были выделены в отдельную курию, получились бы совершенно иные результаты выборов»⁴⁶.

⁴¹ Переписка с губернаторами и циркуляры последних в связи с проведением выборов в Государственную думу // РГИА. Ф. 1327. Оп. 2. Д. 247. Л. 43–44.

⁴² *Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. Москва: Квадрига, 2018. С. 179. EDN: ZBBBJJ

⁴³ Тем самым светские мелкие землевладельцы даже при крайне низкой явке на выборы могли гарантированно избрать своих представителей в выборщики без участия духовенства, что ограничивало численность священников в губернском избирательном собрании.

⁴⁴ *Я. Л.* Выборы // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 год. Санкт-Петербург: Издание редакции газеты «Речь», 1913. С. 218.

⁴⁵ Синод о выборной тактике духовенства // Утро России. 1912 (29 августа). № 199. С. 3.

⁴⁶ Около парламента // Утро России. 1912 (24 ноября). № 271. С. 3.

Выделение духовенства в особые съезды преследовало и другие цели. Во-первых, повышался уровень контроля над голосами священников, что было важно при процедуре тайного голосования. Во-вторых, хотя бы на уровне съезда мелких землевладельцев можно было ослабить постоянно возникавшие на разных стадиях выборов противоречия со светскими избирателями умеренно-правого толка. Так, на съезд землевладельцев Кадниковского уезда Вологодской губернии пришло 11 землевладельцев и 25 священников. Один из светских избирателей А.А. Королев был этим возмущен, заявил, что свое присутствие на съезде он считает бесполезным, попросил отметить его выбывшим и покинул зал заседания. Вслед за ним съезд демонстративно покинули еще четверо землевладельцев⁴⁷. На конференции кадетской партии в феврале 1913 г. представитель из Воронежа рассказывал, что

в Боровском уезде на съезде крупных землевладельцев и священников избраны были только священники, а дворяне не баллотировались, но устроили так, что выборы были отменены, на следующих выборах духовенству уже было внушено, чтобы больше 2 священников не выбирали. То же и в Задонском уезде, где священников оказалось одним человеком больше, чем дворян. На предвыборном собрании взаимное ожесточение двух этих групп выразилось даже в грубой ругани...⁴⁸

Схожую картину рисовал представитель из Твери, отмечавший, что администрация с духовенством озлобили своим поведением дворян. В результате, главная линия предвыборной борьбы стала проходить не между правыми и левыми, как обычно, а между самими правыми:

духовенство не могло провести ни одного депутата благодаря тому, что дворяне старались не пропускать священников⁴⁹.

Правительство не собиралось усиливать политическую роль Церкви в будущей Думе, о чем говорит провал планов создания отдельной фракции из

⁴⁷ Егоров А.Н. Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2015 г.): сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 87. EDN: YORJIZ

⁴⁸ Съезды и конференции конституционно-демократической партии / под редакцией В.В. Шелухаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. Т. 2. С. 400.

⁴⁹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. С. 401.

священников. Правомонархическая церковная пресса всячески продвигала эту идею. Так, черносотенный «Колокол» писал:

Священник – везде священник, пастырь церкви, значит, и в Государственной Думе каждый депутат, представитель церкви, при голосовании, прежде чем подать свой голос на ту или другую сторону, должен непременно задаться вопросом: а что, в пользу или во вред церкви будет это решение? Голос свой он должен подать в зависимости от этого и *только от этого ответа* на данный вопрос своей иерейской совести... Надо предпринять, чтобы в IV Государственной Думе оо. духовные представляли собою стойкую и сплоченную рать... имеющую во главе вождя – святителя⁵⁰.

На роль парламентского лидера намечался один из наиболее авторитетных членов III Думы, митрополит Евлогий (Георгиевский). Накануне выборов В.К. Саблер предложил ему возглавить будущую отдельную фракцию из священников, но Евлогий отказался, сказав, что это было бы страшным вредом для Церкви:

Россия не знает клерикализма, и такое явление как партия «национального католического центра»... было бы нашему народу чуждо... изолируя духовенство от народа мы сделаем его одиозным, «попы налезли в Думу»... Духовенство во всех партиях должно работать по совести. Важнее, чтобы оно было вкраплено во все политические партии и в них уже защищало церковные взгляды⁵¹.

Такая позиция стоила Евлогию места в парламенте – Синод запретил ему баллотироваться. В IV Думе Саблер мог бы найти послушных иерархов и договориться с ними, но отдельной фракции духовенства так и не было создано, что, по всей видимости, объяснялось позицией верховной власти.

Для понимания этой позиции стоит обратиться к рассуждениям осведомленной прессы:

Совершенно естественно, что предполагаемая «церковная фракция» не то, что голосовать, а дышать не посмеет без указания епископского перста. Но нельзя забывать также и того, что и епископы находятся в полном подчинении у обер-прокурора св. синода... Таким образом, в

⁵⁰ Цит. по: *Фита*. Обер-прокурорская рать. С. 742.

⁵¹ *Евлогий (Георгиевский)*. Путь моей жизни: Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Москва: Московский рабочий; ВПМД, 1994. С. 213.

Государственной Думе получится не священническая, не епископская, не «церковная» фракция, а просто послушная и безгласная обер-прокурорская рать под главенством владыки епископа, не смеющего противиться обер-прокурорским велениям. При количестве в 40–50 голосов и при отсутствии абсолютного большинства в Думе у одной какой-либо партии любой законопроект может быть обращен в прах голосами «синодальной фракции», – и Государственной Думе придется прислушиваться к тому, чего хочет обер-прокурор св. синода⁵².

Очевидно, что правительство не хотело ставить себя в Думе в зависимость от позиции Синода, особенно учитывая имеющиеся с ним расхождения⁵³. Гораздо предпочтительнее было распределение подобранных священников между различными правыми фракциями, что создавало возможность для политических маневров. Поэтому последовал негласный запрет на создание «церковной» фракции, нарушить который В.К. Саблер не посмел.

Реакция священников на предвыборные манипуляции властей была неоднозначной. Наблюдая за ходом выборов, С.Н. Булгаков выделил три категории выборщиков от духовенства. Одни не осознавали двусмысленности своего положения и были «ослеплены той мнимой ролью, которая была им отведена», другие были «захвачены “правым” политиканством», а третьи «действовали под влиянием страха и против совести, и сознавали это, стыдились и мучились, – конечно, для них это было горьким уроком политического воспитания»⁵⁴.

Судя по откликам современников, среди священников преобладало негативное отношение к использованию их властями на выборах. Саратовский октябрист писал А.И. Гучкову в сентябре 1912 г.:

Большинство духовенства считает себя оскорбленным навязанной ему ролью, причем, будучи выделенным в отдельный съезд для выбора

⁵² *Фита*. Обер-прокурорская рать. С. 743.

⁵³ Например, в марте 1912 г. В.К. Саблер направил в Совет министров проект «Положения о православном приходе», который шел вразрез со всеми планами правительства по этому важнейшему вопросу церковной жизни. Поэтому уже в апреле резко против проекта выступили ключевые представители власти: государственный секретарь С.Е. Крыжановский, министр юстиции И.Г. Щегловитов, министр народного просвещения Л.А. Кассо и министр внутренних дел А.А. Макаров. Саблер был вынужден отступить, забрав свой проект. Давать в такой ситуации Обер-прокурору мощный инструмент воздействия на правительство в лице «церковной» фракции в парламенте было бы политическим безрассудством (См.: *Беглов А.Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы*. Москва: Индрик, 2021. С. 719–723).

⁵⁴ *Булгаков С.Н.* На выборах (Из дневника) // *Русская мысль*. 1912. № 11. С. 188.

уполномоченных, оно не может проявить той независимости, которая была бы вполне ему доступна в общем избирательном съезде вследствие невозможности (проголосовать за того, кого они считают нужным. – А. Е.) и контроля⁵⁵.

Видный государственный деятель, соратник П.А. Столыпина В.И. Гурко писал:

Припоминаю замечательную сценку этих выборов. Стоя внизу большой парадной лестницы Дворянского собрания, увидел я спускающуюся всю группу выборщиков от духовенства.

– Ну что, отцы, – сказал я им, – вот к чему вас привело то, что вы превратились в стадо пасомых каким-то чиновником.

– В этом мы не виноваты, – ответили они в голос, буквально скрежеща зубами от злости, – это все Петербург проклятый⁵⁶.

С точки зрения количественных параметров, выборы прошли примерно так, как и задумывалось правительством. Число священников среди выборщиков от землевладельческой курии составило 771 чел. из 2 365 (32,6 %), что заметно больше показателей выборов 1907 г. – 533⁵⁷. В губернских избирательных собраниях общее число выборщиков от духовенства достигло 14,5 %. В итоге в Думу было избрано 47 священников из 442 депутатов (10,6 %). В то же время, несмотря на все усилия Синода, политического единства среди них добиться не удалось. Распределение духовенства по фракциям выглядело следующим образом: правые – 21, националисты и умеренно-правые – 19, фракция центра – 2, октябристы – 2, прогрессисты – 3⁵⁸.

Заключение

Таким образом, Православная церковь приняла активное участие в выборах в IV Государственную думу не просто по указке светских властей, а исходя из своих собственных интересов. Однако правительство с ведома Николая II не позволило духовенству сыграть свою партию. Власть ясно показала Церкви свое отношение к ней как к административному ресурсу, необходимому для решения политических задач. С.Н. Булгаков подчеркивал:

⁵⁵ Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг.: материалы перлюстрации Департамента полиции / составитель К.А. Соловьев. Москва: Политическая энциклопедия, 2014. С. 278.

⁵⁶ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Москва: Новое литературное обозрение, 2000. С. 625.

⁵⁷ Российская империя между реформами и революцией. 1906–1916. С. 81.

⁵⁸ Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. С. 67.

Последствия этого сатанинского замысла – сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов – будут неисчислимы⁵⁹.

Ему вторил Д.В. Философов:

Неудачное привлечение духовенства к выборам не только не привело к желательным для церковного ведомства результатам, но нанесло прямой и непоправимый ущерб белому духовенству, в значительной мере дискредитировав его в глазах народных масс⁶⁰.

Политика властей вызвала недовольство значительного числа священников, понимавших, что власть их использует как бесправных статистов, не проводя при этом кардинальных церковных реформ. При этом речь идет не только о прогрессивно настроенных священниках, но и о консерваторах, отрицавших явно наметившийся после Указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. курс на расширение религиозных свобод для различных конфессий. Позднее Временное правительство в более последовательной форме продолжило этот курс, что вызвало серьезный конфликт Православной церкви с новой властью⁶¹, истоки которого были заложены уже в период Думской монархии.

В итоге выборы в IV Государственную думу привели к нарастанию отчуждения Церкви от власти. В современной историографии констатируется, что накануне революционных потрясений 1917 г.

свою оппозиционность по отношению к существующему порядку вещей, так или иначе, декларировали большинство церковных деятелей. Это и высшие иерархи, и представители духовной профессуры, и рядовые священно- и церковнослужители⁶².

Совершенное естественно, что Православная церковь не оказала никакой поддержки монархии в дни Февральской революции.

⁵⁹ Булгаков С.Н. На выборах (Из дневника) // Русская мысль. 1912. № 11. С. 189.

⁶⁰ Философов Д.В. Церковные дела. С. 345.

⁶¹ См.: Егоров А.Н. Министр исповеданий А.В. Карташев и конфессиональная политика Временного правительства // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 3. С. 843–885. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>; EDN: CTRUBI

⁶² Рогозный П.Г. Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. Москва: Весь мир, 2018. С. 25. EDN: OHZLRW

Introduction

Active participation of Orthodox clergy in the elections to the Fourth State Duma of the Russian Empire was an important feature of this election campaign. In the summer of 1912, the left-wing author of the *Russkoye Bogatstvo*, S. Elpat'evsky, wrote:

Of all events of the Russian life that have recently attracted public attention, the large-scale pre-election campaign among the clergy was undoubtedly the most striking. And not only the campaign itself, but also what has been revealed during the campaign, the new organization, the new ends and means, and particularly the remarkable new role of the clergy.¹

This fact has been repeatedly noted in both Soviet and modern historiography. The participation of the church in elections was studied along with other subjects of the election campaign in terms of interaction and/or the confrontation between government and society.² The clergy were primarily seen as a governmental resource necessary to achieve a certain election result. At the same time, historians often equated the positions of the Church and the government, which led to false judgments, for example, that the grouping of priests into special preliminary congresses of church leaders (within the landowning curia) was performed “in order to strengthen the importance of the clergy and ensure their artificial predominance in elections.”³ The article will prove that the purpose of this grouping was different.

The participation of clergy in elections is part of a broader issue of interaction between church and state in the last decades of the Russian Empire. In modern historiography, a number of important works⁴ are devoted to this issue, the

¹ S. Elpat'evskii, “The Clergy” [in Russian], *Russkoe bogatstvo*, no. 9 (1912): 36.

² A.Ya. Avrekh, *Tsarism and the Fourth Duma. 1912–1914* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1981); V.S. Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility, and Tsarism in 1911–1914. Decomposition of the Third-of-June System* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1988), EDN: YVJDYF; E. Vishnevski, *The Liberal Opposition in Russia on the Eve of World War I* [in Russian] (Moscow: Rossiya molodaya, 1993); K.A. Solov'ev, *Legislative and Executive Power in Russia: Interaction Mechanisms (1906–1914)* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011), EDN: RDVSRN; A.I. Miller, and K.A. Solov'ev, eds., *The Russian Empire between the Reforms and the Revolution. 1906–1916* [in Russian] (Moscow: Kvadriga, 2021).

³ Vishnevski, *The Liberal Opposition*, 94.

⁴ S.L. Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change (Late 1890s – 1918)* [in Russian] (Moscow: Kul'turnyi tsentr “Dukhovnaya biblioteka”, 2002); S.L. Firsov, *The Church in the Empire. Essays on the Church History of the Era of Emperor Nicholas II* [in Russian] (St Petersburg: Satis, 2007); G. Freeze, “*Subversive Piety*”: *The Russian Church and the Fall of the Empire* [in Russian], trans. A. Glebovskii, and M. Dolbilova (St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019), EDN: WSLXMU; A.A. Safonov, *The State*

participation of clergy in the work of the Russian parliament is also studied,⁵ but the participation of the church in elections has not been analyzed separately.

Therefore, it seems reasonable to study the issue of clergy participation in the election campaign for the Fourth State Duma, taking into account the position of the Orthodox Church, as it was not just an instrument of power, but it also had its own interests in the elections. This perspective will make it possible to better understand the complex relationship between the state and the church during the period of the Duma monarchy.

Main body

The emergence of the State Duma as a political institution could not but affect the Orthodox Church. A natural question immediately arose: should priests participate in elections and work in the parliament? As we know, the canons of the Orthodox Church do not allow it to interfere in the political life of the state.⁶ At the Peterhof meetings in the summer of 1905, the electoral system was discussed, and there were remarks against the participation of priests in elections, about the lack of unity among them, and about disturbances within the church. Prince A. Obolensky, the future Chief Procurator of the Holy Synod, spoke out against the involvement of clergy in the State Duma and emphasized:

Which of the good priests who value their congregations and put their spiritual vocation first will leave the parish and go to a long session. Only Gapon could do that?⁷

However, another point of view prevailed. It was formulated by Count A. Bobrinsky, a prominent rightist:

The clergy are a huge force in terms of their influence on the population; it is a wise and calm force and therefore it deserves to be called upon by the government to help in the Duma.⁸

and Confessions in Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relations [in Russian] (Moscow: Prospekt, 2023), EDN: PVZHRH

⁵ V. Rozhkov, Archpriest, *Church Issues in the State Duma* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2004).

⁶ For justification of this idea, see Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change*, 343–44.

⁷ N.S. Tagantsev, *What I Have Lived Through. The Establishment of the State Duma in 1905–1906* [in Russian] (Petrograd: 18-aya Gosudarstvennaya tipografiya, 1919), 29.

⁸ *The Peterhof Conference on the State Duma Project, Chaired by His Imperial Majesty. Secret Protocols* [in Russian] (Berlin: Eberhard Frowien Verlag, 1905), 110.

As a result, political considerations prevailed, and priests were given the right to participate in elections on a general basis from the landowning curia (as land owners) and from the city curia if they had the necessary property qualification.

During the elections to the First State Duma, neither the Holy Synod nor the Chief Procurator, Prince A. Obolensky with his moderate liberal views, required priests to participate in the election campaign. On February 18, 1906, before the Duma elections, the Synod announced that the priests were allowed to elect deputies and be elected (as it was literally said, “they are above reproach for this”), and also to influence the elections with their pastoral word for the sake of “divine truth.”⁹ This idea appeared because of the general state of political “unrest” that engulfed the church. In his report to Nicholas II, one of the later Chief Procurators of the Synod described the situation as follows:

The situation of the Orthodox Church was unstable and dangerous. There was renovationism, the press was completely unbridled, the church school got out of control, diocesan bishops were filled with dreams of a “new order” in the church. . . However, such unrest among the clergy, especially among rural priests, was the greatest danger not only for the church but also for the state.¹⁰

The clergy quickly became politicized, which was reflected in the election results: out of 6 priests of the First State Duma, two supported the right wing, two joined the Cadet faction (signed the Vyborg Manifesto), and two supported the left wing. In the elections to the Second Duma, the authorities actively used the potential of conservative priests. The circular decree of the Holy Synod dated December 12, 1906, required all priests who had the necessary qualifications to appear at the elections and support those candidates who were loyal to Orthodoxy and the tsar.¹¹ Purposeful efforts of the Church increased the number of priests in the Second Duma to 13 people, but their political preferences were still far from the wishes of the authorities: there were 4 rightists, 1 progressist, 4 Cadets, and 4 leftists.¹²

On June 3, 1907, the electoral law was modified and created new opportunities for the rightists, which also influenced the role of the church. Before the elections to the Third Duma, the Holy Synod recommended that clerics should be elected as

⁹ “From the Holy Synod to the Pastors of the Russian Orthodox Church before the Elections to the State Duma” [in Russian], *Tserkovnyi vestnik*, no. 8 (1906): 228–29.

¹⁰ “Vsepoddanneishie zapiski ober-prokurora Sv. Sinoda S. Luk'yanova” [Memos addressed to the emperor by Chief Procurator of the Holy Synod, S. Lukyanov]. F. 543, op. 1, d. 421, l. 7–7 ob. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation], Moscow, Russia.

¹¹ “Circular Decree of the Holy Synod dated December 12, 1906, no. 11, on the Elections to the State Duma in 1907” [in Russian], *Tserkovnye vedomosti*, no. 50 (1906): 530–31.

¹² Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change*, 355.

deputies, and conservative clergy were mobilized in many governorates. As a result, 48 priests were elected to the Third State Duma. They divided according to their political preferences as follows: 16 rightists, 14 nationalists, 7 Octobrists, 4 progressists, 7 non-partisans.¹³

The results of clergy participation in the election campaign were successful for the government. They also prompted the Holy Synod to change its position on clergy membership in the political parties. At first, on February 18, 1906, before the elections to the First State Duma, the Synod declared, “A pastor cannot and must not be a part of any union, any party, as the only union for him is that of Christ in the Church.” At the same time, this declaration called on the clergy to “stand up even to death” for the Faith, the Tsar, and the Fatherland, and “do not allow the royal authority given by God to be trampled by enemies.”¹⁴ This “supra-party” position of the Synod encouraged the right-wing clergy to support the Union of the Russian People and similar organizations in a spiritual way rather than organizationally, i.e. without joining them. After the elections to the Third Duma, the Decision of the Holy Synod dated March 15, 1908 clearly stated:

Authorize the diocesan bishops. . . to allow and bless the participation of their Orthodox clergy in the activities of the Union of the Russian People and other monarchical patriotic societies. . .¹⁵

After that, the Main Council of the Union of the Russian People (URP) included 3 priests (one of them was a bishop). In 1909, there were already 32 bishops in the URP, that is about a quarter of the bishop corps. A third of the rural departments of the URP were headed by priests.¹⁶ The authorities finally became convinced of the loyalty of the church and the monarchical sympathies of a significant number of clergy.

The results of the election campaign for the Third Duma and the participation of clergy in the URP prompted the government to actively use the Orthodox Church as a political resource in the elections to the Fourth Duma. By 1912, the government had been losing its support among moderate representatives (Octobrists, etc.); there was a split in the right-wing parties, and they were losing their authority. The social foundation of the existing system was losing its stability. As a result, the role of the

¹³ Rozhkov, *Church Issues in the State Duma*, 319–21.

¹⁴ “From the Holy Synod to the Pastors of the Russian Orthodox Church before the Elections to the State Duma” [in Russian], *Tserkovnyi vestnik*, no. 8 (1906): 228–29.

¹⁵ A.K. Drezen, ed., *Tsarism in the Struggle Against the 1905–1907 Revolution: A Collection of Documents* [in Russian] (Moscow: Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936), 237.

¹⁶ S.A. Stepanov, *The Black Hundred* [in Russian] (Moscow: Eksmo; Yauza, 2005), 156, EDN: QOWOKX

clergy increased, it seemed to be the “last support” of the monarchy, and there emerged the idea to mobilize priests to elect the necessary candidates.

At the same time, the authorities realized that administrative efforts of the Synod were not enough to attract priests to the elections and that certain promises were needed. Therefore, in February 1912, the Pre-Conciliar Conference started its work. In fact, it continued the activity of the Pre-Conciliar Commission of 1906 aimed at discussing the main provisions of church reform and convocation of a Local Council with the prospect of restoring the patriarchate. At the beginning of 1907 the revolutionary movement weakened, and Nicholas II postponed the convocation of the Council for an indefinite time. The convocation of the Pre-Conciliar Conference six months before the Fourth Duma elections was intended to show the clergy the authorities’ intention to restart the consideration of church reform and thereby encourage turnout. There were talks in church circles about the possible restoration of the patriarchate due to the upcoming celebration of the 300th anniversary of the Romanov Dynasty. Nevertheless, the tsar did not plan any church reforms in the near future. In his note to the Chief Procurator Vladimir K. Sabler dated March 2, 1912, he stated that “it was impossible to know the date of convocation of the Local Council.”¹⁷

In historiography, the decision to convene the Pre-Conciliar Conference is associated with pressure from the State Duma. Without denying this reason, however, we note that in February 1912, the Third Duma was living out its last months, and the authorities were already shifting their focus to the next convocation of the parliament and therefore to the elections to it. The Orthodox Church was given a particular role in these elections, which was clearly stated by I. Gurlyand, the editor of the government-funded newspaper *Rossiia*:

The clergy’s participation in elections was conceived in such a way that priests were supposed to be electoral resource rather than an independent political force.¹⁸

The church, however, did not want to act as a political extra, as it had its own reasons to participate in the elections and play a significant role in the future Duma. The clergy did not hide their dissatisfaction with the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905, according to which all confessions were given considerable

¹⁷ Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change (Late 1890s – 1918)*, 416.

¹⁸ “Perepiska predsdateliya Soveta ministrov s predsdatelem Gos. dumy, gos. sekretarem i dr. dolzhnostnymi litsami” [Correspondence between the Chairman of the Council of Ministers and the Chairman of the State Duma, the State Secretary, and other officials]. F. 1276, op. 1, d. 35, l. 24. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

freedom of activity, which led to the fact that some Orthodox believers converted to other confessions.¹⁹ The Orthodox Church, however, did not receive freedom and remained in its former dependence on the state. Certainly, the church leaders did not strive for separation of the church (financial considerations played a major role there), but they wanted to expand autonomy and receive greater independence while taking a privileged position lost after the Decree on Religious Tolerance.

In church circles, no effort was made to conceal dissatisfaction with the fact that the secular Duma considered church issues, not to mention the presence of clergymen of other faiths among the deputies (for example, in the parliament it happened that Catholic priests took part in solving the problems of the Orthodox Church). It is not surprising that, speaking in the Duma on March 12, 1912, V. Sabler said: "I have an idea that our church should be completely outside the yoke of legislative institutions."²⁰

To this was added dissatisfaction with the "anti-church" policy of the Third Duma (decision to transfer parochial schools to the state ownership, projects to expand the rights of Old Believers, "disregard" for the affairs of the Orthodox Church, etc.). Speaking in the parliament on behalf of the clergy on June 9, 1912, priest N. Gepetsky described the policy of the Duma majority (primarily Octobrists) as "the campaign of 'constitutionalists' against Orthodoxy," "destruction of church institutions," and "terrible attacks and mockery" of the Church, as a result of which "all the clergy were offended and insulted." It was followed by a natural appeal to the clergy to actively participate in the upcoming election campaign, "to elect to the Duma those persons who sincerely believe and honor the Holy Church."²¹

The clergy sought to influence the solution of their problems through the Duma. A correspondent of the *Utro Rossii* newspaper stated:

The Synod sees the participation of the clergy in elections as a matter for the church and wants to have a cohesive group of clergymen in the Fourth Duma to support a number of projects related to the reorganization of the church court, for example, a church parish, providing for the clergy, a secondary church school, etc.²²

¹⁹ 308,758 Orthodox people changed their religion in the period between April 17, 1905 and January 1, 1909 (Safonov, *The State and Confessions*, 178).

²⁰ D.V. Filosofov, "Church Affairs" [in Russian], in *The 1913 Yearbook of the Rech Newspaper* (St Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Rech", 1913), 343.

²¹ Yu.I. Kir'yanov, comp., *The Right-Wing Parties. 1905–1907. Documents and Materials* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1998), 257–58.

²² "Participation of Clergy in the Elections" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 79, April 5, 1912, 4.

Undoubtedly, the church leaders could not help thinking about radical issues, such as the restoration of conciliarity, the convocation of the Local Council, the election of a patriarch, the restructuring of relations between church and state. Although it was obvious that the decision on those issues depended primarily on the emperor, it would be beneficial to have parliamentary support.

Therefore, the Orthodox Church actively participated in the elections not only as a government resource, but it also acted in its own interests. A special election management bureau was established at the Synod; special diocesan committees were organized locally to monitor the turnout of priests in elections, to instruct who to vote for, etc. Priests were not allowed to nominate their candidates to the Duma without the permission of bishops. Special measures were taken to prevent politically unreliable priests from participating the elections. According to the press, the Synod sent to the dioceses

the requests on the activities of the clergy during the upcoming elections, whether the clergy are united, whether there are priests cooperating with the so-called progressive parties, which is completely unacceptable.²³

The Synod's concern about the "unreliable" priests was reasonable. At the meeting of the Central Committee of the Cadet party on June 11, 1912, There was a mention of "progressive priests"²⁴ who had made attempts to participate in the elections in Vyatka and Perm;²⁵ the request of the progressive faction to the Fourth Duma stated that the bishop in Orel Governorate had prohibited two clergymen from participating in the elections, as "they were suspected of progressivism";²⁶ despite all preventive measures, a left-wing priest was elected in Vologda Governorate.²⁷ Therefore, church leaders took administrative measures to tightly control the elections. Synodal officials headed by the official on special assignments under Chief Procurator Prince I. Shakhovsky were sent to the dioceses. By mid-

²³ Fita, "Chief Procurator's Hosts" [in Russian], *Tserkov'. Staroobryadcheskii tserkovno-obshchestvennyi zhurnal*, no. 31 (1912): 741.

²⁴ As the unlegalized parties were not allowed to use their names in election campaign, all supporters of opposition parties called themselves progressists.

²⁵ V.V. Shelokhaev, ed., *Protocols of the Central Committee and Foreign Groups of the Constitutional Democratic Party* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997), 63.

²⁶ *The Progressive Faction's Request and Speeches on the Elections to the Fourth State Duma* [in Russian] (Moscow: Tipografiya I.V. Leont'eva, 1913), 12.

²⁷ A.N. Egorov, "The Authorities and Society in the Elections to the Fourth State Duma (Based on the Materials of Vologda Governorate)," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 3 (2023): 933–34, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM

August 1912, the diocesan authorities had identified 93 clergy candidates for the Duma, including 19 bishops.²⁸

The pre-election activities performed by the church attracted public attention and aroused a negative reaction. There were rumors in the press about the desire of the authorities and the church to introduce from 150 to 180 priests to the Duma; there were fears that relying on the support of the right-wing clergy, the authorities would turn the Duma into a quasi-legislative body. The moderate rightists and the Octobrists did not want to lose their votes in the landowner curia. A campaign against the participation of clergy in the elections was launched in the press of all ideologies (except for the extreme right wing). Typical headlines about the role of the church in the election campaign were such as “The Last Mainstay” or “The Last Trump Card.” At one of the pre-election meetings Aleksandr I. Guchkov spoke with irritation about the mobilization of priests:

There are known facts of the existence of the lists of clergy leadership compiled in advance. In short, it is desirable for someone to put a label on the Fourth Duma: “Authorized by His Excellency the Governor and blessed by His Eminence.”²⁹

The government was also afraid of a dramatic increase in the church’s political influence, and for a good reason. The authorities were not going to encourage clericalism, although some left-wing publicists accused them of that. In 1908, Chief Procurator of the Holy Synod P. Izvolsky reported, “The Church rulers *meant* the canonical system not as its internal self-activity but as a new form of power.” He pointed out that the church hierarchy had taken the path of interference in state affairs.

This clerical-political agitation must now be put to end. We must remind the church that there is the only power and that everything in the state must obey this power.³⁰

Certainly, we cannot accuse all clergymen of theocratic ideology, but some bishops shared such ideas.

After the Decree on Religious Tolerance was adopted on April 17, 1905, the government turned to expanding religious freedoms for various confessions. That

²⁸ Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility, and Tsarism*, 67.

²⁹ V.V. Shelokhaev, ed., *The Party “Union of October 17.” Minutes of Congresses, Conferences, and Central Committee Meetings* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 376.

³⁰ Cited in Firsov, *The Russian Church on the Eve of Change*, 393–94.

could not but lead to an aggravation of the conflict with the Orthodox Church, which was reasonably afraid of losing its privileged position. In December 1907, in a letter to P. Izvolsky, Pyotr A. Stolypin stated:

In fact, not only does the Synod completely forget the October 17 Manifesto on freedom of conscience, but it also runs counter to the grounds of the April 17 Manifesto on religious tolerance.³¹

At the same time, the Prime Minister was not going to put the contradictions with the church on public display, emphasizing in the same letter, “In the Duma, we will not speak out against the Synod.”³²

The authorities could not accept the too close rapprochement of the politically active clergy with the extreme right-wing circles, which supported Dubrovin’s ideology³³ and denied some ideas (already not so significant) of constitutionalism and parliamentarism during the Duma monarchy.³⁴ The right-wing clergy repeatedly called for the Duma to be made more deliberative, if not abolished altogether, and for the representation of priests to be increased, etc. For example, Nikon (Rozhdestvensky), the archbishop of Vologda and Totma, reasoned on the eve of the Duma elections:

We do not know whether the electoral law will be changed again, or whether measures will be taken to enforce this law more carefully by means of explanations, as it was recently done in relation to the Jews; we know only that our Tsar is the supreme lawmaker, and no one dares to deprive Him of the right not only to change but also to repeal laws if He sees it as a blessing. He may even repeal the Duma laws altogether, as He is the one who has made these laws. And if He finds that the laws do not serve the good of His people, who will dare to forbid Him to repeal them?³⁵

³¹ P.A. Stolypin. *Correspondence* [in Russian], ed. P.A. Pozhigailo (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2004), 185.

³² P.A. Stolypin. *Correspondence*, 185.

³³ *Dubrovintsy* or Dubrovin followers was the name of the supporters of the Orthodox Monarchist party called All-Russian Dubrovin Union of the Russian People.

³⁴ It should be noted that none of the *Dubrovintsy* was elected to the Fourth State Duma due to the non-public ban of the authorities. For more information about the relationship between the *Dubrovintsy* and the authorities, see A.A. Ivanov, *Right-Wing Parties of the Russian Empire* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2024), EDN: BECHGH

³⁵ Archbishop Nikon, *My Diaries*, vol. 3, 1912 [in Russian] (Sergiyev Posad: Tipografiya Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 1915), 119.

In April, 1912, Alexis (Molchanov), the bishop of Pskov and Porkhov, appealed to the clergy advising them against joining the groups with any political force but for forming their own party based on the ideals of monarchy.³⁶

Dmitrii V. Filosofov, a prominent religious and public figure, wrote on this issue:

The old regime seems to the church much more natural than the new one, much more religious, and therefore the church does not and cannot have any energy to reorganize itself in accordance with the new regime. And so, every time when the government seeks support from the church in its conservative aspirations, it awakens in the church the restorative rather than conservative aspirations. The church is ready to obey because obedience is the foundation of the Russian religious hierarchy. But if the church is addressed not for obedience but for active participation in the political life of the country, it immediately, and quite naturally, unfurls the banner of restoration. In this sense, the Russian government, sincerely accepting the new order, makes the greatest mistake in introducing the church into politics. The situation is further aggravated by the fact that even within the old order, the church has its own long-standing and very strong disputes with the secular authorities, mainly with the Chief Procurator's department.³⁷

Many churchmen supported the “restoration” policy, which irritated the moderate rightists whose support the authorities urgently needed. Thus, Perm Governor I. Koshko, noted:

When Sabler took over the Synod, the clergy started to take part in politics, acting for the benefit of the extremely reactionary Black Hundred group, which, obviously, was encouraged by the Synod leader. It is said that when bishops came to Petrograd, they talked with Sabler about activities of the local authorities rather than the spiritual issues of their dioceses and they discussed how those activities corresponded to the expectations of Dubrovin and his associates. For example, if a governor refused to join the Union of the Russian People and did not agree to be the chairman of the local department, he was immediately taken unreliable and was considered an enemy of the Orthodox Church.³⁸

It is not surprising that when analyzing the position of “reactionary demagogic Orthodox clericalism,” liberal author A. Izgoev noted:

³⁶ “The Synod’s Agitation” [in Russian], *Utro Rossii*, no. 90, April 18, 1912, 3.

³⁷ Filosofov, “Church Affairs,” 336.

³⁸ I.F. Koshko, *The Governor’s Memoirs. Perm (1911–1914)* [in Russian], comp. N.G. Pavlovskii (Yekaterinburg: Demidovskii institut, 2007), 90.

The demagogic activity of the clergy may meet with the sympathy of the masses but it is unlikely to enjoy the support of the Government.³⁹

The government found itself in a difficult situation. On the one hand, there seemed to be no alternative to using the “selected” voices of the clergy; on the other hand, there was a need to restrain the demands of the Church. Therefore, relying on the support of Nicholas II, the government took measures to prevent the election of more priests than there were in the Third Duma.⁴⁰ On August 17, 1912, Minister of Internal Affairs A. Makarov sent a circular telegram to the governors explaining that “the current number of clergy in the Third Duma should be considered the maximum” and that its increase “was completely undesirable.”⁴¹

Local authorities had the necessary instruments to impact the Church. The majority of the priests took part in elections at congresses of small landowners with an extremely low voter turnout, which did not exceed the national average of 10%.⁴² Under such conditions, the priests attracted by the Synod were guaranteed to get a majority of votes at the congresses of small landowners, and they could involve only their own electors regardless of the opinion of moderate rightists. As a result, the clergy could get too many electors in the governorate electoral assembly and significantly increase their number in the Duma. To avoid such situation, the local authorities started to group the priests in special preliminary congresses of church leaders within the landowning curia.⁴³ However, it was possible only if the authorities were sure of a favorable result of the elections for this curia without the “selected” votes of the clergy. It was done in 245 uyezds out of 330, for which orders to convene preliminary congresses were published before September 11, 1912. Nevertheless, the role of the clergy remained very significant: in

³⁹ A.S. Izgoev, “Before the Elections” [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 4 (1912): 3.

⁴⁰ On the eve of the elections, Nicholas II publicly supported the government’s restrictive measures against the church at a meeting with representatives of the Permanent Council of the United Nobility (Solov'ev, *Legislative and Executive Power in Russia*, 357).

⁴¹ “Perepiska s gubernatorami i tsirkulyary poslednikh v svyazi s provedeniem vyborov v Gosudarstvennuyu dumu” [Correspondence with governors and their circular letters regarding the State Duma elections]. F. 1327, op. 2, d. 247, ll. 43–44. RGIA.

⁴² O.G. Malysheva, *Electoral System and Practice of Russia during the Duma Monarchy of 1905–1917* [in Russian] (Moscow: Kvadriga, 2018), 179, EDN: ZBBBJJ

⁴³ In such a way, even if the turnout at the elections was extremely low, the secular small landowners could certainly elect their representatives to the pool of electors without the participation of the clergy, which limited the number of priests in the governorate electoral assembly.

47 governorates with church's land ownership, 7,162 priests out of 8,764 (81%) were elected at congresses of small landowners.⁴⁴

The church leaders openly expressed their dissatisfaction with the government's restrictive measures. At the end of August 1912, the Synod election bureau spoke out in the press against the grouping of the clergy into a separate curia, claiming that the clergy should go "hand in hand with all voters."⁴⁵ Let us note that after the election V. Sabler said in an interview with the press that the government "had thrown a wrench into all his works." He believed that "if the priests had not been grouped into a separate curia, the election results would have been completely different."⁴⁶

The grouping of the clergy into separate congresses served other purposes as well. Firstly, the votes of priests were controlled more carefully, which was important in secret voting. Secondly, it was possible to relieve the contradictions that constantly arose at different stages of elections with secular moderate-right voters at least at the level of the congress of small landowners. So, 11 landowners and 25 priests came to the congress of landowners of Kadnikov Uyezd of Vologda Governorate. This enraged A. Korolev, one of the secular voters. He found his presence at the congress pointless, asked to mark him as retired, and left the meeting hall. After him, four other landowners defiantly left the congress.⁴⁷ At a conference of the Cadet party in February 1913, a representative from Voronezh said that

in Borovsk Uyezd, only priests were elected at the congress of large landowners and priests. The nobles did not stand for the election but arranged so that the elections were canceled and at the next election they explained to the clergy that no more than 2 priests could be elected. The situation was the same in Zadonsk Uyezd, where the number of priests turned out to be one person more than that of nobles. At the pre-election meeting, the mutual bitterness of these two groups was expressed even in rude swearing. . .⁴⁸

⁴⁴ Ya. L., "Elections" [in Russian], in *The 1913 Yearbook of the Rech Newspaper* (St Petersburg: Izdanie redaktsii gazety "Rech", 1913), 218.

⁴⁵ "Synod on the Clergy's Elective Tactics" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 199, August 29, 1912, 3.

⁴⁶ "Near the Parliament" [in Russian], *Utro Rossii*, no. 271, November 24, 1912, 3.

⁴⁷ A.N. Egorov, "Elections to the State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Regional Features" [in Russian], in *Tauride Readings 2015. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (St Petersburg, December 10–11, 2015): A Collection of Scientific Articles*, pt. 1, ed. A.B. Nikolaev (St Petersburg: ElekSis, 2016), 87.

⁴⁸ V.V. Shelokhaev, ed., *Congresses and Conferences of the Constitutional Democratic Party* [in Russian], vol. 2 (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2000), 400.

An official from Tver described the similar situation and noted that the administration together with the clergy had embittered the nobles with their behavior. As a result, the electoral contest started not between the rightists and the leftists, as it usually happens, but among the rightists:

the clergy could not nominate any deputy because the nobles did their best to prevent priests from winning.⁴⁹

The government was not going to strengthen the political role of the church in the future Duma. It can be proved by the fact that an attempt to create a separate faction of priests failed. The right-wing church press promoted that idea in every possible way. For example, the Black Hundred's newspaper *Kolokol* wrote:

A priest is always a priest, a pastor of the church; and therefore, even in the State Duma before submitting his vote to one side or another, every deputy representing the church must necessarily ask the question whether this decision will be beneficial or harmful for the church. And his vote must depend *only on the answer* to this question of his priestly conscience. . . We should act so that in the Fourth State Duma. . . the clergy represented a determined and united army. . . headed by a hierarchy.⁵⁰

Metropolitan Eulogius (Georgievsky), one of the most respected members of the Third Duma, was nominated as a parliamentary leader. On the eve of the elections, V. Sabler offered him to head a future separate faction of priests, but Eulogius refused, saying that it would incur terrible damage to the church:

Russia has nothing to do with clericalism, and such a phenomenon as the "national Catholic center" party. . . would be alien to our people. . . , by isolating the clergy from the people, we will make them odious, it will seem that "the priests have infiltrated into the Duma" . . . The clergy in all parties must work according to their conscience. It is more important if they would be present in all political parties and defend the church's views there.⁵¹

This point of view cost Eulogius a post in parliament: the Synod had not allowed him to be nominated. In the Fourth Duma, Sabler could have found obedient hierarchs and reached an agreement with them, but a separate faction of the clergy

⁴⁹ Shelokhaev, *Congresses and Conferences*, 401.

⁵⁰ Cited in Fita, "Chief Procurator's Hosts," 742.

⁵¹ Evlogii (Georgievskii), *The Path of My Life: Memoirs of Metropolitan Eulogius (Georgievskii), Recorded by T. Manukhina Based on His Stories* [in Russian] (Moscow: Moskovskii rabochii; VPMD, 1994), 213.

was never created, which might be explained by the position of the supreme authorities.

To understand this position, it is worth referring to the arguments of the informed press:

It is quite natural that the supposed “church faction” will not dare to breathe, let alone vote, without the bishop’s order. But we should not also forget that the bishops are completely subordinate to the Chief Procurator of the Holy Synod. . . Thus, the State Duma will not have a clerical, or episcopal, or “church” faction, but it will just get an obedient and voiceless chief procurator’s hosts headed by a bishop who does not dare to disobey the Chief Procurator’s commands. If the number of votes is 40–50 and if one party does not have an absolute majority in the Duma, any draft law can be rejected by the votes of the “synodal faction,” and the State Duma will have to respect the ideas proposed by the Chief Procurator of the Holy Synod.⁵²

Obviously, the government did not want to depend upon the Synod’s stance in the Duma, especially given the existing contradictions with it.⁵³ The distribution of the selected priests among several right-wing factions was much more preferable, as it created an opportunity for political maneuvering. This resulted in a non-public prohibition of the creation of a “church” faction, which V. Sabler did not dare to violate.

The reaction of priests to the pre-election manipulations of the authorities was contradictory. Observing the election process, S. Bulgakov identified three categories of electors from among the clergy. Some of them did not realize the ambiguity of their position and they were “blinded by the imaginary role that was assigned to them”; others were “captured by ‘right-wing’ politicking”; and there were those who “acted under the influence of fear and against conscience, and they

⁵² Fita, “Chief Procurator’s Hosts,” 743.

⁵³ For example, in March 1912, V. Sabler submitted a draft of the “Regulations on the Orthodox Parish” to the Council of Ministers, but the draft contradicted the government’s plans for this crucial issue in church life. So, already in April, the highest government officials (State Secretary S. Kryzhanovskii, Minister of Justice I. Shcheglovitov, Minister of Public Education L. Kasso and Minister of the Interior A. Makarov) strongly opposed the draft and Sabler was forced to withdraw it. In such a situation, it would be politically reckless to give the Chief Procurator a powerful tool to influence the government through the “church” faction in parliament. (See A.L. Beglov, *The Orthodox Parish during the Decline of the Russian Empire: Status, Discussions, Reform* [in Russian] (Moscow: Indrik, 2021), 719–23).

were aware of this, and they were ashamed and tormented – for them it was certainly a bitter lesson of political education.”⁵⁴

According to contemporaries, most priests disapproved the fact of being used by the authorities in elections. A Saratov Octobrist wrote to A. Guchkov in September 1912:

Most clergymen are insulted by the role imposed on them as well as by the grouping into a separate congress to select their representatives. Because of restrictions (on voting for the one they consider necessary. – A. E.) and control, the clergy cannot express their independence that would be completely available to them in a common electoral congress.⁵⁵

I. Gurko, a prominent statesman and associate of P. Stolypin, wrote:

I remember a remarkable scene that took place during this election. When I stood at the bottom of the front staircase of the Hall of the Nobility, I saw the whole group of clergy electors descending.

“Well, fathers,” I said to them, “this is what you’ve come to after you’ve been turned into a herd shepherded by some official.”

“It’s not our fault,” they said aloud, almost grinding their teeth in anger, “It’s all damned Petersburg.”⁵⁶

As for the figures, the election results met the government’s expectations. The number of priests among the electors from the landowning curia was 771 out of 2,365 (32.6%), which was much more than in the 1907 (533 electors).⁵⁷ In governorate electoral assemblies, the total number of clergy electors reached 14.5%. As a result, 47 priests out of 442 deputies were elected to the Duma (10.6%). At the same time, despite all the efforts of the Synod, political unity among them was not achieved. The distribution of clergy by faction was as follows: 21 rightists, 19 nationalists and moderate rightists, 2 representatives from center faction, 2 Octobrists, 3 progressists.⁵⁸

⁵⁴ S.N. Bulgakov, “At the Elections (From the Diary)” [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 11 (1912): 188.

⁵⁵ K.A. Solov'ev, comp., *Representative Institutions of the Russian Empire in 1906–1917: Materials of Perilustration by the Police Department* [in Russian] (Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014), 278.

⁵⁶ V.I. Gurko, *Features and Images of the Past: The Government and the Public in the Reign of Nicholas II as Portrayed by a Contemporary* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000), 625.

⁵⁷ Miller, and Solov'ev, *The Russian Empire between Reforms and the Revolution*, 81.

⁵⁸ Dyakin, *Bourgeoisie, Nobility, and Tsarism*, 67.

Conclusion

Thus, the Orthodox Church took an active part in the elections to the Fourth State Duma. It acted not just under the instruction of secular authorities but also in compliance with its own interests. However, with consent of Nicholas II, the government did not allow the clergy to play their own game. The authorities clearly showed the church their attitude towards it as an administrative resource necessary for solving political problems. S. Bulgakov emphasized:

Making the clergy a tool for electing government candidates is a satanic idea and its consequences will be countless.⁵⁹

D. Filosofov expressed the same idea:

The attempt to involve the clergy in the elections was not successful in terms of achieving the desired goals of the church; moreover, it caused direct and irreparable damage to the white clergy, who lost their credit with the public.⁶⁰

The policy of the authorities caused dissatisfaction of many priests, who understood that the government used them as powerless extras without carrying out any significant church reforms. Not only progressive-minded priests are meant here but also the conservatives who did not accept the policy of expanding religious freedoms for various confessions that was clearly outlined after the Decree on Religious Tolerance dated April 17, 1905. Later, the Provisional Government will continue this course more consistently, which will cause a serious conflict between the Orthodox Church and the new government.⁶¹ But the roots of that conflict date back to the time of the Duma monarchy.

So, the elections to the Fourth State Duma resulted in the growing estrangement between the church and the government. According to the present-day historiography, on the eve of the revolutionary upheavals of 1917,

in one way or another, most of the churchmen expressed their opposition to the existing order. Among them were highest hierarchs, professors of theological institutions, and ordinary priests and churchmen.⁶²

⁵⁹ S.N. Bulgakov, "At the Elections (From the Diary)" [in Russian], *Russkaya mysl'*, no. 11 (1912): 189.

⁶⁰ Filosofov, "Church Affairs," 345.

⁶¹ See A.N. Egorov, "Minister of Confessions A.V. Kartashev and Confessional Policy of the Provisional Government," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 843–85, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>, EDN: CTRUBI

⁶² P.G. Rogoznyi, *Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on History. 1917–1920* [in Russian] (Moscow: Ves' mir, 2018), 25, EDN: OHZLRW

It is absolutely natural that the Orthodox Church did not give any support to the monarchy during the days of the February Revolution.

Список литературы

- Аврех А.Я.* Царизм и IV Дума (1912–1914). Москва: Наука, 1981. 294 с.
- Беглов А.Л.* Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. Москва: Индрик, 2021. 1048 с.
- Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. Москва: Россия молодая, 1993. 192 с.
- Дякин В.С.* Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Разложение третьеиюньской системы. Ленинград: Наука, 1988. 230 с. EDN: YVJDYF
- Егоров А.Н.* Власть и общество на выборах в IV Государственную думу (по материалам Вологодской губернии) // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 3. С. 911–964. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM
- Егоров А.Н.* Выборы в Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: региональные особенности // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10–11 декабря 2015 г.): сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2016. Ч. 1. С. 85–93. EDN: YORJIZ
- Егоров А.Н.* Министр исповеданий А.В. Карташев и конфессиональная политика Временного правительства // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2021. Т. 5, № 3. С. 843–885. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>; EDN: CTRUBI
- Иванов А.А.* Правые партии Российской империи. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2024. 735 с. EDN: BECHGN
- Малышева О.Г.* Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. Москва: Квадрига, 2018. 238 с. EDN: ZBBBJJ
- Рогозный П.Г.* Православная церковь и Русская революция. Очерки истории. 1917–1920. Москва: Весь мир, 2018. 304 с. EDN: OHZLRW
- Рожков В., протоиерей.* Церковные вопросы в Государственной Думе. Москва: Издательство Крутицкого подворья, 2004. 560 с.
- Российская империя между реформами и революцией. 1906–1916 / под редакцией А.И. Миллера, К.А. Соловьева. Москва: Квадрига, 2021. 788 с.
- Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. Москва: Проспект, 2023. 350 с. EDN: PVZHRH
- Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с. EDN: RDVSRN
- Степанов С.А.* Черная сотня. Москва: Эксмо; Яуза, 2005. 544 с. EDN: QOWOKX
- Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). Москва: Культурный центр «Духовная библиотека», 2002. 623 с. EDN: VIXJBR
- Фирсов С.Л.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. Санкт-Петербург: Сатис, 2007. 460 с.

Фриз Г. «Губительное благочестие»: Российская церковь и падение империи / перевод с английского А. Глебовского, М. Долбиловой. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 352 с. EDN: WSLXMU

References

Avrekh, A.Ya. *Tsarizm i IV Duma (1912–1914)* [Tsarism and the Fourth Duma. 1912–1914]. Moscow: Nauka, 1981. (In Russian)

Beglov, A.L. *Pravoslavnyi prikhod na zakate Rossiiskoi imperii: sostoyanie, diskussii, reformy* [The Orthodox parish during the decline of the Russian Empire: Status, discussions, reform]. Moscow: Indrik, 2021. (In Russian)

Dyakin, V.S. *Burzhuziia, dvoryanstvo i tsarizm v 1911–1914 gg. Razlozhenie tret'eiyun'skoi sistemy* [Bourgeoisie, nobility, and tsarism in 1911–1914. Decomposition of the Third-of-June System]. Leningrad: Nauka, 1988. (in Russian)

Egorov, A.N. “Minister of Confessions A.V. Kartashev and Confessional Policy of the Provisional Government.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 3 (2021): 843–85. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-3-5>; EDN: CTRUBI

Egorov, A.N. “The Authorities and Society in the Elections to the Fourth State Duma (Based on the Materials of Vologda Governorate).” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 7, no. 3 (2023): 911–64. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2023-7-3-4>; EDN: TMVHKM

Egorov, A.N. “Vybory v Gosudarstvennye dumy Rossiiskoi imperii v Vologodskoi gubernii: regional'nye osobennosti” [Elections to the State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Regional features]. In *Tavricheskie chteniya 2015. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 10–11 dekabrya 2015 g.): sbornik nauchnykh statei* [Tauride Readings 2015. Current problems of parliamentarism: History and modernity: Proceedings of the International scientific conference (St Petersburg, December 10–11, 2015)]: A collection of articles], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev, pt. 1, 85–93. St Petersburg: ElekSis, 2016. EDN: YORJIZ (In Russian)

Firsov, S.L. *Russkaya Tserkov' nakanune peremen (konets 1890-kh – 1918 gg.)* [The Russian Church on the eve of change (the late 1890s – 1918)]. Moscow: Kul'turnyi tsentr “Dukhovnaya biblioteka”, 2002. EDN: VIXJBR (In Russian)

Firsov, S.L. *Tserkov' v Imperii. Ocherki iz tserkovnoi istorii epokhi Imperatora Nikolaya II* [The church in the empire. Essays on the church history of the era of Emperor Nicholas II]. St Petersburg: Satis, 2007. (In Russian)

Freeze, G. “*Gubitel'noe blagochestie*”: *Rossiiskaya tserkov' i padenie imperii* [“Subversive piety”: The Russian Church and the fall of the empire], translated from English by A. Glebovskii, and M. Dolbilova. St Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Pravye partii Rossiiskoi imperii* [Right-wing parties of the Russian Empire]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2024. (In Russian)

Malysheva, O.G. *Izbiratel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoi monarkhii 1905–1917* [Electoral system and practice of Russia during the Duma Monarchy of 1905–1917]. Moscow: Kvadriga, 2018. EDN: ZBBBJJ (In Russian)

Miller, A.I., and K.A. Solov'ev, eds. *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiei. 1906–1916* [The Russian Empire between the reforms and the revolution. 1906–1916]. Moscow: Kvadriga, 2021. (In Russian)

Rogoznyi, P.G. *Pravoslavnaya tserkov' i Russkaya revolyutsiya. Ocherki istorii. 1917–1920* [Orthodox Church and the Russian Revolution. Essays on History. 1917–1920]. Moscow: Ves' mir, 2018. EDN: OHZLRW (In Russian)

Rozhkov V., Archpriest. *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoi Dume* [Church issues in the State Duma]. Moscow: Izdatel'stvo Krutitskogo podvor'ya, 2004. (In Russian)

Safonov, A.A. *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravovye aspekty vzaimootnoshenii* [The state and confessions in late imperial Russia: Legal aspects of relations]. Moscow: Prospekt, 2023. EDN: PVZHRH (In Russian)

Solov'ev, K.A. *Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mekhanizmy vzaimodeistviya (1906–1914)* [Legislative and executive power in Russia: Interaction mechanisms (1906–1914)]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2011. EDN: RDVSRN (in Russian)

Stepanov, S.A. *Chernaya sotnya* [The Black Hundred]. Moscow: Eksmo; Yauza, 2005. EDN: QOWOKX (In Russian)

Vishnevski, E. *Liberal'naya oppositsiya v Rossii nakanune pervoi mirovoi voiny* [Liberal opposition in Russia on the eve of World War I]. Moscow: Rossiya molodaya, 1993. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Николаевич Егоров – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии, заместитель главного редактора журнала «Historia provinciae – журнал региональной истории», <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Череповецкий государственный университет (д. 5, пр-т Луначарского, 162600 Череповец, Россия).

Information about the author

Andrei N. Egorov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History and Philosophy, Deputy editor-in-chief of the journal *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, <https://orcid.org/0000-0002-1196-3748>, anegorov65@mail.ru, Cherepovets State University (5, pr. Lunacharskogo, 162600 Cherepovets, Russia).

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 01.04.2026; принята к публикации 17.04.2026.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 01.04.2026; accepted for publication 17.04.2026.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 758–794.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 758–94.

Научная статья

УДК 94(470.5).081+324+329

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-3>

<https://elibrary.ru/ccyiaf>

Партийность гласных уездных земств и проблема ее корректной идентификации: кейс Пермской губернии 1909 года

Игорь Константинович Кирьянов

Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук,
Пермь, Россия

ikiryanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>

Igor' K. Kir'yanov

Perm Federal Research Center of the
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Perm, Russia

ikiryanov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>

Алина Ринатовна Ехлакова✉

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
Пермь, Россия

✉ alina.perm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>

Alina R. Ekhlakova

Perm State University,
Perm, Russia

✉ alina.perm@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования партийной принадлежности гласных уездных земств Пермской губернии, избранных в 1909 г. Интерес к данным земским выборам обусловлен тем, что они проводились в условиях постреволюционной стабилизации и первого этапа реализации столыпинской аграрной реформы, а также нового порядка избрания уездных гласных от крестьян, что, как показало исследование, отразилось на поведении и предпочтениях земского электората. Политические итоги пермских выборов анализируются в сравнении с результатами в других губерниях, в том числе с «крестьянскими» земствами – Вологодской, Вятской и Олонецкой. Источниковую базу проведенного исследования составили документы официального делопроизводства Главного управления по делам местного хозяйства и Департамента полиции МВД Российской

© Кирьянов И.К., Ехлакова А.Р., 2026

© Kir'yanov I., Ekhlakova A., 2026

империи, канцелярии Пермского губернатора и Пермского губернского по земским и городским делам присутствия, отложившиеся в центральных и региональном архивах, а также газетные публикации «Пермской земской недели» – официального органа пермского губернского земства. В рамках проведенного исследования самостоятельный интерес представляла технология сбора сведений о партийной принадлежности уездных гласных и методика ее идентификации. Анализ показал, что официальная статистика отражала общую тенденцию поправления настроений в российской провинции, характерную для периода постреволюционной стабилизации, но без поворота к реакции и безоглядному подчинению местного самоуправления правительственной власти. Однако, по мнению авторов, информация о партийной принадлежности гласных уездных земств указанного периода, все чаще вводимая в научный оборот, может рассматриваться лишь в качестве индикативной, но не абсолютной, в силу ряда особенностей формирования источников, ее содержащих.

Ключевые слова: гласные уездных земств, земские выборы, земские электоральные циклы 1909/1910 и 1912/1913 гг., провинциальная многопартийность, идентификация партийности

Благодарности: Исследование выполнено в рамках государственного задания (№ 124021400020-6, «Многоуровневая политика в современном мире: институциональное и социокультурное измерения»).

Для цитирования: Кирьянов И.К., Ехлакова А.Р. Партийность гласных уездных земств и проблема ее корректной идентификации: кейс Пермской губернии 1909 года // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 758–794, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-3>; EDN: CCYIAF

Party Affiliation of Uyezd Zemstvo Members and the Problem of Its Correct Identification: The Case of Perm Governorate, 1909

Abstract. The article represents the results of a study devoted to the party affiliation of the uyezd zemstvo members elected in 1909 in Perm Governorate. Interest in these zemstvo elections is explained by the fact that they were held in the context of post-revolutionary stabilization, the first stage of the Stolypin agrarian reform, and a new procedure for electing uyezd deputies from peasants, which, as the study showed, influenced the activity and preferences of the zemstvo electorate. The political results of the elections in Perm are analyzed in comparison with the results in other governorates, including the governorates with “peasant” zemstvos, such as Vologda, Vyatka and Olonets governorates. The source base for this research included official records from the Main Directorate for Local Economy and the Police Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, the office of the Perm Governor, and the Perm Governorate Office for Zemstvo and City Affairs, stored in central and regional archives. The articles from the *Permskaya Zemskaya Nedelya*, the official organ of the Perm governorate zemstvo, were also used. The procedure of collecting information on the party affiliation of uyezd zemstvo members and the method of its identification were of particular interest for this research. The study showed that the official statistics reflected a general trend of public sentiment to incline to the right in the Russian province, which was typical of the period of post-revolutionary stabilization but involved no reaction or unconditional subordination of local self-government to the government authority. However, the authors of the article emphasize that the information on the party affiliation of the uyezd zemstvo members for the given period is introduced into scholarly discourse more and more often but may be considered as indicative rather than absolute because of a number of specific features in the formation of the sources containing that information.

Keywords: uyezd zemstvo members, zemstvo elections, zemstvo electoral cycles of 1909/1910 and 1912/1913, provincial multi-party system, identification of party affiliation

Acknowledgements: The study was performed carried out within the framework of the state assignment (topic no. 124021400020-6 “Multi-Level Politics in the Modern World: Institutional and Socio-Cultural Aspects”).

For citation: Kiryanov, I.K., and A.R. Ekhlakova. “Party Affiliation of Uyezd Zemstvo Members and the Problem of Its Correct Identification: The Case of Perm Governorate, 1909.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 758–94, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-3>; EDN: CCYIAF

Введение

Длительное время в историографии земского самоуправления в Российской империи рассмотрение сюжета о политических ориентациях гласных в основном исчерпывалось вниманием к феномену земского либерализма, причем данный тезис справедлив в отношении исследований как дореволюционных авторов¹, так и советских историков². При этом, едва ли не первая попытка периодизации политической истории земства во второй половине XIX – начале XX вв. принадлежала американской исследовательнице Р. Мэннинг, определившей, в частности, период с лета 1907 по 1917 г. как время делового сотрудничества поправевших земских учреждений с правительственной властью³.

В постсоветской историографии тема политизации деятельности институтов местного самоуправления в системе дуалистической монархии⁴, включая

¹ См., например: Белоконский И.П. Земское движение. Москва: Задруга, 1914; Веселовский Б.Б. Земские либералы. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1906; Шаховской Д. Политические течения в русском земстве // Юбилейный земский сборник: 1864–1914 / под редакцией Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. Санкт-Петербург: Издание товарищества О.Н. Поповой, 1914. С. 437–467. Исключение в этом ряду в силу более широкого подхода составляет фундаментальный труд Б.Б. Веселовского по истории земства в России, в частности, его заключительный том, см.: Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1911. Т. 4.

² См., например: Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. Москва: Наука, 1977; Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. Москва: Наука, 1985.

³ См.: Manning R.T. The Zemstvo and Politics, 1864–1914 // The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government / edited by T. Emmons, W.S. Vucinich. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. P. 133–176.

⁴ См., например: Карпачев М.Д. Земство в политической системе российского самодержавия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2023. № 4. С. 14–23. EDN: CXBSRB; Королева Н.Г. Земство и Всероссийские политические партии 1907–1914 гг. Санкт-Петербург: Петроглиф, 2025. EDN: YRTXGN; Мацузато К., Абрамов В.Ф., Ярцев А.А. Земский феномен: политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001. Также см.: Porter T.,

участие земских деятелей в функционировании Государственной Думы⁵, привлекает устойчивый междисциплинарный академический интерес. Это нашло выражение и в развитии исследований на региональном уровне, в которых анализируются земские выборы 1909/1910 гг. и партийная принадлежность избранных уездных гласных⁶.

Развитию исследований в данном направлении способствовало освоение такого пласта источников как материалы Главного управления местного хозяйства при Министерстве внутренних дел, к системному изучению которых первым проторил дорожку в позднесоветский период В.С. Дякин, охарактеризовавший структуру земских избирателей и гласных на основе сведений, собранных чиновниками в 1909 и 1913 гг. в ходе подготовки к пересмотру Положения о земских учреждениях⁷.

Отдельную категорию данных, аккумулирующихся в Главном управлении местного хозяйства, составляет информация о партийной принадлежности губернских и уездных гласных. Следует подчеркнуть, что мониторинг провинциальной многопартийности со стороны официальных структур в межреволюционный период проводился достаточно регулярно. Так, в мае

Gleason W. The Zemstvo and the Transformation of Russian Society // Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I / edited by M.S. Conroy. Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998. P. 60–88.

⁵ См., например: *Соловьев К.А. Земские деятели в Государственной думе (1907–1914) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 67–81. EDN: TJAACST; Сенина А.В., Тургенев Е.Г. Земские учреждения как социальные лифты: вертикальная мобильность из земств в высшие представительные органы законодательной власти в поздней Российской империи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 161–177. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS; Егоров А.Н. Избирательные кампании в I и II Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: власть, общество, избиратели // *Historia provinciae – журнал региональной истории. 2025. Т. 9, № 3. С. 699–752. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>, EDN: HFAFAQ**

⁶ См., например: *Кондрашин Д.В. Политическая борьба гласных в Елабужском уездном земстве Вятской губернии в период 1905–1910 гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdnom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg> (дата обращения: 07.03.2026); Баданов В.Г. Олонское земство в политической жизни Российской империи (1867–1913) // *Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал. 2025. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoj-imperii-1867-1913> (дата обращения: 07.03.2026); Кобзева Т.А. Земская избирательная система и выборы в местные органы самоуправления в 1907–1916 гг. (на материалах Симбирской губернии) // *Власть. 2011. № 1. С. 113–117. EDN: NCNAXD***

⁷ См.: *Дякин В.С. Земство в третьей империи (структура избирателей и гласных) // Исторические записки. 1987. Т. 115. С. 127–141. EDN: YUOLOU*

1908 г. вице-директор Департамента полиции в подготовленной справке о деятельности местных отделов легальных политических партий отметил следующее:

Принадлежность отдельных граждан к той или иной политической партии лучше всего, казалось бы, характеризует преобладающее настроение населения Империи и служит показателем отношения его к текущим мероприятиям правительства. В целях выяснения этого настроения населения и имея в виду почти двухлетний с 17 октября 1905 года срок формирования русских политических партий Департамент полиции в сентябре 1907 года затребовал циркулярно от Губернаторов и Градоначальников сведения о том, какие именно легальные политические партии действуют во вверенных им губерниях <...> и замечается ли их рост в сравнении с другими более левыми партиями, или наоборот, постепенный упадок⁸.

12 августа 1909 г. Отдел земского хозяйства Главного управления по делам местного хозяйства МВД направил в адрес губернаторов «поуездный бланк» для сбора сведений о новых составах уездных земских собраний, включавший следующие пункты отчетности: тип избирательного собрания (первое, второе, от сельских обществ), число гласных по расписанию, количество избранных гласных, в том числе гласных прежнего состава; принадлежность гласных к политическим партиям: правым, умеренным, левым. При этом в примечании к бланку содержалась расшифровка, касавшаяся последней позиции, в соответствии с которой к «правым» относились монархические партии; к «умеренным» – Союз 17 октября, партии правового порядка и мирного обновления, а также беспартийные; к «левым» – кадеты и революционные партии⁹. Аналогичный подход был применен к оценке партийного состава земских гласных в тех губерниях, где выборы проводились в 1910 г., а затем и в отношении очередного электорального цикла 1912–1913 гг.¹⁰ Впервые же сведения о принадлежности к политическим партиям «руководящего большинства гласных в земских собраниях» Главное управление по делам местного хозяйства собирало через губернаторов в мае 1907 г., правда, тогда

⁸ О легальных политических партиях // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. Оп. 116. Д. 164. Л. 266.

⁹ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 1, 4.

¹⁰ Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 4–19, 42–64.

использовались еще две пограничные идентификации – «умеренные, примыкающие к правым» и «умеренные, примыкающие к левым»¹¹.

Таким образом, в распоряжении министерских чиновников той поры, впрочем, как и современных исследователей, оказался весьма информативный материал по динамике расклада политических сил в уездных собраниях земской России, позволяющий оценивать влияние партийного начала на деятельность органов местного самоуправления в новом политическом пространстве Российской империи – политической системе дуалистической монархии. Между тем, адекватность полученных сведений о «политической партийности земских гласных», как и точность измерения в любом мониторинге, зависела, как минимум, от объективности используемых показателей, методов сбора информации и компетентности сотрудников, занимавшихся сбором первичных данных. Поэтому вполне правомерен вопрос: кто и как собирал и обрабатывал эти первичные данные о партийном составе земских гласных?

Наше внимание к земскому электоральному циклу 1909/1910 гг.¹² обращено в силу следующих обстоятельств. Во-первых, земские выборы проводились в условиях постреволюционной стабилизации и первого этапа реализации столыпинской аграрной реформы, а также нового порядка избрания уездных гласных от крестьян, введенного указом от 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных сословий», в соответствии с которым отменялось «правило об утверждении губернатором земских гласных от сельских обществ из числа кандидатов, избранных волостными сходами», а сельским обывателям, «обладающим установленным цензом, помимо надельной земли», предоставлялось право «участвовать во вторых земских избирательных съездах и собраниях независимо от участия их в выборах гласных от сельских обществ уезда»¹³. Во-вторых, именно по отношению к этим выборам в фондах

¹¹ Сведения о принадлежности к политическим партиям руководящего большинства гласных в земских собраниях // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 2. Л. 52^а–52^б.

¹² В 1909 г. земские выборы на очередное трехлетие были проведены в 14 губерниях (Бессарабской, Владимирской, Вологодской, Вятской, Екатеринославской, Московской, Новгородской, Олонецкой, Орловской, Пермской, Саратовской, Таврической, Тверской, Уфимской), в 1910 г. – в 20 губерниях (Воронежской, Казанской, Калужской, Костромской, Курской, Нижегородской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, С-Петербургской, Симбирской, Смоленской, Тамбовской, Тульской, Харьковской, Херсонской, Черниговской, Ярославской).

¹³ № 28392. – Октября 5. Именной Высочайший указ, данный Сенату. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XXVI.

Государственного архива Пермского края отложились исходные материалы проведенного сбора сведений о партийной принадлежности уездных гласных.

Организация и ход мониторинга партийной принадлежности земских гласных

Итак, получив циркуляр из столицы, канцелярия пермского губернатора 31 августа направила соответствующее предписание 12-ти уездным исправникам. Последним, приславшим требуемые данные в Пермь 14 октября, был осинский исправник. После проверки и редактирования в канцелярии губернатора итоговая таблица «Состав гласных уездных собраний 1909–1912 гг.» за подписью губернатора А.В. Болотова была отправлена в Петербург 9 ноября 1909 г.¹⁴

Источниками информации для уездных исправников были донесения станowych приставов (базовый материал), запросы к городским полицмейстерам и коллегам из других уездов («тамошний исправник»), а также уже «имеющиеся сведения» и «слухи», курсировавшие среди местного населения. Канцелярия губернатора имела и дополнительный источник – сведения, поступающие от председателей уездных съездов земских начальников.

Идентификация политико-партийной ориентации избранных гласных в рапортах уездных исправников отличается широким разнообразием и своеобразным сочетанием собственно партийности, как формальной («партия союз Русского народа», «партия союза 17 октября», «октябрист левого толка», «октябрист правого толка», «торгово-промышленная партия», «конституционно-демократическая партия», «партия социал-демократов»), так и неформальной («правая партия», «партия монархистов», «партия умеренных», «партия прогрессистов», «партия умеренных прогрессистов», «прогрессивная партия», «левая партия»), и политико-идеологических направлений («крайне правый», «правый», «монархист», «прогрессист», «левый»). Витиеватыми идентификациями отличился верхотурский исправник в своем рапорте от 17 сентября: ««По убеждениям принадлежит к прогрессивной партии, но указать какой затруднительно, подозревается кадетствующим»; «Прогрессист, кадетствующий умеренно», «Умеренный прогрессист, сочувствующий партии 17 Октября»¹⁵.

В свою очередь оханский исправник оперировал следующими предположениями по поводу партийной принадлежности гласных: «может быть

1906 г. Отделение 1. От № 27173 до 28753 и дополнения. Санкт-Петербург: Государственная типография, 1909. С. 891–893.

¹⁴ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 2–38 об.

¹⁵ Там же. Л. 10 об.

причислен к партии социал-демократов», «может быть причислен к партии союза 17 октября», «может быть причислен к партии правых»¹⁶.

В ряде случаев информация полицейских чинов явно не соответствовала действительному положению дел. Так, чердынский исправник охарактеризовал политические убеждения старейшего местного земского деятеля, многолетнего председателя уездной управы Н.С. Селиванова как «правые»¹⁷, тогда как тот в 1906 г. участвовал в первых думских выборах в качестве члена Конституционно-либеральной партии г. Перми, а будучи депутатом, входил в группу демократических реформ, а также вступил в партию мирного обновления, приняв деятельное участие в ее организации¹⁸. Справедливости ради, следует отметить, что чердынский исправник в очередном своем рапорте, информируя губернатора о формировании на чрезвычайном уездном земском собрании 9 октября состава управы, а также об избрании в очередной раз Селиванова председателем, скорректировал собственную идентификацию последнего: «Избранные лица по убеждениям своим в политическом отношении вполне благонадежны»¹⁹.

Красноуфимский исправник в рапорте от 24 сентября указал на принадлежность к социал-демократии братьев Шевелиных – золотопромышленника Константина Артемьевича и основателя и владельца Натальинского стекольного завода Ивана Артемьевича, 12 лет возглавлявшего уездную земскую управу. Между тем, в историко-краеведческой литературе, так или иначе затрагивающей судьбы Шевелиных, нигде не упоминается о социал-демократическом следе в их биографии²⁰, за исключением того, что одна из квартир доходного дома К.А. Шевелина, расположенного в центре Красноуфимска, в 1905–1907 гг. использовалась местными большевиками в качестве явочной квартиры, о чем свидетельствует установленная в советское

¹⁶ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 26–26об.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ См.: Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 553.

¹⁹ Дело о назначении председателя и членов Чердынской уездной управы на трехлетие с 1909 года // ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 206. Л. 1.

²⁰ См., например: *Жужин Н.С., Дворников И.П.* Сарана. Красноуфимск: [Б. и.], 2009; *Ладыгина Т.А., Волкова Н.И.* Перешагнувшие через время (памятные объекты г. Красноуфимска земского периода) // Формирование и сохранение земских традиций здравоохранения и образования на Урале: материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений (Красноуфимск, 17 февраля 2015 г.) / ответственный за выпуск Е.В. Сабурова. Екатеринбург: Лифт, 2015. С. 110–119.

время на фасаде здания мемориальная доска²¹. Впрочем, канцелярия губернатора все же посчитала братьев «левыми».

Губернские чиновники в большинстве случаев ориентировались на сведения, полученные от исправников, даже тогда, когда у них самих появлялись сомнения. Так, в рапорте шадринского исправника от 18 сентября указание на то, что избранный гласным мещанин А.О. Машуков принадлежит к «социал-демократической» партии, было подчеркнуто, а на полях был поставлен знак вопроса, что явно указывало на некоторые сомнения, но не помешало в итоге отнести его к «левым»²². Интересно, что дальнейшая судьба Машукова говорит скорее об ошибочности подобной идентификации: в колчаковский период он занимал должность городского головы, ушел вместе с белыми в Петропавловск, впоследствии был арестован и расстрелян в Омске в 1920 г.²³

Скандалную ситуацию спровоцировал рапорт екатеринбургского исправника, в ответ на который правитель канцелярии губернатора З.М. Благоданов 29 сентября отписал полицейскому, указав на допущенную ошибку:

На рапорт от 20 сего сентября за № 746 ~~считаю должным указать~~ (зачеркнуто в тексте. – И. К., А. Е.), даю знать Вашему Высокоблагородию, что партийность земских гласных по Екатеринбургскому уезду, избранных на трехлетие с 1909 года, Вам мало известна,

В новом рапорте от 25 октября исправник, кропотливо отработав, сообщал, что скорректированная «оценка партийности гласных, проживающих в городе, сделана по сведениям екатеринбургского полицмейстера, по соглашению с последним»²⁴.

Причины появления некорректной информации разнообразны. Прежде всего они были связаны с состоянием самой провинциальной многопартийности, переживавшей в постреволюционное время деградацию организационных структур и «прогрессировавший упадок политической деятельности»²⁵. В этой

²¹ Барабанов А.А., Бессонова О.А., Войтенко А.А. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область. Екатеринбург: Сократ, 2008. С. 445.

²² О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 12.

²³ Купец-промышленник Машуков // Шадринская газета «Ваша Выгода». ok.ru. URL: <https://m.ok.ru/group/52854471065781/topic/160747847146421> (дата обращения: 07.03.2026).

²⁴ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 15–16; 31–31об.

²⁵ См.: Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России). Челябинск: Челябинский государственный университет, 1995. Ч. 1. С. 86–87, 90.

ситуации возможно ли было ожидать, что многие из гласных, особенно из крестьянской среды, способны на четкое определение своей политической позиции? Да и чинам общей полиции, профилем которых были административные правонарушения и уголовные преступления, было затруднительно разобраться во всех тонкостях партийной идентификации. Впрочем, что говорить об общей полиции, когда еще совсем недавно чины политической полиции весьма часто оказывались в подобном же положении. В этой связи актуальным представляется замечание современного историка А.Н. Егорова по поводу особенностей работы с таким источником как жандармские донесения:

Используя эти документы, необходимо учитывать, что низкий уровень политической дифференциации населения, отсутствие в прошлом оживленной политической жизни в провинции не способствовали обогащению политического опыта местных жандармов. Не сумев разобраться в бурных событиях революции, когда даже в мелких уездных городках возникали организации неведомых ранее партий, служащие жандармских управлений допускали немало ошибок, путая представителей разных партий. <...> Поэтому все сведения, полученные из документов ГЖУ, нуждаются в дополнительной проверке по другим источникам. Справедливости ради отметим, что ошибки встречаются, в основном, в документах до середины 1906 г. Впоследствии жандармы разобрались, кто к какой партии принадлежит, и ошибок стало меньше²⁶.

Усугублял положение и в общем-то низкий образовательный уровень полицейских чиновников, в том числе уездных исправников и становых приставов, не говоря уже о нижних полицейских чинах – урядниках и стражниках. Просопографическое исследование С.М. Рязановым полицейского корпуса Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. показало, что лучшим, но далеко не распространенным показателем для исправников и приставов являлось неоконченное среднее образование²⁷.

²⁶ Егоров А.Н. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. № 3 (49), т. 1. С. 35. EDN: RULYOX

²⁷ См.: Рязанов С.М. Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Пермь: Российское военно-историческое общество, 2017. С. 169; Рязанов С.М. Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 59. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA. Аналогичным был уровень образования и для уездных исправников, служивших в Сибири, см.: Ермолаев А.Н. Уездный исправник Сибири

Не во всех случаях рапорты подавали штатные исправники – дважды это делали лица, исполнявшие должность исправника, и однажды – временно исполнявший должность. Вполне вероятно, что эти служащие не в полной мере владели необходимой информацией. Показательно, что и в начале 1909 г. при сборе сведений согласно циркуляру Департамента полиции от 10 февраля по поводу образования в Петербурге «особого Комитета из представителей всех революционных и оппозиционных партий, имеющий (так в тексте. – И. К., А. Е.) целью вызвать к жизни по примеру 1904 и 1905 гг. протесты всех слоев населения для объединения всех недовольных существующим порядком», в четырех случаях рапорты были подписаны лицами, исполнявшими должности уездных исправников, что в немалой степени затянуло процесс – финальный документ от губернатора ушел в Петербург только 23 июня²⁸.

Также сложно ожидать исчерпывающей полноты и достоверности от информации, базировавшейся на слухах и непроверенных данных. Так, председатель красноуфимского уездного съезда в июльском представлении губернатору о состоявшихся выборах гласных от сельских обществ определил одного из них – конторщика Михайловского завода Н.Д. Тезякова – как кадета, но в октябрьском представлении по поводу его избрания членом управы чиновник отметил:

в настоящее время, ознакомившись с Тезяковым лично и собрав о нем более подробные сведения, я должен взять свои слова обратно. По этим последним сведениям, Тезяков – вполне благонадежный человек и никакими крайними политическими взглядами не заражен. Правда, в дни свобод он участвовал в Михайловской трудовой артели, но вскоре был исключен оттуда, как человек совершенно не подходящий по взглядам и явившийся туда только в качестве умиротворяющего начала. В отношении работоспособности Тезякова также сомнения быть не может: в достаточной степени развитой, вполне серьезный и безусловно прекрасно знакомый с условиями местной жизни. Тезяков будет лучшим земским работником²⁹.

в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов // Вестник Томского государственного университета. История. 2025. № 93. С. 44. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH

²⁸ Циркуляр пермского губернатора о представлении сведений о существующих в уездах революционных и оппозиционных партиях и их деятельности, рапорты уездных исправников // ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 1403. Л. 1–21.

²⁹ Дело о назначении председателя и членов Красноуфимской уездной земской управы на трехлетие с 1909 года // ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 234. Л. 6.

Тезяков был утвержден членом управы, но в партийной статистике земских гласных, направленной в Петербург, он остался единственным «левым», избранным в Красноуфимском уезде от сельских обществ.

Или другой, еще более показательный, пример. Чрезвычайным верхотурским уездным собранием 11 октября членом управы был избран работавший на Нижне-Синячихинском заводе крестьянин И.Ф. Ячменев, по поводу которого уездный исправник отмечал, что тот «подозревается в принадлежности к левой демократической партии, в обществе и среди рабочих пользуется доверием», но все же полагал, что он «на должности члена земской управы примкнет более к правым партиям и будет соответствовать своему назначению». Правда, оказалось, что в 1907 г. Ячменев за участие в «незаконном сельском сходе» был арестован, а после отбытия тюремного заключения «административно выслан» в Екатеринбургский уезд. В ходе разбирательства выяснилось, что становой пристав направил исправнику донесение о том, что Ячменев «политически благонадежен, несудим и проч.», не упомянув об его аресте и высылке. В результате гласный от крестьян не был утвержден членом управы, хотя в деле имеется документ, подписанный Ячменевым в качестве члена управы еще в сентябре 1909 г., т.е. до выборов нового состава уездной земской управы³⁰.

В итоговой таблице, составленной в губернском правлении, «партийный» расклад нового состава уездных гласных был представлен следующим образом: «правые» – 72; «умеренные» – 111; «левые» – 28, в том числе от собрания мелких и крупных землевладельцев, соответственно – 41, 65, 19; от сельских обществ, соответственно – 31, 46, 9³¹.

Итоги выборов в земских губерниях Российской империи, 1909/1910 и 1912/1913 гг.

В целом, в избирательном цикле 1909/1910 гг. «правые» получили абсолютное большинство в корпусе уездных гласных в 18 губерниях, относительное большинство – еще в 2 губерниях, тогда как «умеренные» (по министерской идентификации) – соответственно, в 7 и 7. В следующем избирательном цикле 1912/1913 гг. общая картина не претерпела принципиальных изменений: «правые» преобладали в составе уездных гласных в 18 губерниях, а заручились относительным большинством в 3 губерниях; «умеренные» – соответственно, в 8 и 4. Доминирование «правых» усилилось в 7 губерниях, где они и до того верховодили (Бессарабская, Курская,

³⁰ Дело о назначении председателя и членов Верхотурской уездной земской управы на трехлетие с 1909 года // ГАПК. Ф. 43. Оп. 2. Д. 207. Л. 8 об., 20, 21.

³¹ О доставлении в МВД сведений о политической партийности земских гласных избранных на трехлетие с 1909 г. // ГАПК. Ф. 43. Оп. 1. Д. 220. Л. 38 об.

Нижегородская, Орловская, Полтавская, Псковская, Рязанская губернии), возросло их влияние в Вятской, Смоленской, Ярославской губерниях, при этом они ослабили свои позиции в Вологодской и Олонецкой губерниях, а в Казанской губернии уступили абсолютное большинство в пользу относительного большинства «умеренных». Особенным результатом выборов 1912 г. стало обретение «левыми» относительного большинства в уфимском корпусе уездных гласных (с 35 человек в прежнем составе до 64), при этом «левые» увеличили свою численность еще в 21 губернии, но сократили – в 12, особенно значительно в Вятской – с 68 до 41 человека. Те или иные тренды в партийных раскладах во многом зависели от стабильности состава земских гласных. Так, в Бессарабской губернии уровень переизбираемости составлял 59,1 и 57,7 % (самые высокие показатели в обоих случаях), а в Вятской губернии – 21,9 и 30,1 % (самые низкие показатели в обоих случаях)³². Вместе с тем, аналитики из Главного управления по делам местного хозяйства фиксировали утрату той остроты в борьбе партий на земских выборах, которая была характерна для избирательного цикла 1906/1907 гг., и констатировали, что

по-видимому, земство ныне возвращается к тому времени, когда на выборах соревновались между собою отдельные группы избирателей, объединенных видными местными деятелями на почве земских интересов³³.

Весьма значимыми, учитывая эволюцию электорального поведения крестьянского населения, представляются итоги выборов в губерниях с «крестьянскими» земствами – Вологодской (48,7 % гласных избирались только от крестьянской курии, не считая крестьянских гласных, которые могли быть избраны от 2-го избирательного собрания – курии мелких землевладельцев), Вятской (54,9 %), Олонецкой (68,6 %) и Пермской (40,7 %).

Корреспонденты «Пермской земской недели» отмечали возросшую активность сельских избирателей и в Вятской губернии («отовсюду идут вести, что интерес к земским выборам со стороны крестьян сильно повышен, чего не наблюдалось раньше»³⁴), и в Пермской («нельзя не заметить прежде всего глубокого поворота крестьян в отношениях к земству»³⁵), связывая это главным образом с изменением порядка избрания уездных гласных от сельских обществ.

³² Расчет произведен на основании: Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 4–19, 42–64.

³³ Свод сведений о ходе выборов земских гласных на трехлетие с 1912 г. по 13 губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 23.

³⁴ О земстве // Пермская земская неделя. 1909. № 16 (16 апреля). С. 19.

³⁵ По поводу земских выборов // Пермская земская неделя. 1909. № 27 (2 июля). С. 2.

Крестьянские выборщики критически отнеслись к деятельности гласных из своей среды, избранных в 1906 г. на основе старого положения, когда гласных от сельских обществ из числа кандидатов утверждал губернатор. Так, вятский наблюдатель отмечал, что

волостные сходы, за самыми ничтожными исключениями, выражают резко отрицательное отношение к прежнему составу гласных, а особенно к той разрушительной работе, которой так прославились за эти три года вятские новоземцы, пойдя вразрез с самыми лучшими традициями одного из самых передовых русских земств, вятского, уничтожая 5-ти рублевые сельские библиотеки, внешкольное образование, текущую статистику, книжный склад и т.д. Поэтому на волостных сходах прежние гласные и даже члены управ или явно черносотенного направления, или же малосознательные беспощадно «прокатываются на вороных», выбор же падает на ярких прогрессистов. Теперь уже забаллотирован ряд «столпов» черносотенства, обыкновенно приятелей и друзей председателей управ, ставленников кн. Горчакова³⁶.

В результате такого отношения из прежнего состава было переизбрано только 5,3 % гласных. В трех других губерниях этот показатель выше: в Вологодской – 9,7 %, Олонецкой – 19,4 %, Пермской – 22,1 %. На следующих выборах 1912 г. корпус гласных от сельских обществ оказался более устойчивым – доля переизбранных земцев составила, соответственно 20,0 (в Вятской губернии); 19,7; 33,3 и более 40 % (в источнике отсутствуют точные данные по Пермской губернии)³⁷.

Свое влияние на электоральный выбор крестьян оказала и аграрная реформа, в рамках реализации которой четыре выделенных губернии являлись отстающими в процессе закрепления наделной земли в собственность. В большинстве случаев при выборе гласных от сельских обществ выборщики отдавали предпочтение тем, кто сохранил связь с общинным землепользованием. Например, по данным «Пермской земской недели», в Оханском уезде из 8 гласных, избранных крестьянами, шестеро занимались земледелием на наделной, один – на общинной и подворной, а еще один – на собственной и частью на арендуемой земле; в Шадринском уезде семеро избранных хозяйствовали на общинной земле и только один – на отрубной³⁸.

³⁶ О земстве // Пермская земская неделя. 1909. № 16 (16 апреля). С. 19.

³⁷ Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 4–19, 42–64.

³⁸ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 36 (3 сентября). С. 17.

В аналитической справке Главного управления по делам местного хозяйства обращалось внимание на такую черту электорального поведения крестьян в 1912 г., приводившую к «недобору» гласных от сельских обществ, как

взаимное забаллотирование выборщиков от крестьян, в виду желания каждого из них лично пройти в гласные и занять какую-либо платную должность по земству³⁹.

В четырех рассматриваемых случаях ситуация выглядела следующим образом: в Вологодской губернии вакантными остались 9 мест из 94 или 9,6 % (в 1909 г. не добрали 1 гласного), Вятской – 2 из 110 или 1,8 % (в 1909 г. были избраны все гласные), Олонецкой – 3 из 72 или 4,2 % (в 1909 г. недобор составил 5 гласных), Пермской – 7 из 88 или 8,0 % (в 1909 г. – 2). Самый высокий показатель в 1912 г. был зафиксирован в Новгородской губернии – 14 %, а в 1913 г. – в Костромской (25,8 %), Псковской (15,1 %) и Калужской (13,7 %).

Сравнивая губернии с «крестьянскими» земствами по партийной принадлежности гласных от сельских обществ, избранных в 1909 г., следует отметить доминирование «правых» в Вологодской и Олонецкой губерниях (соответственно, 62,4 % и 58,2 %), «умеренных» – в Пермской (53,5 %) и относительное преобладание «умеренных» (44,6 %) при значимой доле «левых» (31,3 %) – в Вятской. В 1912 г. официальная статистика зафиксировала в качестве «умеренных» 81,2 % гласных, избранных от крестьянской курии в Олонецкой губернии, в Пермской – этот показатель составил 51,9 %, а в Вологодской и Вятской – местные власти отчитались о примерном паритете между «правыми» и «умеренными».

У нас имеется возможность сравнить официальную статистику 1909 г. по группе гласных от сельских обществ с данными, опубликованными в газете «Пермские губернские ведомости» и перепечатанными в органе губернского земства «Пермская земская неделя»⁴⁰. Этот вариант политической дифференциации гласных отличается большей дробностью, совмещением категорий лево-правого спектра с собственно партийной принадлежностью и включает 15 позиций: правый (21 чел.), монархист (3), умеренный правый (1), беспартийный правый (11), умеренный (3), беспартийный умеренный (2), умеренный либерал (2), октябрист (1), умеренный прогрессист (2), кадет (2), левый прогрессист (1), левый (8), социал-демократ (1), трудовик (1),

³⁹ Свод сведений о ходе выборов земских гласных на трехлетие с 1912 г. по 13 губерниям // РГИА. Ф. 1288. Оп. 2. Д. 46. Л. 40.

⁴⁰ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 36 (3 сентября). С. 17. Ссылка на перепечатанный материал связана с плохой сохранностью оригинального издания именно за этот год.

беспартийный (29). Учитывая административную связь «Пермских губернских ведомостей» с губернским правлением⁴¹, можно предположить, что опубликованные данные представляли собой информацию по «горячим следам» о состоявшихся выборах, полученную чиновниками в губернском центре еще до того, как уездные исправники приступили к исполнению циркулярного предписания губернатора от 31 августа, которым до них была доведена новая методика идентификации партийности.

Если применить «официальную» методику партийной идентификации к данным из «Пермских губернских ведомостей», то получим следующие результаты: «правые» – 25; «умеренные» – 50; «левые» – 13. Как видим, они не имеют принципиальных отличий от сведений, отосланных в Петербург, но свидетельствуют об определенной корректировке, проведенной либо вследствие получения уточненных данных, либо по причине банальной лояльности по отношению к начальству.

В свою очередь корреспонденты «Пермской земской недели», комментируя ход выборов в уральских губерниях, сообщали о том, что в гласные проходили в большинстве случаев «прогрессисты», «люди прогрессивные», понимая под ними лиц, «более или менее понимающих нужды и интересы крестьянства»⁴², шире – «людей, преданных земскому делу»⁴³, ориентированных на обновление земства, прежде столь зависимого от губернской администрации. Подобная идентификация никоим образом не была увязана с партийной принадлежностью, о чем свидетельствует, например, вывод корреспондента об итогах выборов в одном из уездов: «Таким образом теперь определился весь состав будущих собраний Осинского земства и может быть назван прогрессивным (так в тексте. – И. К., А. Е.)»⁴⁴, при этом, согласно официальной статистике, расклад был следующим: «правые» – 10, «умеренные» – 5, «левые» – 0.

⁴¹ См.: Волгирева Г.П., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // Вестник Пермского университета. История. 2007. № 3 (8). С. 79–88. EDN: HZTXEB

⁴² См.: О земстве // Пермская земская неделя. 1909. № 15 (9 апреля). С. 23; № 19 (7 мая). С. 28; По поводу земских выборов // Пермская земская неделя. 1909. № 27 (2 июля). С. 3.

⁴³ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 28 (9 июля). С. 24.

⁴⁴ Выборы земских гласных по Пермской губ. // Пермская земская неделя. 1909. № 29 (16 июля). С. 28.

Заключение

Направленные губернской администрацией в столицу сведения о партийной принадлежности корпуса уездных гласных Пермской губернии, сформированного в результате земских выборов 1909 г., отражали общую тенденцию поправления настроений в российской провинции, характерную для периода постреволюционной стабилизации, но без поворота к реакции и безоглядному подчинению местного самоуправления правительственной власти. Об этом, в частности, свидетельствуют результаты другого нашего исследования, посвященного участию органов местного самоуправления в череде юбилейных исторических кампаний начала XX в., открывших для земских учреждений возможность в качестве мнемонических акторов конкурировать на поле символической политики с агентами местной администрации⁴⁵.

Вместе с тем, особенности партийной идентификации, принятые в структурах государственной власти Российской империи, обязательность для местной администрации реагировать на запросы из центра в соответствии с предлагаемыми критериями и ее же стремление не оказаться в числе попустительствующих оппозиционным силам или ошибающихся в их пользу, с одной стороны, и неукорененность провинциальной многопартийности, вдобавок ослабленной правительственными репрессиями в постреволюционный период, с другой стороны, позволяют использовать информацию о партийной принадлежности гласных уездных земских собраний, все чаще вводимую в научный оборот из таких исторических источников как «Свод сведений о составе уездных гласных по губерниям» от Главного управления по делам местного хозяйства МВД и первичных материалов, собранных губернскими администрациями, в качестве индикативной, но не абсолютной.

⁴⁵ Ехлакова А.Р., Кирьянов И.К. Имперская юбилеямания начала XX века и органы местного самоуправления: кейс Пермской губернии // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 4 (71). С. 116. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR

Introduction

For a long time, in the historiography of zemstvo self-government in the Russian Empire, the study of the political orientations of zemstvo members was largely limited to the phenomenon of zemstvo liberalism, and this statement is true regarding the studies of both pre-revolutionary authors¹ and Soviet historians.² At the same time, American researcher R. Manning might be the first who attempted to periodize the political history of the zemstvo in the second half of the 19th – early 20th centuries. In particular, she defined the period from the summer of 1907 to 1917 as a time of business cooperation between the zemstvo institutions (who joined the right-wing community) and the government authorities.³

In post-Soviet historiography, there has been a constant interdisciplinary academic interest in the politicization of the activities of local self-government institutions in the system of dualistic monarchy,⁴ including the participation of zemstvo members in the work of the State Duma.⁵ It resulted in the increased number of studies at the

¹ See, e.g., I.P. Belokonskii, *The Zemstvo Movement* [in Russian] (Moscow: Zadruga, 1914); B.B. Veselovskii, *Zemstvo Liberals* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1906); D. Shakhovskoi, "Political Trends in the Russian Zemstvo" [in Russian], in *Jubilee Zemstvo Collection: 1864–1914*, ed. B.B. Veselovskii, and Z.G. Frenkel' (St Petersburg: Izdanie tovarishchestva O.N. Popovoi, 1914), 437–67. Due to a broader approach used, B. Veselovskii's fundamental work on the history of zemstvo in Russia, in particular, its final volume makes an exception in terms of a broader approach. See, B.B. Veselovskii, *History of Zemstvo for Forty Years* [in Russian], vol. 4 (St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1911).

² See, e.g., N.M. Pirumova, *The Zemstvo Liberal Movement. Social Roots and Evolution Until the Early 20th Century* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1977); K.F. Shatsillo, *Russian Liberalism on the Eve of the Revolution of 1905–1907. Organization. Programs. Tactics* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1985).

³ See R.T. Manning, "The Zemstvo and Politics, 1864–1914," in *The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government*, ed. T. Emmons, and W.S. Vucinich (Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982), 133–76.

⁴ See, e.g., M.D. Karpachev, "Zemstvo in the Political System of the Russian Autocracy" [in Russian], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 4 (2023): 14–23, EDN: CXBSRB; N.G. Koroleva, *The Zemstvo and All-Russian Political Parties, 1907–1914* [in Russian] (St Petersburg: Petroglyph, 2025), EDN: YRTXGN; K. Matsuzato, V.F. Abramov, A.A. Yartsev, *The zemstvo phenomenon: A political science approach* [in Russian] (Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001). Also see, T. Porter, W. Gleason "The Zemstvo and the Transformation of Russian Society," *Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I*, ed. M.S. Conroy (Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998): 60–88.

⁵ See, e.g., K.A. Solov'ev, "Zemstvo Figures in the State Duma (1907–1914)" [in Russian], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4 (2014): 67–81, EDN: TJAAC; A.V. Senina, and E.G. Turgenev, "Zemstvo Institutions as Social Lifts: The Vertical Mobility from Zemstvos to Higher Representative bodies of Legislative Power in the Late Russian

regional level, which analyzed the zemstvo elections of 1909/1910 and the party affiliation of the elected uyezd zemstvo members.⁶

Research productivity was facilitated thanks to the materials from the Main Directorate for Local Economy under the Ministry of Internal Affairs. They were first systematically studied in the late Soviet period by V. Dyakin, who characterized the organization of zemstvo voters and uyezd zemstvo members based on the information collected by officials in 1909 and 1913 during the preparation of the revised Statute on Zemstvo Institutions.⁷

The information about the party affiliation of governorate and uyezd zemstvo members constitutes a separate category of data collected in the Main Directorate for Local Economy. It should be emphasized that the official institutions regularly monitored the provincial multiparty activity during the inter-revolutionary period. In May 1908, vice-director of the Police Department prepared a report on the activities of local departments of legal political parties. He noted:

It seems that the party affiliation of individual citizens best characterizes the prevailing public sentiments in the Empire and serves as an indicator of people's attitude to the current government activities. In order to clarify this attitude and having in mind the period of nearly two years starting from October 17, 1905 when Russian political parties were formed, in September 1907, the Police Department sent circular letters to governors and city mayors and requested information about legal political parties existing in the governorates entrusted to

Empire" [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (63) (2023): 161–77, <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS; A.N. Egorov, "Election Campaigns to the First and Second State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Power, Society, Electorate," *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 3 (2025): 699–752, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>; EDN: HFAFAQ

⁶ See, e.g., D.V. Kondrashin, "Political Struggle of Zemstvo Members in Yelabuga Uyezd of Vyatka Governorate in 1905–1910" [in Russian], *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1 (127) (2023), accessed March 7, 2026, <https://cyberleninka.ru/article/n/politichesкая-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg>; V.G. Badanov, "The Olonets Zemstvo in the Political Life of the Russian Empire (1867–1913)" [in Russian], *Studia Humanitatis. Mezhdunarodnyi ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1 (2025), accessed March 7, 2026, <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoy-imperii-1867-1913>; T.A. Kobzeva, "The Zemstvo Electoral System and Elections to Local Self-government Bodies in 1907–1916 (Based on the Materials from Simbirsk Governorate)" [in Russian], *Vlast'*, no. 1 (2011): 113–17, EDN: NCNAXD

⁷ See, V.S. Dyakin, "Zemstvo in the Third-June Monarchy (Structure of Voters and Members)" [in Russian], *Istoricheskie zapiski*, vol. 115, 127–41.

them. . . and whether their growth is noticeable in comparison with other left-wing parties, or, on the contrary, there is their gradual decline.⁸

In order to collect information about the new composition of uyezd zemstvo assemblies in August 12, 1909, the Department of Zemstvo Economy of the Main Directorate for Local Economy sent a “form” to the governors of all uyezds, which included the following reporting aspects: type of electoral assembly (the first, the second, or from rural communities), number of appointed uyezd zemstvo members, number of elected zemstvo members, including ones of the previous composition, uyezd zemstvo members belonging to political parties: right-wing, moderate, or left-wing. There was also a note to the form which explained the last aspect: the “right-wing” included monarchist parties; the “moderate” implied the Union of October 17, the Party of Legal Order, the Party of Peaceful Renovation, and non-partisans; and the “left-wing” included cadets and revolutionary parties.⁹ A similar approach was applied to assess the party affiliation of zemstvo members in the governorates where elections were held in 1910, and then in relation to the next electoral cycle of 1912–13.¹⁰ In May 1907, it was the first time when the Main Directorate for Local Economy collected information about the party affiliation of the “majority of administrators in zemstvo assemblies” through the governors; however, two other borderline identifications were used at that time: “moderate adjacent to the right wing” and “moderate adjacent to the left wing.”¹¹

Thus, as well as modern researchers, the ministry officials of that time possessed a very informative material concerning the dynamics of the alignment of political forces in the uyezd assemblies of zemstvo Russia. This makes it possible to determine how the party influenced the activity of local self-government in the new political space of the Russian Empire, i.e. in the political system of the dualistic

⁸ “O legal'nykh politicheskikh partiyakh” [On the legal political parties]. F. 102, op. 116, d. 164, l. 266. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁹ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, ll. 1, 4. Gosudarstvennyi arkhiv Permskogo kraya [State Archive of Perm Krai] (GAPK), Perm, Russia.

¹⁰ “Svod svedenii o sostave uezdnykh glasnykh po guberniyam” [Report on the composition of uyezd zemstvo members in each governorate]. F. 1288, op. 2, d. 46, ll. 4–19, 42–64. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

¹¹ “Svedeniya o prinadlezhnosti k politicheskim partiya rukovodyashchego bol'shinstva glasnykh v zemskikh sobraniyakh” [Information about the party affiliation of the leading majority of the members in the zemstvo assemblies]. F. 1288, op. 2, d. 2, ll. 52^a–52^b. RGIA.

monarchy. Meanwhile, the relevance of the obtained information on the “political affiliation of zemstvo members,” as well as the precision in any monitoring, depended on the objectivity of the indexes used, the methods of collecting information, and the competence of the staff involved in collecting primary data. Therefore, it is quite reasonable to pose the question: who and how collected and processed this primary data on the party affiliation of zemstvo members?

We fixed our attention on 1909/1910 zemstvo electoral cycle¹² for the following reasons. Firstly, zemstvo elections were held under the conditions of post-revolutionary stabilization during the first stage of implementation of the Stolypin agrarian reform, as well as in the context of the new procedure for electing uyezd members from peasants, which was introduced by the decree “On the Abolition of Certain Restrictions on the Rights of Rural Residents and Other Former Taxable Population” dated October 5, 1906. This decree abolished the rule according to which “the governor should appoint zemstvo members from the rural communities, elected by volost gatherings”; also, the rural residents, “who had the necessary qualification in addition to allotment land” were granted the right to “to participate in the second zemstvo electoral congresses and meetings regardless of their participation in the elections of members from the rural communities of the uyezd.”¹³ Secondly, it was these elections that the State Archive of Perm Krai deposited the original materials about the party affiliation of uyezd zemstvo members.

Organization and Monitoring of the Party Affiliation of Zemstvo Members

On August 31, after receiving a circular letter from the capital, the Perm governor’s administration sent a corresponding order to 12 uyezd police chiefs. Osa police chief was the last to send the required data to Perm on October 14. In the governor’s office, the resulting table “Composition of Uyezd Assembly Members in 1909–1912” was checked, edited, signed by governor A. Bolotov, and sent to St Petersburg on November 9, 1909.¹⁴

¹² In 1909, zemstvo elections for the next three years were held in 14 governorates (Bessarabia, Vladimir, Vologda, Vyatka, Yekaterinoslav, Moscow, Novgorod, Olonets, Orel, Perm, Saratov, Taurida, Tver, and Ufa governorates), and in 20 governorates in 1910 (Voronezh, Kazan, Kaluga, Kostroma, Kursk, Nizhny Novgorod, Penza, Poltava, Pskov, Ryazan, Samara, St Petersburg, Simbirsk, Smolensk, Tambov, Tula, Kharkov, Kherson, Chernigov, and Yaroslavl governorates).

¹³ “No. 28392. – October 5th. The Nominal Supreme Order to the Senate. ‘On the Abolition of Certain Restrictions on the Rights of Rural Residents and Other Former Taxable Population’” [in Russian], *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 3.*, vol. 26, 1906, sec. 1, *From no. 27173 to no. 28753 and additions* (St Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1909), 891–93.

¹⁴ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the

The sources of information for uyezd police chiefs were reports from the district police officers (basic material), requests to city police chiefs and colleagues from other uyezds (“police chiefs from there”) as well as “available information” and “rumors” that spread among the local population. The governor’s administration also had such an additional source as information received from the chairmen of uyezd congresses of zemstvo heads.

The reports of the uyezd police chiefs are various in terms of identification of political and party orientation of the elected members; they are characterized by the peculiar combination of the partisanship proper, both formal (the Union of the Russian People, the Union of October 17, the left-wing Octobrist, the right-wing Octobrist, the Commercial and Industrial Party, the Constitutional Democratic Party, the Party of Social Democrats) and informal (the right-wing party, the party of monarchists, the party of moderates, the party of progressists, the party of moderate progressists, the progressive party, the left-wing party), and political and ideological trends (extreme rightist, rightist, monarchist, progressist, leftist). The report prepared by the Verkhotur’e police chief dated September 17 was quite fanciful in identifications: “His political beliefs tend to the Progressive Party, but it is difficult to precise, he seems to be a cadet”; “a progressist with moderate cadet ideas”; “a moderate progressist who sympathizes with the Party of October 17.”¹⁵

The Okhansk police chief was making the following assumptions about the party affiliation of zemstvo members: “He may be considered a member of the Party of Social Democrats,” “may be considered a member of the Union of October 17,” “may be considered a member of the right-wing party.”¹⁶

In some cases, the information obtained from police officials obviously did not correspond to the real party affiliation. For example, the Cherdyn police chief characterized the political beliefs of N. Selivanov (the oldest local zemstvo activist and long-term chairman of the uyezd council) as “right.”¹⁷ But in 1906, Selivanov participated in the first Duma elections as a member of the Constitutional Liberal Party of Perm. As a deputy, he was a member of the group supporting democratic reforms, and he also joined the Party of Peaceful Renovation, taking an active part in its organization.¹⁸ In fairness, we should note that in his next report, when the Cherdyn police chief informed the governor that during the extraordinary uyezd

party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, ll. 2–38 ob. GAPK.

¹⁵ Ibid., l. 10 ob.

¹⁶ Ibid., l. 26–26 ob.

¹⁷ Ibid., l. 7.

¹⁸ See V.V. Shelokhaev, ed., *The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. An Encyclopedia* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008), 553.

zemstvo assembly a new council was formed and Selivanov was elected chairman once again on October 9, the Cherdyn police chief corrected his own identification of Selivanov: “The elected persons are quite trustworthy in their political beliefs.”¹⁹

In his report dated September 24, the Krasnoufimsk police chief pointed out that the Shevelin brothers (gold miner Konstantin Artemyevich and Ivan Artemyevich, the founder and owner of the Natalyinsk Glass Factory, who headed the uyezd zemstvo council for 12 years) shared the ideas of social democracy. However, the local history literature containing information about the Shevelins mentions no social democratic trace in their biography.²⁰ The only fact mentioned is that an apartment in the apartment building in downtown Krasnoufimsk that belonged to K. Shevelin was used by the local Bolsheviks as a secret address in 1905–07 (it can be proved by a memorial plaque, which was installed on the facade of the building in the Soviet period).²¹ Nevertheless, the governor’s office still considered the brothers “leftists.”

The data received from the police chiefs was the key source of information for the governorate officials even when the latter had doubts. For example, in his report dated September 18, the Shadrinsk police chief indicated that petty bourgeois A. Mashukov who was elected deputy was a member of the Socialist Democratic party, but this indication was underlined and there was a question mark in the margin, which expressed doubts but did not prevent the police chief from considering Mashukov a “leftist.”²² It is interesting that Mashukov’s subsequent biography showed the fallacy of such identification: during the Kolchak period he was a mayor, left for Petropavlovsk with the Whites, and then was arrested and shot in Omsk in 1920.²³

¹⁹ “Delo o naznachenii predsedatelya i chlenov Cherdynskoi uездnoi upravly na trekhletie s 1909 goda” [The case on the appointment of the chairman and members of the Cherdyn uyezd council for three years since 1909]. F. 43, op. 2, d. 206, l. 1. GAPK.

²⁰ See, e.g., N.S. Zhuzhin, and I.P. Dvornikov, *Sarana* [in Russian] (Krasnoufimsk: [n. p.], 2009); T.A. Ladygina, and N.I. Volkova, “Stepping over Time (Memorial Objects of Krasnoufimsk from the Zemstvo Period)” [in Russian], in *Formation and Preservation of Zemstvo Traditions of Healthcare and Education in the Urals: Proceedings of the 5th Mizerov Local History Readings (Krasnoufimsk, February 17, 2015)*, ed. E.V. Saburova (Yekaterinburg: Lift, 2015), 110–19.

²¹ A.A. Barabanov, O.A. Bessonova, and A.A. Voitenko, *A Collection of Historical and Cultural Monuments of Sverdlovsk Oblast* [in Russian], vol. 2, *Sverdlovsk Oblast* (Yekaterinburg: Sokrat, 2008), 445.

²² “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, l. 12. GAPK.

²³ “Merchant and industrialist Mashukov” [in Russian], Shadrinsk newspaper *Vasha Vygoda*, ok.ru, accessed March 7, 2026, <https://m.ok.ru/group/52854471065781/topic/160747847146421>

The scandalous situation was provoked by the report of the Yekaterinburg police chief, in response to which Z. Blagonravov, the governor's office administrator, wrote on September 29:

In relation to the report dated September 20, no. 746, ~~I consider it my duty to point out~~ (crossed out in the text. – I. K., A. E.), I let Your Excellency know that the party affiliation of the Yekaterinburg uyezd zemstvo members who were elected for the three-year term in 1909 is little known to you.

He pointed to the mistake he made. The police chief had thoroughly studied the issue, and in his new report dated October 25, he stated that the adjusted “data on the party affiliation of members living in the city was made according to the information provided by the Yekaterinburg police officer and in agreement with him.”²⁴

The reasons for the appearance of incorrect information are diverse. First of all, they were connected with the provincial multi-party system itself, its organizational and structural degradation, and a “progressive decline in political activity” observed in the post-revolutionary period.²⁵ In that situation, was it possible to expect that many members, especially from among the peasants, were capable of clearly defining their political position? Moreover, it was difficult for the police officers who were responsible for administrative and criminal offenses to understand all details of party identification. It was not surprising at all with regard to the general police because until quite recently, even the political policemen very often found themselves in a similar situation. In this respect, the remark of the modern historian A. Egorov about the peculiarities of working with such sources as gendarme reports seems quite relevant:

Using these documents, it is necessary to take into account the fact that the poor political differentiation of the population and the lack of the great political activity in the province in the past did not contribute to enriching the political experience of local gendarmes. Having failed to understand the turbulent events of the revolution, when organizations of previously unknown parties appeared even in small uyezd towns, the gendarme officials made many mistakes, mixing up the representatives of different parties. . . Therefore, all information obtained from the Governorate Gendarmerie Department needs additional verification

²⁴ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, ll. 15–16; 31–31 ob. GAPK.

²⁵ See I.V. Narskii, *Russian Provincial Partisanship: Political Associations in the Urals before 1917 (More on Democratic Tradition in Russia)* [in Russian], pt. 1 (Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1995), 86–87, 90.

according to other sources. To be fair, the mistakes occur mainly in the documents dated before the middle of 1906. Later, the gendarmes studied who belongs to which party and there were fewer mistakes.²⁶

The situation was also aggravated by the generally low education level of police officials, including uyezd police chiefs and district police officers, not to mention the lower policemen such as constables and guards. A prosopography of the Perm Governorate police corps of the late 19th – early 20th centuries compiled by S. Ryazanov showed that incomplete secondary education was the highest but not the most common level of education of police chiefs and officers in the late 19th – early 20th century.²⁷

The reports were not always submitted by regular police chiefs: twice it was done by acting police chiefs, and once by a temporary police chief. It is likely that those employees were not completely aware of the necessary information. At the beginning of 1909, the Police Department issued a circular letter dated February 10 concerning the formation in St Petersburg of “a special Committee consisting of representatives of all revolutionary and opposition parties, which was aimed at bringing to life, following the example of 1904 and 1905, the protests of all social groups in order to unite everyone dissatisfied with the existing order.” It is significant that in four cases, the reports prepared in accordance with the circular were signed by acting uyezd police chiefs, which significantly hampered the process: the governor sent the final document to St Petersburg only on June 23.²⁸

It is also difficult to expect complete and reliable information if it is based on rumors and unverified data. For example, in his July report to the governor about the

²⁶ A.N. Egorov, “Documents of Governorate Gendarmerie Departments as a Source for Forming the Image of a Provincial Liberal (Based on the Materials from Vologda and Novgorod Governorates)” [in Russian], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (49), vol. 1 (2013): 35, EDN: RULYOX

²⁷ See S.M. Ryazanov, *The Police of Perm Governorate during the First World War* [in Russian] (Perm: Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, 2017), 169; S.M. Ryazanov, “Lower Ranks of the Uyezd Police in the Russian Province (Second Half of the 19th – early 20th Century)” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 91 (2024): 59, <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA. The level of education was similar for the uyezd police chiefs who served in Siberia, see A.N. Ermolaev, “The Uyezd Police Chief of Siberia in 1867–1917: A Collective Portrait Based on the Case of Kuznetsk and Mariinsk Uyezds” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 93 (2025): 44, <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH

²⁸ “Tsirkulyar permskogo gubernatora o predstavlenii svedenii o sushchestvuyushchikh v uezdkh revolyutsionnykh i oppozitsionnykh partiakh i ikh deyatelnosti, raporty uezdnykh ispravnikov” [Circular letter from the Perm governor on providing information about the revolutionary and opposition parties existing in the uyezds and their activities, reports of the uyezd police chiefs]. F. 65, op. 1, d. 1403, ll. 1–21. GAPK.

election of deputies from rural communities, the chairman of the Krasnoufimsk uyezd congress identified one of them (N. Tezyakov, a clerk of the Mikhailovsky factory) as a cadet, but in the October report about his election as a member of the council, the chairman noted:

Today, having acquainted with Tezyakov personally and having collected more detailed information about him, I must take my words back. According to the latest information, Tezyakov is a completely trustworthy person and he is not infected with any extreme political ideas. To tell the truth, in the days of freedom, he participated in the Mikhailovskaya labor artel but was soon expelled as a person completely unreliable in his views, who had joined the artel only as a pacifying principle. There is also no doubt about Tezyakov's potential: he is sufficiently educated, quite serious, and certainly aware of the conditions of local life. Tezyakov will be the best zemstvo worker.²⁹

Tezyakov was approved a member of the city council, but in the party statistics of zemstvo members sent to St Petersburg, he remained the only "leftist" elected in Krasnoufimsk Uyezd from rural communities.

And here is another, even more representative example. On October 11, the extraordinary Verkhotur'sk uyezd assembly elected to the town council a peasant named I. Yachmenev, who worked at the Nizhnyaya Sinyachikha factory. The uyezd police chief noted that he was "suspected of belonging to the left-wing democratic party, enjoyed confidence in society and among the workers." Nevertheless, the police chief still believed that "being a member of the zemstvo council," Yachmenev "would join the right-wing parties and would satisfy that appointment." However, in 1907 Yachmenev was arrested for participating in an "illegal rural rally" and after serving his prison sentence was "administratively exiled" to Yekaterinburg Uyezd. During the trial, it turned out that the local police officer had reported to the police chief that Yachmenev was "politically trustworthy, had not been convicted, etc.," but he did not mention his arrest and expulsion. As a result, the city deputy did not approve the peasant representative, although there is a document signed by Yachmenev as a member of the city council on September 1909, i.e. before the election of a new uyezd zemstvo council.³⁰

²⁹ "Delo o naznachenii predsedatelya i chlenov Krasnoufimskoi uezdnoi upravly na trekhletie s 1909 goda" [The case on the appointment of the chairman and members of the Krasnoufimsk uyezd zemstvo office for three years since 1909]. F. 43, op. 2, d. 234, l. 6. GAPK.

³⁰ "Delo o naznachenii predsedatelya i chlenov Verkhotur'skoi uezdnoi upravly na trekhletie s 1909 goda" [The case on the appointment of the chairman and members of the Verkhotur'sk uyezd zemstvo office for three years since 1909]. F. 43, op. 2, d. 207, ll. 8 ob., 20, 21. GAPK.

In the final table prepared by the governorate administration, the party affiliation of members of the newly composed uyezd zemstvo members was as follows: 72 rightists; 111 moderates; 28 leftists, including 41, 65, and 19 representatives from the assembly of small and large landowners respectively; 31, 46, 9 from rural communities respectively.³¹

Election Results in the Zemstvo Governorates of the Russian Empire in 1909/1910 and 1912/1913

In the 1909/1910 electoral cycle, the right-wing received an absolute majority among uyezd members in 18 governorates and a relative majority in 2 more governorates. The moderates (according to the ministerial identification) got the same result in 7 and 7 governorates respectively. In the following electoral cycle of 1912/1913, the results did not change significantly: the right-wing uyezd zemstvo members prevailed in 18 governorates and received a relative majority in 3 governorates; the moderates did in 8 and 4 governorates respectively. The dominance of the right-wing increased in 7 governorates, where they had dominated already (in such governorates as Bessarabia, Kursk, Nizhny Novgorod, Oryol, Poltava, Pskov, Ryazan ones); their influence increased in Vyatka, Smolensk, Yaroslavl Governorates; they became less numerous in Vologda and Olonets governorates, and in Kazan Governorate they lost an absolute majority in favor of a relative majority of moderates. The left-wing received a relative majority in the Ufa uyezd zemstvo (from 35 people in the previous composition to 64), and it was a specific result of the 1912 elections. Moreover, the number of the left-wing zemstvo members increased in 21 other governorates but decreased in 12, particularly from 68 to 41 zemstvo members in Vyatka. Their party affiliation largely depended on the stability of the composition of zemstvos. For example, in Bessarabia Governorate, the re-election rate was 59.1% and 57.7% (the highest rates in both cases), and in Vyatka Governorate it was 21.9% and 30.1% (the lowest rates in both cases).³² At the same time, analysts from the Main Directorate for Local Economy noted that the struggle among the parties, which was characteristic of 1906/1907 electoral cycle, became less tense during the zemstvo elections. The analysts also stated:

³¹ “O dostavlenii v MVD svedenii o politicheskoi partiinosti zemskikh glasnykh izbrannykh na trekhletie s 1909 g.” [On the delivery to the Ministry of Internal Affairs of information about the party affiliation of zemstvo members elected for three years since 1909]. F. 43, op. 1, d. 220, l. 38 ob. GAPK.

³² Calculated according to “Svod svedenii o sostave uezdnykh glasnykh po guberniyam” [Report on the composition of uyezd councils in each governorate]. F. 1288, op. 2, d. 46, ll. 4–19, 42–64. RGIA.

apparently, the zemstvo is now returning to the time when the election struggle starts among separate groups of voters, united by prominent local figures on the basis of zemstvo interests.³³

Given the change in the electoral behavior of the peasants, the results of elections in governorates with “peasant” zemstvos are of particular interest. They include Vologda Governorate (48.7% of zemstvo members were elected only from the peasant curia, not including the peasants that could be elected from the 2nd electoral assembly, i.e. the curia of small landowners); Vyatka Governorate (54.9%); Olonets Governorate (68.6%); and Perm Governorate (40.7%).

Correspondents of the *Permskaya Zemskaya Nedelya* emphasized the increased activity of rural voters in Vyatka Governorate (“news is coming from everywhere that interest in the zemstvo elections has greatly increased among the peasants, which was not observed before”³⁴) and in Perm Governorate (“one cannot help noticing that the peasants have completely changed their minds towards the zemstvo”³⁵), explaining this fact by a change in the procedure for electing uyezd zemstvo members from rural communities.

The peasant electors were critical of the activities of the peasant representatives, who were elected in 1906 on the principles of the old provision, when the members from rural communities were approved by the governor. A Vyatka observer noted:

with the rarest exceptions, volost meetings sharply disapprove of the former composition of zemstvo members. And particularly they disapprove of the destructive work for which the new Vyatka zemstvo members became so famous during these three years: they break with the best traditions of the Vyatka zemstvo, which is one of the most advanced Russian zemstvos; they destroy 5-ruble rural libraries, extracurricular education, current statistics, book storage, etc. Therefore, at volost gatherings, the former zemstvo members and even the members of zemstvo councils as well as those of clear orientation towards the Black Hundreds or poorly conscious figures are easily “blackballed,” while the choice falls on outstanding progressives. And now a number of Black Hundred “pillars,” usually acquaintances and friends of the chairmen or proteges of Prince Gorchakov, have already been voted down.³⁶

³³ “Svod svedenii o khode vyborov zemskikh glasnykh na trekhletie s 1912 g. po 13 guberniyam” [Report on the course of the elections of zemstvo members for the three-year period from 1912 in 13 governorates]. F. 1288, op. 2, d. 46, l. 23. RGIA.

³⁴ “On Zemstvo” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 16, April 16, 1909, 19.

³⁵ “On Zemstvo Elections” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 27, July 2, 1909, 2.

³⁶ “On Zemstvo” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 16, April 16, 1909, 19.

As a result of this attitude, only 5.3% of the previous composition were re-elected. In three other governorates, the figure is higher: 9.7% in Vologda Governorate, 19.4% in Olonets Governorate, and 22.1% in Perm Governorate. During the next elections in 1912, the composition of zemstvo members from rural communities proved to be more stable: the share of re-elected zemstvo members was 20.0% in Vyatka Governorate, 19.7% in Vologda Governorate, 33.3% in Olonets Governorate, and more than 40% in Perm Governorate (the source does not provide exact data for Perm Governorate).³⁷

The agrarian reform also had an impact on the electoral choice of peasants: within its implementation, securing allotted land in ownership was not successful in these four governorates. In most cases, when choosing zemstvo members from rural communities, the electors preferred those who participated in communal land use. For example, according to the *Permskaya Zemskaya Nedelya*, out of eight zemstvo members elected by peasants in Okhansk Uyezd, six were engaged in farming on allotted land, one worked on communal and farmstead land, and another one worked on his own and partly on leased land; in Shadrinsk Uyezd, seven elected members worked on communal land and only one did on allotted land.³⁸

The analytical report from the Main Directorate for Local Economy drew attention to the following feature of the electoral behavior of peasants in 1912, which led to a “shortage” of members from rural communities:

mutual blackballing of electors from among the peasants due to the desire of each of them to become a member and take up some paid position in the zemstvo.³⁹

In the four cases under study, the situation was as follows: 9 out of 94 posts or 9.6% were vacant in Vologda Governorate (in 1909, only one post was vacant); 2 out of 110 posts or 1.8% were vacant in Vyatka Governorate (in 1909, all members were elected); 3 out of 72 posts or 4.2% were vacant in Olonets Governorate (in 1909, there was a shortage of 5 members); 7 out of 88 posts or 8.0% were vacant in Perm Governorate (in 1909, 2 posts were vacant). The figure was the highest in Novgorod Governorate (14%) in 1912; in Kostroma Governorate (25.8%), Pskov Governorate (15.1%), and Kaluga Governorate (13.7%) in 1913.

³⁷ “Svod svedenii o sostave uездных гласных по губерниям” [Report on the composition of uyezd zemstvo members by governorate]. F. 1288, op. 2, d. 46, ll. 4–19, 42–64. RGIA.

³⁸ “Election of Zemstvo Members in Perm Governorate” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 36 (1909), September 3, 17.

³⁹ “Svod svedenii o khode vyborov zemskikh гласных на трехлетие с 1912 г. по 13 губерниям” [Report on the course of the elections of zemstvo members for the three-year period from 1912 in 13 governorates]. F. 1288, op. 2, d. 46, l. 40. RGIA.

Comparing governorates with “peasant” zemstvos by party affiliation of the members from rural communities elected in 1909, we should note the dominance of the right-wing in Vologda and Olonets governorates (62.4% and 58.2%, respectively), of the moderates in Perm Governorate (53.5%), and relative predominance of the moderates (44.6 %) with a significant share of the left-wing (31.3%) in Vyatka Governorate. In 1912, the official statistics recorded 81.2% of moderate members chosen from the peasant curia in Olonets Governorate; in Perm Governorate that figure was 51.9%, and there was an approximate parity between the right-wing and the moderates in Vologda and Vyatka Governorates.

We have an opportunity to compare the official statistics of 1909 on the members from rural communities with the data published in the *Permskie Gubernskie Vedomosti* newspaper and reprinted in the governorate zemstvo’s edition *Permskaya Zemskaya Nedelya*.⁴⁰ This version of political differentiation of members is characterized by greater fragmentation, combining the left-wing and the right-wing groups with the precise party affiliation, and includes 15 groups: rightist (21 persons), monarchist (3), moderate rightist (1), non-partisan rightist (11), moderate (3), non-partisan moderate (2), moderate liberal (2), Octobrist (1), moderate progressive (2), cadet (2), left progressive (1), leftist (8), social democrat (1), trudovik (1), non-partisan (29). Taking into account the administrative connection between the *Permskie Gubernskie Vedomosti* and the governorate administration,⁴¹ we can assume that the published data were “hot on the heels” of the elections and had been received by the governorate officials even before the uyezd police chiefs started to execute the circular order dated August 31 from the governor, who provided them a new instruction on party identification.

If we apply the “official” method of party identification to the data from the *Permskie Gubernskie Vedomosti*, we get the following results: 25 rightists; 50 moderates; 13 leftists. As we can see, they do not differ significantly from the information sent to St Petersburg but indicate a certain adjustment made either as a result of receiving updated data or because of banal loyalty to the authorities.

Commenting on the course of elections in the Ural governorates, the correspondents of the *Permskaya Zemskaya Nedelya* reported that in most cases “progressists” or “progressive people” succeeded, i.e. the correspondents implied the

⁴⁰ “Elections of Zemstvo Members in Perm Governorate,” 17. The reference is made to the reprinted source due to the poor preservation of the original edition for that particular year.

⁴¹ See G.P. Volgireva, S.I. Kornienko, and S.V. Pigaleva, “Source-Study Analysis of the Newspaper *Permskie gubernskie vedomosti* (19th – Early 20th Century) as a Basis for Designing and creating an Information System” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (8) (2007): 79–88, EDN: HZTXEBS

persons who “more or less understood the needs and interests of the peasantry”⁴² or, in a broader sense, “people devoted to the zemstvo activity”⁴³ and focused on the renewal of their zemstvos, which was previously so dependent upon the governorate administration. Such identification had nothing to do with the party affiliation, as can be seen, for example, from the correspondent’s conclusion about the election results in one of the uyezds: “Thus, the whole composition of future meetings of Osa Zemstvo has now been determined and may be called progressive.”⁴⁴ At the same time, according to the official statistics, the result were as follows: 10 rightists; 5 moderates; 0 leftists.

Conclusion

The information sent by the governorate administration to the capital about the party affiliation of the corps of uyezd zemstvo members in Perm Governorate, which was formed as a result of the 1909 zemstvo election, reflected a general tendency of public sentiment to incline to the right in the Russian province, which was typical of the period of post-revolutionary stabilization but involved no reaction or unconditional subordination of local self-government to the government authority. This idea is also proved by the results of our other study into the participation of local self-government in historical jubilee campaigns of the early 20th century, which made it possible for zemstvo institutions as mnemonic actors to compete with local administration in the field of symbolic politics.⁴⁵

At the same time, on the one hand, there were peculiarities of party identification adopted in the state power bodies of the Russian Empire as well as the obligation for the local administration to respond to requests from the center in accordance with the proposed criteria and its desire not to condone the opposition or make mistakes in their favor. On the other hand, the provincial multi-party system was not firmly established, moreover, it was weakened by government repression in the post-revolutionary period. For all those reasons, the information about the party affiliation of uyezd zemstvo members (which is more and more often introduced into scientific

⁴² See “On Zemstvo” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 15, April 9, 1909, 23; no. 19, May 7, 28; “On Zemstvo Elections” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 27, July 2, 1909, 3.

⁴³ “Elections of Zemstvo Members in Perm Governorate” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 28, July 9, 1909, 24.

⁴⁴ “Elections of Zemstvo Members in Perm Governorate” [in Russian], *Permskaya zemskaya nedelya*, no. 29, July 16, 1909, 28.

⁴⁵ A.R. Ekhlakova, and I.G. Kir'yanov, “Imperial Jubilemania of the Early 20th Century and Local Government Bodies: The Case of Perm Governorate” [in Russian], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (71) (2025): 116, <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR

use from such historical sources as primary materials collected by governorate administrations and the Report on the Composition of Uyezd Zemstvo Members by Governorate issued by the Main Directorate for Local Economy of the Ministry of Internal Affairs) may be considered indicative but not absolute.

Список литературы

Баданов В.Г. Олонецкое земство в политической жизни Российской империи (1867–1913) // *Studia Humanitatis. Международный электронный научный журнал.* 2025. № 1. URL: <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoy-imperii-1867-1913> (дата обращения: 07.03.2026).

Барабанов А.А., Бессонова О.А., Войтенко А.А. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 2. Свердловская область. Екатеринбург: Сократ, 2008. 648 с.

Белокопский И.П. Земское движение. Москва: Задруга, 1914. 397 с.

Веселовский Б.Б. Земские либералы. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1906. 22 с.

Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет: в 4 т. Санкт-Петербург: Издательство О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. 868 с.

Волгирева Г.П., Корниенко С.И., Пигалева С.В. Источниковедческий анализ газеты «Пермские губернские ведомости» (XIX – начало XX в.) как основа для проектирования и создания информационной системы // *Вестник Пермского университета. История.* 2007. № 3 (8). С. 79–88. EDN: HZTXEB

Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 735 с.

Дякин В.С. Земство в третьеиюньской монархии (структура избирателей и гласных) // *Исторические записки.* 1987. Т. 115. С. 127–141. EDN: YUOLOU

Егоров А.Н. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // *Вестник Череповецкого государственного университета.* 2013. № 3 (49), т. 1. С. 34–37. EDN: RULYOX

Егоров А.Н. Избирательные кампании в I и II Государственные думы Российской империи в Вологодской губернии: власть, общество, избиратели // *Historia provinciae – журнал региональной истории.* 2025. Т. 9, № 3. С. 699–752. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>; EDN: HFAFAQ

Ермолаев А.Н. Уездный исправник Сибири в 1867–1917 гг.: коллективный портрет на примере Кузнецкого и Мариинского уездов // *Вестник Томского государственного университета. История.* 2025. № 93. С. 38–46. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH

Ехлакова А.Р., Кирьянов И.К. Имперская юбилеямания начала XX века и органы местного самоуправления: кейс Пермской губернии // *Вестник Пермского университета. История.* 2025. № 4 (71). С. 109–120. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR

Жужин Н.С., Дворников И.П. Сарана. Красноуфимск: [б. и.], 2009. 438 с.

Карпачев М.Д. Земство в политической системе российского самодержавия // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология.* 2023. № 4. С. 14–23. EDN: CXBSRB

Кобзева Т.А. Земская избирательная система и выборы в местные органы самоуправления в 1907–1916 гг. (на материалах Симбирской губернии) // Власть. 2011. № 1. С. 113–117. EDN: NCNAXD

Кондрашин Д.В. Политическая борьба гласных в Елабужском уездном земстве Вятской губернии в период 1905–1910 гг. // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 1 (127). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdnom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg> (дата обращения: 07.03.2026).

Королева Н.Г. Земство и Всероссийские политические партии 1907–1914 гг. Санкт-Петербург: Петроглиф, 2025. 302 с. EDN: YRTXGN

Ладыгина Т.А., Волкова Н.И. Перешагнувшие через время (памятные объекты г. Красноуфимска земского периода) // Формирование и сохранение земских традиций здравоохранения и образования на Урале: материалы V Мизеровских историко-краеведческих чтений (Красноуфимск, 17 февраля 2015 г.) / ответственный за выпуск Е.В. Сабурова. Екатеринбург: Лифт, 2015. С. 110–119.

Мацузато К., Абрамов В.Ф., Ярцев А.А. Земский феномен: политологический подход. Саппоро: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001. 200 с.

Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (К вопросу о демократической традиции в России): в 2 ч. Челябинск: Челябинский государственный университет, 1995.

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. Москва: Наука, 1977. 288 с.

Рязанов С.М. Полиция Пермской губернии в годы Первой мировой войны. Пермь: Российское военно-историческое общество, 2017. 292 с.

Рязанов С.М. Нижние чины уездной полиции в российской провинции (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 52–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA

Сенина А.В., Турганев Е.Г. Земские учреждения как социальные лифты: вертикальная мобильность из земств в высшие представительные органы законодательной власти в поздней Российской империи // Вестник Пермского университета. История. 2023. № 4 (63). С. 161–177. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS

Соловьев К.А. Земские деятели в Государственной думе (1907–1914) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2014. № 4. С. 67–81. EDN: TJAACT

Шаховской Д. Политические течения в русском земстве // Юбилейный земский сборник: 1864–1914 / под редакцией Б.Б. Веселовского, З.Г. Френкеля. Санкт-Петербург: Издание товарищества О.Н. Поповой, 1914. С. 437–467.

Шаццлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. Москва: Наука, 1985. 347 с.

Manning R.T. The Zemstvo and Politics, 1864–1914 // The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government / edited by T. Emmons, W.S. Vucinich. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. P. 133–176.

Porter T., Gleason W. The Zemstvo and the Transformation of Russian Society // Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I / edited by M.S. Conroy. Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998. P. 60–88.

References

- Badanov, V.G. “Olonetskoe zemstvo v politicheskoi zhizni Rossiiskoi imperii (1867–1913)” [The Olonets zemstvo in the political life of the Russian Empire (1867–1913)]. *Studia Humanitatis. Mezhdunarodnyi ehlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1 (2025). Accessed March 7, 2026. <https://st-hum.ru/content/badanov-vg-oloneckoe-zemstvo-v-politicheskoy-zhizni-rossiyskoy-imperii-1867-1913> (In Russian)
- Barabanov, A.A., O.A. Bessonova, and A.A. Voitenko. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Sverdlovskoi oblasti* [A collection of historical and cultural monuments of Sverdlovsk Oblast]. Vol. 2, *Sverdlovskaya oblast'* [Sverdlovsk Oblast]. Yekaterinburg: Sokrat, 2008. (In Russian)
- Belokonskii, I.P. *Zemskoe dvizhenie* [The zemstvo movement]. Moscow: Zadruga, 1914. (In Russian)
- Dyakin, V.S. “Zemstvo v treteiyun'skoi monarkhii (struktura izbiratelei i glasnykh)” [Zemstvo in the Third-June monarchy (structure of voters and members)]. *Istoricheskie zapiski*, vol. 115 (1987): 127–41. EDN: YUOLOU (In Russian)
- Egorov, A.N. “Dokumenty gubernskikh zhandarmskikh upravlenii kak istochnik formirovaniya obraza provintsial'nogo liberala (po materialam Vologodskoi i Novgorodskoi gubernii)” [Documents of governorate gendarmerie departments as a source for forming the image of a provincial liberal (based on the materials from Vologda and Novgorod Governorates)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (49), vol. 1 (2013): 34–37. EDN: RULYOX (In Russian)
- Egorov, A.N. “Election Campaigns to the First and Second State Dumas of the Russian Empire in Vologda Governorate: Power, Society, Electorate.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 9, no. 3 (2025): 699–752. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2025-9-3-3>; EDN: HFAFAQ (In Russian)
- Ekhlakova, A.R., and I.K. Kir'yanov. “Imperskaya yubileemaniya nachala XX veka i organy mestnogo samoupravleniya: keis Permskoi gubernii” [Imperial jubileemania of the early 20th century and local government bodies: The case of Perm Governorate]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (71) (2025): 109–20. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2025-4-109-120>; EDN: DHKNZR (In Russian)
- Ermolaev, A.N. “Uezdnyi ispravnik Sibiri v 1867–1917 gg.: kollektivnyi portret na primere Kuznetskogo i Mariinskogo uezdov” [Uyezd police chief of Siberia in 1867–1917: A collective portrait based on the case of Kuznetsk and Mariinsk uyezds]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 93 (2025): 38–46. <https://doi.org/10.17223/19988613/93/5>; EDN: GSUFZH (In Russian)
- Karpachev, M.D. “Zemstvo v politicheskoi sisteme rossiiskogo samoderzhaviya” [The zemstvo in the political system of Russian autocracy]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*, no. 4 (2023): 14–23. EDN: CXBSRB (In Russian)
- Kobzeva, T.A. “Zemskaya izbiratel'naya sistema i vybory v mestnye organy samoupravleniya v 1907–1916 gg. (na materialakh Simbirskoi gubernii)” [The zemstvo electoral system and elections to local self-government bodies in 1907–1916 (based on the materials from Simbirsk Governorate)]. *Vlast'*, no. 1 (2011): 113–17. EDN: NCNAXD (In Russian)
- Kondrashin, D.V. “Politicheskaya bor'ba glasnykh v Elabuzhskom uezdnom zemstve Vyatskoi gubernii v period 1905–1910 gg.” [Political struggle of zemstvo members in Yelabuga Uyezd of Vyatka Governorate in 1905–1910]. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, no. 1 (127)

(2023). Accessed March 7, 2026. <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskaya-borba-glasnyh-v-elabuzhskom-uezdnom-zemstve-vyatskoy-gubernii-v-period-1905-1910-gg> (In Russian)

Koroleva, N.G. *Zemstvo i Vserossiiskie politicheskie partii 1907–1914 gg.* [The zemstvo and all-Russian political parties, 1907–1914]. St Petersburg: Petroglyph, 2025. EDN: YRTXGN (In Russian)

Ladygina, T.A., and N.I. Volkova. “Pereshaguvshie cherez vremya (pamyatnye ob'ekty g. Krasnoufimska zemskogo perioda)” [Stepping over time (memorial objects of Krasnoufimsk from the zemstvo period)]. In *Formirovanie i sokhranenie zemskikh traditsii zdavookhraneniya i obrazovaniya na Urale: materialy V Mizerovskikh istoriko-kraevedcheskikh chtenii (Krasnoufimsk, 17 fevralya 2015 g.)* [Formation and preservation of zemstvo traditions of healthcare and education in the Urals: Proceedings of the 5th Mizerov local history readings (Krasnoufimsk, February 17, 2015)], edited by E.V. Saburova, 110–19. Yekaterinburg: Lift, 2015. (In Russian)

Manning, R.T. “The Zemstvo and Politics, 1864–1914.” In *The Zemstvo in Russia. An Experiment in Local Self-government*, edited by T. Emmons, and W.S. Vucinich, 133–76. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982.

Matsuzato, K., V.F. Abramov, and A.A. Yartsev. *Zemskii fenomen: politologicheskii podkhod* [The zemstvo phenomenon: A political science approach]. Sapporo: Slavic Research Center; Hokkaido University, 2001. (In Russian)

Narskii, I.V. *Russkaya provintsial'naya partiinost': Politicheskie ob"edineniya na Urale do 1917 g. K voprosu o demokraticheskoi traditsii v Rossii* [Russian provincial partisanship: Political associations in the Urals before 1917 (More on the democratic tradition in Russia)], 2 pts. Chelyabinsk: Chelyabinskii gosudarstvennyi universitet, 1995. (In Russian)

Pirumova, N.M. *Zemskoe liberal'noe dvizhenie: sotsial'nye korni i evolyutsiya do nachala XX veka* [The zemstvo liberal movement: Social roots and evolution until the early 20th century]. Moscow: Nauka, 1977. (In Russian)

Porter, T., and W. Gleason. “The Zemstvo and the Transformation of Russian Society.” In *Emergent Democracy in Late Imperial Russia: Case Studies on Local Self-government (the Zemstvos), State Duma Elections, the Tsarist Government, and the State Council before and during World War I*, edited by M.S. Conroy, 60–88. Niwot, CO: University Press of Colorado, 1998.

Ryazanov, S.M. “Nizhnie chiny uездnoi politsii v rossiiskoi provintsii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)” [Lower ranks of the uyezd police in the Russian province (second half of the 19th – early 20th century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 91 (2024): 52–65. <https://doi.org/10.17223/19988613/91/6>; EDN: SZTDXA (In Russian)

Ryazanov, S.M. *Politsiya Permskoi gubernii v gody Pervoi mirovoi voyny* [The police of Perm Governorate during the First World War]. Perm: Rossiiskoe voenno-istoricheskoe obshchestvo, 2017. (In Russian)

Senina, A.V., and E.G. Turgenev. “Zemskie uchrezhdeniya kak sotsial'nye lifty: vertikal'naya mobil'nost' iz zemstv v vysshie predstavitel'nye organy zakonodatel'noi vlasti v pozdnei Rossiiskoi imperii” [Zemstvo institutions as social lifts: The vertical mobility from the zemstvo to higher representative bodies of legislative power in the late imperial Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (63) (2023): 161–77. <https://doi.org/10.17072/2219-3111-2023-4-161-177>; EDN: AZCQIS (In Russian)

Shakhovskoi, D. “Politicheskie techeniya v russkom zemstve” [Political trends in the Russian zemstvo]. In *Yubileinyi zemskii sbornik: 1864–1914* [Jubilee zemstvo collection: 1864–1914], edited by B.B. Veselovskii, and Z.G. Frenkel', 437–67. St Petersburg: Izdanie tovarishchestva O.N. Popovoi, 1914. (In Russian)

Shatsillo, K.F. *Russkii liberalizm nakanune revolyutsii 1905–1907 gg.* [Russian liberalism on the eve of the revolution of 1905–1907. Organization. Programs. Tactics]. Moscow: Nauka, 1985. (In Russian)

Shelokhaev, V.V., ed. *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii, 1906–1917. Entsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. An encyclopedia]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “Zemskie deyateli v Gosudarstvennoi dume (1907–1914)” [Zemstvo figures in the State Duma (1907–1914)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, no. 4 (2014): 67–81. EDN: TJAACT (In Russian)

Veselovskii, B.B. *Istoriya zemstva za sorok let* [History of the zemstvo for forty years], 4 vols. Vol. 4. St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1911. (In Russian)

Veselovskii, B.B. *Zemskie liberaly* [Zemstvo liberals]. St Petersburg: Izdatel'stvo O.N. Popovoi, 1906. (In Russian)

Volgireva, G.P., S.I. Kornienko, and S.V. Pigaleva. “Istochnikovedcheskii analiz gazety ‘Permskie gubernskie vedomosti’ (XIX – nachalo XX v.) kak osnova dlya proektirovaniya i sozdaniya informatsionnoi sistemy” [Source-study analysis of the newspaper *Permskie gubernskie vedomosti* (19th – early 20th century) as a basis for designing and creating an information system]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, no. 3 (8) (2007): 79–88. EDN: HZTXEB (In Russian)

Zhuzhin, N.S., and I.P. Dvornikov. *Sarana*. Krasnoufimsk: [n. p.], 2009. (In Russian)

Информация об авторах

Игорь Константинович Кирьянов – доктор исторических наук, доцент, заведующий Отделом по исследованию политических институтов и процессов, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>, ikiryanov@yandex.ru, Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук (д. 13а, ул. Ленина, 614000 Пермь, Россия).

Алина Ринатовна Ехлакова – старший преподаватель, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>, alina.perm@mail.ru, Пермский государственный национальный исследовательский университет (15, ул. Букирева, 614068 Пермь, Россия).

Information about the authors

Igor' K. Kir'yanov – Doctor of Historical Sciences, Associate professor, Head of the Department for the Study of Political Institutions and Processes, <https://orcid.org/0000-0002-2866-877X>, ikiryanov@yandex.ru, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (13a, ul. Lenina, 614000 Perm, Russia).

Alina R. Ekhlakova – Senior Lecturer, <https://orcid.org/0000-0002-4192-0474>, alina.perm@mail.ru, Perm State University (15, ul. Bukireva, 614068 Perm, Russia).

Заявленный вклад авторов: Раздел статьи «Организация и ход мониторинга партийной принадлежности земских гласных» подготовлен И.К. Кирьяновым, раздел «Итоги выборов в земских губерниях Российской империи, 1909/1910 и 1912/1913» подготовлен А.Р. Ехлаковой, разделы «Введение» и «Заключение» – в соавторстве. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author Contributions Statement: The section of this article under the heading “Organization and Monitoring of the Party Affiliation of Zemstvo Members” was prepared by I. Kir'yanov, the section “Election Results in the Zemstvo Governorates of the Russian Empire in 1909/1910 and

1912/1913” was prepared by A. Ekhlakova, and the Introduction and the Conclusion sections were co-authored by them. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.04.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 13.04.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 795–849.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 795–849.

Научная статья

УДК 94(47).083

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-4>

<https://elibrary.ru/kzqnvq>

Несостоявшееся убийство П.Н. Милюкова в 1916 г. и реакция русской прессы

Андрей Александрович Иванов

Санкт-Петербургский государственный университет,

Санкт-Петербург, Россия,

andrey.a.ivanov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>

Andrei A. Ivanov

Saint Petersburg State University,

St Petersburg, Russia,

andrey.a.ivanov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>

Аннотация. В статье впервые в историографии подробно рассматривается политический скандал, вызванный появившейся в конце 1916 г. в периодической печати информацией о готовящемся убийстве лидера Конституционно-демократической партии и Прогрессивного блока в Государственной думе П.Н. Милюкова. Заказчиком политического убийства был назван вождь Черной сотни А.И. Дубровин, а мотивом преступления – знаменитая обличительная думская речь Милюкова, произнесенная 1 ноября 1916 г. Этот частный сюжет из истории последних дней существования Российской империи не только обогащает имеющиеся в историографии биографические сведения о Милюкове и Дубровине, но и позволяет изучить применявшиеся в то время либеральным и консервативным лагерями технологии дискредитации своих политических противников. Значительная часть источников, приведенных в статье, впервые вводится в научный оборот. Реконструкция и анализ причин, повода и развития этого политического скандала произведены на основе архивных документов и материалов периодической печати различной политической направленности («Русское слово», «Русские ведомости», «Речь», «День», «Русское знамя», «Земщина», «Голос Руси», «Киевлянин», «Южный край», «Петроградский листок», «Журнал журналов» и др.). Особое внимание уделено трактовкам и оценкам этого политического скандала со стороны либеральной и консервативной прессы. В статье приводятся оценки этой истории, данные известными русскими публицистами начала XX в.: И.М. Василевским, В.М. Дорошевичем, А. Ренниковым, А.И. Тиняковым и др. Обращается внимание на то, что обвинения в адрес Дубровина во многом были схожи с вменявшимися ему ранее в связи с покушением на однопартийца Милюкова, депутата I Государственной

думы М.Я. Герценштейна, убитого в 1906 г. Однако, поскольку скандал 1916 г. не имел трагической развязки, история, начинавшаяся как трагедия, превратилась в фарс. Высказывается гипотеза, что скандал вокруг Дубровина в конце 1916 – начале 1917 гг. был частью кампании по дискредитации правых политических сил, предпринятой оппозиционным лагерем накануне Февральской революции.

Ключевые слова: Российская империя, Государственная дума, П.Н. Милюков, А.И. Дубровин, С.И. Гуцулло, Союз русского народа, черная сотня, периодическая печать, «Русское знамя»

Для цитирования: Иванов А.А. Несостоявшееся убийство П.Н. Милюкова в 1916 г. и реакция русской прессы // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 795–849, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-4>; EDN: KZQNVQ

The Failed Assassination of P.N. Milyukov in 1916 and the Response of the Russian Press

Abstract. The article makes the first attempt in historiography to examine in detail the political scandal caused by the information published by the periodical press at the end of 1916 concerning an imminent assassination of Pavel N. Milyukov, the leader of the Constitutional Democratic Party and the Progressive Bloc in the State Duma. Aleksandr I. Dubrovin, the head of the Black Hundred group, was declared the instigator of the political murder, and the famous accusatory Duma speech delivered by Milyukov on November 1, 1916 was considered the motive. These particular events from the history of the last days of the Russian Empire not only enrich the biographical information about Milyukov and Dubrovin but also make it possible to study the techniques used at that time by the liberal and conservative groups in order to discredit their political opponents. A significant number of the sources cited in the article are introduced into scientific discourse for the first time. The reconstruction and analysis of the pretext, causes, and development of this political scandal are based on archival documents and material from periodicals of various political orientations (*Russkoe Slovo*, *Russkie Vedomosti*, *Rech'*, *Den'*, *Russkoe Znamya*, *Zemshchina*, *Golos Rusi*, *Kievlyanin*, *Yuzhnyi Krai*, *Petrogradskii Listok*, *Zhurnal Zhurnalov*, et al.). Particular attention is paid to the interpretations and assessments given to this political scandal by the liberal and conservative periodicals. The article also refers to the interpretation of the events provided by famous Russian political writers of the early 20th century, such as I. Vasilevsky, V. Doroshevich, A. Rennikov, A. Tinyakov, and others. Attention is drawn to the fact that the accusations addressed to Dubrovin were practically the same as those related to the assassination on Milyukov's fellow party member, deputy of the First State Duma, M. Herzenstein, who was killed in 1906. However, the 1916 scandal had no tragic dénouement, which is why the story that started as a tragedy turned into a farce. It has been hypothesized that the scandal around Dubrovin in late 1916 and early 1917 was part of a campaign undertaken by the opposition to discredit the right-wing political forces on the eve of the February Revolution.

Keywords: Russian Empire, State Duma, P.N. Milyukov, A.I. Dubrovin, S.I. Gutsullo, Union of the Russian People, Black Hundreds, periodical press, *Russkoe Znamya*

For citation: Ivanov, A.A. "The Failed Assassination of P.N. Milyukov in 1916 and the Response of the Russian Press." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 795–849, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-4>; EDN: KZQNVQ

Введение

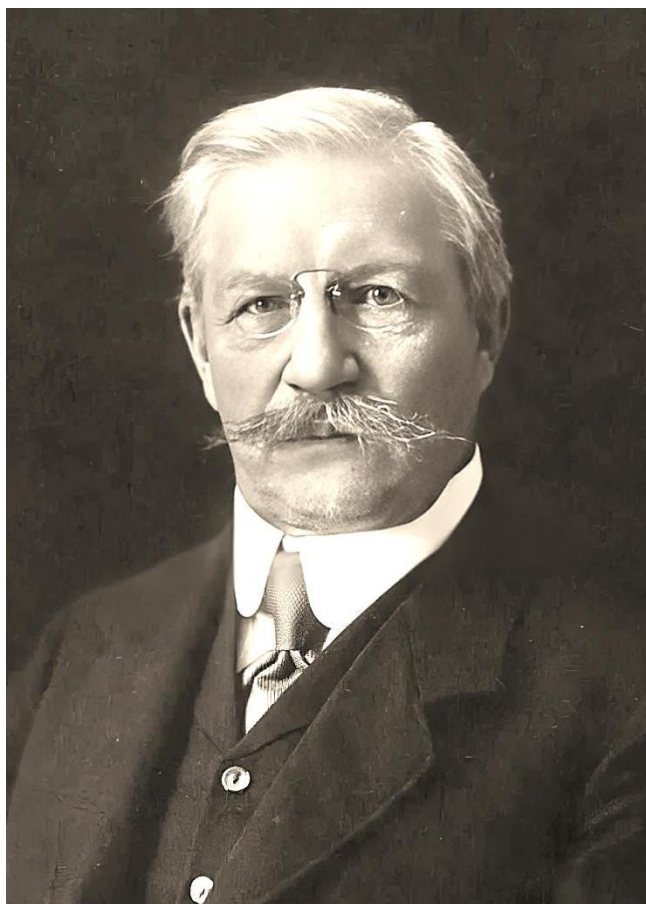
В конце осени 1916 года политическая обстановка в Российской империи была накалена до предела. Пятая сессия IV Государственной думы, открывшаяся 1 ноября знаменитой речью лидера кадетской партии П.Н. Милюкова «Глупость или измена?», превратилась в штурм власти. Выступления оппозиционных ораторов, нещадно бичевавших с думской трибуны правительство, революционизировали общество. «Историческая» речь правого депутата В.М. Пуришкевича, обрушившегося 19 ноября на «камарилью» и «распутинцев», и последовавший через три дня после нее громкий политический скандал, связанный с выступлением лидера фракции правых Н.Е. Маркова, пытавшегося опровергнуть обвинения оппозиции и, в итоге, оскорбившего председателя Государственной думы М.В. Родзянко, взбудоражили общественность еще сильнее¹. И без того ослабленный монархический лагерь стал распадаться. Переход Пуришкевича на сторону оппозиции, раскол в консервативных кругах по отношению к выходке Маркова, бегство из фракции правых многих ее членов – все это в конце ноября – начале декабря 1916 года широко освещалось столичной и провинциальной печатью, занявшей, за исключением немногочисленных черносотенных газет, сторону Прогрессивного блока и оскорбленного Родзянко. Все это сопровождалось развернутой либеральной прессой шумной кампанией против правых, призванной окончательно дискредитировать защитников самодержавия. Влиятельные оппозиционные политики при поддержке дружественной им печати активно и успешно работали над ослаблением фракции правых в Государственной думе, провоцируя ее членов на разрыв со своими вождями, которые выставлялись в виде одиозных фигур, полностью утративших общественную поддержку². Массированная атака шла и на черносотенные союзы в целом. Как справедливо отмечает Д.И. Стогов, в конце 1916 – начале

¹ См.: *Иванов А.А.* Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2023. С. 391–403.

² См.: *Николаев А.Б.* Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь–декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения – 2006: к 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева (Санкт-Петербург, 14–15 сентября 2006 г.): сборник воспоминаний и научных статей / под редакцией Б.Д. Гальпериной, А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2007. С. 143–154; *Николаев А.Б., Гавроева Е.С.* М.В. Родзянко и раскол фракции правых (ноябрь – декабрь 1916 г.) // Университетский научный журнал. 2018. № 41. С. 13–23. <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>

1917 гг. «либеральная печать ... сознательно формировала в сознании обывателя негативный образ монархистов» и «в этом она весьма преуспела»³.

В этих условиях разразился новый скандал – в начале декабря 1916 г. газеты опубликовали шокирующее сообщение о готовящемся монархистами убийстве неформального лидера Прогрессивного блока Милюкова. Однако, несмотря на свою сенсационность, это событие не получило широкой известности.

Павел Николаевич Милюков (1859–1943)

Источник: Сайт Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина.

URL: <https://www.prilib.ru/node/438152>

Не вспоминал об этом эпизоде и сам Милюков. В его мемуарах повествуется о том, что черносотенцы вынесли ему смертный приговор еще в дни Первой русской революции, что он был в списке «обреченных», как и его соратник М.Я. Герценштейн, убитый правыми боевиками в 1906 году⁴. Милюков приводил следующие подробности: в окнах напротив своего кабинета он видел «таинственные приготовления», которые могли объясняться лишь тем, что

³ Стогов Д.И. Образ черносотенцев в русской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 гг.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 6–15.

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. Москва: Издательство политической литературы, 1991. С. 268–269.

оттуда планировалось совершить роковой выстрел, а на границе России и Пруссии был задержан некий «черный боевик», фельдшер Смирнов, ехавший с поручением убить его⁵. Подробно описал лидер кадетской партии и то, как «правые террористы» в 1907 году, якобы по личному поручению вождя Союза русского народа (СРН) А.И. Дубровина, организовали на него покушение. Последнее, впрочем, по словам самого же Милюкова, состояло в том, что на Литейном проспекте его настиг нетрезвый молодой человек «мещанского типа», давший ему две затрещины по шее, в результате чего был сбит котелок и разбито пенсне⁶. Однако о том, как его собирались застрелить в 1916 году, Милюков рассказывать в мемуарах не стал. Соратники Милюкова, выпустившие в эмиграции к 70-летию политика сборник статей и воспоминаний о нем, восхваляя «редкое бесстрашие» своего вождя, в красках описывали, что жизнь кадетского лидера висела на волоске во время черносотенной реакции 1906–1907 годов, что «за ним охотилась боевая дружина “Союза русского народа”», и как его супруга «изо дня в день в течение многих лет» «десятки раз замирала в день от ужаса, – не принесут ли Павла Николаевича раненым или убитым»⁷. Но «покушение» 1916 года, которое могло бы стать подтверждением того, что охота за Милюковым велась «в течение многих лет», также не упоминалось.

В исследовательских работах, посвященных Милюкову, эпизод с несостоявшимся в 1916 году покушением также оказался обойденным⁸. Авторы работ о Милюкове либо мимоходом приводили упомянутое выше хулиганское нападение, либо же, по понятным причинам, подробно останавливались на реальном покушении, состоявшемся уже в эмиграции, когда правые монархисты П.Н. Шабельский-Борк и С.В. Таборицкий, стреляя в Милюкова, смертельно ранили другого кадета – В.Д. Набокова⁹. Не нашлось места для

⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 283.

⁶ Милюков П.Н. Воспоминания. С. 282–283.

⁷ Грузенберг О. Старому другу // П.Н. Милюков. Сборник материалов по чествованию его семидесятилетия. 1859–1929 / под редакцией С.А. Смирнова и др. Париж: [б. и.], 1929. С. 186.

⁸ См., напр.: Чернявский Г., Дубова Л. Милюков. Москва: Молодая гвардия, 2015; Кара-Мурза А.А. Павел Николаевич Милюков: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой...» // Российский либерализм: идеи и люди / под редакцией А.А. Кара-Мурзы. Москва: Новое издательство, 2007. С. 526–538.

⁹ Чистяков К.А. Покушение П.Н. Шабельского-Борк и С. Таборицкого на П.Н. Милюкова в Берлине 28 марта 1922 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 121–125; Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881>; Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Милюкова и убийство В.Д. Набокова: показания

сюжета из 1916 года ни в работах о черной сотне, ни в публикациях, посвященных черносотенному террору, ни в статьях о Дубровине, который в этой истории снова оказался главным подозреваемым. Историки черносотенного движения также останавливали внимание лишь на первом нападении на Милюкова, приводя свидетельство бывшего соратника Дубровина А.И. Пруссакова, утверждавшего, что черносотенный вождь отдал распоряжение дружинникам «нанести Милюкову удар кастетом по затылку около виска» и вообще «дать ему хорошо»¹⁰. Исключение составляют лишь три работы: эмигрантское исследование С.П. Мельгунова, монография Н.Н. Яковлева и небольшая статья Е.А. Деревниной. В первой – «покушение» 1916 года лишь упоминается¹¹, во второй – советский историк остановился на нем более подробно, охарактеризовав как одну из попыток «правых удержать уже утраченные позиции», подобную «взмахам метлы перед грозным половодьем народного гнева»¹², в третьем исследовании данный инцидент кратко представлен на основе судебного дела¹³.

Между тем этот небольшой эпизод из истории предреволюционной России весьма интересен по ряду причин. Во-первых, он добавляет новые штрихи к характеристике и политической биографии как Милюкова, так и Дубровина; во-вторых, представляет несомненную ценность для изучения технологий черного пиара и специфики медиавойн, которые велись в русской периодической печати накануне падения самодержавия; в-третьих, дает новый материал для осмысления проблемы так называемого «черносотенного террора» и ее подачи в периодике того времени.

Основная часть

История с несостоявшимся покушением на Милюкова развивалась следующим образом. В декабре 1916 года оппозиционная печать разразилась сенсацией: редактор «Журнала журналов» И.М. Василевский, известный под псевдонимом Не-Буква, поведал столичным газетам о заговоре против лидера

обвиняемого, монархиста С.В. Таборицкого // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1163–1174. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174>

¹⁰ Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? Москва: Яуза-пресс, 2013. С. 253.

¹¹ Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж: [б. и.], 1957. С. 301.

¹² Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Москва: Алгоритм, 2003. С. 298–300.

¹³ Деревнина Е.А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб) // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2013 г.) / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2014. Ч. 2. С. 28–30.

кадетской партии и Прогрессивного блока П.Н. Милюкова, организатором которого был назван вождь черной сотни, председатель Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ВДСРН) и издатель газеты «Русское знамя» А.И. Дубровин. Василевский сообщал, что к нему явился «постоянный сотрудник “Русского знамени”», «подлинный птенец из дубровинского гнезда» Сергей Прохожий (С.И. Гуцулло) и заявил, что Дубровин 18 ноября 1916 года поручил ему убить Милюкова. В присутствии свидетелей визитер с «нервным лицом» и «порывистыми движениями» рассказал, что убийство вождя российских либералов должно было стать ответом на его произнесенную в Государственной думе 1 ноября на шумевшую речь, которую современники уже стали называть «штурмовым сигналом революции». Гуцулло сообщил, что для совершения намеченного ему было выдано лично Дубровиным 300 руб., предоставлен план квартиры Милюкова, указана чайная СРН напротив, из которой «удобно стрелять», а также намечены пути отхода проходными дворами. На вопрос Гуцулло об ответственности, Дубровин, якобы, рассмеявшись, сказал:

Не больше, чем за Герценштейна и Иоллоса и прочую сволочь. А если сумеете... скрыться, то совершенно останетесь в тени, и о вас буду знать только я один¹⁴.

Однако на вопрос о доказательствах, которые могли бы подтвердить правдивость этого рассказа, Гуцулло ответил: «Какие же тут возможны доказательства? Такие поручения даются только с глаза на глаз»¹⁵.

Меня посылают убить Милюкова... Я не могу, я не хочу!.. <...> Мне ничего не надо, мне бы только рассказать правду. <...> Осведомите об этом Милюкова. Напечатайте. Делайте, что сами знаете, не дайте совершиться злему делу!¹⁶

— взывал Гуцулло.

Спустя неделю «Журнал журналов» опубликовал письмо и «исповедь» Гуцулло, в которых тот поведал о своем черносотенном прошлом и о «прозрении», заставившем его порвать с правыми и сообщить обществу о кровожадных планах Дубровина. Автор «исповеди» в подробностях рассказывал, как происходило его превращение из «сознательного идейного

¹⁴ К делу Сергея Прохожего // Южный край. 1916. № 13741 (5 декабря). С. 2.

¹⁵ Заговор на жизнь П.Н. Милюкова // Киевлянин. 1916. № 335 (3 декабря). С. 1–2.

¹⁶ Василевский И. (Не-Буква). Об исповеди кающегося // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 3.

юноши» в черносотенца, в результате которого он «нравственно умер». Повествуя о своей крайней нужде, Гуцулло признавался, что мечтал отомстить всем тем, кто живет в достатке, и такая возможность ему представилась, когда он в 1906 году вступил в одесскую боевую дружину СРН. Получив кличку «Сокол», казенный револьвер и расположение «наказного атамана» дружины Д. Черникова («Ермака»), Гуцулло, по его словам, стал одним из тех, «кто держит в терроре всю Одессу». Бывший черносотенец откровенничал:

То, что мы проделывали в те времена над жителями г. Одессы, тяжело вспомнить. Деяния наши оставили по себе грустную память всюду, куда нас посылали для «усмирения крамолы». И мы усмиряли с таким азартом, что даже полиция и та неоднократно вмешивалась в наши «дела». <...> Средства притекали широкой рекой. А чего не хватало, брали своей рукой. Ночные наши облавы на дома мирных обывателей в целях обыска были нашим развлечением. Вымогательство чередовалось с грабежом, грабеж – с вымогательством¹⁷.

¹⁷ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 5.

Последний портрет г. Прохожего.

Сергей Прохожий (С.И. Гуцулло) в 1916 г.
Источник: Журнал журналов. 1916. № 50. С. 7

Прохожий-Гуцулло в подробностях рассказывал, как он и его соратники боролись с забастовкой в одесском порту, вели бои с революционными боевиками и, отвечая на теракты левых, виновников их «с колосниками на ногах пускали... на рейде на дно залива»¹⁸. «После этой эпохи, что я мог собою представлять? – писал Гуцулло. – И тогда я себя считал негодяем, а теперь и говорить нечего...»¹⁹.

Когда революция была подавлена, а черносотенные дружины распущены, Гуцулло попытался устроиться агентом охраны, но оттуда, по его же собственным словам, был быстро выгнан, так как, якобы, выследив группу анархистов-коммунистов, так впечатлился героизмом ее членов, что не смог их выдать. Затем он решил попробовать себя на публицистическом поприще.

¹⁸ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 5.

¹⁹ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 5.

Начав с 1908 года публиковаться в черносотенной газете Одессы «Русская речь», Гуцулло со временем перебрался в Петербург, где стал одним из авторов дубровинского «Русского знамени».

С 1909 г. по 1916 г. я был постоянным сотрудником этой газеты... Попутно я стал стучаться и в другие редакции: «Ниву», «Природа и люди», «Прекрасное далеко» и др. Повсюду, раз напечатав, «Сергея Прохожего» выгоняли за сотрудничество в «Русском знамени»²⁰,

– сетовал Гуцулло. Подчеркивая, что презрение со стороны либеральных издателей и редакторов злило его, Гуцулло заявлял, что, работая в «Русском знамени», он мстил своим недругам. Откровения Прохожего продолжались:

Всего и не перечислишь, что я проделал за все время сотрудничества в «Русском знамени». Хроника провинциальной прессы пестрит моими похождениями, но всемогущее имя доктора Дубровина всюду и всегда было моим щитом. Что бы я ни проделал, все прощалось, потому что карточка А.И. Дубровина была ключом к каждой двери, которая благосклонно отворялась и пропускала меня. Надо мне было оружие, – как тотчас же получал его и разрешение на право ношения. Как же тут было не обнаглеть и не гордиться своими доспехами «опричника»? Все порядочное, начиная от трудящегося рабочего до интеллигента включительно, отворачивалось от меня. Я страдал, не находя сил сбросить с себя все соблазны своего положения, и когда кто-нибудь меня особенно «оскорблял» своими презрениями, я пользовался всеми благами, данными черносотенцу, и творил «беззакония» на «законном основании», и находил радость в чужом страдании²¹.

Позже Гуцулло, обращаясь с письмом на имя прокурора Петроградского окружного суда, добавил в свой рассказ следующие подробности. На деньги Дубровина он с 1912 по 1916 год совершил путешествие по азиатской части империи «от Владивостока до Батума, [от] Пржевальска до Ташкента», тратя на это турне до 4 тыс. руб. в год. Целью же поездки было личное поручение Дубровина: поддерживать связь с местными отделами союза и своими корреспонденциями с мест создавать видимость активной деятельности дубровинцев на востоке страны и широкой осведомленности «Русского знамени»²².

²⁰ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6.

²¹ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6.

²² Заявление С. Прохожего // Речь. 1916. № 334 (4 декабря). С. 6.

Печатая различные сенсации то из Ташкента, то из Верного, то с Камчатки, то из Персии, я тем давал Дубровину сказать вслух: «У нас всюду есть глаза, и есть уши. Мы чутко прислушиваемся к каждому шороху русской жизни»²³.

Кроме этого, добавлял Гуцулло, он собирал для Дубровина различные справки и сведения политического характера и, представляясь сотрудником левых изданий, делал все, чтобы скомпрометировать левую печать в глазах провинциальной публики. «За это мне платили, и я жил лучше, чем требовалось», – откровенничал Гуцулло²⁴.

Далее автор «исповеди» поведал о своем полном разочаровании «великаном» и «столпом» союза Дубровиным, которого отныне стал считать «сознательным врагом и монархизма, и вообще России», а также о переоценке всей своей прежней деятельности:

Больше писать для «Знамени» я не могу. Как ни опустил я нравственно, но все же еще не дошел до марки и мерки, которой меряется патриотизм г. Дубровиным и его газетой!²⁵

И «письмо», и «исповедь» были написаны в крайне пафосном тоне.

Мой долг, долг прежде всего вспомнить, что я – русский человек без истинно-русского этикета. И, как русский человек, я должен отдать свою жизнь своей родине, если я хочу честно считать себя тем, чем я хочу быть! А я хочу, хотя в последнюю минуту, вспомнить свой долг перед родиной и, хотя [бы] частично, возместить ей за все то, что я ей делал в долгие годы служения идеям «Русского знамени». Выходя из состава сотрудников этой газеты, я оборачиваюсь назад и вижу свой позор как постоянного работника и ломаю перо. Пусть им никто не пишет на месте моем. <...> Я знаю, что я и те, кто пойдет за мною, все обречены на смерть за измену союзу... Но наша смерть будет благородной смертью и осуждением тех, кто нас сметет со своего пути, освобождая себе дорогу к спасению! Пусть я умру за «измену», но моя смерть даст жизнь тем, кто нужнее России, более, чем жалкие обрывки «Русского знамени»²⁶,

– разглагольствовал бывший черносотенец.

²³ Карьера С. Прохожего // Русское слово. 1916. № 280 (4 (17) декабря). С. 4.

²⁴ Карьера С. Прохожего. С. 4.

²⁵ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6.

²⁶ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 6–7.

Перейдя к главному – обвинению вождя ВДСРН в подготовке убийства Милюкова, Гуцулло с тем же пафосом сообщал:

Я открыто заявляю, что г. Дубровин сделал мне предложение «убрать» вредного для России г. Милюкова. Что мне остается делать? Исполнить этого я не могу и не хочу! Отказ от предложения – это моя смерть! <...> Согласись я на предложение г. Дубровина – я также осужден на смерть. <...> Бежать прочь, – но куда я могу убежать от Дубровина? Меня схватят его сообщники, а там и похоронят, как умершего от неизвестной причины²⁷.

«Исповедь» патетически заканчивалась следующими словами:

Я всенародно заявляю и подписью своей свидетельствую, что г. Дубровин ошастливил меня... почетным предложением убрать крамольника, во имя лучших заветов союза, убить, как врага церкви и России...²⁸ Я чувствую, что уже этим признанием осужден на смерть. Гг. Дубровины не щадят «изменников». Но не все ли равно, позже или раньше умереть? Ведь, и доставив удовольствие г. Дубровину, также ждать пощады не приходится. <...> Кто может бросить обвинение против Александра Ивановича Дубровина? Какой суд его в силах судить, и какой обвиняемый в клевете доживет до суда? Но пусть мой голос и Бог-свидетель будут судьями моей совести, моей деятельности. Лучше бежать прочь от него с успокоенной совестью, чем быть исполнителем его «приговоров». Сергей Прохожий – больше не слуга г. Дубровина, не сотрудник его газеты. И если мне суждено умереть ради предупреждения другого, то пусть моя смерть сопричтется к сонму тех, кто лег во славу девизов союза в погромные дни, во имя лучшего будущего России и всех живущих в ней племен и народов²⁹.

Надрывные и патетические строки Гуцулло давили на эмоции, но с фактической стороны были весьма уязвимы для критики. Бьющие через край пафос и самобичевание автора должны были поставить вопрос не только о правдивости всего вышеизложенного, но и о его психическом состоянии. Как справедливо замечал знаменитый фельетонист В.М. Дорошевич, Гуцулло явно

²⁷ Поручение убить П.Н. Милюкова. Письмо в редакцию «Журнала журналов» сотрудника «Русского знамени» г. Сергея Прохожего // Журнал журналов. 1916. № 50. С. 4.

²⁸ Н.Н. Яковлев утверждает, что в одном из интервью Прохожий так передавал сказанные ему Дубровиным слова: «Это должен сделать именно ты, как мобилизованный и призванный отбывать воинскую повинность. Это убийство... должно быть ответом русской армии на последнюю речь, произнесенную Милюковым в Думе». (Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. С. 299).

²⁹ Моя исповедь. Сообщение сотрудника «Русского знамени» Сергея Прохожего. С. 7.

рисовался, писал «с эффектом» и на трех страницах своей «исповеди» раз двадцать заявил о своей «неминуемой» смерти, представляя Дубровина «каким-то всемогущим существом»³⁰. Однако в условиях натиска на самодержавие и медийной кампании оппозиционных сил по дискредитации черносотенного движения эти «откровения» оказались как нельзя кстати. К тому же, они появились в печати как раз в тот момент, когда в отношении Милюкова за произнесенную им 1 ноября думскую речь было возбуждено дело о клевете³¹.

Милюков публично заявил, что относится к разоблачениям Гуцулло вполне серьезно, так как после своей наглумившей речи стал получать анонимные угрозы и замечать следящих за ним подозрительных личностей³². Демонстрируя внешнюю невозмутимость, Милюков заверял журналистов, что очередная попытка лишить его жизни уже не вызывает удивления. Он стоически напоминал:

В этом отношении у меня выработался даже известный опыт. Когда в третьей Думе я произнес речь, в которой разоблачил Союз русского народа, на улице меня обступило несколько подозрительных личностей, набросились на меня, сломали пенсне и выбили зуб³³.

Будучи допрошенным в качестве «потерпевшего», Милюков подтвердил свои опасения и заверил следователя, что находится в списке лиц, «подлежащих устранению»³⁴. Соратники Милюкова по партии, как сообщали «Русские ведомости», были «особенно взволнованы», так как не увидели в рассказе Прохожего «ничего невероятного», а лица, близкие к кадетскому вождю, утверждали, что «за ним в последнее время стали следить по ночам, когда он возвращается из редакции “Речи”»³⁵.

³⁰ Дорошевич В.М. Деятель «союза русского народа» // Русское слово. 1916. № 286 (11 (24) декабря). С. 2.

³¹ О привлечении к ответственности члена Гос. думы П.Н. Милюкова, обвиняемого в клевете на председателя Совета министров Б.В. Штюрмера // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1276. Оп. 12. Д. 7Б; Привлечение к ответственности П.Н. Милюкова // Русские ведомости. 1916. № 278 (2 декабря). С. 2.

³² К делу С. Прохожего // Киевлянин. 1917. № 15 (15 января). С. 3; Об организации покушения на П.Н. Милюкова // День. 1917. № 48 (20 февраля). С. 1.

³³ Цит. по: Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. С. 299–300.

³⁴ О заговоре против члена Государственной думы Милюкова П.Н. // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 1695. Оп. 2. Д. 129. Л. 5.

³⁵ П.Н. Милюков и черная сотня // Русские ведомости. 1916. № 277 (1 декабря). С. 5.

Александр Иванович Дубровин (1855–1921)

Источник: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1742.

Оп. 1. Д. 51471

Дубровин, в свою очередь, заверял читателей «Русского знамени», что с 1910 года в газете действительно изредка печатались статьи Прохожего, но «постоянным сотрудником» издания он никогда не был³⁶. В архиве редакции «Русского знамени» отложились следующие статьи Прохожего за 1910–1914 годы: «На смерть Толстого», «Кое-что о кинематографе», «Петербургские гейши», «Печальное явление. (Несколько слов о современном направлении в русской промышленности)», «“Да здравствует король!” Эпизод из кровавой летописи французской революции», «Забытый юбилей», «Судьба русского хлопководства», «Туркестанские сказки-были», «Дорогу – женщине!», «Кое-что о Пушкине», «Письма с Дальнего Востока», «Печальной памяти великого ересиарха»³⁷. В годы Первой мировой войны он стал писать для поддерживавшего Прогрессивный блок «Вечернего времени», но «почему-то» либеральная пресса не стала акцентировать на этом внимания. Дубровин также

³⁶ Гнусность продолжается // Русское знамя. 1916. № 263 (4 декабря). С. 2.

³⁷ Редакция газеты «Русское знамя». Сотрудники газеты. (Рукописи статей и связанная с ними переписка). Статьи, подписанные псевдонимами. Сергей Прохожий // РГИА. Ф. 786. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1–47.

утверждал, что никогда не был знаком с Прохожим лично и не видел его в лицо, поскольку по газетным делам с тем общался секретарь редакции Н.И. Еремченко. Впервые встреча издателя «Русского знамени» и Гуцулло состоялась незадолго до появившихся в печати разоблачений. По словам Дубровина, к нему на квартиру явился человек в форме нижнего чина, вручил карточку, на которой значилась фамилия Гуцулло и пояснил, что он «тот самый» Сергей Прохожий, а целью визита была денежная просьба. Устроившись в Петрограде на частной квартире, Прохожий-Гуцулло просил выдать ему недополученный гонорар и аванс в 25 руб., обещая отработать его статьями. В ходе встречи было условлено, что Гуцулло напишет тексты, освещающие деятельность Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти и немецкое засилье на Дальнем Востоке. Однако денег Дубровин не дал, направив просителя к заведующей финансами газеты Е.А. Полубояриновой. «На этом разговор А.И. Дубровина с Сергеем Прохожим окончился. Более его А.И. Дубровин не видел и никаких сношений с ним не имел»³⁸. От Полубояриновой Дубровин узнал, что Гуцулло ею принят не был и на письмо, отправленное ей, ответа не получил. Однако недоплаченный гонорар был ему полностью выдан в кассе «Русского знамени». Вождь ВДСРН утверждал, что

все остальное представляет вымысел и злостную клевету, по поводу которой не замедлит привлечение виновных к судебной ответственности³⁹.

Однако Гуцулло стоял на своем. Не отрицая, что просил у Дубровина денег на «устройство себе приличной жизни в Петрограде», он утверждал, что с черносотенным вождем у него предварительно состоялось две беседы, в ходе которых тот проверял его на благонадежность. А когда убедился, что перед ним преданный и отважный черносотенец, сделал свое преступное предложение. Объясняя причины своего согласия, Гуцулло вновь рисовал журналистам Дубровина в виде беспощадного и влиятельного криминального авторитета:

Что мне было делать? Сидя у него в дому, в его кабинете, я должен был согласиться, иначе я бы не вышел из дома, а был просто вывезен и сдан на вокзал в качестве «груза» для отправки в армию, в виде ящика с подарками...⁴⁰

³⁸ Гнусность продолжается. С. 2.

³⁹ Гнусность продолжается. С. 2.

⁴⁰ Карьера С. Прохожего. С. 4.

Провожая визитера, Дубровин якобы вручил Гуцулло в качестве аванса две сторублики, вынув их из своей темно-синей бархатной жилетки, и благословил его на «подвиг»⁴¹.

Оппозиционная печать, не удосуживаясь проверкой фактов, постаралась предать признания Прохожего-Гуцулло максимальной огласке. Вновь заговорили об убийствах М.Я. Герценштейна (1906) и Г.Б. Иоллоса (1907), в организации которых в свое время также подозревали Дубровина. «Русские ведомости» писали:

Зловещие и отвратительные призраки прошлого опять встают перед нами. Кто-то решил, что депутат, смело разоблачивший перед страной козни врагов России, должен поплатиться за это жизнью. Кто-то «свистнул», и «на свист» уже к нему «послушно ползет окровавленное злодейство». <...> Может ли русское общество остаться равнодушным... свидетелем? По этому предмету не может быть двух мнений. Ответом должно быть всеобщее требование немедленного, нелицеприятного, исчерпывающего расследования деяний тех лиц и организаций, на которые указывает заявление сотрудника «Русского знамени». И – что важнее всего – это расследование должно быть доведено *до самого конца*, вплоть до главных вдохновителей и руководителей зловещей шайки. Мгла, в которой прячутся темные силы, должна быть во что бы то ни стало рассеяна⁴².

В том же пафосном духе откликнулся на сенсационные заявления Прохожего и Дорошевич, опубликовавший на страницах «Русского слова» три больших фельетона. Нагнетая страхи, «король фельетонистов» предостерегал читателей, что изложенная Прохожим история напоминает французскую реакцию 1792 года, тайное парижское общество «рыцарей кинжала», вызывает тени убитых черносотенцами Герценштейна и Иоллоса и открывает в русской жизни «ужасную полосу». Однако, указывая Дорошевич, ни Прохожий, ни Василевский не предоставили публике твердых доказательств того, что «исповедник» действительно являлся черносотенным боевиком. «А это самое главное, – признавал Дорошевич. – И мы не знаем, кто перед нами. Просто проходимец или злодей?»⁴³. Отмечая, что в рассказе Гуцулло-Прохожего «много неясностей», публицист постарался каждую из них объяснить и подвести читателя к выводу: хоть обличитель Дубровина многое путает, нет сомнений в том, что в главном он не лжет, так как он «не первый обличитель

⁴¹ Карьера С. Прохожего. С. 4.

⁴² Заговор против П.Н. Милюкова // Русские ведомости. 1916. № 277 (1 декабря). С. 3.

⁴³ Дорошевич В.М. Заговор на жизнь П.Н. Милюкова // Русское слово. 1916. № 277 (1 (14) декабря). С. 4.

Союза русского народа из числа [его] “деятелей”»⁴⁴. Немедленно разобраться в этом деле Дорошевич призывал прокуратуру:

Пусть будут забыты убийства Иоллоса и Герценштейна. Но перед прокуратурой новый факт, который требует возбуждения дела и исследования. Человек всенародно делает заявление. Политическая партия имеет террористическую организацию. Он сам к ней принадлежит. Представляет доказательства ее существования и своей принадлежности к ней. <...> Следствие должно не только проверить его слова, но и откопать то, что ему неизвестно в деятельности Союза русского народа. <...> Дело должно быть возбуждено не против только какого-то Сергея Прохожего, но против союза. <...> Преступление <...> слишком велико⁴⁵.

На другой день Дорошевич опубликовал новый фельетон, в котором высказывал следующую версию событий. Черная сотня состоит из двух частей. Первая – это «волкодавы», единомышленники Дубровина, которые готовы душировать революцию силой и запугивать либералов политическими убийствами. Вторые – «вонючки», единомышленники Маркова, которые не марают своих рук, а борются со своими врагами словом, выливая «ушаты помоев на все прогрессивное». В 1905–1907 годах было время «волкодавов», после подавления революции и наступления времени парламентской борьбы пришло время «вонючек». Фельетонист делает следующее заключение:

Но вот обстоятельства снова обостряются. И снова вместо «вонючек» на сцену выпускаются «волкодавы». П.Н. Милюков испытал на себе и тот, и другой способы борьбы. <...> Сейчас охотники, видимо, решили, что пора уже выпускать «волкодавов». Начинаются опять прекрасные дни «Русского знамени»⁴⁶.

Закончил свой триптих Дорошевич статьей, в которой, после разбора психологического портрета «черносотенного громилы» Прохожего, выражались серьезные сомнения в правдивости «исповеди». Дорошевич стал склоняться к выводу, что верить на слово расположенному к эффектам и вранью Гуцулло нельзя, а потому к вопросу о виновности Дубровина «надо подходить с большой осторожностью»⁴⁷. Маститый публицист уже не

⁴⁴ Дорошевич В.М. Заговор на жизнь П.Н. Милюкова. С. 4.

⁴⁵ Дорошевич В.М. Заговор на жизнь П.Н. Милюкова. С. 4.

⁴⁶ Дорошевич В.М. Заговор против П.Н. Милюкова // Русское слово. 1916. № 278 (2 (15) декабря). С. 3.

⁴⁷ Дорошевич В.М. Деятели «союза русского народа» // Русское слово. 1916. № 286 (11 (24) декабря). С. 2.

исключал, что Прохожий мог все это просто придумать, хотя бы для того «чтобы попасть в тюрьму и избавиться от посылки на фронт»⁴⁸. (Здесь стоит отметить, что согласно признаниям самого Гуцулло, его «совершенно неожиданно» мобилизовали в Петрограде в 1916 году, когда он приехал в столицу, чтобы встретиться с Дубровиным. Пришлось вспомнить все свои болезни, чтобы попасть в запасной полк, а не на театр боевых действий⁴⁹). Впрочем, признавать всю эту историю мистификацией Дорошевич также не спешил, так как был уверен в том, что подобное злодеяние было вполне в духе черной сотни. А потому он вновь призывал следствие дотошно изучить все факты из показаний Гуцулло, включая его «подвиги» времен революции 1905 года, чтобы разоблачить «преступное сообщество убийц, грабителей, укрывателей и подстрекателей», вскрыв этот «гнойник до дна»⁵⁰.

С осторожностью отнесся к откровениям Гуцулло и «Южный край». Начав с того, что «темные силы, находящиеся на службе у других темных сил, начинают мстить избранникам населения, отстаивающим благо народа против кучки своекорыстных людей», издание указывало, что между оскорбительной выходкой Маркова и «преступными действиями – актами мести много общего». Назвав «заговор» против Милюкова такой же «отвратительной гнусностью», как убийства Герценштейна и Иоллоса, газета все же оговаривалась: «если только он, действительно, имел место». Либеральное издание заключало:

Дальнейшие события, если не теперь, то когда-нибудь в будущем, выяснят, что за история в данном случае перед нами: бред больного воображения или, действительно, подготовляемые «Союзом русского народа» попытки черного террора⁵¹.

Откликаясь на возмущение «прогрессивного болота», правые издания задавали своим противникам риторический вопрос: негодовали ли они так же, «когда убийцы, исполнявшие постановления парижской конференции, в коей принимал участие и Милюков, сотнями отправляли к праотцам верных слуг Царя»? Автор «Земщины» вопрошал:

Скажите, негодовали-ли вы?.. Призывали-ли вы прокурорский надзор, когда убит был граф Игнатев или когда было покушение на адмирала Дубасова?.. Нет, тогда вы молчали, мало того, ваши единомышленники выражали дикие восторги по случаю каждого убийства, а убийц

⁴⁸ Дорошевич В.М. Деятель «союза русского народа». С. 2.

⁴⁹ Карьера С. Прохожего // Русское слово. 1916. № 280 (4 (17) декабря). С. 4.

⁵⁰ Дорошевич В.М. Деятель «союза русского народа». С. 2.

⁵¹ О заговоре против П.Н. Милюкова // Южный край. 1916. № 13733 (1 декабря). С. 4.

изображали героями. <...> Так смеете ли вы возмущаться нелепым слухом о «покушении»?!⁵²

Но это не означало, что правый лагерь готов был признать возможность причастности Дубровина к покушению на Милюкова.

На жизнь Милюкова, наверно, никто бы не покушался. Эта жизнь для всех русских людей драгоценна. Ведь если бы выдавались премии за крепкие лбы⁵³, то первую премию, несомненно, получил бы Милюков. Так можно ли таким человеком не дорожить, когда он является главой врагов России? ...Таких противников, как Милюков, нужно оберегать как зеницу ока. Они компрометируют только своих же соумышленников... К тому же, в политической борьбе как будто никогда не убивают *лакеев*. Их только бьют...⁵⁴,

– иронизировал правый публицист. Затронув историю с нападением на Милюкова в 1907 году, «Земщина» писала, что с тех пор кадетский вождь превратился в «форменного неврастеника, с навязчивой идеей, сопряженной с чувством отчаянного страха: он боится “черносотенцев”, якобы задавшихся целью убить этого великого человека»⁵⁵.

Правые газеты решительно отказывались верить в правдивость истории, изложенной Гуцулло. «Земщина» писала:

Читая всю эту белиберду, можно было бы пожалеть только доктора Дубровина, так как можно бы заподозрить, что он впал в состояние

⁵² Пронин М. Драгоценная жизнь // Земщина. 1916. № 2540 (4 декабря). С. 3.

⁵³ В свое время Пуришкевич, обращаясь к Милюкову с думской трибуны, процитировал строки басни А.Е. Измайлова «Лгун»: «Павлушка – медный лоб, приличное прозвание! / Имел ко лжи большое дарованье». (См.: Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2020. С. 104.) С тех пор шуточки про «медный» или «крепкий» лоб Милюкова стали в правой среде весьма популярны.

⁵⁴ Пронин М. Драгоценная жизнь. С. 3.

⁵⁵ Рын-Песковский А. Павел Николаевич Милюков // Земщина. 1916. № 2556 (21 декабря). С. 4. Как отмечает современный исследователь, в 1907–1909 гг. «интерпеллянт» обвиняли <...> Союз русского народа в покушении на Милюкова, что немало веселило правых. Действительно, горячие головы время от времени бросались на Милюкова с кулаками, но эти события не назовешь покушениями. К тому же сама жертва была налицо, подписалась под запросом и произнесла речь по его поводу. В те дни лидер кадетов не мог появиться на кафедре без того, чтобы правые не напомнили ему, что он – «труп». По адресу появившегося на трибуне Милюкова справа раздавались возгласы: «Почтение к умершим!», «Это не сам Милюков, это труп Милюкова», «Мертвые сраму не имут» (Седова Я.А. Октябрьский режим. Москва: Алгоритм, 2018. Т. 1. С. 1020–1021).

невменяемости. Помилуйте, человек нанимает убийцу, платит ему авансом 300 рублей и снабжает его «документами», которыми убийца его же шантажирует⁵⁶.

К тому же, отмечал автор «Земщины», документы, «уличающие Дубровина», представляли собой лишь справку о том, что Прохожий сотрудничал с «Русским знаменем», билет на бесплатный проезд по железным дорогам и план квартиры Милюкова. Последний вызывал особенное недоумение:

Кто же, кроме самого Василевского, мог начертить Прохожему план квартиры Милюкова? Дубровин? Да надо полагать, нога Дубровина и всех его друзей не переступала порога этой квартиры. И если у Прохожего оказался план квартиры Милюкова, то или Василевский дал ему этот план, или Милюков позволил Прохожему осмотреть свою квартиру, дабы состряпать «документ», изобличающий Дубровина. Помимо того, для чего мог бы понадобиться план квартиры. Разве подобные убийства совершаются в квартирах? <...> Василевский утверждает, будто Дубровин ободрял Прохожего безнаказанностью убийц Герценштейна и Иоллоса ... Но того и другого убили не на квартирах, а на улице»⁵⁷.

Несколькими публикациями откликнулись на эту историю «Московские ведомости». Рупор московских монархистов, не испытывавший симпатий к Дубровину, как и другие правые издания считал эту историю абсолютно неправдоподобной. «Исповедь» Прохожего называлась «пошлой, нелепой и гнусной», а его разоблачения – «воплями денатурированной души»⁵⁸. Газета напоминала читателям сюжет только что вышедшей пьесы Л.Н. Андреева «Тот, кто получает пощечины», повествующей об интеллигентном человеке, который снискал себе славу тем, что стал работать в цирке клоуном, подставляя под бесконечные удары свое лицо. Автор фельетона восклицал:

Господа, да ведь это самая точная биография П.Н. Милюкова. <...> Ведь и он до поступления в цирк... то бишь в Государственную думу, пропадал в сумерках безвестности. Был приват-доцентом, – его же приват-доцентству не будет конца! Писал книги, статьи, ученые исследования и никто Павла Николаевича признавать не хотел. <...> [Публика] была равнодушна к Милюкову, как к ученому, но... стала сходиться по нем с ума, когда он сделался «тем, который получает пощечины». Это была гениальная выдумка Милюкова: сначала он выступает с речью в Таврическом дворце,

⁵⁶ Пронин М. Ловко влопались // Земщина. 1916. № 2542 (6 декабря). С. 3.

⁵⁷ Пронин М. Ловко влопались. С. 3.

⁵⁸ Неизвестный. Миниатюры // Московские ведомости. 1916. № 283 (8 (21) декабря). С. 4.

потом получает за нее пощечины или на улице, или у себя дома⁵⁹, и, наконец, венчается лаврами от восторженной толпы⁶⁰.

Высмеивая «безмерную жажду славы» Милюкова, автор фельетона считал, что и в этом случае всему виной оказалась именно она. Уже сам факт того, что громкую новость запустил «журнал бумов и сенсаций», говорил, по мнению автора, о многом. В конце фельетона высказывалось следующее «предположение»: Гуцулло, желая поправить материальное положение, скупил множество экземпляров отпечатанной речи Милюкова, и чтобы стимулировать спрос на нее, придумал историю с покушением. Фантазируя о том, как мог состояться сговор между Гуцулло и Милюковым, автор фельетона Р. Серебрянский вкладывал в уста героев этой истории следующие слова:

– Павел Николаевич! <...> Помните, как в третьей Думе? Подозрительные личности, пенсне, зуб, а потом сочувствие, восторги, лавровые венки... Угодно?

Павел Николаевич поднял голову. Глаза его вдохновенно заблистали. Видно было, что у него закружилась голова от жажды новой славы.

– Нет, не то! Мне больше не надо пощечин! Ты... убей меня!

И он объяснил свой план пораженному проходимцу... виноват, Прохожему⁶¹.

Версия о том, что инициатором собственного «убийства» стал Милюков, муслировалась на страницах «Московских ведомостей» и далее. Незнакомый автор прозрачно намекал, что обрушившаяся на М.В. Родзянко после оскорбления Марковым слава переключила внимание общества с ноябрьской речи Милюкова, вызвав зависть последнего. «Прогрессивному старичку казалось, что его парламентская речь мало шуму произвела... Ка-дэцкий старичок в этом отношении ненасытен!»⁶².

Такую же версию событий излагал и «Голос Руси». «Самое глупое положение в жизни, – замечал публицист С.Н. Дурасович, – когда приходится

⁵⁹ Имеется в виду инцидент 9 мая 1908 г., когда журналист газеты «Русь» Н.Е. Попов после объяснения с Милюковым у него на квартире, желая спровоцировать политика на дуэль, ударил его по лицу. См.: *Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917)*. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. С. 191–198.

⁶⁰ *Серебрянский Р.* Московские мысли. III. Тот, который получает пощечины... // *Московские ведомости*. 1916. № 279 (3 (16) декабря). С. 1.

⁶¹ *Серебрянский Р.* Московские мысли. III. С. 1.

⁶² *Неизвестный.* Миниатюры. С. 4.

слезать с пьедестала, на который только что взобрался»⁶³. Высмеивая «мученичество» Милюкова, автор фельетона писал:

Вся Россия, – какое вся Россия, – вселенная, – содрогнулась от ужаса: в тайниках Петрограда раскрылся мрачный, зловещий заговор черносотенцев на жизнь популярного и в России, и в Финляндии, и в Болгарии Павла Николаевича Милюкова. <...> Услышав исповедь черносотенца г. Василевский вздрогнул. <...> За г. Василевским вздрогнул Гессен. За Гессеном вздрогнули Кугель и Заславский. И наконец сам маститый В.М. Дорошевич подернулся нервным тиком и написал в «Русском слове» зловеще-красивый, как черный бриллиант, фельетон в 400 строк. Под волшебным пером «короля фельетонистов» встали видения. 1792 год... Тайные судилища роялистов-шуанов... Заговоры в потемках подвалов и склепов. Благословение мечей. Кавалеры св. Людовика. Иоллос... Герценштейн... Призраки 5-го года... <...> И пока раскрывался заговор, личность Милюкова все росла и росла. Вот он уже не Милюков, а статуя. Глаза воздеты к небу. Одна рука прижата к груди, другая простерта. На голове венец терновый. Мученик! Жертва фанатизма. «Народ, смотри и благоговей!»⁶⁴.

Считая, что истинная подоплека всей этой истории заключалась в том, что обиженный на Дубровина Гуцулло предложил Василевскому за небольшой гонорар исполнить «эффектную арию», Дурасович заключал: «Прохожий – проходите дальше. Не до вас нынче. А вы, почтенный Павел Николаевич, очистите местечко мученика»⁶⁵.

Высмеял эту историю на страницах «Голоса Руси» и известный публицист А. Ренников (А.М. Селитренников). Не являясь сторонником вождя черной сотни, автор фельетона оговаривался: «я не становлюсь на сторону Дубровина, мало ли на что способен доктор и его союз!»⁶⁶ Но с первых же строк заметки Ренников давал понять, что единственная цель этой сенсации – желание Василевского привлечь новых подписчиков.

Есть в Петрограде один уличный журналчик, занимающийся всевозможного рода сенсациями. Ревет ли зверь в лесу глухом, – поет ли дева за холмом, – редактор этого журналчика – юркий, смысленный одессит, – сейчас же шлет в публику свой обработанный отзыв.

⁶³ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке // Голос Руси. 1916. № 1035 (6 (19) декабря). С. 1.

⁶⁴ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

⁶⁵ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

⁶⁶ Ренников А. Заговор // Голос Руси. 1916. № 1033 (10 (23) декабря). С. 2.

Относительно зверя успокаивает читателя, что редакцией спешно отправлен в глухой лес сотрудник журнала разузнать, в чем дело; что же касается девы, поющей за холмом, то о ней сообщается кошмарная история. В редакцию являлся очевидец в черной маске, который взял с редактора честное слово, что он не сдерет этой маски с лица во все время беседы. И этот очевидец рассказал о деве нечто такое, от чего волосы становятся дыбом и что может быть помещено журналом только в конце декабря, причем желающие знать продолжение истории должны подписаться на журнал на весь 1917 год,⁶⁷

– иронизировал Ренников. Оценивая правдоподобность раскаяния Прохожего-Гуцулло, фельетонист отмечал: «но г. Прохожий пошел дальше. Пошел гораздо дальше, чем можно идти даже в декабре перед подпиской на бульварный журнал». А для того чтобы высмеять саму историю, которую поведал Прохожий, Ренников сообщал читателям фельетона, что к нему тоже на днях явился «редактор левого бульварного журнальчика», который предложил ему совершить «громадное дело для родины» и заодно подзаработать, «убрав» Маркова 2-го. Заверив, что ответственность за это убийство будет «не более, чем за Милюкова», герой рассказа Ренникова указал место, «где легко будет поставить мортиру», чтобы навесным огнем «через соседний дом, улицу и переулок» ликвидировать правого политика, когда тот будет подходить к Таврическому дворцу.

Редактор, уходя от меня, вынул из темно-красной бархатной жилетки две сотенных бумажки и, подавая, сказал: «Мортира, конечно, на ваш счет. До свидания. Кстати: смотрите, не смейте раскаиваться в «Русском знамени», адрес которого найдете во «Всем Петрограде»! <...> Я остался один и долго сидел в кабинете, как сумасшедший. Но как быть? Сообщить прокурору? Или, действительно, пойти к Дубровину, рассказать ему это все, пока не закончилась подписка на «Русское знамя» и увеличить ему, бедному, тираж?»⁶⁸

Дубровинское «Русское знамя», также опубликовавшее на своих страницах фельетон Ренникова, от себя добавляло, что задача «гноусной клеветы» не только «в целях увеличения подписчиков паскудного журнальчика». Указывая на то, что ужасные обвинения в адрес Дубровина посыпались со страниц оппозиционной прессы сразу же вслед за травлей теми же газетами другого

⁶⁷ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

⁶⁸ Ювенал (Дурасович С.Н.) Мученик по контрамарке. С. 1.

вождя русских правых – Н.Е. Маркова 2-го, «Русское знамя» характеризовало эту кампанию как «акт желтого террора»⁶⁹.

Защищая своего вождя от «грязных инсинуаций», «Русское знамя» также указывало на то, что заказчиком этого громкого скандала мог быть и сам Милюков:

Кому и для чего, собственно, понадобилось «организовать» на Милюкова какое-то «покушение»? Бить его, как известно, действительно многие били: били по физиономии рукой, облеченной в плотную непроницаемую перчатку, били хлыстом по другому месту, без перчаток, били, кажется, палкой по спине, били... Да мало ли чем и по чем его били?.. Все это лишь доказывает, что если так легко доступны для битья физиономия и «другие места», принадлежащие Милюкову, то и весь он был столь же доступен битью – хотя бы и самому беспощадному... Однако, ничего подобного не произошло. Отхлестали – и ступай с Богом, да не греши больше; а будешь грешить, – опять вздуют!.. Если даже г. Милюков своими новыми грехами и заслужил новую взбучку, так ведь и доступ к нему остается таким же свободным, как и прежде... Ведь Милюков есть первый поборник свободы и всем охотно подставляет свою физиономию и «прочие места». При чем же тут – «покушение», «организация», ненужная таинственность?.. Все – для рекламы, для пущей шумихи, для славы... Вот, де, Милюкова не только когда-то били, но и покушались...⁷⁰

Поэт А.И. Тиняков, в годы Первой мировой войны активно публиковавшийся на страницах «Русского знамени», также не прошел мимо этой истории. Называя Василевского не иначе как «Вошкиным», Тиняков не скупился на бранные слова в адрес редактора «Журнала журналов», напирая на его еврейское происхождение. Тиняков писал:

Конечно, никто из левых проходимцев не допускает и мысли о том, что правые собираются «убивать Милюкова». Левые не хуже правых знают, что Милюков, несмотря на свое профессорское звание, в сущности, – пустяковый человек; левые знают, что убивать Милюкова никакие политические деятели не будут, потому что таких «противников» не опасаются, а более презируют. Но левой черни важно натравить левоверную и темную часть читающей публики на правую печать вообще. Вот почему и Вошкин так усиленно подчеркивал, что Гуцулло – сотрудник «Русского знамени», хотя Гуцулло, как оказывается, – сотрудник и «Вечернего времени», и журнала «Природа и люди», – одним словом,

⁶⁹ Обзор печати. Заговор клеветников // Русское знамя. 1916. № 268 (11 декабря). С. 2.

⁷⁰ [Передовая статья] // Русское знамя. 1916. № 265 (8 декабря). С. 1.

«вообще литератор»! Этой вредоносной цели своей Вошкины, несомненно, достигли: клевета пущена, шум поднят, злоба раздута, и левые тупоумцы долго еще будут повторять клевету слабоумного Василевского и очевидно озлобленного Гуцулло⁷¹.

Во время следствия оппозиционная печать предвкушала, что со дня на день Дубровин будет обвинен в организации убийства. Тем временем Прохожий-Гуцулло не спешил давать показания, предпочитая делать заявления через прессу. Василевский передал следователю записи, полученные от Гуцулло, заявив, что последний скрывается, так как «боится попасть в руки дубровинцев»⁷². Комментируя это признание, правая газета замечала:

К прокурору доносчик-шантажист обращается не лично, а через посредство Василевского, якобы из опасения быть убитым... Однако, Прохожий не опасается подавать заявления через Василевского, оглашающего в печати его имя... Диковинное опасение... Очевидно, Прохожий опасается не Дубровина, а допроса следователя, на котором может провалиться... Возможно и другое предположение, – не опасается ли Прохожий ответственности за ложный донос?⁷³

Однако в конце концов Гуцулло пришлось давать свои показания очно. После общения с ним следствие пришло к выводу, что за голословными обвинениями Гуцулло не стоит никаких фактов. Накануне революции, 21 февраля 1917 года, газеты сообщали, что после очередного допроса следователь распорядился произвести психиатрическое освидетельствование Гуцулло. И. о. прокурора петроградской судебной палаты Н.А. Громов, ставший свидетелем его допроса, вынес впечатление, что Гуцулло «больной человек»⁷⁴. Выяснилось, что Гуцулло посещал супругу Милюкова и также просил у нее денежную помощь. Таким образом, план милюковской квартиры был известен ему и без Дубровина⁷⁵. Из материалов следственного дела видно, что Гуцулло перед тем, как предложить свою «исповедь» печати, в частных разговорах сперва сообщал секретарю «Нового журнала для всех» С.А. Зусеру (будущему советскому историку и археологу) о готовящемся убийстве председателя Государственной думы М.В. Родзянко, а затем уже небескорыстно (за 100 руб.) передал свои откровения Василевскому, причем

⁷¹ Тиняков А. На злобу дня // Русское знамя. 1916. № 265 (8 декабря). С. 2.

⁷² Заявление С. Прохожего // Речь. 1916. № 334 (4 декабря). С. 6.

⁷³ Пронин М. Ловко влопались. С. 3.

⁷⁴ К покушению на П.Н. Милюкова // День. 1917. № 35 (6 февраля). С. 3.

⁷⁵ К делу С. Прохожего // Киевлянин. 1917. № 52. (21 февраля). С. 3.

просил последнего взять его в штат сотрудников⁷⁶. Органы прокурорского надзора, не найдя никаких оснований для задержания Дубровина, разрешили последнему выехать из Петрограда в орловское имение жены⁷⁷.

Следствие, затянувшееся до Февральской революции, так ничем и не закончилось⁷⁸. Установить или опровергнуть наличие у Дубровина преступного замысла оно так и не смогло. «Речь» признавала, что по российским законам наказать за подстрекательство к убийству, если оно не было совершено, практически невозможно, но выражала надежду, что Дубровина привлекут за подготовку убийства⁷⁹. Между тем, поползли слухи о том, что в тюрьме придется сидеть не Дубровину, а самому Гуцулло. Поэт В.А. Пяст (Пестовский) в начале 1917 года в письме к А.А. Блоку сообщал:

Сергея Гуцулло (Прохожего), автора поклепа на Дубровина, <...> посадили в Екатеринбургскую тюрьму и будут судить за преступления, совершенные им в качестве члена с. р. нар. в Одессе, преступления, в котор[ых] он сознался прокурору, «оговаривая» Дубровина⁸⁰.

В конце января 1917 года «Петроградский листок» вынужден был признать, что «летучий голландец Союза русского народа» Гуцулло «“работал” за 30 сребреников», «болтаясь по “левым” редакциям» и «трепал языком о разных небылицах»⁸¹. Эмигрантский историк С.П. Мельгунов (бывший кадет и народный социалист) также признавал, что разоблачения Гуцулло оказались «значительно раздутыми», а сам обвинитель Дубровина «должен быть отнесен к категории людей, психически не совсем нормальных»⁸². После победы Февральской революции Гуцулло вызывался в Следственную комиссию, занимавшуюся провокаторами, но в деле отложился лишь один листок — заявление самого Прохожего, в котором в свойственном ему пафосном тоне приветствовались новая власть, «великое дело освобождения России» и выражалась готовность отдать за революцию свою жизнь⁸³.

⁷⁶ О заговоре против члена Государственной думы Милюкова П.Н. // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 129. Л. 1 об., 3.

⁷⁷ Отъезд А.И. Дубровина // Петроградский листок. 1917. № 10 (11 января). С. 4.

⁷⁸ Деревнина Е.А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб). С. 28–29.

⁷⁹ К заявлению С. Прохожего // Речь. 1916. № 342 (12 декабря). С. 3.

⁸⁰ Александр Блок. Т. 92. Новые материалы и исследования / под редакцией В.Р. Щербины. Москва: Наука, 1981. Кн. 2. С. 222.

⁸¹ Собираются старцы // Петроградский листок. 1917. № 30 (31 января). С. 2.

⁸² Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). С. 301.

⁸³ Заявление Прохожего-Гуцулло С. и Каспревича в следственную комиссию по делам о провокаторах // ГАРФ. Ф. 6281. Оп. 1. Д. 56. Л. 4.

Заключение

Начавшаяся в конце февраля 1917 года революция переключила внимание современников на другие сюжеты. Впрочем, интерес публики к несостоявшемуся покушению на Милюкова стал угасать уже в январе 1917 г. Сенсация быстро сдулась, разочаровав всех тех, кто ждал от нее громких разоблачений. Установить, что в показаниях Гуцулло было правдой, а что ложью, крайне трудно. Нравственный облик этого человека не вызывал никаких симпатий даже у тех, кто преподносил его «откровения» как неоспоримые факты. Не могло не обращать на себя внимание и то, что многое в этих заявлениях было натянутым и нелогичным. Маловероятно, что Дубровин сходу доверил такое опасное дело человеку, которого едва знал, да еще и снабдил его компроматом на себя. А то, что эти разоблачения появились в печати именно в тот момент, когда шла массированная атака на правый лагерь, заставляет сомневаться в их правдивости еще больше. Когда же в печать просочилась информация о том, что следствие намерено провести психиатрическое освидетельствование несостоявшегося убийцы, изложенная им версия стала еще более зыбкой. Было ли содержание состоявшегося разговора с Дубровиным выдумкой Гуцулло, или же вождь Черной сотни на самом деле намекнул ему на желательность устранения Милюкова, проверить невозможно. Вокруг Дубровина, действительно, крутилось немало «темных личностей», и не раз люди, которых он воспринимал как верных соратников, предавали его, снабжая компроматом на вождя черной сотни оппозиционные издания.

С одной стороны, эта история во многом повторяла сюжет с покушением на Герценштейна, причастность Дубровина к которому широко обсуждалась, но не была доказана. (Тогда показания против Дубровина дали его бывшие соратники М.Н. Зеленский и А.И. Пруссаков). С другой стороны, в отличие от реальной трагедии – смерти Герценштейна, шутки над которой выглядели безнравственными и вызвали справедливое осуждение, «покушение» на Милюкова быстро приобрело комическую окраску. Пафосные разоблачения Гуцулло, устрашающие предупреждения либеральных изданий, обличения злодеяний черной сотни не достигали своей цели, поскольку с Милюковым ничего не случилось, за исключением того, что он в очередной раз привлек сочувственное внимание оппозиционной прессы к своей персоне и на короткое время обрел «славу мученика»⁸⁴. Показательно, что впоследствии и сам Милюков не стал возвращаться к этой истории, хотя до конца своих дней был убежден в том, что Дубровин желал его смерти. Даже после реального покушения в 1922 году на бывшего кадетского вождя в Берлине, когда двое

⁸⁴ Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. С. 300.

молодых монархистов-эмигрантов стреляли в него в отместку за знаменитую ноябрьскую речь и его роль в Февральской революции, ни сам Милюков, ни его сторонники не вспомнили про это несостоявшееся убийство. Предположим, что причина такого забвения заключалась в том, что эта история не столько навредила Дубровину, в «кровожадности» которого в левом лагере и так никто не сомневался, сколько поставила в неловкое положение всех тех, кто придал разоблачениям явно неуравновешенного Гуцулло крайне серьезное значение. Если же допустить, как предполагали правые, что публичное выступление Гуцулло было инспирировано Василевским, чтобы поднять интерес публики к издаваемому им журналу, «уничтожить» Дубровина и сделать политическую рекламу Милюкову, то тогда ответ на вопрос о причинах, заставивших кадетского вождя не распространяться об этой истории, становится очевидным. Как бы то ни было, история, начинавшаяся как трагедия, переросла в фарс и осталась без какого-либо вразумительного финала.

Introduction

In the late autumn of 1916, the political situation in the Russian Empire came to a head. The fifth session of the Fourth State Duma, which was opened on November 1 with the famous speech “Stupidity or Treason?” by leader of the Cadet party Pavel N. Milyukov, turned into an assault on power. The opposition representatives castigated the government and revolutionized society. On November 19, the right-wing deputy Vladimir M. Purishkevich attacked the “camarilla” and Rasputin followers with his “historic” speech; three days later it was followed by the huge political scandal caused by the speech of Nikolay E. Markov, the leader of the rightists, who tried to refute the opposition’s accusations and, as a result, insulted the chairman of the State Duma, Mikhail V. Rodzyanko. All those events excited the public even more.¹ The already weakened monarchist community began to break up. Purishkevich’s defection to the opposition, the split in conservative group regarding Markov’s stunt, the retreat of many rightists, – all this was covered by the metropolitan and provincial press in late November and early December 1916. Except for a few Black Hundred newspapers, the press stood up for the progressists and Rodzyanko who had been insulted. A heavy opposition campaign was launched by the liberal press against the rightists, and its goal was to completely discredit the defenders of autocracy. Supported by their friendly press, the influential opposition politicians energetically and successfully acted to weaken the right-wing faction in the State Duma, making its members to break with their leaders, who were pictured odious and completely bereft of public support.² The Black Hundred communities were also heavily attacked. D. Stogov rightly points out that in the late 1916 and early 1917, “the liberal press . . . intentionally shaped a negative image of monarchists in the minds of people” and “that campaign was very successful.”³

Under those circumstances, a new scandal broke out: in early December 1916, newspapers published shocking information about imminent assassination of

¹ See A.A. Ivanov, *Leader of the Black Reactionaries: Nikolai Evgen'evich Markov* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2023), 391–403.

² See A.B. Nikolaev, “From the History of the Split of the Right-Wing Faction in the Fourth State Duma (November–December 1916)” [in Russian], in *Startsev Readings – 2006: For the 75th Anniversary of Professor Vitaly Ivanovich Startsev (St Petersburg, September 14–15, 2006): A Collection of Memoirs and Scientific Articles*, ed. B.D. Galperina, and A.B. Nikolaev (St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2007), 143–54; A.B. Nikolaev, and E.S. Gavroeva, “M.V. Rodzyanko and the Split of the Right-Wing Faction (November – December 1916)” [in Russian], *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 41 (2018): 13–23, <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>

³ D.I. Stogov, “The Image of the Black Hundreds in the Russian Liberal Press (1916 – first half of 1917)” [in Russian], in *The 1917 Revolution in Russia: New Approaches and Views*, comp. A.B. Nikolaev (St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013), 6–15.

Milyukov, the informal leader of the progressists, by the monarchists. However, despite its sensationalism, that event was not widely known.

Pavel Nikolaevich Milyukov (1859–1943)

Source: Website of the Boris Yeltsin Presidential Library. <https://www.prilib.ru/node/438152>

Milyukov himself did not recall that episode. According to his memoirs, the Black Hundreds gave him a death sentence back in the days of the First Russian Revolution, and together with his companion M. Herzenstein (who was killed by right-wing militants in 1906), he was included in the list of “the doomed.”⁴ Milyukov provided some details: in the windows opposite his office, he saw “mysterious preparations,” and a fatal shot might be fired from there. Also, a “black militant,” medical assistant Smirnov, who was traveling on a mission to kill Milyukov,⁵ was detained on the border of Russia and Prussia. The leader of the Cadet party also described in detail how the “right-wing terrorists” attempted his assassination in 1907; according to him, it was made on the personal instructions of A. Dubrovin, the leader of the Union of the Russian People (URP). However, as Milyukov wrote, the assassination had boiled down to a couple of smacks given him on Liteiny Prospekt by an intoxicated

⁴ P.N. Milyukov, *Memoirs* [in Russian] (Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1991), 268–69.

⁵ Milyukov, *Memoirs*, 283.

“middle-class” young man. As a result, Milyukov’s bowler hat was thrown away and his pince-nez was broken.⁶ As for an attempt to shoot him in 1916, Milyukov did not talk about it in his memoirs. On the occasion of the politician’s 70th anniversary, his companions in exile published a collection of articles and memoirs about him. They praised “the rare fearlessness” of their leader and vividly described the cadet leader’s life hanging by a thin thread during the Black Hundred reaction of 1906–07 and that “he was hunted by the squads of the Union of the Russian People.” They also mentioned his wife, who, “from day to day for many years” “dozens of times a day froze in horror thinking whether they would bring Pavel Nikolaevich home wounded or killed.”⁷ But the “assassination attempt” of 1916, which could have confirmed that the hunt for Milyukov was conducted “for many years,” was never mentioned.

The research works devoted to the life and activity of Milyukov do not mention the failed assassination attempt in 1916.⁸ The authors either casually noted the hooligan attack mentioned above or, for obvious reasons, focused on a real assassination attempt that took place already in exile, when the right-wing monarchists P. Shabelskii-Bork and S. Taboritskii shot Milyukov but fatally wounded another cadet, V. Nabokov.⁹ There was no indication of 1916 story either in the works about the Black Hundred and its terror or in the articles about Dubrovin, who turned out to be the main suspect again. Researchers of the Black Hundred movement also focused only on the first attack on Milyukov, citing the testimony of a former companion of Dubrovin, A. Prussakov, who claimed that the Black Hundred leader had ordered the squads to “hit Milyukov with brass knuckles on the back of his head near the temple” and generally “whack him heavily.”¹⁰ The only exceptions are three works: an emigrant study by S. Mel'gunov, a monograph by N. Yakovlev, and a short article by

⁶ Milyukov, *Memoirs*, 282–83.

⁷ O. Gruzenberg, “To My Old Friend” [in Russian], in *P.N. Milyukov. A Collection of Materials on his Seventieth Birthday. 1859–1929*, ed. S.A. Smirnov et al. (Paris, 1929), 186.

⁸ See G. Chernyavskii, and L. Dubova, *Milyukov* [in Russian] (Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015); A.A. Kara-Murza, “Pavel Nikolaevich Milyukov: ‘To Follow the Course of Combining Liberal Tactics with the Revolutionary Threat...’” [in Russian], in *Russian Liberalism: Ideas and People*, ed. A.A. Kara-Murza (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007), 526–38.

⁹ K.A. Chistyakov, “Assassination Attempted against P.N. Milyukov by P.N. Shabel'skii-Bork and S. Taboritskii in Berlin on March 28, 1922” [in Russian], *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (6) (2002): 121–25; K.D. Kotel'nikov, “Attempt on P.N. Milyukov in Berlin in 1922 and Assassination of V.D. Nabokov: Testimony of the Accused, Monarchist P.N. Shabel'skii” [in Russian], *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2018): 867–81, <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881>; K.D. Kotel'nikov, “Attempt on P.N. Milyukov and Assassination of V.D. Nabokov in Berlin in 1922: Testimony of the Accused, Monarchist S.V. Taboritskii” [in Russian], *Vestnik arkhivista*, no. 4 (2018): 1163–74, <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174>

¹⁰ S.A. Stepanov, *The Black Hundreds. What Did They Do for the Greatness of Russia?* [in Russian] (Moscow: Yauza-press, 2013), 253.

E. Derevnina. The first work only mentions “the assassination attempt” of 1916.¹¹ The Soviet historian who authored the second one dwelled on the attempt in more detail, describing it as an effort “of the rightists to hold on to already lost positions,” similar to “the swings of a broom before the terrible flood of popular anger.”¹² The third study briefly represents this incident on the basis of a court case.¹³

Meanwhile, this small episode from the history of pre-revolutionary Russia is very interesting for a number of reasons. First of all, it adds new details to the characterization and political biography of Milyukov and Dubrovin; secondly, it is of undoubted value for studying the technologies of black PR and the specifics of media wars that were waged in the Russian press on the eve of the fall of the autocracy; thirdly, it provides new material for understanding the issue of the “Black Hundred terror” and its presentation in the periodicals of that time.

Main body

The failed assassination of Milyukov was preceded by the following events. In December 1916, the opposition made a splash: editor of the *Zhurnal Zhurnalov* I. Vasilevsky, known under the pseudonym Ne-Bukva, told the capital newspapers about a plot against P. Milyukov, the leader of the Cadet party and the progressists. A. Dubrovin, the head of the Black Hundred group, the chairman of the All-Russian Dubrovin Union of the Russian People (VDSRN) and the publisher of the *Russkoe Znamya* newspaper, was claimed to be the organizer of the plot. According to Vasilevsky, a “regular employee of the *Russkoe Znamya*,” “the true nestling from Dubrovin nest,” Sergei Prokhozhi (S. Gutsullo) approached him and said that on November 18, 1916 Dubrovin had ordered him to kill Milyukov. In the presence of witnesses, the visitor with a “nervous face” and “sharp movements” said that the assassination of the leader of the Russian liberals was supposed to be a response to his sensational speech delivered in the State Duma on November 1, which contemporaries had already called “the storm signal of the revolution.” Gutsullo said that Dubrovin had personally given him 300 rubles to complete the task. Gutsullo further said that he had been provided with a layout of Milyukov’s apartment, the URP tea room opposite the apartment had been indicated, from where it would be

¹¹ S.P. Mel'gunov, *The Legend of a Separate Peace (The Eve of the Revolution)* [in Russian] (Paris: [n. p.], 1957), 301.

¹² N.N. Yakovlev, *August 1, 1914* [in Russian] (Moscow: Algoritm, 2003), 298–300.

¹³ E.A. Derevnina, “Court Cases Related to the Deputies of the State Duma (Based on the Materials of the Central State Historical Archive of St Petersburg)” [in Russian], in *Tauride Readings 2013. Current Problems of Parliamentarism: History and Modernity: International Scientific Conference (St Petersburg, December 11–12, 2013)*, ed. A.B. Nikolaev, pt. 2 (St Petersburg: ElekSis, 2014), 28–30.

“convenient to shoot,” and the escape routes through the backyards had been marked. When asked by Gutsullo about responsibility, Dubrovin allegedly laughed and said:

No more responsibility than for Herzenstein and Iollos and all other bastards. And if you manage. . . to escape, you will stay out of sight, and I will be the only one who knows about you.¹⁴

However, when asked about the evidence that could confirm the truth of his words, Gutsullo replied: “What evidence is possible here? Such orders are given only in private.”¹⁵

Gutsullo entreated:

I was sent to kill Milyukov. . . I can’t, I don’t want to! . . I don’t need anything, I just need to tell the truth. . . Inform Milyukov about it. Announce it in the press. Do what you know, do not let the evil deed happen!¹⁶

A week later, the *Zhurnal Zhurnalov* published Gutsullo’s letter and “confession,” in which he told about his Black Hundred past and about the “enlightenment” that had made him break with the rightists and announce Dubrovin’s murderous plans. The author of the “confession” described in detail how a “conscious ideological young man” turned into a Black Hundreds member, which resulted in his “moral death.” Speaking about his extreme poverty, Gutsullo admitted that he was dreaming about revenge on all those who lived in prosperity, and this opportunity presented itself to him when he joined the Odessa URP squad in 1906. Gutsullo was nicknamed Sokol and was given a state issued revolver and the benevolence of the “appointed leader” of the squad, D. Chernikov (Ermak). And then he became one of those “who kept the whole Odessa in terror.” The former Black Hundred member confessed:

It hurts to remember what cruelty we did to the residents of Odessa in those days. Our deeds left a sad memory everywhere we were sent to “pacify sedition.” And we pacified it with such passion that even the police would interfere in our “deeds.” . . . We easily obtained all sorts of resources. And what was missing, we took ourselves. At night, we invaded the homes of ordinary people and ransacked

¹⁴ “On the Case of Sergei Prokhozhi” [in Russian], *Yuzhnyi Krai*, no. 13741, December 5, 1916, 2.

¹⁵ “A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov” [in Russian], *Kievlyanin*, no. 335, December 3, 1916, 1–2.

¹⁶ I. Vasilevskii (Ne-Bukva), “On the Confession of a Penitent” [in Russian], *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 3.

them, and it was our entertainment. Extortion alternated with robbery, and robbery did with extortion.¹⁷

Послѣдній портретъ г. Прохожаго.

Sergei Prokhozhi (S.I. Gutsullo) in 1916
Source: *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 7

Prokhozhi-Gutsullo described in detail how he and his associates pacified the strike in the port of Odessa, how they fought with revolutionary militants and in response to the terrorist attacks of the leftists, they drowned the perpetrators “at the anchorage in the bay with iron grates on their feet.”¹⁸ “After this, what could I be like?” Gutsullo

¹⁷ “My Confession. An Announcement by Sergei Prokhozhi, an Employee of the *Russkoe Znamya*” [in Russian], *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 5.

¹⁸ “My Confession,” 5.

wrote. “Even at that time I considered myself a scoundrel, and now I do so even more.”¹⁹

When the revolution was suppressed and the Black Hundred squads were disbanded, Gutsullo tried to get a job as a security agent, but, as he wrote, he was quickly fired because having tracked down a group of anarchist communists, he was so impressed by their heroism that he could not expose them. Then he decided to try his hand at journalism. In 1908, he started to contribute to the Odessa Black Hundred newspaper *Russkaya Rech'* then moved to St Petersburg, where he became an author of the Dubrovin's *Russkoe Znamya*.

Gutsullo complained:

From 1909 to 1916 I was a regular employee of this newspaper. . . At the same time, I applied to other editorial offices, such as the *Niva*, *Priroda i lyudi*, *Prekrasnoye Daleko*, etc. Having published once printed, they let Sergei Prokhozhi go from everywhere because of working for the *Russkoe Znamya*.²⁰

Emphasizing that the contempt of liberal publishers and editors angered him, Gutsullo claimed that while working for the *Russkoe Znamya*, he was taking revenge on his enemies. Prokhozhi continued his revelations:

It is impossible to list everything I have done for the time of my collaboration with the *Russkoe Znamya*. The provincial press is full of stories about my adventures, but the all-powerful name of Dr. Dubrovin has always been my shield. No matter what I did, I always got away with it, because the card of A.I. Dubrovin was the key to every door that opened favorably and let me pass. I needed a gun and I immediately received it together with the permit. How could I not get insolent and proud of my *oprichnik* armor? All decent people, from the workers to the nobility, turned their backs on me. I was not strong enough to throw off all the temptations of my position and I suffered. And when someone “over-insulted” me with their contempt, I enjoyed all the privileges given to the Black Hundreds and committed “iniquities on legal grounds” and I found joy in the suffering of others.²¹

Later, in a letter to the prosecutor of the Petrograd District Court, Gutsullo added the following details to his story. From 1912 to 1916, using Dubrovin's money, he traveled through the Asian part of the empire “from Vladivostok to Batum, from Przhevalsk to Tashkent,” spending up to 4 thousand rubles a year. The purpose of the trip was a personal assignment of Dubrovin: to keep in touch with the local

¹⁹ “My Confession,” 5.

²⁰ “My Confession,” 6.

²¹ “My Confession,” 6.

departments of the union and imitate the vigorous activity of Dubrovin followers in the east of the country by means of correspondence to the *Russkoe Znamya* and its deep awareness.²²

When I published various sensational stories from Tashkent, or Verny, or Kamchatka, or Persia, I gave Dubrovin a possibility to speak out loud: “We have eyes and ears everywhere. We listen carefully to every rustle of Russian life.”²³

Moreover, Gutsullo added that he made various political inquiries and collected information for Dubrovin. Posing himself as a representative of left-wing editions, he did his best to compromise the left-wing press in the eyes of the provincial public. “I was paid for that and I lived better than I needed to,” Gutsullo confided.²⁴

Then the author of the “confession” told about his deep disappointment with Dubrovin, the “giant” and “pillar” of the Union, whom he now considered a “conscious enemy of monarchism and Russia in general.” Gutsullo also wrote about his personal revaluation of all his previous activities:

I cannot contribute any more to the *Znamya*. Morally degraded as I am, I have not yet reached the point and principles used by Dubrovin and his newspaper to estimate patriotism!²⁵

Both the “letter” and “confession” were written in an extremely pretentious tone.

It is my duty, my duty to remember first of all that I am a Russian person without true Russian etiquette. And, being a Russian, I must give my life to my homeland if I want to honestly consider myself who I want to be! And I want, at least at the last moment, to remember my duty to my motherland and at least partially compensate it for all that I had done to it during the long years of serving the ideas of the *Russkoe Znamya*. Leaving the community of this newspaper, I look back and feel shame for my permanent service to it, and I break my pen. Let no one write to them instead of me. . . I know that I and those who will follow me are all doomed to die for the betrayal of the Union. . . But our death will be a noble death and the condemnation of those who will sweep us from their way, clearing their way to salvation! Let me die for “treason,” but my death will give life to those who are more necessary to Russia, more necessary than the pathetic remnants of *Russkoe Znamya*,²⁶

²² “Statement by S. Prokhozhi” [in Russian], *Rech'*, no. 334, December 4, 1916, 6.

²³ “Career of S. Prokhozhi” [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 280, December 4 (17), 1916, 4.

²⁴ “Career of S. Prokhozhi,” 4.

²⁵ “My Confession,” 6.

²⁶ “My Confession,” 6–7.

declared the former member of the Black Hundred s.

Turning to the key point, accusing the VDSRN leader of preparing the assassination of Milyukov, Gutsullo reported with the same passion:

I openly declare that Dubrovin offered me to “get rid of” Milyukov, who is harmful to Russia. What should I do? I cannot and do not want to execute this task! Refusing means my death! . . . Should I accept Dubrovin’s offer, I will also be condemned to death. . . . Should I escape, but where can I hide from Dubrovin? His companions will capture me and then bury me as if I had died of an unknown reason.²⁷

The “confession” ended pathetically with the following words:

I publicly declare and bear witness with my signature that Mr. Dubrovin has blessed me. . . with an honorable proposal to kill the seditionary for the sake of the best precepts of the Union, to kill him as an enemy of the church and Russia. . . .²⁸ I feel that I am already condemned to death by this confession. The Dubrovin’s followers do not spare the “traitors.” But what does it matter if you die later or sooner? After all, even after giving pleasure to Mr. Dubrovin, there is also no need to wait for mercy. . . . Who can bring charges against Alexander Ivanovich Dubrovin? What court can try him, and what accused of slander will live to see the trial? But let my voice and God the Witness be the judges of my conscience and my activity. It is better to run away from him with a calm conscience than to be the executor of his “sentences.” Sergei Prokhozhi is no longer a servant of Mr. Dubrovin, nor an employee of his newspaper. And if I am destined to die for the sake of warning others, let me be among those who gave life for the union’s principles in hard days, for the sake of a better future for Russia and all the nations and peoples living in it.²⁹

Gutsullo’s heartbreaking and pathetic lines played on emotions but were very vulnerable to criticism in terms of objectivity. The author’s overflowing pathos and self-flagellation should have raised the question not only about the truthfulness of all the above but also about his mental state. As famous columnist V. Doroshevich rightly noted, Gutsullo evidently showed off, wrote “with effect” and mentioned his

²⁷ “A Mission to kill P.N. Milyukov. Letter to the *Zhurnal Zhurnalov* Editors from Sergei Prokhozhi, an Employee of the *Russkoe Znamya*” [in Russian], *Zhurnal Zhurnalov*, no. 50 (1916): 4.

²⁸ According to N.N. Yakovlev, in one of his interviews, Prokhozhi reported Dubrovin’s words: “It is you who must do it, as you are a mobilized and conscripted soldier. This assassination. . . must be the Russian army’s response to Milyukov’s last speech in the Duma.” (N.N. Yakovlev, *August 1, 1914*, 299)

²⁹ “My Confession,” 7.

“imminent” death twenty times on three pages of his “confession,” presenting Dubrovin as “an all-powerful being.”³⁰ However, these “revelations” turned out to be very useful in the context of the onslaught on the autocracy and the oppositional media campaign to discredit the Black Hundred movement. Moreover, the “confession” appeared in the press just when a libel case was initiated against Milyukov for the Duma speech he delivered on November 1.³¹

Milyukov publicly stated that he took Gutsullo’s revelations quite seriously because he received anonymous threats and noticed suspicious-looking individuals following him after that sensational speech.³² Demonstrating an outward composure, Milyukov assured journalists that another attempt to take his life was no longer surprising. He patiently reminded:

In this respect, I have even developed a certain experience. When I made a speech in the Third Duma denouncing the Union of the Russian People, I was surrounded on the street by several suspicious-looking individuals who attacked me, broke my pince-nez, and knocked out a tooth.³³

Questioned as a “victim,” Milyukov confirmed his concerns and assured the investigator that he was on the list of persons “subject to elimination.”³⁴ The *Russkie Vedomosti* reported that Milyukov’s party companions were “particularly excited” because they saw “nothing improbable” in the Prokhozhi’s story, and according to the people close to the cadet leader, “he had recently been followed at night when he returned from the *Rech’* editorial office.”³⁵

³⁰ V.M. Doroshevich, “Member of the Union of the Russian People” [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 286, December 11 (24), 1916, 2.

³¹ “O privilechenii k otvetstvennosti chlena Gos. dumy P.N. Milyukova, obvinyaemogo v klevete na predsedatelya Soveta ministrov B.V. Shtyurmera” [On the prosecution of State Duma member P.N. Milyukov, who was accused of slandering Chairman of the Council of Ministers B.V. Shtyumer]. F. 1276, op. 12, d. 7B. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia; “Bringing P.N. Milyukov to Justice” [in Russian], *Russkie Vedomosti*, no. 278, December 2, 1916, 2.

³² “On the Case of S. Prokhozhi” [in Russian], *Kievlyanin*, no. 15, January 15, 1917, 3; “On the Organization of the Assassination of P.N. Milyukov” [in Russian], *Den’*, no. 48, February 20, 1917, 1.

³³ Cited in Yakovlev, *August 1, 1914*, 299–300.

³⁴ “O zagovore protiv chlena Gosudarstvennoi dumy Milyukova P.N.” [On the conspiracy against State Duma member, P.N. Milyukov]. F. 1695, op. 2, d. 129, l. 5. Tsentral’nyi gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Sankt-Peterburga [Central State Historical Archive of Saint Petersburg] (TsGIA SPb), St Petersburg, Russia.

³⁵ “P.N. Milyukov and the Black Hundred” [in Russian], *Russkie Vedomosti*, no. 277, December 1, 1916, 5.

Aleksandr Ivanovich Dubrovin (1855–1921)

Source: F. 1742, op. 1, d. 51471. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia

Dubrovin, in turn, assured the readers of the *Russkoe Znamya* that since 1910, the newspaper had occasionally publish the articles by Prokhozhi but he had never been a “regular employee” of the editorial office.³⁶ In the *Russkoe Znamya* archive, there are the following articles by Prokhozhi dated 1910–14: “On the Death of Tolstoy,” “Some Words about the Cinema,” “St Petersburg Geishas,” “A Sad Phenomenon (A Few Words about the Current Trend in Russian Industry),” ““Long Live the King!’ An Episode from the Bloody Chronicle of the French Revolution,” “The Forgotten Jubilee,” “The Fate of Russian Cotton Production,” “Turkestan Epic Fairy Tales,” “Road to a Woman!”, “Some Words about Pushkin,” “Letters from the Far East of Russia,” and “In Sad Memory of the Great Heresiarch.”³⁷ During the First World

³⁶ “Vileness Goes On” [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 263, December 4, 1916, 2.

³⁷ “Redaktsiya gazety “Russkoe znamya”. Sotrudniki gazety. (Rukopisi statei i svyazannaya s nimi perepiska). Stat’i, podpisannye psevdonimami. Sergei Prokhozhi” [Editors of the *Russkoe Znamya* newspaper. Employees of the newspaper. (Manuscripts of articles and related correspondence). Articles signed with pseudonyms. Sergei Prokhozhi]. F. 786, op. 1, d. 1116, ll. 1–47. RGIA.

War, he contributed to the *Vechny Vremya*, which supported the progressists, but the liberal press did not focus on that fact “for some reason.” Dubrovin also claimed that he had never known Prokhozhi personally and had never seen him because the editorial secretary N. Yeremchenko communicated with him on newspaper matters. The publisher of the *Russkoe Znamya* and Gutsullo had met for the first time shortly before the revelations appeared in the press. According to Dubrovin, a man in the lower rank uniform came to his apartment, handed him a card with the name Gutsullo on it, and explained that he was “the Sergei Prokhozhi,” and the purpose of his visit was a request for money. Having settled in Petrograd in a private apartment, Prokhozhi-Gutsullo asked to give him the part of the fee that he had not yet received and an advance of 25 rubles, promising to work it out with articles. During the meeting, it was agreed that Gutsullo would write texts on the activities of the Amur Governor-General N. Gondatti and on the German dominance in the Far East of Russia. However, Dubrovin did not give any money and sent the visitor to the head of the newspaper finances, E. Poluboyarinova. “That was the end of the communication between A. Dubrovin and Sergei Prokhozhi. A. Dubrovin did not see him again and did not have any relations with him.”³⁸ From Poluboyarinova Dubrovin learned that she had not admitted Gutsullo and had not responded to his letter. However, the unpaid fee was given to him in full at the *Russkoe Znamya* cash office. The VDSRN leader claimed that

everything else is fiction and malicious slander, the perpetrators of which will be brought to justice soon.³⁹

But Gutsullo stood his ground. Without denying that he had asked Dubrovin for money to “settle down properly in Petrograd,” he claimed that he had previously had two conversations with the Black Hundred leader, during which the latter checked his trustworthiness. And when he made sure that Gutsullo was a loyal and brave Black Hundred man, he made his criminal offer. Explaining the reasons for his consent, Gutsullo again pictured Dubrovin as a ruthless and influential criminal authority:

What was I supposed to do? Being in his house, in his office, I had to agree, otherwise I would not have left the house; I would just be taken out and handed over to the railway station as “cargo” for sending to the army, in a box with gifts...⁴⁰

³⁸ “Vileness Goes On,” 2.

³⁹ “Vileness Goes On,” 2.

⁴⁰ “Career of S. Prokhozhi,” 4.

Seeing off the visitor, Dubrovin allegedly took out two hundred rubles from his dark blue velvet vest, gave them to Gutsullo as an advance, and blessed him for the “feat.”⁴¹

Not bothering to check the facts, the opposition press tried to make Prokhozhi-Hutsullo’s revelations as widespread as possible. The assassinations of M. Herzenstein (1906) and G. Iollos (1907), of organizing which Dubrovin was also suspected, were discussed one again. The *Russkie Vedomosti* wrote:

The sinister and disgusting ghosts of the past are rising up before us again. Someone decided that a deputy who had bravely exposed the intrigues of Russia’s enemies to the country should pay for it with his life. Someone “cued”, and “on this cue,” the “bloodied villainy is already crawling to him obediently.” . . . Can Russian society remain an indifferent. . . witness? There can be no two answers to this question. The answer should be a universal demand for an immediate, impartial, exhaustive investigation of the actions of the individuals and communities indicated by the *Russkoe Znamya* employee. And, most importantly, this investigation must be brought *to the very end*, right down to the key masterminds and leaders of the sinister gang. The darkness in which the dark forces hide must be dispelled by any means.⁴²

Doroshevich, who published three large feuilletons on the pages of the *Russkoe Slovo*, also responded to the sensational statements of Prokhozhi in the same pathetic tone. Stirring up fears, the “king of columnists” warned readers that the story told by Prokhozhi resembled the French reaction of 1792 and the secret Parisian society of Knights of the Dagger; it also evoked the shadows of Herzenstein and Iollos killed by the Black Hundreds and opened up a “dark page” of the Russian life. However, Doroshevich pointed out that neither Prokhozhi nor Vasilevsky provided clear evidence that the “confessor” was really a Black Hundred militant. “It is the most important thing,” Doroshevich emphasized. “And we do not know who he is. Just a crook or a villain?”⁴³ Noting that there were “many ambiguities” in the story of Gutsullo-Prokhozhi, the publicist tried to explain each of them and point the reader towards the conclusion: although Dubrovin’s accuser confused a lot of details, there was no doubt that he was not lying in the key facts, as he was “not the first accuser of the Union of the Russian People who used to be its member.”⁴⁴ Doroshevich urged the prosecutor’s office to immediately investigate the case:

⁴¹ “Career of S. Prokhozhi,” 4.

⁴² “A Conspiracy against P.N. Milyukov” [in Russian], *Russkie Vedomosti*, no. 277, December 1, 1916, 3.

⁴³ V.M. Doroshevich, “A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov” [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 277, December 1 (14), 1916, 4.

⁴⁴ Doroshevich, “A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov,” 4.

The murders of Iollos and Herzenstein might be forgotten. But the prosecutor's office has received a new fact that requires opening a case and investigation. A person makes a public statement. A political party has a terrorist organization. This person belongs to it. He provides evidence of its existence and his belonging to it. . . . The investigation has to check his words and to bring to light everything he does not know about the activity of the Union of the Russian People. . . The case should be initiated not only against a certain Sergei Prokhozhi, but against the Union. . . The crime. . . is too grave.⁴⁵

The following day, Doroshevich published a new feuilleton, where he presented his version of the situation. The Black Hundred consisted of two parts. The first part included the "extremist" supporters of Dubrovin who were ready to stifle the revolution by force and intimidate liberals with political assassinations. The second part included the "bastards", Markov's associates who did not dirty their hands but fought their enemies with a word, "flinging mud at everything progressive." The period of 1905–07 was the era of "extremists," and the era of "bastards" came after the suppression of the revolution and the beginning of parliamentary struggle. The columnist made the following conclusion:

Now the situation is aggravating again. And again, the "extremists" come onto the scene and displace the "bastards." P. Milyukov has experienced both ways of fighting. . . The seniors have apparently decided that it is time to restart the era of the "extremists." The beautiful days of the *Russkoe Znamya* start again.⁴⁶

Doroshevich finished his triptych with an article where he analyzed the psychological portrait of Prokhozhi, a "Black Hundred bandit", and then expressed great doubts about the truthfulness of the "confession." Doroshevich concluded that one should not trust Gutsullo as he was inclined to exaggeration and lie, and therefore the issue of Dubrovin's guilt "should be considered with great caution."⁴⁷ The venerable columnist even presumed that Prokhozhi could have invented the story, at least for the purpose of "being imprisoned rather than sent to the front."⁴⁸ (It is worth noting that according to Gutsullo himself, he was "quite unexpectedly" mobilized in Petrograd in 1916, when he came to the capital to meet Dubrovin. He had to recall all his illnesses to get into the reserve regiment instead of the battleground⁴⁹). Nevertheless, Doroshevich was also in no hurry to admit the story as fiction, as he

⁴⁵ Doroshevich, "A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov," 4.

⁴⁶ V.M. Doroshevich, "A Conspiracy to Kill P.N. Milyukov" [in Russian], *Russkoe Slovo*, no. 278, December 2 (15), 1916, 3.

⁴⁷ Doroshevich, "Member of the Union of the Russian People," 2.

⁴⁸ Doroshevich, "Member of the Union of the Russian People," 2.

⁴⁹ "Career of S. Prokhozhi," 4.

was sure that such a crime could be typical of the Black Hundreds. Therefore, he again called on the investigation to thoroughly study all the facts from Gutsullo's testimony, including his "feats" during the 1905 Revolution, in order to expose the "criminal community of murderers, robbers, patrons, and instigators" and "lance that boil to the bottom."⁵⁰

The *Yuzhnyi Krai* newspaper was also wary of Gutsullo's revelations. The first lines of the article stated: "Evil which serves another evil begins to take revenge on the public favorites who defend the good of the population and protect from a group of self-serving people." The edition pointed out that "there was a lot in common" between Markov's offensive trick and "criminal acts of revenge." The "plot" against Milyukov and the murders of Herzenstein and Iollos were both "completely heinous" for the *Yuzhnyi Krai*, but speaking about the "conspiracy" the newspaper marked: "If only it really took place." The liberal edition concluded:

If not now, then sometime in the future, the further events will reveal the kind of story we are facing today: whether it is delusion of a sick imagination or indeed the attempts of black terror prepared by the Union of the Russian People.⁵¹

Responding to the indignation of the "progressive swamp," the right-wing periodicals asked their opponents a rhetorical question if they were also indignant "when the murderers who executed the decisions of the Paris conference, in which Milyukov also took part, sent hundreds of loyal Tsar's servants to the skies?" An author from the *Zemshchina* newspaper asked:

Tell us, were you indignant?... When Count Ignatiev was killed or when they attempted to kill Admiral Dubasov, did you call for prosecutor's supervision? . . . No, you did not say anything. Not only that, your companions were extremely delighted with each murder, and the murderers were considered heroes. . . . So do you dare to resent the ridiculous rumor of an "assassination attempt"?!⁵²

But it did not mean that the rightists were ready to admit the possibility of Dubrovin's involvement in the attempted assassination of Milyukov.

A right-wing columnist claimed ironically:

⁵⁰ Doroshevich, "Member of the Union of the Russian People," 2.

⁵¹ "On the Conspiracy against P.N. Milyukov" [in Russian], *Yuzhnyi Krai*, no. 13733, December 1, 1916, 4.

⁵² M. Pronin, "A Precious Life" [in Russian], *Zemshchina*, no. 2540, December 4, 1916, 3.

No one would probably have attempted to kill Milyukov. This life is precious for all Russian people. After all, if awards were given for strong foreheads,⁵³ Milyukov would undoubtedly have received the first award. So, is it possible not to cherish such a person when he is the head of the enemies of Russia? . . . Enemies like Milyukov should be cherished as the apple of your eye. They only compromise their own accomplices. . . Besides, it seems that *lackeys* are never killed in political struggle. They are only beaten. . .⁵⁴

Referring to the attack on Milyukov in 1907, the *Zemshchina* wrote that after that event the cadet leader had become “a complete neurotic with an obsession coupled with desperate fear: he was afraid of the ‘lack Hundreds who allegedly intended to kill the great man.’”⁵⁵

The right-wing newspapers strongly refused to believe the truth of Gutsullo’s story. The *Zemshchina* wrote:

Reading all this nonsense, one would only feel sorry for Dr. Dubrovin, who seems to become insane. For God’s sake, a man hires a killer, pays him 300 rubles in advance, and supplies him with “documents” that the killer uses to blackmail him.⁵⁶

Moreover, the *Zemshchina* author noted that the documents “incriminating Dubrovin” included only a certificate that Prokhozhi collaborated with the *Russkoe Znamya*, a ticket for free travel on railways, and a plan of Milyukov’s apartment. The latter was particularly perplexing:

⁵³ Once, addressing Milyukov from the Duma tribune, Purishkevich quoted the lines from A. Izmailov’s fable “The Liar”: “*Pavlushka – mednyi lob, prilichnoe prozvan’e! / Imel ko lzhi bol’shoe darovan’e*” [Pavlushka is a copper-headed man, what a fitting nickname! / He had a great talent for lying]. (See A.A. Ivanov, *Fiery Reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal’, 2020), 104.) After that, jokes about Milyukov’s “copper” or “strong” forehead became very popular among the rightists.

⁵⁴ Pronin, “A Precious Life,” 3.

⁵⁵ A. Ryn-Peskovskii, “Pavel Nikolaevich Milyukov” [in Russian], *Zemshchina*, no. 2556, December 21, 1916, 4. As a present-day researcher notes, in 1907–09, “the interpellants accused. . . the Union of the Russian People of an attempt to kill Milyukov, which greatly amused the rightists. Indeed, the hotheads attacked Milyukov and beat him from time to time, but those events could hardly be called assassination attempts. In addition, the victim was present, he signed up for the request and made a speech about it. In those days, the Cadet leader could not appear at the rostrum without being reminded by the rightists that he was a ‘corpse’.” When Milyukov appeared at the rostrum, shouts were heard from the right: “Reverence for the dead!”, “This is not Milyukov, this is Milyukov’s corpse”, “The dead never have shame” (Ya.A. Sedova, *Octobrist Regime* [in Russian], vol. 1 (Moscow: Algoritm, 2018), 1020–21).

⁵⁶ M. Pronin, “Easily Got into Trouble” [in Russian], *Zemshchina*, no. 2542, December 6, 1916, 3.

Besides Vasilevsky, who could have drawn the plan of Milyukov's apartment to Prokhozhi? Dubrovin? It must be assumed that Dubrovin and all his friends have never set foot in that apartment. And if Prokhozhi happened to have a plan of Milyukov's apartment, either Vasilevsky gave him the plan or Milyukov allowed Prokhozhi to inspect his apartment in order to concoct a "document" incriminating Dubrovin. And what could the apartment plan be needed for? Do such murders occur in apartments? . . . Vasilevsky claims that Dubrovin encouraged Prokhozhi with impunity for the murderers of Herzenstein and Iollos . . . But both were killed on the street, not in their apartments."⁵⁷

The *Moskovskie Vedomosti* responded to that situation with several articles. Like other right-wing editions, the mouthpiece of the Moscow monarchists, who had no sympathy for Dubrovin, considered the story absolutely implausible. Prokhozhi's "confession" was found "vulgar, ridiculous, and vile," and his revelations were called "the cries of a denatured soul."⁵⁸ The newspaper reminded the readers of the plot of the newly-staged play by L. Andreev "He Who Gets Slapped," which told about an intelligent man who became famous by working in a circus as a clown, exposing his face to endless slaps. The author of the feuilleton exclaimed:

Look, dear gentlemen, this is exactly the biography of P.N. Milyukov. . . Before entering the circus. . . that is, the State Duma, he was also lost in the shadow of obscurity. He was a Privatdozent and there would be no end to his Privatdozentship! He wrote books, articles, scientific research, but nobody wanted to recognize Pavel Nikolaevich. . . [The public] was indifferent to Milyukov as a scientist, but. . . got crazy about him when he became "the one who gets slapped." It was Milyukov's brilliant invention: firstly, he makes a speech in the Tauride Palace, then he gets slapped for it either in the street or at home,⁵⁹ and finally he is crowned with laurels from the enthusiastic crowd.⁶⁰

Deriding Milyukov's "immense thirst for fame," the author of the feuilleton believed that it did him a lot of harm. In the author's opinion, the shocking news appeared in the "magazine of booms and sensations," and that fact conveyed a great deal. At the end of the feuilleton, the following "suggestion" was made: Gutsullo needed to

⁵⁷ Pronin, "Easily Got into Trouble," 3.

⁵⁸ Neizvestnyi, "Sketches" [in Russian], *Moskovskie Vedomosti*, no. 283, December 8 (21), 1916, 4.

⁵⁹ It is a reference to the incident on May 9, 1908, when N. Popov, a journalist from the *Rus'* newspaper, slapped Milyukov in the face after a talk in his apartment, provoking the politician into a duel. See A.A. Ivanov, *"A Point of Honor": Deputies of the State Duma and Dueling Scandals (1906–1917)* [in Russian] (St Petersburg: Vladimir Dal', 2018), 191–98.

⁶⁰ R. Serebryanskii, "Moscow Thoughts. III. He Who Gets Slapped" [in Russian], *Moskovskie Vedomosti*, no. 279, December 3 (16), 1916, 1.

improve his financial situation so he bought many printed copies of Milyukov's speech, and in order to stimulate demand for it, he invented a story about assassination attempt. The author of the feuilleton R. Serebryanskii imagined how the agreement between Gutsullo and Milyukov could have happened. The author put the following words in their mouths:

"Pavel Nikolaevich! . . . Do you remember the Third Duma? Suspicious-looking individuals, pince-nez, a tooth, and then sympathy, enthusiasm, laurel wreaths. . . Do you?"

Pavel Nikolaevich raised his head. His eyes twinkled with inspiration. It was obvious that he was dizzy from the thirst for new fame.

"Oh no, that'll do! I don't want any more slaps! And then. . . kill me!"

And he explained his plan to the startled Passerby. . . sorry, Prokhozhi. ⁶¹

The *Moskovskie Vedomosti* kept discussing the version that Milyukov was the initiator of his own "assassination." An unknown author hinted that the fame that washed over M. Rodzyanko after he was insulted by Markov distracted the public attention from Milyukov's November speech, making the latter jealous. "It seemed to the progressive old man that his parliamentary speech made too little noise. . . This Cadet old-timer is insatiable in this respect!" ⁶²

The same version was presented by the *Golos Rusi*. Contributor S. Durasovich noted, "The most stupid situation in life is when you have to get off the pedestal that you have just climbed." ⁶³ Ridiculing Milyukov's "agony," the author of the feuilleton wrote:

The whole Russia – no, not the whole of Russia, but the whole universe – shuddered with horror: deep inside Petrograd, the Black Hundreds hatched a dark, sinister plot to kill Pavel Nikolaevich Milyukov, the figure popular in Russia, and in Finland, and in Bulgaria. . . The confession of the Black Hundred made Vasilevsky shudder. . . Hessen was the next to shudder. Kugel' and Zaslavskii followed him. And finally, venerable V. Doroshevich got a nervous tic and wrote a 400-line feuilleton in the *Russkoe Slovo*, ominously beautiful as a black diamond. Phantoms emerged under the magic pen of the "king of columnists." The year of 1792. . . Secret trials of royalist Chouans. . . Conspiracies in the dark of basements and crypts. The blessing of swords. Members of St. Louis Order. Iollos. . . Herzenstein. . . The Ghosts of 1905. . . And as the plot was brought to light, Milyukov's personality gradually became

⁶¹ Serebryanskii, "Moscow Thoughts. III," 1.

⁶² Neizvestnyi, "Sketches," 4.

⁶³ Yuvenal (S.N. Durasovich), "Martyr by Countermark" [in Russian], *Golos Rusi*, no. 1035, December 6 (19), 1916, 1.

more and more impressive. Here he is no longer Milyukov, but a statue. Eyes raised to the sky. One hand is on his chest, the other is spread forth. There is a crown of thorns on his head. What a martyr! A victim of fanaticism. “People, look and be awed!”⁶⁴

Durasovich was sure that the true reason for all that situation was that Gutsullo was offended by Dubrovin and made a proposal to Vasilevsky, which was to perform a “spectacular aria” for a small fee. Durasovich concluded: “If you are Prokhozhi [literally, a passerby in Russian], pass on. We have no time for you today. And you, dear Pavel Nikolaevich, vacate the seat of the martyr.”⁶⁵

Well-known journalist A. Rennikov (A.M. Selitrennikov) also made fun of this story in the pages of the *Golos Rusi*. Not supporting the leader of the Black Hundreds, the author of the feuilleton emphasized, “I do not take the side of Dubrovin, as you never know what the doctor and his union are capable of!”⁶⁶ But from the very first lines of the article, Rennikov made it clear that the only purpose of the sensation was Vasilevsky’s desire to attract new subscribers.

Rennikov wrote ironically:

There is a small street magazine in Petrograd that publishes all sorts of sensations. It does not matter ‘if beasts within a silent forest moan. . . or young girls sing almost inaudibly’, the editor of this magazine (a brisk, intelligent Odessa citizen) immediately sends an embellished echo to the public. Speaking about beasts, he reassures the reader that the newspaper has hastily sent a reported to the silent forest to find out what is going on. As for the girl singing, a terrible story is reported about her. A witness wearing a black mask comes to the editorial office and takes the editor’s word that he would not take off this mask from his face during the conversation. And this witness has told the editors such things about the girl that makes the hair stand on end and that can only be published at the end of December, and those who want to know the rest of the story should subscribe to the magazine for the whole year of 1917.⁶⁷

Evaluating the plausibility of Prokhozhi-Gutsullo’s remorse, the columnist noted: “Mr. Prokhozhi went further, however. He went even much further than it was possible in December before subscribing to a tabloid magazine.” To make fun of the story presented by Prokhozhi, Rennikov told his readers that “an editor of a left tabloid magazine” had recently come to him and offered to execute “a great deed for the motherland” and at the same time to earn extra money by “getting rid of” Markov

⁶⁴ Yuvenal, “Martyr by Countermark,” 1.

⁶⁵ Yuvenal, “Martyr by Countermark,” 1.

⁶⁶ A. Rennikov, “The Plot” [in Russian], *Golos Rusi*, no. 1033, December 10 (23), 1916, 2.

⁶⁷ Yuvenal, “Martyr by Countermark,” 1.

the second. Assuring that the responsibility for this murder would be “no more, than for that for Milyukov’s,” Rennikov’s visitor specified a place “where it would be easy to put a mortar” in order to kill the right-wing politician by plunging fire “from the neighboring house, street, and alley” when he would be approaching the Tauride Palace.

Seeing me off, the editor took out two hundred notes from his dark red velvet vest and handed them to me, saying: “The mortar, certainly, is at your expense. Goodbye. By the way, never be sorry for the *Russkoe Znamya*, the address of which you will find in the *Ves' Petrograd* reference book!” . . . I was left alone and stayed in my office for a long time like a madman. What am I to do? Should I inform the prosecutor? Or I really should I go to Dubrovin, tell him all this before the subscription to the *Russkoe Znamya* has expired, and help this poor man to increase his circulation?⁶⁸

Dubrovin’s *Russkoe Znamya* also published Rennikov’s feuilleton, adding that “increasing the number of subscribers of a lousy magazine” was not the only purpose of the “malicious slander.” The *Russkoe Znamya* emphasized that the opposition press sent the appalling accusations against Dubrovin immediately after they had arranged harassment of another leader of the Russian rightists, N. Markov II. The *Russkoe Znamya* characterized this campaign as an “act of yellow terror.”⁶⁹

Defending its leader from “dirty insinuations,” the *Russkoe Znamya* also pointed out that Milyukov himself might have ordered such a great scandal:

Who and why, in fact, needed to “organize an assassination” of Milyukov? It is well known that many people have already beaten him: they beat him in the face with a hand clad in a hard, impenetrable glove; they beat him with a whip in other parts of his body, without gloves; they beat him on the back with a stick; they beat him. . . . You never know how and where he was beaten. All this just proves that if Milyukov’s face and “other parts of his body” were so easy to be beaten, then the whole of him was equally easy to be beaten – even in the most brutal way. . . . However, nothing like that happened. You have been whipped, go now, God be your help, and do not sin anymore; and if you sin, you will be beaten again! . . . Even if Mr. Milyukov has deserved new beating for his new sins, his body remains as accessible as it used to be. . . . After all, Milyukov is the first advocate of freedom and he willingly exposes his face and “other parts of his body” to everyone. What do “assassination,” “organization,” unnecessary mystery have to do with it? . . . Everything is for publicity, for more hype, for

⁶⁸ Yuvenal, “Martyr by Countermark,” 1.

⁶⁹ “Press Overview. A Conspiracy of Slanderers” [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 268, December 11, 1916, 2.

fame. . . That's it, they would say, not only has Milyukov been beaten, but also an attempt has been made against his life. . .⁷⁰

Poet A. Tinyakov, who was actively published in the pages of the *Russkoe Znamya* during the First World War, also paid attention to this story. Calling Vasilevsky in no other way than Voshkin [from the Russian *vosh'* – a louse], Tinyakov did not stint swear words addressed to the editor of the *Zhurnal Zhurnalov* and emphasized his Jewish origin. Tinyakov wrote:

Undoubtedly, none of the left-wing crooks believe that the rightists are going to “kill Milyukov.” The leftists know – as well as the rightists do – that despite being a professor, Milyukov is essentially an insignificant man; the leftists know that no political figures will kill Miliukov because such “opponents” are not dangerous but despicable. However, it is important for the left-wing rabble to incite the gullible and ignorant part of the readers against the right-wing press in general. That is why Voshkin so strongly emphasized that Gutsullo was an employee of the *Russkoe Znamya*, although it turned out that Gutsullo also contributed to the *Vechny Vremya* newspaper and the *Priroda i Lyudi* magazine, a “man of letters in general”! The Voshkins have undoubtedly achieved their harmful goal: slander has been launched into public, malice has been raised, anger has been inflated, and left-wing imbeciles will repeat the slander of silly Vasilevsky and obviously embittered Gutsullo for a long time.⁷¹

During the investigation, the opposition press was looking forward to the day when Dubrovin would be accused of organizing the murder. Meanwhile, Prokhozhi-Gutsullo was not going to testify and was more inclined to make statements through the press. Vasilevsky gave the investigator the notes that he had received from Gutsullo, saying that the latter went into hiding because “he was afraid of being captured by the Dubrovin companions.”⁷² Commenting on that fact, the *Pravaya Gazeta* noted:

The informant and blackmailer address the prosecutor through Vasilevsky rather than personally, allegedly out of fear of being killed. . . However, Prokhozhi is not afraid of making statements through Vasilevsky, who declares his name in the press. . . A strange fear. . . Obviously, Prokhozhi is not afraid of Dubrovin, but he is afraid of the investigator's questions, as he risks to become tangled in

⁷⁰ [Editorial Article] [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 265, December 8, 1916, 1.

⁷¹ A. Tinyakov “On a Hot Topic” [in Russian], *Russkoe Znamya*, no. 265, December 8, 1916, 2.

⁷² “Statement by S. Prokhozhi” [in Russian], *Rech'*, no. 334, December 4, 1916, 6.

lies. . . Another suggestion is possible: maybe Prokhozhiĭ fears responsibility for false denunciation.⁷³

However, Gutsullo finally had to testify personally. After communicating with him, the investigators concluded that Gutsullo had no facts to prove his unsubstantiated accusations. On February 21, 1917, on the eve of the revolution, newspapers reported that after another interrogation the investigator ordered a psychiatric examination of Gutsullo. Acting prosecutor of the Petrograd Court Chamber N. Gromov was present during the examination and concluded that Gutsullo was “a sick man.”⁷⁴ Moreover, it turned out that Gutsullo had visited Milyukov’s wife and had asked her for financial support. Thus, the layout of Milyukov’s apartment was known to him even without Dubrovin’s help.⁷⁵ Materials of the investigative case demonstrate that Gutsullo had private conversations with the secretary of the *Novyi zhurnal dlya vsekh* S. Zuser (a future Soviet historian and archaeologist) and informed him about an intended assassination of chairman of the State Duma M. Rodzyanko. Then he offered his “confession” to the press, handed over his revelations to Vasilevsky for some interest (100 rubles) and asked the later to hire him as an author.⁷⁶ Having found no grounds for detaining Dubrovin, the prosecutor’s office allowed him to leave Petrograd for his wife’s Oryol estate.⁷⁷

The investigation lasted until the February Revolution but ended in nothing.⁷⁸ It did not manage to prove or refute Dubrovin’s criminal intent. The *Rech'* admitted that the Russian law implied no punishment for incitement to murder if it had not been committed. Nevertheless, the edition expressed the hope that Dubrovin would be brought to justice for preparing the murder.⁷⁹ Meanwhile, rumors began to spread that it was Gutsullo rather than Dubrovin who had to go to prison. In his letter to A. Blok, poet V. Pyast (Pestovsky) wrote in early 1917:

Sergei Gutsullo (Prokhozhiĭ), the author of the slander against Dubrovin, . . . was put in a Yekaterinburg prison and will be tried for crimes committed by him as a

⁷³ Pronin, “Easily Got into Trouble,” 3.

⁷⁴ “On the Assassination Attempt against P.N. Milyukov” [in Russian], *Den'*, no. 35, February 6, 1917, 3.

⁷⁵ “On the Case of S. Prokhozhiĭ” [in Russian], *Kievlyanin*, no. 52, February 21, 1917, 3.

⁷⁶ “O zagovore protiv chlena Gosudarstvennoi dumy Milyukova P.N.” [On the plot against P.N. Milyukov, a member of the State Duma]. F. 1695, op. 2, d. 129, ll. 1 ob., 3. TsGIA SPb.

⁷⁷ “Departure of A.I. Dubrovin” [in Russian], *Petrogradskii listok*, no. 10, January 11, 1917, 4.

⁷⁸ Derevnina, *Court Cases*, 28–29.

⁷⁹ “On the Statement by S. Prokhozhiĭ” [in Russian], *Rech'*, no. 342, December 12, 1916, 3.

member of the Union of the Russian People in Odessa, for crimes he confessed to the prosecutor, when slandering Dubrovin.⁸⁰

At the end of January 1917, the *Petrogradskii Listok* had to admit that Gutsullo, “the Flying Dutchman of the Union of the Russian People,” “‘worked’ for 30 pieces of silver,” “wandering around the leftist editorial offices” and “gabbing all sorts of fables.”⁸¹ Emigrant historian S. Mel'gunov (former cadet and people's Socialist) also admitted that Gutsullo's revelations were “too exaggerated,” and Dubrovin's accuser himself “should be declared mentally damaged.”⁸² After the triumph of the February Revolution, Gutsullo was summoned to the Commission of Inquiry dealing with instigators, but there is only one page in the case file. It is the statement of Prokhozhi himself, in which he welcomed the new government in his characteristic elevated tone, praised “the great cause of the liberation of Russia,” and expressed his readiness to give his life for the revolution.⁸³

Conclusion

The revolution that began at the end of February 1917 shifted the attention of contemporaries to other events. However, the public lost great interest in the failed attempt to kill Milyukov even earlier, in January 1917. The sensation quickly deflated, disappointing all those who expected big revelations. It is extremely difficult to find out what was true and false in Gutsullo's testimony. The moral character of this man did not arouse any sympathy even among those who presented his “revelations” as indisputable truth. It could not help but draw attention to the fact that many of these statements were artificial and illogical. It is unlikely that Dubrovin would entrust such a dangerous mission to a person he barely knew and even provided that person with incriminating evidence. And the fact that those revelations appeared in the press at the very moment when the rightists were heavily attacked makes us doubt their veracity even more. According to the information that had leaked to the press, the investigation was going to conduct a psychiatric examination of the potential killer, and his revelations seemed even more doubtful. It is impossible to say for sure whether the conversation with Dubrovin was Gutsullo's trick or the leader of the Black Hundred truly hinted at assassination of Milyukov. There were really many “dark individuals” around Dubrovin, and the people whom he perceived

⁸⁰ Alexander Blok [in Russian], ed. V.R. Shcherbina, vol. 92, *New Materials and Research*, bk. 2 (Moscow: Nauka, 1981), 222.

⁸¹ “The Elders Get Together” [in Russian], *Petrogradskii listok*, no. 30, January 31, 1917, 2.

⁸² Mel'gunov, *The Legend of a Separate Peace*, 301.

⁸³ “Zayavlenie Prokhozhego-Gutsullo S. i Kasprevicha v sledstvennuyu komissiyu po delam o provokatorakh” [Statement of Prokhozhi-Hutsullo S. and Kasprevich to the Commission of inquiry dealing with instigators]. F. 6281, op. 1, d. 56, l. 4. GARF.

as loyal companions often betrayed him, providing oppositional periodicals with dirt on the leader of the Black Hundred.

On the one hand, this story largely resembled the events with the assassination of Herzenstein, Dubrovin's involvement in which was widely discussed but not proven. (At that time, his former associates M. Zelensky and A. Prussakov testified against Dubrovin). On the other hand, unlike the death of Herzenstein (it was a real tragedy and jokes about it looked immoral and caused fair condemnation) the "attempt to kill" Milyukov quickly acquired a comic coloring. Gutsullo's pathetic revelations, frightening warnings from the liberal editions, and denunciations of the atrocities performed by the Black Hundreds did not reach their goal because nothing happened to Milyukov, except for the fact that his figure attracted the sympathetic attention of the opposition press once again and for a short time he gained "the glory of a martyr."⁸⁴ It is significant that later Milyukov did not concentrate on this story, although until his last days he was sure that Dubrovin wanted him dead. Even after the real attempt to kill the former cadet leader in Berlin in 1922, when two young monarchist emigrants shot at him in revenge for his famous November speech and his contribution to the February Revolution, neither Milyukov nor his companions remembered the failed assassination. We may assume that the reason for such indifference was that this story did not do much harm to Dubrovin (whose "bloodthirstiness" was not doubted by the leftists) but embarrassed all those who took the revelations of the obviously unreliable Gutsullo too seriously. If we assume, as the rightists did, that Gutsullo's public speech was inspired by Vasilevsky in order to raise public interest in the magazine he published, to "destroy" Dubrovin, and to make political promotion of Milyukov, the answer to the question about the reasons that forced the Cadet leader not to talk about this story becomes obvious. Anyway, the story that began as a tragedy turned into a farce and was left without any intelligible ending.

Список литературы

Деревнина Е.А. Судебные дела, связанные с депутатами Государственной думы (по материалам ЦГИА СПб) // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция (Санкт-Петербург, 11–12 декабря 2013 г.): в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2014. Ч. 2. С. 28–30.

Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2023. 639 с.

Иванов А.А. «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2018. 634 с.

⁸⁴ Yakovlev, *August 1, 1914*, 300.

Иванов А.А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Кара-Мурза А.А. Павел Николаевич Миллюков: «Идти соединением либеральной тактики с революционной угрозой...» // Российский либерализм: идеи и люди / под редакцией А.А. Кара-Мурзы. Москва: Новое издательство, 2007. С. 526–538.

Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Миллюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста П.Н. Шабельского // Вестник архивиста. 2018. № 3. С. 867–881. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881>

Котельников К.Д. Покушение в Берлине в 1922 г. на П.Н. Миллюкова и убийство В.Д. Набокова: показания обвиняемого, монархиста С.В. Таборицкого // Вестник архивиста. 2018. № 4. С. 1163–1174. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174>

Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире (канун революции). Париж: [б. и.], 1957. 505 с.

Николаев А.Б. Из истории раскола фракции правых IV Государственной думы (ноябрь–декабрь 1916 г.) // Старцевские чтения – 2006: к 75-летию профессора Виталия Ивановича Старцева (Санкт-Петербург, 14–15 сентября 2006 г.): сборник воспоминаний и научных статей / под редакцией Б.Д. Гальпериной, А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2007. С. 143–154.

Николаев А.Б., Гавроева Е.С. М.В. Родзянко и раскол фракции правых (ноябрь–декабрь 1916 г.) // Университетский научный журнал. 2018. № 41. С. 13–23. <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23>

Седова Я.А. Октябреский режим: в 2 т. Москва: Алгоритм, 2018. Т. 1. 1054 с.

Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? Москва: Яуза-пресс, 2013. 672 с.

Стогов Д.И. Образ черносотенцев в российской либеральной печати (1916 – первая половина 1917 гг.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2013. С. 6–15.

Чернявский Г., Дубова Л. Миллюков. Москва: Молодая гвардия, 2015. 510 с.

Чистяков К.А. Покушение П.Н. Шабельского-Борк и С. Таборицкого на П.Н. Миллюкова в Берлине 28 марта 1922 г. // Новый исторический вестник. 2002. № 1 (6). С. 121–125.

Яковлев Н.Н. 1 августа 1914. Москва: Алгоритм, 2003. 352 с.

References

Chernyavskii, G., and L. Dubova. *Milyukov*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2015. (In Russian)

Chistyakov, K.A. “Pokushenie P.N. Shabel'skogo-Bork i S. Taboritskogo na P.N. Milyukova v Berline 28 marta 1922 g.” [Assassination attempted against P.N. Milyukov by P.N. Shabel'skii-Bork and S. Taboritskii in Berlin on March 28, 1922]. *Novyi istoricheskii vestnik*, no. 1 (6) (2002): 121–25. (In Russian)

Derevnina, E.A. “Sudebnye dela, svyazannye s deputatami Gosudarstvennoi dumy (po materialam TsGIA SPb)” [Court cases related to the deputies of the State Duma (based on the materials of the Central State Historical Archive of St Petersburg)]. In *Tavricheskie chteniya 2013. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Sankt-Peterburg, 11–12 dekabrya 2013 goda)* [Tauride Readings 2013. Current problems of parliamentarism: History and modernity: International scientific conference (St Petersburg, December 11–12, 2013)], edited by A.B. Nikolaev, pt. 2, 28–30. St Petersburg: ElekSis, 2014. (In Russian)

Ivanov, A.A. *“Delo chesti”: deputaty Gosudarstvennoi dумы i duel'nye skandaly (1906–1917)* [“A point of honor”: Deputies of the State Duma and dueling scandals (1906–1917)]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2018. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Plamennyi reaksioner Vladimir Mitrofanovich Purishkevich* [Fiery reactionary Vladimir Mitrofanovich Purishkevich]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2020. (In Russian)

Ivanov, A.A. *Vozhd' chernoi reaksii: Nikolai Evgen'evich Markov* [Leader of the black reactionaries: Nikolai Evgen'evich Markov]. St Petersburg: Vladimir Dal', 2023. (In Russian)

Kara-Murza, A.A. “Pavel Nikolaevich Milyukov: ‘Idti soedineniem liberal'noi taktiki s revolyutsionnoi ugrozoi...’” [Pavel Nikolaevich Milyukov: “To follow the course of combining liberal tactics with the revolutionary threat...”]. In *Rossiiskii liberalizm: idei i lyudi* [Russian Liberalism: Ideas and People], edited by A.A. Kara-Murza, 526–38. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2007. (In Russian)

Kotel'nikov, K.D. “Pokushenie v Berline v 1922 g. na P.N. Milyukova i ubiistvo V.D. Nabokova: pokazaniya obvinyaemogo, monarkhista P.N. Shabel'skogo” [Attempt on P.N. Milyukov in Berlin in 1922 and assassination of V.D. Nabokov: Testimony of the accused, monarchist P.N. Shabel'skii]. *Vestnik arkhivista*, no. 3 (2018): 867–81. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-3-867-881> (In Russian)

Kotel'nikov, K.D. “Pokushenie v Berline v 1922 g. na P.N. Milyukova i ubiistvo V.D. Nabokova: pokazaniya obvinyaemogo, monarkhista S.V. Taboritskogo” [Attempt on P.N. Milyukov and assassination of V.D. Nabokov in Berlin in 1922: Testimony of the accused, monarchist S.V. Taboritskii]. *Vestnik arkhivista*, no. 4 (2018): 1163–74. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2018-4-1163-1174> (In Russian)

Mel'gunov, S.P. *Legenda o separatnom mire (kanun revolyutsii)* [The legend of a separate peace (the eve of the revolution)]. Paris: [n. p.], 1957. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Iz istorii raskola fraktsii pravyykh IV Gosudarstvennoi dумы (noyabr'–dekabr' 1916 g.)” [From the history of the split of the right-wing faction in the Fourth State Duma (November–December 1916)]. In *Startsevskie chteniya – 2006: k 75-letiyu professora Vitaliya Ivanovicha Startseva (Sankt-Pererburg, 14–15 sentyabrya 2006 g.): sbornik vospominanii i nauchnykh statei* [Startsev Readings – 2006: For the 75th anniversary of Professor Vitaly Ivanovich Startsev (St Petersburg, September 14–15, 2006): A collection of memoirs and scientific articles], edited by B.D. Galperina, and A.B. Nikolaev, 143–54. St Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, 2007. (In Russian)

Nikolaev, A.B., and E.S. Gavroeva. “M.V. Rodzyanko i raskol fraktsii pravyykh (noyabr' – dekabr' 1916 g.)” [M.V. Rodzyanko and the split of the right-wing faction (November – December 1916)]. *Universitetskii nauchnyi zhurnal*, no. 41 (2018): 13–23. <https://doi.org/10.25807/PBH.22225064.2018.41.13.23> (In Russian)

Sedova, Ya.A. *Oktyabricheskii rezhim* [Octobrist regime], 2 vols. Vol. 1. Moscow: Algoritm, 2018. (In Russian)

Stepanov, S.A. *Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii?* [The Black Hundred. What did they do for the greatness of Russia?]. Moscow: Yauza-press, 2013. (In Russian)

Stogov, D.I. “Obraz chernosotentsev v rossiiskoi liberal'noi pechati (1916 – pervaya polovina 1917 gg.)” [The image of the Black Hundreds in the Russian liberal press (1916 – first half of 1917)]. In *Revolutsiya 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzglyady* [The 1917 Revolution in Russia: New approaches and views], compiled by A.B. Nikolaev, 6–15. St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2013. (In Russian)

Yakovlev, N.N. *1 avgusta 1914* [August 1, 1914]. Moscow: Algoritm, 2003. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Александрович Иванов – доктор исторических наук, профессор кафедры Новейшей истории России, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>, andrey.a.ivanov@spbu.ru, Санкт-Петербургский государственный университет (д. 5, Менделеевская линия, 199034 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Andrei A. Ivanov – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of Contemporary History of Russia, <https://orcid.org/0000-0001-6438-5200>, andrey.a.ivanov@spbu.ru, Saint Petersburg State University (5, Mendelevskaya liniya, 199034 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.12.2024; одобрена после рецензирования 12.02.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 16.12.2024; approved after reviewing 12.02.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 850–895.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 850–95.

Научная статья

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-5>

<https://elibrary.ru/qvpsxe>

**Депутат IV Государственной думы от Амурской области
А.И. Рыслев в 1917 г.**

Андрей Борисович Николаев

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена,

Санкт-Петербург, Россия,

abnikolaev@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>

Andrei B. Nikolaev

Herzen State Pedagogical University of Russia,
St Petersburg, Russia,

abnikolaev@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>

Аннотация. В статье речь идет о депутате IV Государственной думы от Амурской области А.И. Рыслеве. В историографии нет специальных работ, посвященных его деятельности в 1917 году. Для раскрытия темы исследования использовались делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде 1278 РГИА, публицистика, документы личного происхождения и материалы периодической печати, преимущественно выходившие в Благовещенске (Амурская обл.). В первые дни Февральской революции Рыслев принял участие в ее событиях в качестве наблюдателя, находясь на улицах Петрограда, а уже 27 февраля включился в обсуждение сложившейся в столице ситуации на частном совещании членов Государственной думы в полуциркульном зале Таврического дворца. В дальнейшем он, выполняя поручения ВКГД и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, посещал воинские части, расквартированные в Петрограде, «для выяснения и улаживания конфликтов», затем был командирован в Архангельск для приветствия войск. 16 марта Рыслев получил от ВКГД командировку в Амурскую область «для сношения с воинскими частями и населением». Прибыв в Благовещенск, он занялся вопросами организации власти на местном уровне. В дни Июльского политического кризиса выступил сторонником Временного правительства, призывал оказывать ему поддержку в борьбе с ленинцами. После избрания в земские гласные вошел в состав Амурского областного земского собрания. Оно, осудив захват власти большевиками, вскоре объявило о взятии всей власти в свои руки. Находясь в Амурской области, Рыслев сумел реализовать свои представления об организации власти, сложившиеся у него в период членства в Сибирской парламентской группе. В частности, весной 1917 года он выступал за децентрализацию

© Николаев А.Б., 2026

© Nikolaev A., 2026

власти даже на местном уровне, а осенью–зимой того же года участвовал в принятии решения Амурского областного земства о взятии им всей власти в свои руки. А.И. Рыслев отказался от должности комиссара Амурской области и от выставления его кандидатуры на выборах в члены Учредительного собрания. Эти отказы от занятия более высоких должностей, несомненно, говорили о желании А.И. Рыслева посвятить себя исключительно решению местных вопросов, чем он и занимался в действительности во время пребывания в Амурской области в 1917 году.

Ключевые слова: А.И. Рыслев, Февральская революция в Петрограде, частное совещание членов Государственной думы в полуциркульном зале Таврического дворца, Временный комитет Государственной думы, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, М.В. Родзянко, Н.С. Чхеидзе, А.Н. Русанов, И.М. Гамов, П.А. Леванидов, И.В. Кривоногов, Архангельск, Амурская область, Благовещенск, Суражевский комитет общественной безопасности, Амурское земское собрание

Для цитирования: Николаев А.Б. Депутат IV Государственной думы от Амурской области А.И. Рыслев в 1917 г. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 850–895, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-5>; EDN: QVPSXE

Deputy of the Fourth State Duma from Amur Oblast A.I. Ryslev in 1917

Abstract. This article is devoted to Aristarkh I. Ryslev, a deputy of the Fourth State Duma from Amur Oblast. There are no scholarly studies dedicated to his Duma activities during 1917. To address this gap, the author refers to the clerical documents preserved in Fonds 1278 of the Russian State Historical Archive (RGIA), journalistic writings, personal documents, and materials from the periodical press, primarily those published in the city of Blagoveshchensk (Amur Oblast). In the early days of the February Revolution, Ryslev witnessed the unfolding events as an observer in the streets of Petrograd and on February 27 he joined the private meeting of State Duma members in the semicircular hall of the Tauride Palace to discuss the situation in the capital. Subsequently, on assignments from the Provisional Committee of the State Duma (PCSD) and the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, he visited military units stationed in Petrograd in order "to clarify and resolve conflicts." He was later sent to Arkhangelsk to greet the troops. On March 16, the PCSD sent him to Amur Oblast "for communication with military units and the population." Upon arrival in Blagoveshchensk, he became involved in organizing local authority. During the July Political Crisis, he sided with the Provisional Government and called for urged supporting it in the struggle against the Leninists. After being elected a zemstvo member, he joined the Amur Oblast Zemstvo Assembly, which condemned the Bolshevik seizure of power and soon declared that it was assuming full authority. While in Amur Oblast, Ryslev put into practice his views on governance, which had taken shape during his time in the Siberian Parliamentary Group. In the spring of 1917, he advocated for the decentralization of power even at the local level, and in the autumn and winter of the same year, he participated in the decision of the Amur Oblast Zemstvo to assume full authority. A. Ryslev declined the post of commissar of Amur Oblast and refused to allow his candidacy to be put forward for election to the Constituent Assembly. These refusals to accept higher office clearly indicate his desire to devote himself exclusively to local matters, which he did throughout his time in Amur Oblast in 1917.

Keywords: Aristarkh I. Ryslev, February Revolution in Petrograd, private meeting of members of the State Duma in the semicircular hall of the Tauride Palace, Provisional Committee of the State Duma, Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies, M. Rodzyanko, N. Chkheidze,

A. Rusanov, I. Gamov, P. Levanidov, I. Krivonogov, Arkhangelsk, Amur Oblast, Blagoveshchensk, Surazhevka Committee of Public Security, Amur Zemstvo Assembly

For citation: Nikolaev, A.B. “Deputy of the Fourth State Duma from Amur Oblast A.I. Ryslev in 1917,” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 850–95, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-5>; EDN: QVPSXE

Введение

Аристарх Иванович Рыслев (14.04.1883–3.09.1937) был избран в IV Государственную думу от Амурской области. В думской анкете Рыслев позиционировал себя как «беспартийный левый»¹. Но вскоре он определился со своими политическими взглядами и вошел в думскую фракцию трудовиков². В качестве ее представителя работал в думских комиссиях: продовольственной, по старообрядческим делам, о путях сообщения, по переселенческим делам, по направлению законодательных предположений, земельной. Подчеркнем, что в число руководителей фракции он не входил, оставаясь на вторых ролях. Укажем и то, что, по словам В.А. Демина, в период IV Государственной думы «в идеологии группы из-за преобладания в ее составе средних слоев на передний план» вышли политические интересы. Фракция требовала «радикальной демократизации» государственного строя, введения политических, религиозных и прочих свобод «в самых широких рамках»³.

Вместе с другими региональными представителями в IV Государственной думе А.И. Рыслев входил в состав Сибирской парламентской группы. Ее руководителем был забайкальский депутат Н.К. Волков (кадет), а секретарем – приморский депутат А.Н. Русанов (примыкал к трудовикам). Заметим, что в 1917 г. Русанов станет комиссаром Временного правительства на Дальнем Востоке⁴, и Рыслев в том же 1917 году будет с ним в этом качестве контактировать. В Думе сибирские депутаты выступали за введение в сибирских губерниях и областях земского самоуправления, «ставили вопросы о

¹ Сведения о члене Государственной думы 4 созыва (Аристарх Иванович Рыслев. – А. Н.) // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1278. Оп. 9. Д. 690. Л. 1.

² См. подробнее: Николаев А.Б. Рыслев Аристарх Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 540. EDN: UWARJF

³ Демин В.А. Трудовая группа // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 628.

⁴ Трошцкая Н.А. Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке: размышления над документами // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4 (42). С. 68. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/65-74>; EDN: ZWYYWR

децентрализации системы управления империей»⁵. Являясь членом Сибирской парламентской группы, Рыслев использовал в своих речах риторику «сибирских областников». В частности, он указывал, что Сибирь «по-прежнему “подчинена Европейской России”»; «восхищался американским подходом к переселенческой колонизации, основанном на “свободном почине человека”», противопоставляя его «крайне сложной» российской системе правительственной опеки над переселенцами⁶. Рыслев вместе с другими депутатами – членами Сибирской парламентской группы Н.К. Волковым и И.М. Гамовым (кадет) – выступал «за всеобщее избирательное право при избрании Государственной думы»⁷, а также принял активное участие в Революции 1917 года в России.

В историографии нет специальных работ, посвященных деятельности Рыслева в 1917 году. Вместе с тем упоминания о нем встречаются в трудах историков, посвященных событиям 1917 года в России. Так, в ряде работ отечественных и зарубежных историков содержатся сведения, почерпнутые из воспоминаний А.И. Рыслева о Февральской революции в Петрограде⁸. Е.И. Овсянкин упомянул о речи А.И. Рыслева в Архангельске 10 марта на Соборной площади перед собравшимися на «торжественное богослужение с провозглашением вечной памяти борцам, павшим за свободу народа»⁹. Т.И. Трошина пишет о выступлениях А.И. Рыслева в Архангельске перед «солдатами и моряками с разъяснением задач Революции»¹⁰. О командировках

⁵ Циунчук Р.А. Сибирская группа // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 557.

⁶ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / перевод с английского А.Ю. Терещенко. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. С. 110, 117.

⁷ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. С. 101.

⁸ См., например: Lyandres S. On the Problem of “Indecisiveness” among Duma Leaders during February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // The Soviet and Post-Soviet Review. 1997. Vol. 24, № 1–2. P. 124; Мельников А.В. 27 февраля 1917 года в Петрограде. К вопросу о присоединении к революции запасных батальонов лейб-гвардии полков // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук: сборник научных статей / под редакцией В.В. Барабанова. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 99; Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. Т. 1. С. 160, 207, 208, 209, 215, 216, 222, 223, 251, 260, 264, 270, 293, 401, 405; Т. 2. С. 10, 66, 67, 82, 115.

⁹ Овсянкин Е.И. На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск: Архконсалт, 2007. С. 57.

¹⁰ Трошина Т.И. Архангельский гарнизон в 1917 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 20. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V002>; EDN: STJEUG

Рыслева в Архангельск и Амурскую область сообщается в статьях о комиссарах ВКГД¹¹. В.А. Пушкарев упоминает об участии Рыслева в работе Амурского областного земства¹². Н.А. Троицкая и И. Саблин указывают А.И. Рыслева среди участников Первого краевого съезда земских и городских самоуправлений Дальнего Востока¹³, созванного 11 декабря 1917 г. Некоторая информация о деятельности А.И. Рыслева в 1917 году содержится в думской энциклопедии¹⁴. В статье предполагается решить ряд научных проблем. Во-первых, в связи с недостаточной документальной базой, привлечь исторические источники, которые ранее не использовались исследователями, для выявления фактов участия А.И. Рыслева в различных политических событиях и работы в учреждениях Петрограда и провинции в 1917 году. Во-вторых, определить место думского опыта в последующей деятельности Рыслева в Архангельске и Амурской области в 1917 году, прояснив тем самым вопрос о его профессиональной траектории. В-третьих, установить временной период, когда он сохранял связь с Временным комитетом Государственной думы, направившим его в Амурскую область.

Для раскрытия темы исследования использовались разнообразные исторические источники: делопроизводственные документы, публицистика, документы личного происхождения и материалы периодической печати. Делопроизводственные документы, отложившиеся в фонде 1278 (Государственная дума) Российского государственного исторического архива (РГИА), позволили выяснить обстоятельства командировок А.И. Рыслева в Архангельск и Амурскую область. Публицистика представлена сочинением М.Н. Артлебена, в котором содержится рассказ о пребывании А.И. Рыслева в Архангельске, а также наиболее полно изложены его речи, с которыми он выступал перед членами различных организаций и местными жителями¹⁵. Для изучения участия А.И. Рыслева в Февральской революции привлекались его воспоминания «Как произошел переворот», напечатанные в газете «Амурское

¹¹ Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль–март 1917 г.): Персональный состав // Из глубины времен. Альманах. 1995. № 5. С. 66, 73; Николаев А.Б. Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: персональный состав // Из глубины времен. Альманах. 1997. № 8. С. 28.

¹² Пушкарев В.А. Представительная власть в Приамурье: вчера, сегодня, завтра. Благовещенск: РИО, 2019. С. 49. EDN: UOROQC

¹³ Троицкая Н.А. Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке. С. 72; Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. С. 161.

¹⁴ Николаев А.Б. Рыслев Аристарх Иванович. С. 540.

¹⁵ Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. Архангельск: Губернская типография, 1917.

эхо» в 1917 году в трех номерах – № 630 (18 (30) апреля)¹⁶, № 632 (21 апреля (4 мая))¹⁷ и № 634 (23 апреля (6 мая))¹⁸, а затем вновь опубликованные в 2022 г., но уже с комментариями¹⁹. Заметим, что Рыслев в них выступает преимущественно в качестве свидетеля событий и реже как участник революции. Для показа деятельности Рыслева в Амурской области использовались материалы периодической печати, выходившей в Благовещенске. Среди них ежедневная общественно-политическая газета «Амурское эхо», орган Благовещенского комитета РСДРП «Голос труда», ежедневная народно-социалистическая газета «Народное дело», а также «Известия Комитета общественной безопасности Амурской области» и др.

Основная часть

Вспоминая о начале Февральской революции, А.И. Рыслев писал, что 23 февраля 1917 года

женщины, подростки и часть рабочих, на долю коих падает тяжелая обязанность стоять в хлебных очередях, собирались на улицах, главным образом в рабочих районах Петрограда в поисках хлеба и, не получая его, подымали вопль: «Дайте хлеба»²⁰.

По словам Рыслева, приблизительные итоги первого дня революции были следующими: «Несколько разбитых стекол в лавках, несколько разгромленных булочных, попытки к демонстрациям»²¹. В этом движении Рыслев участия не принимал, ограничившись ролью наблюдателя. Что касается думской деятельности, то 23 февраля он подписал запрос 30 депутатов Государственной

¹⁶ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 2–3.

¹⁷ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 632. (21 апреля (4 мая)). С. 2.

¹⁸ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 634. (23 апреля (6 мая)). С. 3.

¹⁹ Николаев А.Б. Депутат IV Государственной думы А.И. Рыслев о Февральской революции 1917 года в Петрограде // Таврические чтения 2022. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2022 г.): сборник научных статей / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2023. Ч. 1. С. 208–235.

²⁰ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 2.

²¹ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 2.

думы председателю Совета министров, министрам военному и морскому по поводу прекращения работ на Путиловском и Ижорском заводах²². По сообщению «Амурского эха», в последующие дни (до 27 февраля) А.И. Рыслев присутствовал в толпе на улицах Петрограда и поддерживал связь с Государственной думой²³. Вместе с тем в своих воспоминаниях он о поддержке связи с Думой, фракцией трудовиков и Сибирской группой не упоминал²⁴.

Утром 27 февраля Рыслев пришел в Таврический дворец, где, как и другие депутаты, узнал, что «Государственная дума уже распущена»²⁵. Рыслев, пожалуй, единственный из участников событий, кто вспоминал о появлении «во 2-м часу дня» в Таврическом дворце внедумских трудовиков Бельского и Войцеховского, руководивших «уже на улицах Петрограда движением», которые обратились к большинству Думы с вопросом: «Что намерены теперь делать? Теперь Вы можете взять власть в свои руки. Теперь или никогда!»²⁶.

Рыслев был среди тех депутатов, которые вышли навстречу подошедшим к Таврическому дворцу восставшим войскам²⁷. Он вспоминал, что после этого события члены Государственной думы собрались на частное совещание, которое проходило в полуциркульном зале Таврического дворца²⁸. Рыслев писал о членах совещания: «Заметна была растерянность, неподготовленность, и в то же время чувствовалась необходимость срочных мер»²⁹. Сам он на совещании не выступал. Вместе с тем интерес представляют его записи о речах думцев из числа трудовиков, призывавших «немедленно стать во главе движения» (В.И. Дзюбинский), принять «немедленные решения»

²² Февральская революция 1917 года: сборник документов и материалов / составитель О.А. Шашкова. Москва: РГГУ, 1996. С. 18–19.

²³ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 613. (22 марта (4 апреля)). С. 3.

²⁴ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 2.

²⁵ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 2.

²⁶ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 2.

²⁷ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 613. (22 марта (4 апреля)). С. 3.

²⁸ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 3.

²⁹ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 3.

(Н.О. Янушкевич), «призывать восставшие войска к бодрости» (А.Ф. Керенский)³⁰.

А.И. Рыслев вспоминал, что после создания Временного комитета Государственной думы, т.е. после 17 час. 27 февраля, к нему обращались депутаты Думы:

Правые и октябристы неоднократно просили меня пойти на улицу и говорить с войсками и народом, так как им – не верят. Когда я выходил к народу, то первым же вопросом слышал: «Кто стоит перед ними?». Получив ответ [–] «Трудовик такой-то», поднимали на возвышенность и просили рассказать, что происходит в стенах Таврического дворца³¹.

Рыслев не только выступал перед солдатами, пришедшими в Таврический дворец, но и однажды (28 февраля) даже стал для них экскурсоводом:

Перед утром, когда уже светало, группа солдат обратилась ко мне с просьбой показать, где заседает Гос[ударственная] дума. Я вошел с ними в зал заседаний. Мы нашли там массу спящих солдат; они лежали на полу в проходах, сидели и на депутатских креслах и, сидя, спали, держась за винтовку³².

«Амурское эхо» сообщало, что А.И. Рыслев участвовал в первых заседаниях Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов как представитель трудовой группы³³. Судя по сохранившимся документам, Рыслев на заседаниях Петросовета 27 февраля – 3 марта никак себя не проявил³⁴.

В решающие дни Февральской революции трудовик А.И. Рыслев поддерживал политику Временного комитета Государственной думы (ВКГД),

³⁰ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 3.

³¹ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 630. (18 (30) апреля). С. 3.

³² Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 632. (21 апреля (4 мая)). С. 2.

³³ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 613. (22 марта (4 апреля)). С. 3.

³⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы и материалы. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполкома и фракций 27 февраля – 25 октября 1917 г.: документы и материалы / под редакцией П. В. Волобуева. Т. 1. 27 февраля – 31 марта 1917 г. / составитель Б.Д. Гальперина. Ленинград: Наука, 1991. С. 19–103.

приняв сторону его председателя – земца-октябриста М.В. Родзянко. В связи с этим процитируем воспоминания Рыслева:

Помню, как пред одним из полков выступил Родзянко с обычной призывной речью, и как полк устроил овацию, а затем вскоре трибуну занял другой оратор, который упрекал солдат, что они без разбора кричат «ура», не вдаваясь в сущность. Этот оратор внушал солдатам недоверие к Родзянко. Он говорил: «Что же вам сказал Родзянко, он призывал вас к борьбе, говорил о необходимости продолжать войну, а о земле сказал что-нибудь?», и аудитория вначале как будто поддавалась его взглядам и зашумела, но, когда вновь выступил Родзянко и разъяснил, что земельный вопрос во всей полноте будет разрешен Учредительным собранием, солдаты вновь устроили овацию³⁵.

Заметим, что выступление оратора (а им был председатель Петроградского Совета рабочих депутатов Н.С. Чхеидзе) Рыслев передал в негативном ключе³⁶.

По поручению ВКГД и Петроградского Совета Рыслев посещал воинские части, расквартированные в Петрограде, «для выяснения и улаживания конфликтов; говорил речи в казармах»³⁷. В начале марта он (вместе с депутатами А.Н. Русановым и И.М. Гамовым) подписал телеграмму к жителям Амурской области, в которой сообщалось о том, что «правительство угнетения, произвола и измены пало». В телеграмме также сообщалось, что организованы Комитет членов Государственной думы во главе с М.В. Родзянко и Совет рабочих депутатов, содержался призыв к взятию власти в свои руки³⁸. 6 марта по поручению ВКГД³⁹ и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов А.И. Рыслев был командирован в воинские части, расквартированные в Архангельске⁴⁰. Газета «Архангельск» писала, что «на имя главноначальствующего гор. Архангельска получена следующая телеграмма из

³⁵ Рыслев А.И. Как произошел переворот // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 634. (23 апреля (6 мая)). С. 3.

³⁶ Николаев А.Б. Лидеры Февральской революции 1917 года: почему М.В. Родзянко? // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13, iss. 1. P. 85. <https://doi.org/10.30965/22102388-01301003>; EDN: ELDQEO

³⁷ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 613. (22 марта (4 апреля)). С. 3.

³⁸ Телеграмма амурских депутатов // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 600. (5 (18) марта). С. 3.

³⁹ Доклад членов Государственной думы И.В. Кривногова и А.И. Рыслева от 15 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 14.

⁴⁰ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 613. (22 марта (4 апреля)). С. 3.

Петрограда: “6 марта члены Государственной думы Рыслев и П.А. Леванидов выехали в Архангельск”⁴¹. М.Н. Артлебен же утверждал, что в телеграмме говорилось «о выезде в Архангельск по поручению Исполнительного комитета Госуд[арственной] думы ее членов А.И. Рыслева, П.А. Леванидова и И.В. Кривоногова»⁴². Они были командированы, как говорил Кривоногов, для того чтобы приветствовать воинские части «от Государственной думы», а затем провести «вместе с ними собеседования»⁴³. 8 марта с утренним поездом Северных железных дорог А.И. Рыслев и П.А. Леванидов прибыли в Архангельск. На вокзале членов Государственной думы встречали временно управляющий губернией и городской голова В.В. Гувелякен и представители различных организаций. «Они, – отметил Артлебен, – приветствовали речами дорогих гостей». Думцы выступили с ответным словом. В частности, А.И. Рыслев «обрисовал момент и благотворительное значение его для России». По словам Артлебена, «весь день члены Гос[ударственной] думы посещали общественные организации и знакомились с их деятельностью»⁴⁴. Так, Рыслев выступил на вечернем заседании Исполнительного комитета Архангельского Совета рабочих и солдатских депутатов, где «рассказал о событиях главного момента Великой российской революции, продолжавшейся не более 28 часов». Далее Рыслев подчеркнул:

Центр внимания всей России в данное время [–] Госуд[арственная] дума, на нее обращены взоры двухсотмиллионного народа. В ней сосредоточен сейчас весь государственный механизм, из Таврического дворца идут директивы по всей необъятной родине, к ее голосу прислушивается наша доблестная армия и флот и все союзные с нами державы⁴⁵.

Вслед за речью Рыслев ответил на вопросы членов Исполкома. В частности, на вопрос, «правда ли, что во время революции в Петрограде убито до 15 000 человек», Рыслев заявил, что убитых и раненых было всего около 1 000 человек⁴⁶. Вместе с тем Артлебен писал, что, по словам Рыслева, «всего в

⁴¹ Выезд членов Государственной думы // Северное утро. 1917. № 53. (8 марта). С. 3.

⁴² Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. С. 13.

⁴³ Доклады членов Государственной думы И.Н. Манькова и И.В. Кривоногова, заслушанные Временным комитетом Государственной думы в заседании 17 марта (журнал № 9) // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 276.

⁴⁴ Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. С. 13.

⁴⁵ Цит. по: Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. С. 13–14.

⁴⁶ В Совете рабочих и солдатских депутатов // Архангельск. 1917. № 55. (10 марта). С. 3. См. также: Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России: сборник научных статей / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 33. EDN: SNLBAV

дни переворота с обеих сторон на улицах Петрограда пало 172⁴⁷ человека, в числе которых было немало случайных жертв»⁴⁸.

Вторую речь Рыслев произнес около 13 час. перед «манифестантами» уже на Поморской улице, выйдя из автомобиля. Он заявил, что «дело революции, дело уничтожения основ старого правления в России в руках войска и всего народа»⁴⁹. На следующий день в Архангельск прибыл И.В. Кривоногов. Он телеграфировал 9 марта в Государственную думу:

Сегодня все трое объехали расположенные в Архангельске части войск[,] говорили речи [в] казармах[,] присутствовали днем на заседании Городской думы [и] Продовольственного комитета[,] вечером на совместном заседании всех общественных организаций <...> местные организационные вопросы налаживаются⁵⁰.

10 марта А.И. Рыслев планировал отбыть из Архангельска в Петроград⁵¹. 12 марта он обратился к председателю Государственной думы М.В. Родзянко с просьбой направить его в Амурскую область, для того чтобы «выяснить и наладить правильный ход жизни на месте»⁵². Просьба была доложена 15 марта и удовлетворена в этот же день резолюцией «разрешено»⁵³. 16 марта А.И. Рыслеву оформлено удостоверение за № 334 в том, что он командирован Временным комитетом Государственной думы «в Амурскую область для сношения с воинскими частями и населением». Удостоверение подписал за председателя ВКГД В.М. Вершинин⁵⁴. В удостоверении нет формулировки «комиссар Временного комитета Государственной думы». Вместе с тем

⁴⁷ Сведения, приведенные Артлебенем, практически совпадали с данными Статистического отдела Петроградского городского комитета Всероссийского союза городов, согласно которым на 16 марта 1917 г. числилось 169 убитых (Мельников А.В. К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде // 90 лет Февральской революции в России: сборник научных статей / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 43. EDN: UFJMPR).

⁴⁸ Цит. по: Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. С. 13.

⁴⁹ Цит. по: Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. С. 14.

⁵⁰ Телеграмма из Архангельска от 9 марта 1917 г. от И.В. Кривоногова, А.И. Рыслева, П.А. Леванидова // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 6.

⁵¹ Там же.

⁵² Письмо А.И. Рыслева председателю Государственной думы М.В. Родзянко от 12 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 7. Л. 85.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Удостоверение ВКГД от 16 марта № 334 А.И. Рыслеву // РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 6. Л. 75; Журнал исходящих бумаг Канцелярии Временного комитета. Март 1917 г. – ноябрь 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 28. Л. 18.

зачастую и пресса⁵⁵, и сами депутаты, командируемые на места «для сношения с воинскими частями и населением», позиционировали себя в качестве комиссаров ВКГД, и на местах их воспринимали так же.

Во время проезда по Амурской железной дороге А.И. Рыслев почти на всех больших станциях (Зилово, Ксениевская, Могоча, Уруша, Рухлово и Гондатти) произносил речи о событиях в Петрограде и об обстановке в стране после Февральской революции. Наиболее подробные доклады перед большими аудиториями были сделаны им в Алексеевске и Суражке⁵⁶. Прибыв в Благовещенск, Рыслев выступил с сообщениями в восьми местах: на общем собрании Совета рабочих и солдатских депутатов, в солдатских казармах, на заводе Чепурина, в Амурской речной флотилии, на собрании партии эсеров, в затоне Министерства путей сообщения, в Народном доме и на собрании, проходившем в здании, принадлежавшем Министерству земледелия⁵⁷. 4 апреля Рыслев принял участие в заседании Благовещенского комитета безопасности, в ходе которого была зачитана телеграмма из Комитета безопасности станции Ерофей Павлович о вредной деятельности местного мирового судьи. Рыслев признал тот факт, что

вследствие неподготовленности населения и неумения вести общественные дела доходило до того, что в иных местах не признавали, например, судебных властей.

Он, с одной стороны, считал, что

настоятельно нужно послать по области сведущих лиц в качестве организаторов или инструкторов, или хотя бы одного, и с достаточно широкими полномочиями.

С другой стороны, Рыслев, выступая противником централизации, заявлял:

Если есть конфликты и протесты на местах, то местным же силам надо предоставить и разрешение их.

Под влиянием выступления Рыслева Комитет постановил:

⁵⁵ «Русские ведомости» назвали А.И. Рыслева комиссаром Временного правительства (См.: Комиссары Временного правительства // Русские ведомости. 1917. № 56 (11 марта). С. 4).

⁵⁶ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 624 (11 (24) апреля). С. 3.

⁵⁷ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 624 (11 (24) апреля). С. 3.

разъяснить и возможно шире опубликовать, что мировые судьи, окружные суды и тому подобные лица и учреждения впредь до издания новых законов действуют, и не могут быть сменяемы местными организациями.

На заседании был поставлен вопрос о допуске в Комитет безопасности делегатов с решающим голосом от Совета съездов золотопромышленников и о защите интересов золотопромышленности. В частности, Амурский окружной инженер Степанов указал на возможность сокращения добычи золота, «общей дезорганизации и паралича золотого промысла». Он заметил, что «при такой дезорганизации неминуемы массовые нарушения горных законов»⁵⁸. Пресса сообщала, что, по предложению Рыслева, Благовещенский комитет безопасности

постановил организовать из золотопромышленников, юристов, Комитета безопасности и Сов[ета] раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] комиссию для пересмотра Горного устава и для согласования его с условиями местной жизни⁵⁹.

Комитет также рассмотрел вопрос об освобожденных арестантах из каторжных команд. Выяснилось, что неотмененный царский Устав о ссыльных противоречил постановлению от 17 марта «Об облегчении участи лиц, совершивших уголовные преступления»⁶⁰. При царском режиме каторжанин, вышедший на свободу, становился ссыльно-поселенцем, лишенным прав. Его приписывали к волости, в которой он должен был прожить 6 месяцев, затем ему выдавали паспорт «на проживание в пределах области», и лишь через несколько лет он мог уже покинуть свою область и «передвигаться по всей Сибири». Иначе говоря, каторжанина мало было освободить, его необходимо было «водворить» в волость. Каторжники, освобожденные по амнистии от 17 марта, «оказались “без волостей”», т.е. не получили возможность «передвигаться и устроиться на работу», что их совершенно не устраивало. Рыслев в связи с этим заметил, что «с освобождением произошла большая

⁵⁸ Белов С. В Комитете безопасности (4 апреля) // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 622 (8 (21) апреля). С. 3.

⁵⁹ Хроника // Благовещенское утро. 1917. № 72 (7 апреля). С. 3.

⁶⁰ Уголовным преступникам, осужденным на смертную казнь, она заменялась ссылкой в каторжные работы на пятнадцать лет (п. 1). Кроме этого, для других категорий осужденных сокращались сроки отбытия наказания (п. 6) или они полностью освобождались от них (п. 2–4, 12) (Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VII. Журналы заседаний Временного правительства. Март–октябрь 1917 г. Т. 1. Март–апрель 1917 года / составители Е.Д. Гринько, О.В. Лавинская. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. С. 112–115).

путаница», и предложил в места, где происходит брожение среди освобожденных каторжников, командировать «делегата с достаточно широкими полномочиями, чтобы устранить все трения»⁶¹. Кроме этого, 5 апреля он отправил телеграмму в Петроград на имя председателя Государственной думы М.В. Родзянко следующего содержания: «Массовое освобождение арестантов создает серьезные осложнения», оставление их всех в Амурской области «опасно». Он писал о необходимости разрешить освобожденным арестантам вернуться на родину. 6 апреля его телеграмма была доложена М.В. Родзянко и направлена министру юстиции⁶². В тот же день Рыслев выступил в Амурской флотилии «с докладом о перевороте в Петрограде». После его доклада В.И. Пентковский⁶³ «от имени всей флотилии» «заявил депутату о желании чинов флотилии выбыть на фронт, где отмечается большая нужда в специалистах, и, между тем, почти вся флотилия состоит из специалистов». А.И. Рыслев «обещал снестись с Временным правительством»⁶⁴. 12 апреля А.И. Рыслев, по сообщению «Голоса труда», отправил во Временный комитет Государственной думы запрос, на который ответа на начало мая так и не получил⁶⁵. 16 апреля по его приглашению как члена IV Государственной думы в помещении Благовещенского отделения Государственного банка состоялось совещание «для изысканий мер к наибольшему успеху займа “свободы”». Подводя итоги совещания, Рыслев заявил: «Никаким опасениям не должно быть места. Временное правительство гарантирует займ, а оно заслуживает полного доверия»⁶⁶. Заметим, что, по сообщению «Амурского эха», именно в Благовещенске Рыслев сложил с себя полномочия комиссара ВКГД⁶⁷. Видимо, это было связано с тем, что он решил не возвращаться в Петроград, а сосредоточиться полностью на решении местных вопросов.

В дальнейшем Рыслев ездил по Амурской области. Так, по сообщению «Амурского эха», 2 мая он выехал «в Овсянку, гор. Зею, возможно, что проедет в Дамбуки»⁶⁸. 6 мая Рыслев посетил с. Овсянку, где «в кратких словах

⁶¹ Белов С. В Комитете безопасности (4 апреля) // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 622 (8 (21) апреля). С. 3.

⁶² Телеграмма А.И. Рыслева председателю Государственной думы М.В. Родзянко от 5 апреля 1917 г. // РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1348. Л. 80.

⁶³ См. о В.И. Пентковском: Черникова Л.П. Русский востоковед Вячеслав Пентковский (Пэнкоци) // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 428–461. EDN: HFEBFB

⁶⁴ Хроника // Благовещенское утро. 1917. № 74 (9 апреля). С. 3.

⁶⁵ Хроника // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 15 (3 мая). С. 3.

⁶⁶ Хроника // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 15 (3 мая). С. 3.

⁶⁷ Рогожин А. Совещание о займе свободы // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 632 (21 апреля (4 мая)). С. 2.

⁶⁸ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 642 (3 (16) мая). С. 3.

обрисовал сущность завоеванных свобод и задачи текущего момента». Он призвал жителей села «к единению и работе»⁶⁹. 7 мая депутат Рыслев принял участие в частном совещании правления Союза горнорабочих, на котором обсуждался вопрос о попытке группы лиц захватить «правление в свои руки». Выяснилось, что среди этих лиц много зейских домовладельцев, «не имеющих прямого отношения к горнорабочим». Рыслев, одоббив тактику правления, «рекомендовал обратиться к отделам союза на приисках с просьбой к тесному сплочению»⁷⁰. 24 мая «Голос труда» сообщал, что в пос. Суражевке образован самостоятельный Комитет общественной безопасности, председателем которого избран А.И. Рыслев⁷¹. «Амурское эхо» писало, что рабочий Павел Алышев, член Суражевского комитета общественной безопасности и «сотрудник по этому званию» члена Государственной думы А.И. Рыслева, является уголовным преступником, осужденным за подделку золотых и серебряных монет⁷². Эта публикация, во-первых, подтверждает занятие Рысловым руководящей должности в этом КОБе, во-вторых, говорит о том, что в составе КОБа был уголовник. 24 июня «Голос труда» сообщил об успешных итогах деятельности Суражевского КОБа⁷³ за май–июнь 1917 года. Вместе с тем о конкретном участии А.И. Рыслева в работе этого КОБа в газете не сообщалось.

5 июля А.И. Рыслев принял участие в заседании Благовещенского областного комитета безопасности, на котором решался вопрос о судьбе Комитета: следует ли ему «считать себя упраздненным после введения в области земства и передачи таковому всех дел, или же он должен существовать и далее». Большинство участников заседания посчитало «недопустимым предрешение этого вопроса, так как переживаемое время чревато различными неожиданностями, а потому предугадывать необходимость сохранения или упразднения Комитета не приходится»⁷⁴. О том, какую позицию занял член Государственной думы А.И. Рыслев, автор статьи не сообщил.

7 июля А.И. Рыслев должен был выехать из Благовещенска вместе с комиссаром А.Н. Русановым на автобусе в Алексеевск⁷⁵, но известия об

⁶⁹ Депутат А.И. Рыслев // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 22 (13 мая). С. 2.

⁷⁰ В союзе горнорабочих // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 22 (13 мая). С. 2.

⁷¹ Хроника // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 30 (24 мая). С. 3.

⁷² Уголовная демократия // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 676 (14 (27) июня). С. 3.

⁷³ Крестьянин. Суражевская жизнь // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 57 (24 июня). С. 3.

⁷⁴ Захаренко Н. В Комитете безопасности. (Заседание 5 июля) // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 67 (7 июля). С. 2–3.

⁷⁵ Местная хроника // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 695 (7 (20) июля). С. 3.

июльских событиях в Петрограде внесли коррективы в этот план. В 9 час. утра 7 июля в Благовещенске началось заседание Совета солдатских депутатов, на котором присутствовали «комиссар Временного правительства А.Н. Русанов и член IV Государственной думы А.И. Рыслев». Русанов зачитал полученную на его имя телеграмму министра-председателя кн. Г.Е. Львова и товарища министра внутренних дел С.М. Леонтьева

с описанием петроградск[их] событий 4 июля и с призывом в единении с местными общественно-демократическими организациями принять меры к организации демократии для борьбы с контрреволюцией.

Вслед за этим выступил А.И. Рыслев, призвавший «делегатов сплотиться вокруг Временного правительства и оказать поддержку в его борьбе с темными и анархическими элементами страны». Благовещенский Совет солдатских депутатов принял постановление, в котором указал, во-первых, что

деятельность «ленинцев» с самого начала революции представляла огромную опасность, потому что лозунги «долой войну», «долой Временное правительство», «вся власть Советам раб[очих] и солд[атских] депутатов» чрезвычайно выгодны интересам Германии, <...> всем притаившимся сторонникам старого режима и всем темным силам, которым ненавистна русская свобода и освобождение великого народа»; во-вторых, что ленинская деятельность стала «еще опаснее после того, как из пропаганды она превратилась в насилие против демократических завоеваний». Совет солдатских депутатов заявил о полном доверии Временному правительству и готовности «всеми силами поддержать правительство в его борьбе с контрреволюцией»⁷⁶.

В этот же день в 13 час. в Благовещенске состоялось экстренное совещание общественных организаций и политических партий с участием членов IV Государственной думы И.М. Гамова, А.Н. Русанова и А.И. Рыслева. В ходе заседания была зачитана и обсуждена телеграмма кн. Г.Е. Львова, которую комиссар А.Н. Русанов уже оглашал на заседании Благовещенского Совета солдатских депутатов утром 7 июля. Участники совещания приняли антиленинскую резолюцию⁷⁷. Судя по газетным отчетам, Рыслев на совещании не выступал.

⁷⁶ В. Отношение местного гарнизона к покушению «ленинцев» на государственный переворот // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 68 (8 июля). С. 2–3.

⁷⁷ Местная хроника // Прибавление к газете «Амурское эхо» (Благовещенск). 1917. № 697 (9 (22) июля). С. 1; М-н. Экстренное соединенное совещание общественных организаций и

В августе встал вопрос о комиссаре Амурской области. Эта должность была предложена А.И. Рыслеву, который уведомил областной комитет партии эсеров, что «выставлять свою кандидатуру на должность областного комиссара он отказывается»⁷⁸. В августе Рыслев занимался подготовкой земских выборов в Суражевке. Он сообщил в Комитет общественной безопасности Амурской области, что «подготовительные работы к выборам земства идут успешно», «составляются избирательные списки», а выборы назначены на 24 августа 1917 г.⁷⁹ Амурский КОБ привлек Рыслева к разрешению конфликта на ст. Алексеевск Амурской железной дороги, возникшего в связи с отменой 17 августа министром путей сообщения постановления комитета служащих Управления Амурской железной дороги о выселении служащих контроля из казенных домов. Общее собрание служащих и рабочих железной дороги вопреки распоряжению министра путей сообщения пригрозило выселить насильно чинов контроля, если они до 20 августа не освободят квартир. Амурский КОБ телеграммой просил А.И. Рыслева, видимо, как председателя Суражевского КОБа и авторитетного среди рабочих и служащих деятеля срочно принять меры «недопущения самоуправств по отношению выселения служащих контроля из казенных зданий»⁸⁰. Неизвестно, принял ли участие Рыслев в разрешении этого конфликта, но в земских выборах участвовал и был избран в земские гласные.

А.И. Рыслев в качестве члена IV Государственной думы и делегата Суражевки⁸¹ принял участие во II крестьянском съезде Амурской области, который проходил с 10 по 17 сентября 1917 г. в Благовещенске «под влиянием эсеров, считавших, что власть должна быть коалиционной с преобладанием революционного большинства»⁸². 10 сентября он был избран председателем

политических партий // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 69 (9 июля). С. 2–3; Белов С. Экстренное заседание Комитета безопасности (7 июля) // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 698 (11 (24) июля). С. 3. См. также: *Мальшиев В.П.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1961. С. 55.

⁷⁸ Хроника // Народное дело (Благовещенск). 1917. № 91 (5 августа). С. 3.

⁷⁹ К введению земства // Известия Комитета общественной безопасности Амурской области (Благовещенск). 1917. № 90 (10 августа). С. 4.

⁸⁰ Из Алексеевска // Известия Комитета общественной безопасности Амурской области (Благовещенск). 1917. № 94 (23 августа). С. 4.

⁸¹ Утреннее заседание. Протокол заседания 2-го съезда крестьянских делегатов Амурской области, состоявшегося 10 сентября 1917 года // Известия Комитета общественной безопасности Амурской области (Благовещенск). 1917. № 101 (16 сентября). С. 2.

⁸² *Кузьмин В.Л.* Дальневосточные организации эсеров в 1917 г. // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 57. EDN: ZFTZNN. Автор ошибочно утверждает, что съезд проходил с 10 по 15 сентября. См. о заседании 17 сентября: Заседание 17 сентября. 2-й крестьянский съезд Амурской об[ласти] // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 128 (21 сентября). С. 3.

съезда⁸³. Поблагодарив съезд за оказанное доверие, А.И. Рыслев высказал надежду, что

крестьянство сумеет найти общий со всеми классами язык, сумеет учесть великую важность переживаемого момента и достойно разрешить предложенные вопросы, имеющие не только общественное, но и государственное значение⁸⁴.

11 сентября Рыслев выступил на заседании съезда в защиту Совета крестьянских депутатов. Он говорил:

...нельзя всю вину за беды и затруднения деревни сваливать на Совет, ибо во многом Совет был связан по рукам, или, во всяком случае, не был самостоятелен, так, напр[имер], продовольственное дело находилось в руках Област[ного] продовольствен[ного] комитета, в котором было только несколько представителей от Совета и не всегда могли проводить свои пожелания в интересах крестьянства⁸⁵.

Съезд принял резолюцию, в которой поддержал введение земства в Амурской области⁸⁶. 12 сентября в ходе заседания съезда произошел следующий инцидент: председательствующий Рыслев предоставил слово делегату Бессмертных. Из зала с места представитель Тарбогатайской волости Зайцев выкрикнул: «Председатель не по порядку дает право голоса!». Рыслев в ответ заявил, что «в виду выраженного недоверия», в виду подозрения его «во лжи», он отказывается «от председательствования». По словам газеты, поднялся шум, слышались «возгласы о лишении Зайцева права голоса» и «единодушные крики о возвращении Рыслева к председательствованию». После извинения Зайцева Рыслев вернулся к своим обязанностям по ведению съезда. Комментируя выступления делегатов съезда, он подверг критике деятельность Областного продовольственного комитета, выразив уверенность, что земство возьмет продовольственное дело в свои руки и устранил все дефекты. Кроме

⁸³ 2-й крестьянский обл[астной] съезд // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 75112 ((25) сентября). С. 3; Открытие съезда. 2-й крестьянский съезд Амурской области // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 121 (12 сентября). С. 2.

⁸⁴ Утреннее заседание. Протокол заседания 2-го съезда крестьянских делегатов Амурской области, состоявшегося 10 сентября 1917 года // Известия Комитета общественной безопасности Амурской области (Благовещенск). 1917. № 101 (16 сентября). С. 2.

⁸⁵ Заседание 11-го сентября. 2-й крестьянский съезд Амурской области // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 122 (13 сентября). С. 2.

⁸⁶ Заседание 11-го сентября. 2-й крестьянский съезд Амурской области // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 122 (13 сентября). С. 2.

этого, он призывал смириться с твердыми ценами, объявленными Временным правительством⁸⁷.

6 октября 1917 года в помещении столовой Чурина в Благовещенске состоялся 3-й съезд крестьян Амурской области, «созванный для обсуждения вопроса о выборе кандидата в Учредительное собрание». Председателем съезда был избран А.И. Рыслев, отказавшийся от выборов⁸⁸. 15 октября он стал товарищем председателя Амурского областного земельного комитета⁸⁹. Несомненно, в этой должности Рыслев опирался на опыт своей работы в думской земельной комиссии.

С 19 по 28 ноября 1917 года в Благовещенске прошло Амурское областное земское собрание под председательством меньшевика И.Н. Шишлова. В первый день его работы Рыслев приветствовал Земское собрание от имени Амурского областного земельного комитета⁹⁰, а в дальнейшем выступал на заседаниях собрания как земский гласный⁹¹. Приветствуя Земское собрание, он заявил, что Земельный комитет

мыслит свою дальнейшую важную для государства землеустроительную работу только в единении с земством, которое явится истинным выразителем мнения крестьян и др[угих] демократических кругов населения⁹².

⁸⁷ 2-й крестьянский съезд Амурской области // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 123 (14 сентября). С. 2.

⁸⁸ 3-й крест[ьянский] съезд // Прибавление к газете «Амурское эхо» (Благовещенск). 1917. № 773 (8 (21) октября). С. 1.

⁸⁹ Кузьменко Т. В Областном земельном комитете // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 781 (18 (31) октября). С. 3.

⁹⁰ Приветствия. Открытие 1-го Амурского областного земского собрания // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 180 (21 ноября). С. 2.

⁹¹ Заседание 20 ноября. Заседание 1-го Амурского областного земского собрания // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 181 (23 ноября). С. 3; Заседание 21 ноября (в газете ошибочно – 21 октября. – А. Н.). Заседание 1-го Амурского областного земского собрания // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 182 (24 ноября). С. 2–3; Заседание 23 ноября (утреннее). Заседание 1-го Амурского областного земского собрания // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 184 (26 ноября). С. 3; Окончание заседания 23 ноября (утреннего) // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 185 (28 ноября). С. 3; Т. К. Утреннее заседание 24 ноября // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 815 (28 ноября (11 декабря)). С. 3. и др.

⁹² Белов С. Торжественное открытие Областного земства (19 ноября) // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 810 (21 ноября (4 декабря)). С. 3.

21 ноября Рыслев был избран в распорядительную комиссию Амурского областного земского собрания⁹³, а на заседании 26 ноября – членом Амурской областной земской управы⁹⁴. Земское собрание в своей резолюции осудило захват государственной власти большевиками⁹⁵ и заявило о «принятии на себя верховной власти в Амурской области»⁹⁶. Вскоре Земское собрание «закончило процесс» перевода «власти в свои руки», упразднив 23 ноября «пост комиссара по Амурской области»⁹⁷. Вместе с тем официальное объявление о взятии власти в свои руки оно сделало позднее.

В Хабаровске 11 декабря 1917 г. по инициативе Амурского областного земского собрания был созван Первый краевой съезд земских и городских самоуправлений Дальнего Востока. Комиссар Временного правительства по Дальнему Востоку А.Н. Русанов отказался от своего поста и передал власть в руки Временного краевого бюро земств и городов, одним из членов которого стал А.И. Рыслев. Приказом № 1 оно объявило о взятии верховной гражданской власти на Дальнем Востоке в свои руки⁹⁸. 19 декабря «Амурское эхо» опубликовало объявление, в котором сообщалось, что «вся власть в Амурской обл[асти] принадлежит Областному земству»⁹⁹.

В 1918–1922 гг. А.И. Рыслев продолжал заниматься общественно-политической деятельностью: был членом Бюро самоуправлений Амурской области (с марта 1918 г.)¹⁰⁰; заведующим отделами здравоохранения и организационным Амурской областной земской управы (25.09.1918–10.11.1918)¹⁰¹; начальником отдела финансов Амурской областной земской управы (10.11.1918–25.02.1919)¹⁰²; членом комиссии «для ликвидации

⁹³ Заседание 21 ноября. Заседание 1-го Амурского областного земского собрания // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 182 (24 ноября). С. 3.

⁹⁴ Т. К. Заседание 26 ноября // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 816 (29 ноября (12 декабря)). С. 2.

⁹⁵ Резолюция чрезвычайного закрытого [заседания] Амурского областного земского собрания. Закрытое заседание. Открытие 1-го Амурского областного земского собрания // Голос труда (Благовещенск). 1917. № 180 (21 ноября). С. 2.

⁹⁶ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. С. 159.

⁹⁷ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. С. 159.

⁹⁸ Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. С. 160–161.

⁹⁹ [Объявление] // Амурское эхо (Благовещенск). 1917. № 831 (19 декабря (1 января 1918)). С. 3.

¹⁰⁰ Пушкарев В.А. Представительная власть в Приамурье. С. 62.

¹⁰¹ Приказ председателя правительства Амурской области 25 сентября № 40 // Бюллетень Правительства Амурской области (Благовещенск). 1918. № 9 (4 октября (21 сентября)). С. 1.

¹⁰² Финансовая часть // Приложение к газете «Амурское эхо» (Благовещенск). 1918. № 888 (12 ноября (30 октября)). С. 2.

мероприятий бывшего Амурского правительства» (с 13.01.1919)¹⁰³; начальником врачебного, ветеринарного и страхового отделов Амурской областной земской управы (с 25.02.1919)¹⁰⁴; делегатом II народного собрания Дальневосточной республики (13.11.1922–14.11.1922)¹⁰⁵.

После окончания Гражданской войны А.И. Рыслев не эмигрировал. Жил в разных городах СССР: Хабаровске, Москве, а с 1936 года в Алма-Ате, где «работал ревизором бюджетной инспекции Алма-Атинского областного финансового отдела»¹⁰⁶. 2 марта 1937 г. А.И. Рыслев был арестован, а 3 сентября того же года Военной коллегией Верховного Суда СССР за участие в антисоветской террористической организации приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день. Похоронен А.И. Рыслев на Донском кладбище в Москве. Реабилитирован 17 мая 1991 г. Прокуратурой СССР¹⁰⁷ на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г.¹⁰⁸

Заключение

Член IV Государственной думы Аристарх Иванович Рыслев принял активное участие в событиях революционного 1917 года. В дни Февральской революции он находился на улицах Петрограда, а 27 февраля участвовал в частном совещании членов Государственной думы в полуциркульном зале Таврического дворца, выступал перед солдатами, пришедшими в Таврический дворец. В дальнейшем он, выполняя поручения ВКГД и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, посещал воинские части, расквартированные в Петрограде, «для выяснения и улаживания конфликтов». Рыслев принял участие в информировании жителей Амурской области о победе революции в Петрограде. Затем он был командирован в Архангельск для приветствия войск.

¹⁰³ Приказы управляющего Амурской областью // Прибавление к газете «Амурское эхо» (Благовещенск). 1919. № 935 (16 (3) января). С. 1.

¹⁰⁴ Местная хроника // Прибавление к газете «Амурское эхо» (Благовещенск). 1919. № 968 (25 (12) февраля). С. 2.

¹⁰⁵ *Саблин И.* Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации. С. 411, 413.

¹⁰⁶ *Паришин Е.* Неизвестные свободенцам имена депутатов Госдумы царской России из Алексеевска и Суражевки // gzt-sv.ru. URL: <https://www.gzt-sv.ru/news/19543-neizvestnye-svobodnencam-imena-deputatov-gosdumy?ysclid=ll6gxwqlnl104490526> (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁰⁷ Аристарх Иванович Рыслев // Geni. URL: <https://www.geni.com/people/Аристарх-Рыслев/6000000053031112002> (дата обращения: 19.08.2025).

¹⁰⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года № 10036-XI «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. № 3. Ст. 19. С. 36–37.

16 марта Рыслев, по его личной просьбе, получил от Думского комитета командировку в Амурскую область «для сношения с воинскими частями и населением». Следуя по Амурской железной дороге, он выступил с речами на 8 крупных железнодорожных станциях. Прибыв в Благовещенск, он не ограничился выступлениями в различных организациях, а занялся вопросами организации власти на местном уровне.

Во второй половине апреля 1917 г. связь А.И. Рыслева с Думским комитетом была прекращена. Во всяком случае, Временный комитет Думы не ответил на его запрос от 12 апреля 1917 г. Тогда же Рыслев сложил с себя полномочия комиссара ВКГД, которых в действительности и не имел. Находясь в Амурской области, А.И. Рыслев какой-либо связи с фракцией трудовиков и думской Сибирской группой не поддерживал, действовал как самостоятельный политик. Опираясь на опыт своей думской деятельности, он эффективно исполнял свои функции и приобрел поддержку со стороны местного населения. Подчеркнем, что и в дальнейшем Рыслев пользовался своим статусом члена IV Государственной думы, который усиливал его авторитет и популярность, привлекал к нему внимание местных политических сил и общества.

С 24 мая 1917 года был председателем Суражевского комитета общественной безопасности.

В дни Июльского политического кризиса выступил сторонником Временного правительства, призывал оказывать ему поддержку в борьбе с «темными силами», с ленинцами.

15 октября 1917 г. стал товарищем председателя Амурского областного земельного комитета. Несомненно, занимая эту должность, Рыслев опирался на опыт работы в думской земельной комиссии.

Осенью 1917 года в Амурской области было создано земство. А.И. Рыслев был избран в земские гласные и вошел в состав Амурского областного земского собрания, которое, осудив захват власти большевиками, вскоре объявило о взятии всей власти в свои руки.

Иначе говоря, А.И. Рыслев в 1917 году был сторонником сначала ВКГД и Петросовета, выполняя их поручения, а затем и Временного правительства, призывая к его поддержке в дни Июльского политического кризиса. Находясь в Амурской области, он сумел реализовать свои представления об организации власти, сформировавшиеся у него ранее, когда он был членом думской Сибирской группы. В частности, весной 1917 года он выступал за децентрализацию власти даже на местном уровне, а осенью–зимой 1917 года участвовал в принятии решения Амурского областного земства о взятии им всей власти в свои руки.

Заметим и то, что А.И. Рыслев отказался от должности комиссара Амурской области и от выставления его кандидатуры на выборах в члены Учредительного собрания. Эти отказы от занятия более высоких должностей, несомненно, свидетельствуют о желании А.И. Рыслева посвятить себя исключительно решению местных вопросов, чем он и занимался в действительности во время пребывания в Амурской области в 1917 году.

Introduction

Aristarkh Ivanovich Ryslev (April 14, 1883 – September 3, 1937) was elected to the Fourth State Duma from Amur Oblast. In his Duma questionnaire, he identified himself as a “non-partisan leftist.”¹ However, he soon defined his political stance and joined the Trudovik (Labor) faction.² As a representative of this faction, he served on several Duma committees: the Food Committee, the Committee on Old Believer Affairs, the Committee on Communications, the Committee on Resettlement Affairs, the Committee on the Direction of Legislative Proposals, and the Land Committee. It should be noted that he did not belong to the faction’s leadership, remaining in secondary roles only. According to V. Demin, during the Fourth State Duma, “the group’s ideology, owing to the predominance of middle strata in its composition, brought political interests to the fore.” The faction demanded “radical democratization” of the state system and the introduction of political, religious, and other freedoms “in the broadest possible framework.”³

Together with other regional representatives in the Fourth State Duma, Ryslev was a member of the Siberian Parliamentary Group. Its leader was Transbaikalian deputy N. Volkov (a Cadet), and its secretary was Primor’e deputy A. Rusanov (who aligned with the Trudoviks). Notably, in 1917 Rusanov became Commissar of the Provisional Government in the Far East.⁴ Ryslev corresponded with him in that capacity during the same year. In the Duma, the Siberian deputies advocated for the introduction of zemstvo self-government in the Siberian provinces and regions and “raised questions concerning the decentralization of the empire’s governance.”⁵ As a member of the Siberian Parliamentary Group, Ryslev employed the rhetoric of the “Siberian regionalists” in his speeches. For instance, he pointed out that Siberia remained “subordinate to European Russia” and expressed admiration for the American

¹ “Svedeniya o chlene Gosudarstvennoi dumy 4 sozyva” [Information on a member of the State Duma of the 4th Convocation] (Ryslev Aristarkh Ivanovich. – A. N.). F. 1278, op. 9, d. 690, l. 1. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

² For more, see A.B. Nikolaev, “Ryslev Aristarkh Ivanovich” [in Russian], *State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: An Encyclopedia*, ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008), 540.

³ V.A. Demin, “The Labor Group” [in Russian], *State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: An Encyclopedia*, ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008), 628.

⁴ N.A. Troitskaya, “The Commissar of the Provisional Government in the Far East: Reflections on the Archival Documents” [in Russian], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4 (42) (2017): 68, <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/65-74>; EDN: ZWYYWR

⁵ R.A. Tsiunchuk, “The Siberian Group” [in Russian], *State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: An Encyclopedia*, ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008), 557.

approach to resettlement colonization, which was based on “the free initiative of the individual” in contrast to the “extremely complex” Russian system of government supervision over settlers.⁶ Together with fellow deputies N. Volkov and I. Gamov (also a Cadet), both members of the Siberian Parliamentary Group, Ryslev spoke “in favor of universal suffrage in the elections to the State Duma,”⁷ and took an active part in the Russian Revolution of 1917.

There are no dedicated scholarly studies devoted to Ryslev’s activities in 1917. References to him do appear in the works of historians examining the events of that year in Russia. Several Russian and foreign scholars have addressed Ryslev’s memoirs of the February Revolution in Petrograd.⁸ For instance, E. Ovsyankin mentioned Ryslev’s speech in Arkhangelsk on March 10 on Cathedral Square before those assembled for a “solemn religious service with the proclamation of eternal memory to the fighters who fell for the freedom of the people.”⁹ T. Troshina wrote about Ryslev’s speeches in Arkhangelsk in front of “soldiers and sailors with explanations of the tasks of the Revolution.”¹⁰ Ryslev’s missions to Arkhangelsk and Amur Oblast are discussed in the articles on the commissars of the PCSD.¹¹ V. Pushkarev mentioned Ryslev’s participation in the work of the Amur Oblast

⁶ I. Sablin, *The Far Eastern Republic: From Idea to Liquidation* [in Russian], trans. A.Yu. Tereshchenko (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020), 110, 117.

⁷ Sablin, *The Far Eastern Republic*, 101.

⁸ See, e.g., S. Lyandres, “On the Problem of ‘Indecisiveness’ among Duma Leaders during the February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917,” *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 24, no. 1–2 (1997): 124; A.V. Mel’nikov, “February 27, 1917 in Petrograd. More on the Reserve Battalions of the Guards Regiments Joining the Revolution” [in Russian], In *Herzen Readings 2004. Current Problems of Social Sciences: A Collection of Scholarly Articles*, ed. V.V. Barabanov (St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2004), 99; A.B. Nikolaev, *The Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2017), vol. 1, 160, 207, 208, 209, 215, 216, 222, 223, 251, 260, 264, 270, 293, 401, 405; vol. 2: 10, 66, 67, 82, 115.

⁹ E.I. Ovsyankin, *At the Turning Point of History. The Events in the North in 1917–1920. Myths and Reality* [in Russian] (Arkhangelsk: Arkhkonsalt, 2007), 57.

¹⁰ T.I. Troshina, “The Arkhangelsk Garrison in 1917” [in Russian], *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2 (2020): 20, <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V002>; EDN: STJEUG

¹¹ A.B. Nikolaev, “Commissars of the Provisional Committee of the State Duma (February – March 1917): Personal Composition” [in Russian], in *From the Depths of Time. An Almanac*, ed. A.V. Ostrovskii et al., iss. 5 (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii im. M.A. Bonch-Bruevicha, 1995), 66, 73, EDN: SCHAMZ; A.B. Nikolaev, “Commissars of the Provisional Committee of the State Duma in April 1917: Personal Composition” [in Russian], in *From the Depths of Time. An Almanac*, ed. A.V. Ostrovskii et al., iss. 8 (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii im. M.A. Bonch-Bruevicha, 1997), 28, EDN: TBMUCZ

Zemstvo.¹² N. Troitskaya and I. Sablin listed Ryslev among the participants of the First Regional Congress of Zemstvo and City Self-Governments of the Far East¹³ convened on December 11, 1917. Some information on A. Ryslev's activities in 1917 is contained in an article published in the Duma encyclopedia.¹⁴ The present article seeks to address several scholarly issues. First, in view of the limited documentary base, it aims to introduce historical sources that have not been previously used by researchers in order to identify further facts about A. Ryslev's participation in various political events and his work in institutions in both Petrograd and the provinces in 1917. Second, it seeks to determine the extent to which Ryslev's Duma experience shaped his subsequent activities in Arkhangelsk and Amur Oblast in 1917, thereby clarifying his professional trajectory. Third, and finally, it aims to establish the period during which he retained contact with the Provisional Committee of the State Duma, which had originally sent him to Amur Oblast.

A variety of historical sources were used to better explore the topic. Among them are clerical documents, journalistic writings, personal documents, and materials from the periodical press. The clerical documents preserved in Fonds 1278 (the State Duma) of the Russian State Historical Archive (RGIA) made it possible to clarify the circumstances of Ryslev's missions to Arkhangelsk and Amur Oblast. Journalistic writings are represented by the work of M. Artleben. It contains an account of Ryslev's stay in Arkhangelsk and the most complete record of his speeches before members of various organizations and local residents.¹⁵ Ryslev's own memoirs, "How the Coup Took Place," published in the newspaper *Amurskoe ekho* in 1917 in three instalments (no. 630, April 18 (30),¹⁶ no. 632, April 21 (May 4),¹⁷ and no. 634, April 23 (May 6)¹⁸) and republished with commentary in 2022, were used to study his participation in the February Revolution.¹⁹ It should be noted that in these memoirs,

¹² V.A. Pushkarev, *Representative Power in the Amur Oblast: Yesterday, Today, Tomorrow* [in Russian] (Blagoveshchensk: RIO, 2019), 49, EDN: UOROQC

¹³ Troitskaya, "The Commissar of the Provisional Government," 72; Sablin, *The Far Eastern Republic*, 161.

¹⁴ Nikolaev, "Ryslev Aristarkh Ivanovich," 540.

¹⁵ M.N. Artleben, *Arkhangelsk During the Days of the Coup d'État* [in Russian] (Arkhangelsk: Gubernskaya topografiya, 1917).

¹⁶ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho* (Blagoveshchensk), no. 630, April 18 (30), 1917, 2–3.

¹⁷ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho* (Blagoveshchensk), no. 632, April 21 (May 4), 1917, 2.

¹⁸ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho* (Blagoveshchensk), no. 634, April 23 (May 6), 1917, 3.

¹⁹ A.B. Nikolaev, "Deputy of the Fourth State Duma A.I. Ryslev on the February Revolution of 1917 in Petrograd" [in Russian], in *Tauride Readings 2022. Current Problems of Parliamentarianism: History and Modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*

Ryslev appears primarily as a witness to the events rather than an active participant. Materials from the periodical press published in Blagoveshchensk were used to illustrate Ryslev's activities in Amur Oblast. Among them were the daily socio-political newspaper *Amurskoe ekho*, the organ of the Blagoveshchensk Committee of the Russian Social Democratic Labor Party (the RSDLP) *Golos truda*, the daily People's Socialist newspaper *Narodnoe delo*, *Izvestiya Komiteta obshchestvennoi bezopasnosti Amurskoi oblasti*, etc.

Main body

Recalling the beginning of the February Revolution, A. Ryslev wrote that on February 23, 1917,

women, teenagers, and some of the workers, who bore the heavy burden of standing in bread queues, gathered in the streets, mainly in the working-class districts of Petrograd, in search of bread and, finding none, raised the cry "Give us bread!"²⁰

According to Ryslev, the approximate results of the first day of the revolution were as follows: "Several broken shop windows, several ransacked bakeries, and attempts at city demonstrations."²¹ Ryslev did not participate in this movement, limiting himself to the role of an observer. As for his Duma activities at that time, on February 23 he signed a query from thirty State Duma deputies to the Chairman of the Council of Ministers and the Ministers of War and the Navy regarding the cessation of work at the Putilov and Izhora plants.²² According to a report of the *Amurskoe ekho*, in the following days (until February 27) Ryslev was present in the crowds in the streets of Petrograd and maintained contact with the State Duma.²³ In his memoirs, however, he made no mention of maintaining contact with the Duma, the Trudovik faction, or the Siberian Group.²⁴

with *International Participation (St Petersburg, December 5–6, 2022): A Collection of Scientific Papers*], ed. A.B. Nikolaev, pt. 1 (St Petersburg: Asterion, 2023), 208–35.

²⁰ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 2.

²¹ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 2.

²² O.A. Shashkova, comp., *The February Revolution of 1917: A Collection of Documents and Materials* [in Russian] (Moscow: RGGU, 1996), 18–19.

²³ "Local Chronicle" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 613, March 22 (April 4), 1917, 3.

²⁴ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 2.

In the morning of February 27, Ryslev came to the Tauride Palace. Like other deputies, he learned there that “the State Duma had already been dissolved.”²⁵ Ryslev was perhaps the only participant in the events who recalled the appearance of the non-Duma Trudoviks Bel'skii and Voitsekhovskii “at about 2 o'clock in the afternoon” in the Tauride Palace. They were already “leading the movement in the streets of Petrograd” and addressed the majority of the Duma with the question: “What do you intend to do now? You can take power into your own hands now. It's now or never!”²⁶

Ryslev was among those deputies who went out to meet the rebel troops that had approached the Tauride Palace.²⁷ He recalled that after this event the members of the State Duma gathered for a private meeting in the semicircular hall of the Tauride Palace.²⁸ Ryslev wrote of those present at the meeting: “There was noticeable confusion and unpreparedness, yet at the same time a sense of the urgent need for action.”²⁹ However, he himself did not speak at the meeting. Nevertheless, his notes on the speeches of Duma members from the Trudovik faction are of interest. They called for “immediately taking the lead of the movement” (V. Dzyubinskii), adopting “immediate decisions” (N. Yanushkevich), and “calling on the rebel troops to be courageous” (A. Kerenskii).³⁰

A. Ryslev recalled that after the creation of the Provisional Committee of the State Duma, i.e. after 5 p.m. on February 27, Duma deputies approached him:

The Rightists and Octobrists repeatedly asked me to go out into the street and speak to the troops and the people because they were not trusted. When I went out to the people, the first question I heard was “Who stands before them?” Having heard the answer “a Trudovik such-and-such,” they lifted me up onto an elevated place and asked me to tell them what was happening inside the walls of the Tauride Palace.³¹

²⁵ A.I. Ryslev, “How the Coup Took Place” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 2.

²⁶ A.I. Ryslev, “How the Coup Took Place” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 2.

²⁷ “Local Chronicle” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 613, March 22 (April 4), 1917, 3.

²⁸ A.I. Ryslev, “How the Coup Took Place” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 3.

²⁹ A.I. Ryslev, “How the Coup Took Place” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 3.

³⁰ A.I. Ryslev, “How the Coup Took Place” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 3.

³¹ A.I. Ryslev, “How the Coup Took Place” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 630, April 18 (30), 1917, 3.

Not only did Ryslev address the soldiers who came to the Tauride Palace, but he also even acted as their guide once (on February 28).

Before morning, when it was already getting light, a group of soldiers approached me with a request to show them where the State Duma was meeting. I entered the meeting hall with them. We found there a mass of sleeping soldiers; they lay on the floor in the aisles and sat and slept in the deputies' chairs holding onto their rifles.³²

Amurskoe ekho reported that Ryslev participated in the first meetings of the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies as a representative of the Trudovik group.³³ Judging by the extant documents, however, Ryslev did not distinguish himself in any way at the sessions of the Petrograd Soviet held from February 27 to March 3.³⁴

During the decisive days of the February Revolution, Trudovik A. Ryslev supported the policy of the PCSD, siding with its chairman M. Rodzyanko, a zemstvo member and Octobrist. In this connection, Ryslev's memoirs are worth quoting:

I remember how Rodzyanko delivered his usual stirring speech in front of one of the regiments, and how the regiment gave him an ovation. After that the podium was taken by another orator, who reproached the soldiers for shouting "hurrah" indiscriminately, without delving into the essence. This orator instilled distrust of Rodzyanko in the soldiers. He said, "What did Rodzyanko tell you? He called you to fight, spoke about the need to continue the war, but did he say anything about the land?" And at first the audience seemed to yield to his views and made noise, but when Rodzyanko took the floor again and explained that the land question in its entirety would be resolved by the Constituent Assembly, the soldiers gave him an ovation once more.³⁵

³² A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 632, April 22 (May 4), 1917, 2.

³³ "Local Chronicle" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 613, March 22 (April 4), 1917, 3.

³⁴ P.V. Volobuev, ed., *The Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies in 1917. Minutes and Materials. Minutes, Transcripts and Reports, Resolutions, Decrees of General Meetings, Section Meetings, Sessions of the Executive Committee and Factions, February 27 – October 25, 1917: Documents and Materials* [in Russian], vol. 1, February 27 – March 31, 1917, comp. B.D. Gal'perina (Leningrad: Nauka, 1991), 19–103.

³⁵ A.I. Ryslev, "How the Coup Took Place" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 634 (April 23 (May 6), 1917, 2.

It should be noted that Ryslev presented the speech of the orator (in fact, it was the chairman of the Petrograd Soviet of Workers' Deputies, N. Chkheidze) in a negative light.³⁶

On the instructions of the Provisional Committee of the State Duma (the PCSD) and the Petrograd Soviet, Ryslev also visited military units stationed in Petrograd "to clarify and resolve conflicts" and gave "speeches in the barracks."³⁷ At the beginning of March, together with deputies A. Rusanov and I. Gamov, he signed a telegram to the residents of Amur Oblast announcing that "the government of oppression, arbitrariness, and betrayal had fallen." The telegram also stated that a Committee of Members of the State Duma headed by M. Rodzyanko and a Soviet of Workers' Deputies had been organized and called upon the population to take power into their own hands.³⁸ On March 6, on the instructions of the PCSD and the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies,³⁹ Ryslev was sent to the military units stationed in Arkhangelsk.⁴⁰ The newspaper *Arkhangelsk* reported that "the following telegram was received in the name of the commander-in-chief of the city of Arkhangelsk from Petrograd: 'On March 6, members of the State Duma Ryslev and P. Levanidov left for Arkhangelsk.'"⁴¹ M. Artleben, however, claimed that the telegram spoke "of the departure to Arkhangelsk on the instructions of the Executive Committee of the State Duma of its members A. Ryslev, P. Levanidov, and I. Krivonogov."⁴² Krivonogov explained that they were sent to greet the military units "on behalf of the State Duma" and then to conduct "discussions with them."⁴³ On March 8, Ryslev and Levanidov arrived in Arkhangelsk by the morning train of the Northern Railway. At the station they were met by the acting governor and mayor V. Guvelyaken and representatives

³⁶ A.B. Nikolaev, "Leaders of the February Revolution of 1917: Why M.V. Rodzyanko?" [in Russian], *Journal of Modern Russian History and Historiography*, vol. 13, iss. 1 (2020): 85, <https://doi.org/10.30965/22102388-01301003>; EDN: ELDQEON

³⁷ "Local Chronicle" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 613, March 22 (April 4), 1917, 3.

³⁸ "Telegram from the Amur Deputies" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 600, March 5 (18), 1917, 3.

³⁹ "Doklad chlenov Gosudarstvennoi dumy I.V. Krivnogova i A.I. Rysleva ot 15 marta 1917 g." [Report of Members of the State Duma I.V. Krivnogov and A.I. Ryslev of March 15, 1917]. F. 1278, op. 5, d. 1348, l. 14. RGIA.

⁴⁰ "Local Chronicle" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 613, March 22 (April 4), 1917, 3.

⁴¹ "Departure of Members of the State Duma" [in Russian], *Severnoe utro*, no. 53, March 8, 1917, 3.

⁴² Artleben, *Arkhangelsk during the Days of the Coup d'État*, 13.

⁴³ "Doklady chlenov Gosudarstvennoi dumy I.N. Man'kova i I.V. Krivonogova, zaslushannye Vremennym komitetom Gosudarstvennoi dumy v zasedanii 17 marta (zhurnal № 9)" [Reports of Members of the State Duma I.N. Man'kov and I.V. Krivonogov, Heard by the Provisional Committee of the State Duma at the Session of March 17 (Journal no. 9)]. F. 1278, op. 5, d. 1348, l. 276. RGIA.

of various organizations. Artleben noted that they greeted the dear guests with speeches. The Duma members responded with speeches in reply. In particular, A. Ryslev “emphasized the moment and its beneficial significance for Russia.” According to Artleben, “the members of the State Duma visited public organizations and familiarized themselves with their activities for the whole day.”⁴⁴ Ryslev spoke at the evening session of the Executive Committee of the Arkhangelsk Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies, where he “told of the events of the main moment of the Great Russian Revolution, which had lasted no more than 28 hours.” Ryslev then emphasized that

the center of attention of all Russia at the present time is the State Duma; the eyes of the two-hundred-million-strong people are fixed upon it. The entire state mechanism is now concentrated in it; directives are issued from the Tauride Palace throughout the vast homeland; its voice is listened to by our valiant army and navy and by all the allied powers.⁴⁵

Following his speech, Ryslev answered questions from members of the Executive Committee. In response to the question, if “it was true that during the revolution in Petrograd up to 15,000 people were killed,” Ryslev stated that the number of killed and wounded was only about 1,000 people.⁴⁶ At the same time, Artleben wrote that according to Ryslev, “in total, during the days of the coup, 172 people fell in the streets of Petrograd on both sides,⁴⁷ among whom there were many occasional victims.”⁴⁸

Ryslev delivered his second speech at about 1 p.m. before the “demonstrators” on Pomorskaya Street, having stepped out of a car. He declared that “the cause of the revolution, the cause of destroying the foundations of the old rule in Russia, was in the hands of the army and the entire people.”⁴⁹ The following day, I. Krivonogov arrived in Arkhangelsk. He telegraphed the State Duma on March 9:

⁴⁴ Artleben, *Arkhangelsk during the Days of the Coup d’État*, 13.

⁴⁵ Cited in Artleben, *Arkhangelsk during the Days of the Coup d’État*, 13–14.

⁴⁶ “In the Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies” [in Russian], *Arkhangel'sk*, no. 55, March 10, 1917, 3. See also A.B. Nikolaev, “The Severed Heads of the February Revolution” [in Russian], *90 Years of the February Revolution in Russia: A Collection of Scientific Papers*, comp. A.B. Nikolaev (St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2007), 33, EDN: SNLBAY

⁴⁷ The data cited by Artleben practically coincided with the data of the Statistical Department of the Petrograd City Committee of the All-Russian Union of Cities, according to which, as of March 16, 1917, 169 people were killed (A.V. Mel'nikov, “More on Identifying the Personal Composition of Victims of the February Revolution in Petrograd” [in Russian], in *90 Years of the February Revolution in Russia: A Collection of Scientific Papers*, comp. A.B. Nikolaev (St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2007), 43, EDN: UFJMPR).

⁴⁸ Cited in Artleben, *Arkhangelsk during the Days of the Coup d’État*, 13.

⁴⁹ Cited in Artleben, *Arkhangelsk during the Days of the Coup d’État*, 14.

Today all three of us toured the troops stationed in Arkhangelsk, delivered speeches in the barracks, attended a session of the City Duma and the Food Committee during the day, and a joint session of all public organizations in the evening. . . local organizational issues are being settled.⁵⁰

On March 10, A. Ryslev planned to leave Arkhangelsk for Petrograd.⁵¹ On March 12, he addressed the Chairman of the State Duma M. Rodzyanko with a request to send him to Amur Oblast in order to “clarify and establish the proper course of life on the ground.”⁵² The request was reported on March 15 and granted the same day with the resolution “permitted.”⁵³ On March 16, A. Ryslev was issued certificate no. 334 stating that he was being sent by the Provisional Committee of the State Duma “to Amur Oblast for communication with military units and the population.” The certificate was signed by V. Vershinin on behalf of the chairman of the PCSD.⁵⁴ The certificate did not use the wording “Commissar of the Provisional Committee of the State Duma.” However, both the press and the deputies⁵⁵ who were sent to the localities “for communication with military units and the population” often described themselves as commissars of the PCSD and were perceived as such.

During his journey along the Amur Railway, A. Ryslev gave speeches about the events in Petrograd and the situation in the country after the February Revolution at almost all large stations (Zilovo, Ksenievskaya, Mogocha, Urusha, Rukhlovo, and Gondatti). The most detailed reports addressed to large audiences were delivered by him in Alekseevsk and Surazhevka.⁵⁶ Upon arriving in Blagoveshchensk, Ryslev delivered reports in eight different locations: at a general meeting of the Soviet of

⁵⁰ “Telegramma iz Arkhangel'ska ot 9 marta 1917 g. ot I.V. Krivonogova, A.I. Rysleva, P.A. Levanidova” [Telegram from Arkhangelsk dated March 9, 1917, from I.V. Krivonogov, A.I. Ryslev, P.A. Levanidov]. F. 1278, op. 5, d. 1348, l. 6. RGIA.

⁵¹ “Telegramma iz Arkhangel'ska ot 9 marta 1917 g. ot I.V. Krivonogova, A.I. Rysleva, P.A. Levanidova” [Telegram from Arkhangelsk dated March 9, 1917, from I.V. Krivonogov, A.I. Ryslev, P.A. Levanidov]. F. 1278, op. 5, d. 1348, l. 6. RGIA.

⁵² “Pis'mo A.I. Rysleva predsdatel'ny Gosudarstvennoi dume M.V. Rodzyanko ot 12 marta 1917 g.” [Letter from A.I. Ryslev to Chairman of the State Duma M. Rodzyanko dated March 12, 1917]. F. 1278, op. 10, d. 7, l. 85. RGIA.

⁵³ Ibid.

⁵⁴ “Udostoverenie VKGD ot 16 marta no. 334 A.I. Ryslevu” [Certificate of the Provisional Committee of the State Duma dated March 16, no. 334, issued to A.I. Ryslev]. F. 1278, op. 10, d. 6, l. 75. RGIA; “Zhurnal iskhodyashchikh bumag Kantselyarii Vremennogo komiteta. Mart 1917 g. – noyabr' 1917 g.” [Journal of Outgoing Documents of the Chancellery of the Provisional Committee. March 1917 – November 1917]. F. 1278, op. 10, d. 28, l. 18. RGIA.

⁵⁵ *Russkie vedomosti* called A.I. Ryslev “Commissar of the Provisional Government” (See “Commissars of the Provisional Government” [in Russian], *Russkie vedomosti*, no. 56, March 11, 1917, 4).

⁵⁶ “Local Chronicle” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 624, April 11 (24), 1917, 3.

Workers' and Soldiers' Deputies, in soldiers' barracks, at the Chepurin factory, in the Amur River Flotilla, at a meeting of the Socialist Revolutionary Party, in the backwater of the Ministry of Communications, in the People's House, and at a meeting held in a building belonging to the Ministry of Agriculture.⁵⁷ On April 4, Ryslev took part in a meeting of the Blagoveshchensk Committee of Security, during which a telegram from the Committee of Security at the Erofei Pavlovich station was read concerning the harmful activities of the local justice of the peace. Ryslev acknowledged that

due to the unpreparedness of the population and the inability to conduct public affairs, it had come to the point that judicial authorities, for example, were not recognized in some places.

On the one hand, he believed that

it was urgently necessary to send well-informed persons to the region as organizers or instructors, or at least one such person with sufficiently broad powers.

On the other hand, speaking out against centralization, Ryslev declared that

If there are conflicts and protests on the ground, it is the local forces that should be entrusted with resolving them.

Under the influence of Ryslev's intervention, the Committee resolved

to explain and to publish as widely as possible that justices of the peace, district courts, and similar persons and institutions shall continue to operate until the issuance of new laws and cannot be replaced by local organizations.

The meeting also raised the question of allowing delegates with a decisive vote from the Council of Congresses of Gold Miners to join the Committee of Security and of protecting the interests of the gold mining industry. In particular, Amur District engineer Stepanov pointed to the likelihood of a future reduction in gold production, "general disorganization, and paralysis of the gold industry." He noted that "with such disorganization, mass violations of mining laws were inevitable."⁵⁸ The press reported that on Ryslev's proposal, the Blagoveshchensk Committee of Security

⁵⁷ "Local Chronicle" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 624, April 11 (24), 1917, 3.

⁵⁸ S. Belov, "In the Committee of Security (April 4)" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 622, April 8 (21), 1917, 3.

resolved to organize a commission of gold miners, lawyers, the Committee of Security, and the Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies to revise the Mining Charter and bring it into line with the conditions of local life.⁵⁹

The Committee also considered the question of convicts released from penal labor teams. It turned out that the unrepealed Tsarist Charter on Exiles contradicted the decree as of March 17 "On the Alleviation of the Fate of the Persons Who Have Committed Criminal Offences."⁶⁰ Under the Tsarist regime, a convict released from hard labor became an exile settler and was deprived of any rights. He was assigned to a volost where he had to live for six months. Then he was issued a passport "for residence within the oblast," and only after several years could he leave his oblast and "move around Siberia."⁶¹ In other words, it was not enough just to free a convict; he had to be "settled" in a volost after that. The convicts released under the amnesty on March 17 "found themselves 'without volosts,'" i.e., they were unable to "move around and find any work," which did not suit them at all. In this connection, Ryslev noted that "following such a release, a great confusion had arisen" and proposed sending "a delegate with sufficiently broad powers to eliminate all friction" to the places where there was confusion among the released convicts. On April 5, he sent a telegram to Petrograd addressed to Chairman of the State Duma M. Rodzyanko. In this telegram, he wrote that "the mass release of prisoners was creating serious complications"; leaving them all in Amur Oblast was "dangerous." He wrote of the need to allow released convicts to return to their homeland. On April 6, his telegram was reported to M. Rodzyanko and forwarded to the Minister of Justice.⁶² On the same day, Ryslev spoke to the Amur Flotilla "with a report on the coup in Petrograd." After his report, "on behalf of the entire flotilla," V. Pentkovsky⁶³ "informed the deputy of the personnel's desire to go to the front, where there was a great need for

⁵⁹ "Chronicle" [in Russian], *Blagoveshchenskoe utro*, no. 72, April 7, 1917, 3.

⁶⁰ For the ordinary criminals sentenced to death, the sentence was commuted into fifteen years of hard labour (clause 1). In addition, for other categories of convicts, the terms of imprisonment were reduced (clause 6), or they were fully released (clauses 2–4, 12) (*Archive of Contemporary History of Russia. Series "Publications"* [in Russian], vol. 7, *Journals of Sessions of the Provisional Government. March–October 1917*, pt. 1, *March–April 1917*, comp. E.D. Grin'ko, and O.V. Lavinskaya (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001), 112–15).

⁶¹ S. Belov, "In the Committee of Security (April 4)" [in Russian], *Amurskoe ekho* (*Blagoveshchensk*), no. 622, April 8 (21), 1917, 3.

⁶² "Telegramma A.I. Rysleva predsdatel'yu Gosudarstvennoi dumy M.V. Rodzyanko ot 5 aprelya 1917 g." [Telegram from A.I. Ryslev to Chairman of the State Duma M.V. Rodzyanko dated April 5, 1917]. F. 1278, op. 5, d. 1348, l. 80. RGIA.

⁶³ For more on V.I. Pentkovskii, see L.P. Chernikova, "Russian Orientalist Vyacheslav Pentkovskii (Penkotsi)" [in Russian], *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 49, no. 3 (2019): 428–61, EDN: HFEBFB

specialists, while almost the entire flotilla consisted of specialists.” Ryslev “promised to get in touch with the Provisional Government.”⁶⁴ According to a report in the *Golos truda*, A. Ryslev sent an inquiry to the Provisional Committee of the State Duma on April 12, to which no reply had been received by the beginning of May.⁶⁵ At his invitation as a member of the Fourth State Duma, a meeting was held in the premises of the Blagoveshchensk branch of the State Bank on April 16. It was aimed at “finding measures for the greatest success of the ‘freedom’ loan.” Summing up the results of the meeting, Ryslev declared that “there should be no room for any fears. The Provisional Government guarantees the loan, and it deserves full confidence.”⁶⁶ It should be noted that according to a report in *Amurskoe ekho*, it was in Blagoveshchensk that Ryslev resigned his powers as a Commissar of the PCSD.⁶⁷ It was presumably connected with his decision to concentrate entirely on resolving local issues rather than return to Petrograd.

Subsequently, Ryslev travelled around Amur Oblast. On May 2, according to a report in the *Amurskoe ekho*, he left “for Ovsyanka, the town of Zeya, and possibly would then go to Dambuki.”⁶⁸ On May 6, Ryslev visited the village of Ovsyanka, where he “briefly outlined the essence of the freedoms already won and the tasks of the current moment.” He called on the villagers “to unity and work.”⁶⁹ On May 7, Deputy Ryslev took part in a private meeting of the board of the Union of Miners, at which the issue of an attempt to seize “control of the board into their own hands” was discussed by a group of persons. It turned out that among those persons there were many Zeya homeowners “who had no direct relationship to the miners.” Approving the board’s tactics, Ryslev “recommended appealing to the union’s branches at the mines for closer unity.”⁷⁰ On May 24, the *Golos Truda* reported that an independent Committee of Public Security had been formed in the settlement of Surazhevka, with A. Ryslev elected as its chairman.⁷¹ The *Amurskoe ekho* wrote that Pavel Alyshev, a worker, a member of the Surazhevka Committee of Public Security, and a “collaborator in that capacity” with State Duma member A. Ryslev, was a criminal convicted of counterfeiting gold and silver coins.⁷² First of all, this publication

⁶⁴ “Chronicle” [in Russian], *Blagoveshchenskoe utro*, no. 74, April 9, 1917, 3.

⁶⁵ “Chronicle” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 15, May 3, 1917, 3.

⁶⁶ “Chronicle” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 15, May 3, 1917, 3.

⁶⁷ A. Rogozhin, “Meeting on the Freedom Loan” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 632, April 21 (May 4), 1917, 2.

⁶⁸ “Local Chronicle” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 642, May 3 (16), 1917, 3.

⁶⁹ “Deputy A.I. Ryslev” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 22, May 13, 1917, 2.

⁷⁰ “In the Union of Miners” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 22, May 13, 1917, 2.

⁷¹ “Chronicle” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 30, May 24, 1917, 3.

⁷² “Criminal Democracy” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 676, June 14 (27), 1917, 3.

confirms that Ryslev held a leadership position in this Committee for Public Security, and secondly, that there was a criminal among its members. On June 24, the *Golos truda* reported the successful results of the activities of the Surazhevka Committee of Public Security for May – June 1917. However, the newspaper did not mention A. Ryslev's specific role in the activities of the committee.⁷³

On July 5, A. Ryslev took part in a meeting of the Blagoveshchensk Oblast Committee of Security, at which the question of the Committee's fate was discussed: whether it "should consider itself abolished after the introduction of zemstvo in the oblast and the transfer of all affairs to it or continue to exist" as a separate organization. The majority of those present considered "it impermissible to prejudge this question, since the current time was fraught with various surprises and therefore it was not appropriate to foresee the need to preserve or abolish the Committee."⁷⁴ The author of the article did not say what position A. Ryslev took in the discussion.

On July 7, A. Ryslev was scheduled to leave Blagoveshchensk together with Commissar A. Rusanov. They were about to take a bus to Alekseevsk,⁷⁵ but news of the July events in Petrograd forced a change of plans. At 9 a.m. on July 7, a meeting of the Soviet of Soldiers' Deputies began in Blagoveshchensk. It was attended by "Commissar of the Provisional Government A. Rusanov and member of the Fourth State Duma A. Ryslev." Rusanov read out a telegram received in his name from Minister Chairman Prince G. L'vov and Deputy Minister of Internal Affairs S. Leont'ev,

describing the Petrograd events of July 4 and calling for measures to organize democracy to fight the counter-revolution in unity with local public democratic organizations.

Following this, A. Ryslev spoke. He called on "the delegates to rally around the Provisional Government and to provide support in its struggle with the dark and anarchic elements of the country." The Blagoveshchensk Soviet of Soldiers' Deputies adopted a resolution stating, firstly, that

the activities of the 'Leninists' from the very beginning of the revolution had represented a huge danger because the slogans "down with war," "down with the Provisional Government," "all power to the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies" were extremely advantageous to the interests of Germany, . . . to all the concealed supporters of the old regime and all the dark forces that hated

⁷³ Krest'yanin, "Life in Surazhevka" [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 57, June 24, 1917, 3.

⁷⁴ N. Zakharenko, "In the Committee of Security. (Session on July 5)" [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 67, July 7, 1917, 2–3.

⁷⁵ "Local Chronicle" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 695, July 7 (20), 1917, 3.

Russian freedom and the liberation of the great people; secondly, that Leninist activity had become “even more dangerous after it had turned from propaganda into violence against democratic gains.” The Soviet of Soldiers’ Deputies declared its full confidence in the Provisional Government and its readiness “to support the government by all means in its struggle against counter-revolution.”⁷⁶

At 1 p.m. on the same day, an emergency meeting of public organizations and political parties was held in Blagoveshchensk with the participation of members of the Fourth State Duma I. Gamov, A. Rusanov, and A. Ryslev. During the meeting, the telegram from Prince G. L’vov, which commissar A. Rusanov had already read at the Blagoveshchensk Soviet of Soldiers’ Deputies that morning, was read and discussed. The participants adopted an anti-Leninist resolution.⁷⁷ According to the newspaper reports, Ryslev did not speak at that meeting.

In August, the question of choosing a regional commissar for Amur Oblast arose. The post was offered to A. Ryslev, who informed the regional committee of the Socialist Revolutionary Party that “he was refusing to put forward his candidacy for the post of regional commissar.”⁷⁸ In August, Ryslev was engaged in preparing the zemstvo elections in Surazhevka. He informed the Amur Oblast Committee of Public Security that “preparatory work for the zemstvo elections was proceeding successfully,” “voter lists were being drawn up,” and the elections were scheduled for August 24, 1917.⁷⁹ The Amur Oblast Committee of Public Security involved Ryslev in resolving a conflict at the Alekseevsk station of the Amur Railway. It had arisen following the abolition of a resolution issued by the committee of employees of the Amur Railway Administration regarding the eviction of control employees from state-owned houses on August 17 by the Minister of Communications. Contrary to the minister’s order, the general meeting of railway employees and workers threatened to forcibly evict the control employees if they had not vacated their apartments by August 20. The Amur Oblast Committee of Public Security telegraphed A. Ryslev, apparently in his capacity as chairman of the Surazhevka Committee of Public Security and as an authoritative figure among workers and employees, requesting that he urgently take measures “to prevent arbitrary actions

⁷⁶ V., “The Attitude of the Local Garrison to the Attempted Coup d’État by the ‘Leninists’” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 68, July 8, 1917, 2–3.

⁷⁷ “Local Chronicle” [in Russian], *Pribavlenie k gazete “Amurskoe ekho” (Blagoveshchensk)*, no. 697, July 9 (22), 1917, 1; M-n, “Emergency Joint Meeting of Public Organizations and Political Parties” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 69, July 9, 1917, 2–3; S. Belov, “Emergency Session of the Committee of Security (July 7)” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 698, July 11 (24), 1917, 3. See also V.P. Malyshev, *Struggle for Soviet power on the Amur* [in Russian] (Blagoveshchensk: Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961), 55.

⁷⁸ “Chronicle” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 91, August 5, 1917, 3.

⁷⁹ “On the Introduction of Zemstvo” [in Russian], *Izvestiya Komiteta obshchestvennoi bezopasnosti Amurskoi oblasti (Blagoveshchensk)*, no. 90, August 10, 1917, 4.

regarding the eviction of control employees from state-owned buildings.”⁸⁰ It is not known whether Ryslev took part in resolving that conflict, but he did participate in the zemstvo elections and was elected a zemstvo member.

As a member of the Fourth State Duma and a delegate from the settlement of Surazhevka,⁸¹ A. Ryslev took part in the 2nd Congress of Peasant Deputies of Amur Oblast, which was held in Blagoveshchensk from September 10 to September 17, 1917 “under the influence of the Socialist Revolutionaries, who believed that power should be coalitional with a predominance of the revolutionary majority.”⁸² On September 10, he was elected chairman of the congress.⁸³ Thanking the congress for the trust shown, Ryslev expressed the hope that

the peasantry would be able to find a common language with all classes, would be able to appreciate the great importance of the present moment, and would worthily resolve the issues raised, which had not only public but also state significance.⁸⁴

On September 11, Ryslev spoke at a session of the congress in defense of the Soviet of Peasants’ Deputies. He said that

...one cannot place all the blame for the misfortunes and difficulties of the village on the Soviet, for in many respects the Soviet had been tied hand and foot, or, in any case, was not independent; for example, the food supply was in the hands of the Oblast Food Committee, which had only a few representatives from the Soviet, and they could not always carry out their wishes in the interests of the peasantry.⁸⁵

⁸⁰ “From Alekseevsk” [in Russian], *Izvestiya Komiteta obshchestvennoi bezopasnosti Amurskoi oblasti (Blagoveshchensk)*, no. 94, August 23, 1917, 4.

⁸¹ “Morning Session. Minutes of the Session of 2nd Congress of Peasant Deputies of Amur Oblast, Held on September 10, 1917” [in Russian], *Izvestiya Komiteta obshchestvennoi bezopasnosti Amurskoi oblasti (Blagoveshchensk)*, no. 101, September 16, 1917, 2.

⁸² V.L. Kuz'min, “Far Eastern Organizations of Socialist Revolutionaries in 1917” [in Russian], *Rossiia i ATR*, no. 3 (97) (2017): 48–60, EDN: ZFTZNH. The author erroneously claims that the congress took place from September 10 to September 15. On the session on September 17, see “Session Held on September 17. 2nd Peasant Congress of Amur Oblast” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 128, September 21, 1917, 3.

⁸³ “2nd Oblast Congress of Peasants” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 751, September (25), 1917, 3; “Opening of the Congress. 2nd Peasant Congress of Amur Oblast” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 121, September 12, 1917, 2.

⁸⁴ “Morning Session. Minutes of the Session of the Second Congress of Peasant Deputies of Amur Oblast, Held on September 10, 1917” [in Russian], *Izvestiya Komiteta obshchestvennoi bezopasnosti Amurskoi oblasti (Blagoveshchensk)*, no. 101, September 16, 1917, 2.

⁸⁵ “Session on September 11. 2nd Peasant Congress of Amur Oblast” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 122, September 13, 1917, 2.

The congress adopted a resolution supporting the introduction of zemstvo in Amur Oblast.⁸⁶ On September 12, during a session of the congress, the following incident occurred: the presiding officer Ryslev gave the floor to the delegate Bessmertnykh. A representative of the Tarbogatai volost, Zaitsev, shouted out from the hall, “The chairman is giving the floor out of order!” Ryslev responded by stating that “in view of the expressed lack of confidence,” the suspicion that he had “lied,” he was refusing “to preside.” According to the newspaper, a noise arose, “shouts about depriving Zaitsev of the right to speak” and “unanimous cries for Ryslev’s return to the chair” were heard. After Zaitsev’s apology, Ryslev returned to his duties of presiding over the congress. Commenting on the speeches of the delegates, he criticized the activities of the Oblast Food Committee and expressed confidence that the zemstvo would take food supply into its own hands and eliminate all defects. He also called for acceptance of the fixed prices announced by the Provisional Government.⁸⁷

On October 6, 1917, the 3rd Congress of Peasants of Amur Oblast was held in the premises of the Churin canteen in Blagoveshchensk. It was “convened to discuss the question of choosing a candidate for the Constituent Assembly.” A. Ryslev, who refused to stand for election, was elected chairman of the congress.⁸⁸ On October 15, he became a deputy chairman of the Amur Oblast Land Committee.⁸⁹ In this post, he undoubtedly drew on his experience of working in the Duma’s Land Committee.

From November 19 to 28, 1917, the Amur Oblast Zemstvo Assembly was held in Blagoveshchensk under the chairmanship of the Menshevik I. Shishlov. On the first day of its work, Ryslev greeted the Zemstvo Assembly on behalf of the Amur Oblast Land Committee.⁹⁰ He subsequently spoke at its sessions as a zemstvo councilor.⁹¹ Greeting the Assembly, he stated that the Land Committee

⁸⁶ “Session on September 11. 2nd Congress of Peasants of Amur Oblast” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 122, September 13, 1917, 2.

⁸⁷ “2nd Peasant Congress of Amur Oblast” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 123, September 14, 1917, 2.

⁸⁸ “3rd Congress of Peasants” [in Russian], *Pribavlenie k gazete “Amurskoe ekho” (Blagoveshchensk)*, no. 773, October 8 (21), 1917, 1.

⁸⁹ T. Kuz’menko, “In the Oblast Land Committee” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 781, October 18 (31), 1917, 3.

⁹⁰ “Greetings. Opening of the 1st Amur Oblast Zemstvo Assembly” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 180, November 21, 1917, 2.

⁹¹ “Session on November 20. Session of the 1st Amur Oblast Zemstvo Assembly” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 181, November 23, 1917, 3; “Session on November 21 (in the newspaper erroneously – October 21. – A. N.). Session of the 1st Amur Oblast Zemstvo Assembly” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 182, November 24, 1917, 2–3; “Session on November 23 (Morning). Session of the 1st Amur Oblast Zemstvo Assembly” [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 184, November 26, 1917, 3; “Conclusion of the (Morning) Session on November 23 [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 185, November 28, 1917, 3; T. K., “Morning Session on November 24” [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 815, November 28 (December 11), 1917, 3, etc.

saw its future land organization work, which was important for the state, only in unity with the zemstvo, which would be the true expression of the opinion of the peasants and other democratic circles of the population.⁹²

On November 21, Ryslev was elected to the Executive Commission of the Amur Oblast Zemstvo Assembly.⁹³ Two days later, at the session on November 26, he became a member of the Amur Oblast Zemstvo Council.⁹⁴ The Assembly's resolution condemned the Bolshevik seizure of power⁹⁵ and declared that it was "assuming supreme power in Amur Oblast."⁹⁶ The Assembly soon "completed the process" of transferring "power into its own hands" by abolishing "the post of commissar for Amur Oblast" on November 23.⁹⁷ However, an official announcement about assuming power was made somewhat later.

On the initiative of the Amur Oblast Zemstvo Assembly, the First Regional Congress of Zemstvo and City Self-Governments of the Far East was convened in Khabarovsk on December 11, 1917. The Commissar of the Provisional Government for the Far East, A. Rusanov, resigned his post and transferred power to the Provisional Regional Bureau of Zemstvos and Cities, a member of which was A. Ryslev. By Order no. 1, the Provisional Regional Bureau declared that it was assuming supreme civil power in the Far East.⁹⁸ On December 19, the *Amurskoe ekho* published an announcement stating that "all power in Amur Oblast belonged to the oblast zemstvo."⁹⁹

In 1918–22, A. Ryslev continued his socio-political activities: he was a member of the Bureau of Self-Governments of Amur Oblast (from March 1918);¹⁰⁰ head of the health and organizational departments of the Amur Oblast Zemstvo Council (September 25 – November 10, 1918);¹⁰¹ head of the finance department of the Amur

⁹² S. Belov, "Grand Opening of the Regional Zemstvo (November 19)" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 810, November 21 (December 4), 1917, 3.

⁹³ "Session on November 21. Session of the 1st Amur Oblast Zemstvo Assembly" [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 182, November 24, 1917, 3.

⁹⁴ T. K., "Session on November 26" [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 816, November 29 (December 12), 1917, 2.

⁹⁵ "Resolution of the Extraordinary Closed [Session] of the Amur Oblast Zemstvo Assembly. Closed Session. Opening of the 1st Amur Oblast Zemstvo Assembly" [in Russian], *Golos truda (Blagoveshchensk)*, no. 180, November 21, 1917, 2.

⁹⁶ Sablin, *The Far Eastern Republic*, 159.

⁹⁷ Sablin, *The Far Eastern Republic*, 159.

⁹⁸ Sablin, *The Far Eastern Republic*, 160–61.

⁹⁹ [Announcement] [in Russian], *Amurskoe ekho (Blagoveshchensk)*, no. 831, December 19 (January 1), 1918, 3.

¹⁰⁰ Pushkarev, *Representative Power*, 62.

¹⁰¹ "Order of the Chairman of the Government of Amur Oblast no. 40 as of September 25" [in Russian], *Byulleten' Pravitel'stva Amurskoi oblasti (Blagoveshchensk)*, no. 9, October 4 (September 21), 1918, 1.

Oblast Zemstvo Council (November 10, 1918 – February 25, 1919);¹⁰² member of the commission “for the liquidation of the measures of the former Amur Government” (from January 13, 1919);¹⁰³ head of the medical, veterinary, and insurance departments of the Amur Oblast Zemstvo Council (from February 25, 1919);¹⁰⁴ delegate to the 2nd People’s Assembly of the Far Eastern Republic (November 13–14, 1922).¹⁰⁵

After the end of the Civil War, A. Ryslev did not emigrate. He lived in various cities of the USSR (Khabarovsk, Moscow, and in Alma-Ata) He moved to Alma-Ata in 1936 and worked there “as an auditor of the budget inspection of the Alma-Ata Oblast Financial Department.”¹⁰⁶ On March 2, 1937, he was arrested, and on September 3 of the same year, the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR sentenced him to death for participation in an anti-Soviet terrorist organization. The sentence was executed on the same day. Ryslev was buried at the Donskoe Cemetery in Moscow. He was rehabilitated on May 17, 1991 by the USSR Prosecutor’s Office¹⁰⁷ on the basis of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of January 16, 1989.¹⁰⁸

Conclusion

Member of the Fourth State Duma Aristarkh I. Ryslev took an active part in the events of the revolutionary year 1917. During the February Revolution, he was in the streets of Petrograd. On February 27, he participated in the private meeting of members of the State Duma in the semicircular hall of the Tauride Palace and spoke to the soldiers who had come there. Subsequently, carrying out assignments from the PCSD and the Petrograd Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies, he visited military units stationed in Petrograd “to clarify and resolve conflicts.” Ryslev also

¹⁰² “Section on Finances” [in Russian], *Prilozhenie k gazete “Amurskoe ekho” (Blagoveshchensk)*, no. 888, November 12 (October 30), 1918, 2.

¹⁰³ “Orders of the Governor of Amur Oblast” [in Russian], *Pribavlenie k gazete “Amurskoe ekho” (Blagoveshchensk)*, no. 935, January 16 (3), 1919, 1.

¹⁰⁴ “Local Chronicle” [in Russian], *Pribavlenie k gazete “Amurskoe ekho” (Blagoveshchensk)*, no. 968, February 25 (12), 1919, 2.

¹⁰⁵ Sablin, *The Far Eastern Republic*, 411, 413.

¹⁰⁶ E. Parshin, “Names of State Duma Deputies of Tsarist Russia from Alekseevsk and Surazhevka Unknown to the Residents of Svobodny” [in Russian], gzt-sv.ru, accessed August 19, 2025, <https://www.gzt-sv.ru/news/19543-neizvestnye-svobodnencam-imena-deputatov-gosdumy?ysclid=ll6gxwlqnl104490526>

¹⁰⁷ “Aristarkh Ivanovich Ryslev” [in Russian], *Geni*, accessed August 19, 2025, <https://www.geni.com/people/Аристарх-Рыслев/6000000053031112002>

¹⁰⁸ “Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR as of January 16, 1989, no. 10036-XI ‘On Additional Measures to Restore Justice for Victims of Repression That Took Place in the 1930s–1940s and Early 1950s’” [in Russian], *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*, no. 3, st. 19 (1989): 36–37.

took part in informing the residents of Amur Oblast about the victory of the revolution in Petrograd. He was then sent to Arkhangelsk to greet the troops. On March 16, at his personal request, he was sent by the Duma Committee on a mission to Amur Oblast “for communication with military units and the population.” Travelling along the Amur Railway, he gave speeches at eight large stations. Upon arriving in Blagoveshchensk, he did not limit himself to addressing various organizations but became involved in establishing power at the local level.

In the second half of April 1917, A. Ryslev had no connection with the Duma Committee. In any case, the Provisional Committee of the Duma did not respond to his inquiry of April 12, 1917. At the same time, Ryslev resigned his powers as a commissar of the PCSD, which in reality he had never held. While in Amur Oblast, he did not maintain any contact with the Trudovik faction or the Duma’s Siberian Group, acting as an independent politician. Drawing on his experience in the Duma, he performed his functions effectively and gained the support of the local population. It should be emphasized that Ryslev continued to use his status as a member of the Fourth State Duma, which enhanced his authority and popularity and attracted the attention of local political forces and society.

From May 24, 1917, he was chairman of the Surazhevka Committee of Public Security.

During the July Political Crisis, he sided with the Provisional Government and urged support for it in the struggle against the “dark forces” and the Leninists.

On October 15, 1917, he became deputy chairman of the Amur Oblast Land Committee. In this position, he undoubtedly drew on his experience from the Duma’s Land Committee.

In the autumn of 1917, zemstvo was established in Amur Oblast. A. Ryslev was elected a zemstvo councilor and became a member of the Amur Oblast Zemstvo Assembly, which condemned seizure of power by the Bolsheviks and soon declared that it was assuming full authority.

In other words, in 1917 A. Ryslev initially supported the PCSD and the Petrograd Soviet, carrying out their assignments, and later supported the Provisional Government, calling for its support during the July Political Crisis. While in Amur Oblast, he was able to realize his ideas about the organization of power, which had taken shape during his time in the Duma’s Siberian Group. In the spring of 1917, he advocated for the decentralization of power even at the local level, and in the autumn and winter of 1917, he participated in the decision by the Amur Oblast Zemstvo to assume full authority.

It should also be noted that A.I. Ryslev declined the post of commissar of Amur Oblast and refused to allow his candidacy to be put forward for election to the Constituent Assembly. These refusals to accept higher office clearly indicate his desire to devote himself exclusively to addressing local matters, which is precisely what he did during his time in Amur Oblast in 1917.

Список литературы

- Артлебен М.Н.* Архангельск в дни государственного переворота. Архангельск: Губернская типография, 1917. 18 с.
- Демин В.А.* Трудовая группа // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 625–629.
- Кузьмин В.Л.* Дальневосточные организации эсеров в 1917 г. // Россия и АТР. 2017. № 3 (97). С. 48–60. EDN: ZFTZNN
- Малышев В.П.* Борьба за власть Советов на Амуре. Благовещенск: Амурское книжное издательство, 1961. 382 с.
- Мельников А.В.* 27 февраля 1917 года в Петрограде. К вопросу о присоединении к революции запасных батальонов лейб-гвардии полков // Герценовские чтения 2004. Актуальные проблемы социальных наук: сборник научных статей / под редакцией В.В. Барабанова. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 99–102.
- Мельников А.В.* К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде // 90 лет Февральской революции в России: сборник научных статей / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 43–58. EDN: UFJMPR
- Николаев А.Б.* Депутат IV Государственной думы А.И. Рыслев о Февральской революции 1917 года в Петрограде // Таврические чтения 2022. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Санкт-Петербург, 5–6 декабря 2022 г.): сборник научных статей: в 2 ч. / под редакцией А.Б. Николаева. Санкт-Петербург: Астерион, 2023. Ч. 1. С. 208–235.
- Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года: в 2 т. Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.
- Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы (февраль–март 1917 г.): персональный состав // Из глубины времен. Альманах / под редакцией А.В. Островского и др. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, 1995. Вып. 5. С. 46–74. EDN: SCHAMZ
- Николаев А.Б.* Комиссары Временного комитета Государственной думы в апреле 1917 г.: персональный состав // Из глубины времен. Альманах / под редакцией А.В. Островского и др. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, 1997. Вып. 8. С. 26–46. EDN: TBMUCZ
- Николаев А.Б.* Лидеры Февральской революции 1917 года: почему М.В. Родзянко? // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2020. Vol. 13, iss. 1. P. 46–112. <https://doi.org/10.30965/22102388-01301003>; EDN: ELDQEO
- Николаев А.Б.* Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции в России: сборник научных статей / составитель А.Б. Николаев. Санкт-Петербург: РГПУ им. А.И. Герцена, 2007. С. 33–42. EDN: SNLBAV
- Николаев А.Б.* Рыслев Аристарх Иванович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 540. EDN: UWARJF
- Овсянкин Е.И.* На изломе истории. События на Севере в 1917–1920 гг. Мифы и реальность. Архангельск: Архконсалт, 2007. 557 с.
- Паршин Е.* Неизвестные свободенцам имена депутатов Госдумы царской России из Алексеевска и Суражевки // gzt-sv.ru. URL: <https://www.gzt-sv.ru/news/19543-neizvestnye-svobodnencam-imena-deputatov-gosdumy?ysclid=ll6gxwlqnl104490526> (дата обращения: 19 августа 2025).

Пушкарев В.А. Представительная власть в Приамурье: вчера, сегодня, завтра. Благовещенск: РИО, 2019. 272 с. EDN: UOROQC

Саблин И. Дальневосточная республика: от идеи до ликвидации / перевод с английского А.Ю. Терещенко. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 480 с.

Троицкая Н.А. Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке: размышления над документами // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. № 4 (42). С. 65–74. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/65-74>; EDN: ZWYYWR

Трошина Т.И. Архангельский гарнизон в 1917 году // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 2. С. 16–25. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V002>; EDN: STJEUG

Циунчук Р.А. Сибирская группа // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / под редакцией В.В. Шелохаева. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 556–557.

Черникова Л.П. Русский востоковед Вячеслав Пентковский (Пэнкоци) // Общество и государство в Китае. 2019. Т. 49, № 3. С. 428–461. EDN: HFEBFB

Lyandres S. On the Problem of “Indecisiveness” among Duma Leaders during February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917 // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 1997. Vol. 24, № 1–2. P. 115–129.

References

Artleben, M.N. *Arkhangel'sk v dni gosudarstvennogo perevorota* [Arkhangelsk during the days of the coup d'état]. Arkhangelsk: Gubernskaya tipografiya, 1917. (In Russian)

Chernikova, L.P. “Russkii vostokoved Vyacheslav Pentkovskii (Penkotsi)” [Russian orientalist Vyacheslav Pentkovskii (Penkotsi)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 49, no. 3 (2019): 428–61. EDN: HFEBFB (In Russian)

Demin, V.A. “Trudovaya gruppa” [The Labor Group]. *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii: 1906–1917. Entsiklopediya* [State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. An encyclopedia], edited by V.V. Shelokhaev, 625–29. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. (In Russian)

Kuz'min, V.L. “Dal'nevostochnye organizatsii ehserov v 1917 g.” [Far eastern organizations of socialist revolutionaries in 1917]. *Rossiia i ATR*, no. 3 (97) (2017): 48–60. EDN: ZFTZNH (In Russian)

Lyandres, S. “On the Problem of ‘Indecisiveness’ among Duma Leaders during the February Revolution: The Imperial Decree of Prorogation and Decision to Convene the Private Meeting of February 27, 1917.” *The Soviet and Post-Soviet Review*, vol. 24, no. 1–2 (1997): 115–29.

Malyshev, V.P. *Bor'ba za vlast' Sovetov na Amure* [Struggle for Soviet power on the Amur]. Blagoveshchensk: Amurskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. (In Russian)

Mel'nikov, A.V. “27 fevralya 1917 goda v Petrograde. K voprosu o prisoedinenii k revolyutsii zapasnykh batal'onov leib-gvardii polkov” [February 27, 1917 in Petrograd. More on the Reserve Battalions of the Guards Regiments joining the revolution]. In *Gertsenovskie chteniya 2004. Aktual'nye problemy sotsial'nykh nauk: sbornik nauchnykh statei* [Herzen Readings 2004. Current Problems of Social Sciences: A Collection of Scholarly Articles], edited by V.V. Barabanov, 99–102. St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2004. (In Russian)

Mel'nikov, A.V. “K probleme vyyavleniya personal'nogo sostava zhertv Fevral'skoi revolyutsii v Petrograde” [More on identifying the personal composition of victims of the February Revolution in Petrograd]. In *90 let Fevral'skoi revolyutsii v Rossii: sbornik nauchnykh statei* [90 years of the February Revolution in Russia: A Collection of scientific papers], compiled by A.B. Nikolaev, 43–58. St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2007. EDN: UFJMPR (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Deputat IV Gosudarstvennoi dumy A.I. Ryslev o Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda v Petrograde” [Deputy of the Fourth State Duma A.I. Ryslev on the February Revolution of 1917 in Petrograd]. In *Tavrisheskie chteniya 2022. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriya i sovremennost': materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (Sankt-Peterburg, 5–6 dekabrya 2022 g.): sbornik nauchnykh statei* [Tauride Readings 2022. Current problems of parliamentarianism: History and modernity: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with international participation (St Petersburg, December 5–6, 2022): A collection of scientific papers], 2 pts., edited by A.B. Nikolaev. Pt. 1, 208–35. St Petersburg: Asterion, 2023. (In Russian)

Nikolaev, A.B. *Dumskaya revolyutsiya: 27 fevralya – 3 marta 1917 goda* [The Duma Revolution: February 27 – March 3, 1917]. 2 vols. St Petersburg: Izdatel'stvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2017. (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Komissary Vremennogo komiteta Gosudarstvennoi dumy (fevral'–mart 1917 g.): personal'nyi sostav” [Commissars of the Provisional Committee of the State Duma (February – March 1917): Personal composition]. In *Iz glubiny vremen. Al'manakh* [From the depths of time. An almanac], edited by A.V. Ostrovskii et al., iss. 5, 46–74. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii im. M.A. Bonch-Bruevicha, 1995. EDN: SCHAMZ (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Komissary Vremennogo komiteta Gosudarstvennoi dumy v aprele 1917 g.: personal'nyi sostav” [Commissars of the Provisional Committee of the State Duma in April 1917: Personal Composition]. In *Iz glubiny vremen. Al'manakh* [From the depths of time. An almanac], edited by A.V. Ostrovskii et al., iss. 8, 26–46. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet telekommunikatsii im. M.A. Bonch-Bruevicha, 1997. EDN: TBMUCZ (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Lidery Fevral'skoi revolyutsii 1917 goda: pochemu M.V. Rodzyanko?” [Leaders of the February Revolution of 1917: Why M.V. Rodzyanko?]. *Journal of Modern Russian History and Historiography*, vol. 13, iss. 1 (2020): 46–112. <https://doi.org/10.30965/22102388-01301003>; EDN: ELDQEON (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Otrezannye golovy Fevral'skoi revolyutsii” [The severed heads of the February Revolution]. In *90 let Fevral'skoi revolyutsii v Rossii: sbornik nauchnykh statei* [90 years of the February Revolution in Russia: A collection of scientific papers], compiled by A.B. Nikolaev, 33–42. St Petersburg: RGPU im. A.I. Gertsena, 2007. EDN: SNLBAY (In Russian)

Nikolaev, A.B. “Ryslev, Aristarkh Ivanovich.” In *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii: 1906–1917: Ehntsiklopediya* [The State Duma of the Russian Empire: 1906–1917: An encyclopedia], edited by V.V. Shelokhaev, 540. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya ehntsiklopediya (ROSSPEHN), 2008. EDN: UWARJF (In Russian)

Ovsyankin, E.I. *Na izlome istorii. Sobytiya na Severe v 1917–1920 gg. Mify i real'nost'* [At the turning point of History. The events in the North in 1917–1920. Myths and reality]. Arkhangelsk: Arkhkonsalt, 2007. (In Russian)

Parshin, E. “Neizvestnye svobodnentsam imena deputatov Gosdumy tsarskoi Rossii iz Alekseevsk i Surazhevki” [Names of State Duma Deputies of Tsarist Russia from Alekseevsk and Surazhevka unknown to the residents of Svobodny]. [gzt-sv.ru](https://www.gzt-sv.ru/news/19543-neizvestnye-svobodnencam-imena-deputatov-gosdumy?ysclid=ll6gxwqlqn104490526). Accessed August 19, 2025. <https://www.gzt-sv.ru/news/19543-neizvestnye-svobodnencam-imena-deputatov-gosdumy?ysclid=ll6gxwqlqn104490526> (In Russian)

Pushkarev, V.A. *Predstavitel'naya vlast' v Priamur'e: vchera, segodnya, zavtra* [Representative power in the Amur region: Yesterday, today, tomorrow]. Blagoveshchensk: RIO, 2019. EDN: UOROQC (In Russian)

Sablin, I. “Dal'nevostochnaya respublika: ot idei do likvidatsii” [The Far Eastern Republic: From idea to liquidation], translated from English by A.Yu. Tereshchenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russian)

Troitskaya, N.A. “Komissar Vremennogo pravitel'stva na Dal'nem Vostoke: razmyshleniya nad dokumentami” [The commissar of the Provisional Government in the Russian Far East: Reflections on the archival documents]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 4 (42) (2017): 65–74. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2017-4/65-74>; EDN: ZWYYWR (In Russian)

Troshina, T.I. “Arkhangel'skii garnizon v 1917 godu” [The Arkhangelsk garrison in 1917]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, no. 2 (2020): 16–25. <https://doi.org/10.37482/2227-6564-V002>; EDN: STJEUG (In Russian)

Tsiunchuk, R.A. “Sibirskaya gruppa” [The Siberian Group]. In *Gosudarstvennaya дума Rossiiskoi imperii: 1906–1917. Ehntsiklopediya* [State Duma of the Russian Empire: 1906–1917. An encyclopedia], edited by V.V. Shelokhaev, 556–57. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2008. (In Russian)

Информация об авторе

Андрей Борисович Николаев – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) Института истории и социальных наук, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>, abnikolaev@herzen.spb.ru, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (д. 48, Набережная р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Россия).

Information about the author

Andrei B. Nikolaev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History (19th – 21st centuries), Institute of History and Social Sciences, <https://orcid.org/0000-0001-5256-1852>, abnikolaev@herzen.spb.ru, Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Naberezhnaya r. Moiki, 191186 St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 12.05.2026.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 12.05.2026.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 896–921.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 896–921.

Научная статья

УДК 94(436); 94(450); 94(100); 1914/19; 947

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-6>

<https://elibrary.ru/sanosp>

Положение военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности в России в 1917 г.

Сергей Валериевич Шевяков

Тамбовский государственный университет

имени Г.Р. Державина,

Тамбов, Россия,

Mig1709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8699-7240>

Sergei V. Shevyakov

Tambov State University named after G.R. Derzhavin,

Tambov, Russia,

Mig1709@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8699-7240>

Аннотация. В данной статье автор рассматривает проблему репатриации австро-венгерских военнопленных итальянской национальности, содержащихся в 1917 году в лагере города Кирсанов Тамбовской губернии. Исследуется изменение положения военнопленных под воздействием политических событий, произошедших на фоне крушения монархии и последующих революционных событий в России, что является малоизученным аспектом истории Первой мировой войны. Особое внимание автор уделил агитационно-патриотической деятельности майора Космы Манеры, назначенного начальником кирсановского лагеря. Автор детально прослеживает его вклад в трансформацию лагерного пространства из места изоляции в центр патриотического воспитания, где проводились военные учения, отмечались национальные праздники и издавалась пропагандистская газета. В работе акцентируется внимание на том, что агитационная работа Манеры стала ключевым фактором, позволившим увеличить численность завербованных и поддерживать их лояльность в условиях нарастающего хаоса. Автор считает, что несмотря на временное облегчение положения пленных в период Февральской революции, углубляющийся политический кризис и Октябрьский переворот коренным образом ухудшили условия содержания военнопленных, спровоцировав продовольственный дефицит, враждебность местного населения и невозможность репатриации через Архангельск. Делается вывод, что эти негативные факторы вынудили руководство специальной военной миссии принять решение о перевозке пленных на Дальний Восток для дальнейшей эвакуации в Италию (декабрь 1917 – февраль 1918 г). Данный аспект истории Первой мировой войны на

региональном уровне (Тамбовская губерния) мало изучен и требует дальнейшего осмысления. Исследование автора позволяет детально реконструировать события, связанные с деятельностью итальянской миссии в Кирсанове в переломный для России 1917 год, и вносит существенный вклад в понимание истории дипломатических и гуманитарных взаимодействий в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Россия, Италия, военнопленные, революция, Специальная военная миссия, лагерь для военнопленных, репатриация

Благодарности: Работа выполнена под руководством доктора исторических наук, профессора кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина Миронова Владимира Валерьевича.

Для цитирования: Шевяков С.В. Положение военнопленных австро-венгерской армии итальянской национальности в России в 1917 г. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 896–921, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-6>; EDN: SANOSP

The Situation of Italian Prisoners of War from the Austro-Hungarian Army Held in Russia in 1917

Abstract. This article examines the repatriation of Austro-Hungarian prisoners of war of Italian nationality who were held in the camp of the town of Kirsanov, Tambov Governorate, in 1917. The study focuses on how the POW' situation changed under the impact of the political events that accompanied the collapse of the monarchy and the subsequent revolutionary upheavals in Russia, which is still an underexplored aspect of the history of World War I. Particular attention is paid to the agitation and patriotic activities of Major Cosma Manera, who was appointed head of the Kirsanov camp. The author considers in detail his contribution to the transformation of the camp's space camp from a place of isolation into a center of patriotic education, where military exercises were held, national holidays were celebrated, and a propaganda newspaper was published. The article emphasizes the fact that Manera's agitation work was a key factor in increasing the number of recruits and maintaining their loyalty amid the escalating chaos. The author argues that despite a temporary improvement in the prisoners' situation during the February Revolution, the deepening political crisis and the October Revolution fundamentally worsened their conditions due to food shortages, hostility from the local population, and the impossibility of repatriation through Arkhangelsk. The author concludes that these negative circumstances forced the leadership of the Special Military Mission to make a decision to transport the prisoners to the Far East for further evacuation to Italy (December 1917 – February 1918). This aspect of the history of World War I at the regional level (Tambov governorate) has been little studied and requires further research. The author's work allows for a detailed reconstruction of the events connected with the activities of the Italian mission in Kirsanov in 1917, a critical year for Russia, and makes a significant contribution to understanding the history of diplomatic and humanitarian interactions during the First World War.

Keywords: World War I, Russia, Italy, prisoners of war, revolution, Special Military Mission, prisoner of war camp, repatriation

Acknowledgements: The work was carried out under the supervision of Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Philosophy of Derzhavin Tambov State University, Vladimir V. Mironov.

For citation: Shevyakov, S.V. “The Situation of Italian Prisoners of War from the Austro-Hungarian Army Held in Russia in 1917.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 896–921, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-6>; EDN: SANOSP

Введение

В статье речь пойдет о военнослужащих австро-венгерской армии итальянской национальности, которые были захвачены в плен в годы Первой мировой войны и содержались в лагерях на территории Российской империи. Правительство Италии предложило им вступить в ряды итальянских вооруженных сил и продолжить воевать на стороне своей исторической родины. Революция 1917 г. внесла свои коррективы в эти планы, создав практически непреодолимые препятствия для репатриации военнопленных, согласившихся принять данное предложение, в Италию. Поскольку влияние событий 1917 г. на военнопленных иностранных государств, которые находились в этот период в лагерях России, изучено не до конца, нам представляется важным глубже изучить заявленный в названии аспект данной большой темы.

За весь период Первой мировой войны в русский плен попало 2,1 млн австро-венгерских военнослужащих¹. Среди них довольно большую группу составляли итальянцы, мобилизованные из Южного Тироля, Далмации, Истрии и города Триест. В российском плену их количество приближалось к 25 тыс. человек, половина из которых были выходцами из Трентино². До войны итальянцы указанных территорий Австро-Венгрии подвергались дискриминации со стороны австрийских властей³.

Источниковой базой исследования стали разнообразные по характеру неопубликованные и опубликованные документы и исследования. Тему военнопленных затрагивала российский историк И.Б. Белова в одном из разделов своего монографического исследования, в котором освещается их использование на полевых работах, а также отношение к ним российских властей и общества на местах⁴. Истории военного плена в годы Первой мировой войны также посвящена монография Н.В. Суржиковой, в которой

¹ Нахтигаль Р. Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 143. EDN: SEYXMX

² Lyons M. *The Writing Culture of Ordinary People in Europe, c. 1860–1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 144.

³ Шевяков С.В. «Кирсановское движение» военнопленных итальянской национальности австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 28, № 3. С. 728. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>; EDN: QTUANI

⁴ Белова И.Б. *Первая Мировая война и русская провинция. 1914 – февраль 1917 г.* Москва: АИРО-XXI, 2011.

автор, указывая на противоречивый и непоследовательный характер политики в отношении к пленным центральных и местных властей, рассматривает специфику их положения на территории Пермской губернии⁵. Максимально полно условия пребывания в плену италоязычных военных австро-венгерской армии и проблемы итальянского национального меньшинства на территории Австро-Венгерской империи проанализированы итальянским историком Андреа Ди Микели, построившим свое исследование на основе документов из итальянских и австрийских архивов⁶. Весомый вклад в изучение проблемы внесла итальянская исследовательница Марина Росси. Она посвятила свой труд опыту русского плена, пережитому преимущественно уроженцами Австрийского Приморья, а также отношению военнопленных к политике итальянских властей, не выполнивших в отношении них своих обещаний⁷. Итальянский историк Фредерико Мадзини описал настроения проживавших в Трентино-Альто Адидже италоязычных крестьян и их отношение к Первой мировой войне⁸. Его соотечественник Роберто Гуараски детально исследовал деятельность майора карабинеров Космы Манеры, которому была поручена организация отправки италоязычных военнопленных австро-венгерской армии, принявших итальянское подданство, а также выявил те трудности, которые встали на пути Манеры в революционной России⁹.

Основная часть

В июне 1915 г. между Российской империей и Итальянским королевством было подписано соглашение, благодаря которому военнопленные австро-венгерской армии итальянской национальности получили возможность вступить в ряды вооруженных сил Италии и сражаться против империи Габсбургов. Пленных, согласившихся вступить в армию Итальянского королевства, должны были собрать в одном лагере, местоположением которого был выбран город Кирсанов Тамбовской губернии¹⁰. По первоначальному

⁵ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). Москва: РОССПЭН, 2014.

⁶ Ди Микеле А. Меж двух мундиров. Италоязычные подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / перевод с итальянского М.Г. Талалая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022.

⁷ Rossi M. I Prigionieri Dello Zar. Soldati Italiani Dell'esercito Austro-Ungarico Nei Lager Della Russia (1914–1918). Milano: Mursia, 1997.

⁸ Mazzini F. Patriotismo condizionato. Identità e patrie dei soldati trentini, 1914–1920 // Contemporanea. 2010. Vol. 13, no. 3. P. 457–486.

⁹ Guarasci R. Cosma Manera e la Legione Redenta: la storia e l'archivio. Canterano: Aracne, 2018.

¹⁰ Di Michele A. Patrioti irredenti o fedeli servitori dell'imperatore? Immagini e realtà dei soldati di lingua italiana nell'Esercito austro-ungarico durante la Grande Guerra // Il 1918. La Vittoria e il

плану итальянское правительство требовало тщательно отбирать военнопленных для возвращения на историческую родину на основе их политико-национальной лояльности, что, безусловно, существенно замедляло процесс репатриации. Для реализации этого плана Военное министерство королевства по согласованию с министерством иностранных дел создало специальную военную миссию¹¹, в обязанности которой входили установление благонадежности пленных и их сопровождение во время репатриации в Италию. В состав миссии вошел 21 офицер, а возглавил ее подполковник Ахилле Бассиньяно. Миссия прибыла в Кирсанов 9 августа 1916 г.¹² Первая репатриация военнопленных в количестве 1 720 человек состоялась уже 14 сентября 1916 г., а к середине октября того же года из кирсановского лагеря в Италию отправили еще две партии военнопленных общей численностью 2 420 человек¹³.

В качестве руководителя специальной военной миссии подполковник Бассиньяно в октябре 1916 г. принял решение увеличить количество военнопленных, которые должны будут вступить в вооруженные силы Италии, до 6 000 человек¹⁴, что было согласовано в Петрограде с императором Николаем II¹⁵. Из своей штаб-квартиры, находившейся в гостинице «Астория», миссия начала отправлять своих членов в Москву, Тамбов и в Киев, чтобы попытаться набрать больше военнопленных и этапировать их в Кирсанов¹⁶.

В марте 1917 г. в помощь подполковнику А. Бассиньяно в Россию из Италии прибыл майор Косма Манера¹⁷, внесший изменения в агитационную работу с военнопленными. Теперь в ее основе были щедро раздававшиеся обещания позаботиться о членах семей военнопленных. Манера считал, что когда военнопленные осознают тот факт, что Италия может стать родиной не только для них самих, но и для их семей, они сами будут проситься в Италию¹⁸.

В результате деятельности специальной военной миссии количество военнопленных-итальянцев, переведенных из других лагерей Российской империи в Кирсанов, постоянно увеличивалось. А. Бассиньяно и его группа

Sacrificio. Congresso di Studi storici internazionali (Roma 17–18 ottobre 2018). Atti del congress. Roma: Ministero della Difesa, 2019. P. 332.

¹¹ *Ду Мукеле А.* Меж двух мундиров. С. 164.

¹² *Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920, Legione trentina. Trento: Legione trentina dell'Associazione nazionale volontari di guerra, 1933. P. 54.

¹³ *Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 61–63.

¹⁴ *Ду Мукеле А.* Меж двух мундиров. С. 171.

¹⁵ *Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 58.

¹⁶ *Bellezza S.A.* Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani: (1914–1920). Bologna: Il mulino, 2016.

¹⁷ *Guarasci R.* Cosma Manera e la Legione Redenta: la storia e l'archivio. P. 23.

¹⁸ *Mazzini F.* Patriottismo condizionato. P. 474.

ежедневно получали сведения о группах военнопленных, согласившихся на репатриацию в Италию. К 1 сентября 1917 г. в кирсановском лагере находилось уже 1 900 человек, готовых к отправке¹⁹.

После прибытия в Россию К. Манера был отправлен в Кирсанов с целью реорганизовать управление лагерем²⁰. В первую очередь он распорядился улучшить санитарное состояние помещений, где содержались военнопленные. При поступлении в лагерь каждому из них стали выдавать обмундирование и нижнее белье²¹. Затем их отправляли в баню, после чего осматривали в лазарете и делали недостающие прививки. Далее пленных распределяли по казармам по территориальному признаку. Каждый получал соломенный мат и определенное место на нарах. Для ежедневной уборки назначались дежурные из числа самих военнопленных в порядке очереди. В их обязанности входила уборка помещения и нар, а также розжиг огня в печах. Проветривание помещений, по полчаса каждое, проводилось три раза в день. Соломенные маты требовалось ежедневно выколачивать, а питьевую воду, поступающую из местных колодцев, во избежание желудочно-кишечных заболеваний – кипятить²².

Было улучшено питание военнопленных, а также налажена выплата им ежедневного пособия в размере 20 копеек²³. Далее Манера распорядился распределить весь лагерный контингент по ротам (по 200 человек) и стал проводить военные учения²⁴. Также Манере удалось возродить патриотическую пропаганду, которая после первых репатриаций практически сошла на нет. Он ввел за правило исполнение патриотических гимнов²⁵. В ноябре 1917 г. стала издаваться новая лагерная газета под названием “L’irredento”, печатавшая материалы пропагандистского содержания²⁶. Целью этой деятельности было поддержание сплоченности и морального духа среди военнопленных, ожидавших отправки в Италию.

Специально для военнопленных, находившихся в Кирсанове, в Италии была выпущена брошюра под названием “Gli irredenti ex prigionieri liberati dalla Russia. Ai fratelli prigionieri in Russia” («Ирредентисты – бывшие военнопленные, освобожденные из Российского плена. Братьям, находящимся в

¹⁹ *Ди Микеле А.* Меж двух мундиров. С. 202.

²⁰ *Ди Микеле А.* Меж двух мундиров. С. 198.

²¹ *Biagini A.F.M.* In Russia tra guerra e rivoluzione: La missione militare italiana, 1915–1918. Roma: Ufficio storico SME, 1983. P. 122.

²² Кирсановский уездный воинский начальник // Государственный архив Тамбовской области (далее – ГАО). Ф. 510. Оп. 1. Д. 33. Л. 389.

²³ *Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 119.

²⁴ *Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 119.

²⁵ *Ди Микеле А.* Меж двух мундиров. С. 198.

²⁶ *Bellezza S.A.* Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani.

плону в России»). Ее авторами выступили репатриированные из России бывшие пленные, стремившиеся таким образом укрепить патриотический дух оставшихся в России товарищей и в условиях непростой политической ситуации в России вселить в них надежду на скорое возвращение в Италию. В брошюре затрагивался вопрос о сепаратном мире России с Центральными державами, рассказывалось о том, что территории, на которых большинство из них проживало раньше, вошли в состав Италии, а победа Австро-Венгрии и Германии невозможна. Также в брошюре сообщалось о том, как радушно встретила Италия своих вернувшихся сынов и о предоставленных им удобствах, которые обеспечило Итальянское королевство²⁷.

В Кирсановском лагере стали торжественно отмечаться национальные праздники Италии. Установилась традиция торжественных построений 12 рот военнопленных, сопровождавшихся исполнением Королевского марша и поднятием флага, вышитого русскими монахинями по заказу военнопленных²⁸. Изменившим свое мнение по поводу отъезда в Италию военнопленным разрешили по своему желанию покинуть Кирсанов и вернуться в те лагеря, где они находились до того, как согласились принять предложение Итальянского королевства²⁹. Скрашивая навеянную бесконечным ожиданием отправки в Италию скуку, военнопленные проводили много времени за чтением книг и газет³⁰.

Пленные офицеры разделились в лагере на две группировки. Борьба между ними по вопросу о том, следует ли принимать предложение Италии, велась не только в политической, но и в культурной сфере. Так, 3 июня 1917 г. в Кирсанове теми, кто не горел желанием сражаться за интересы Королевства, был устроен концерт с танцами, завершившимися только тогда, когда «барышни» покинули помещение. На следующий день те, кто принял предложение Италии, устроили собственный концерт. 10 июля в Кирсанов прибыла итальянская военная делегация. Военнопленные, согласившиеся на репатриацию, устроили праздник в честь этого события и вывесили итальянский флаг. После этого военнопленным, не принявшим предложение итальянского правительства, пришлось покинуть лагерь. Их жилища были обысканы группой, состоявшей из русского офицера и сопровождавших его двух нижних чинов из военнопленных-итальянцев. На железнодорожном

²⁷ *Bellezza S.A.* Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani.

²⁸ *Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 120.

²⁹ *Fabio T.* Storia di un soldato: il giro del mondo di Siro Pellis // *Qualestoria*. 2008. Anno XXXVI, № 1. P. 188.

³⁰ *Rossi M.* Diario di un patriota di Silvio Rieger (20 luglio 1914 – 24 giugno 1918) // *Qualestoria*. 1992. Anno XX, № 3. P. 109.

вокзале в день отъезда «несогласных» они подверглись оскорблениям со стороны «патриотов» Италии³¹.

Начиная с февраля 1917 г., политическая обстановка в России ухудшалась практически ежедневно. Февральская революция привела к отречению Николая II и формированию Временного правительства, которое 4 марта 1917 г. приняло решение, что будет придерживаться международных обязательств, принятых на себя прежней властью³². Однако в стране сформировалось двоевластие. В подобной ситуации итальянские сотрудники специальной военной миссии в ответ на свои просьбы о помощи могли получить от российского руководства только формальные заявления о поддержке. Итальянцы вынуждены были самостоятельно решать проблемы содержания пленных в лагере и их репатриации, договариваясь с представителями местной администрации³³.

Находившиеся в Кирсанове военнопленные-итальянцы в чине офицеров встали на сторону свершившейся революции. 28 апреля 1917 г. офицерское собрание приняло решение о поддержке Временного правительства. 30 апреля пленные представители командующего состава вывесили красный флаг и по приглашению местного ревкома приняли участие «в первомайском социалистическом шествии» совместно с солдатами. В течение всего дня 1 мая военнопленные кирсановского лагеря пользовались практически неограниченной свободой. По всему городу играла музыка. После обеда 20 000 жителей и от 6 до 8 тыс. солдат прошли с красными флагами. Итальянские пленные офицеры шли во главе нижних чинов в окружении русских солдат. Итальянцы пели «Марсельезу» и «Интернационал». На митинге все кричали и много аплодировали. Однако в подобной праздничной атмосфере не все было однозначно и безоговорочно. Так, по воспоминаниям одного из военнопленных, в этот день среди участников первомайского шествия «ходил слух о не очень четко указанном инциденте» с итальянским флагом, а на следующее утро пленные подверглись оскорблениям за выкрики на итальянском языке³⁴.

Наряду с нарастанием политической напряженности в российском обществе начала ухудшаться и экономическая ситуация в стране: железные дороги, почта и телеграф стали работать с перебоями. Перестало хватать продовольствия. В

³¹ Privitera P. Un ufficiale austro-ungarico alla frontiera cinese e controrivoluzione: il diario di Oskar Ferlan // *Qualestoria*. 1992. Anno XX, № 3. P. 92.

³² Васюков В.С. Внешняя политика Временного правительства. Москва: Мысль, 1966. С. 27–28.

³³ Bellezza S.A. Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani.

³⁴ Privitera P. Un ufficiale austro-ungarico alla frontiera cinese e controrivoluzione. P. 92.

трактирах продукты отпускались по пайку, а хлеб выдавался по карточкам³⁵. Военнопленные, которые трудились в Кирсанове на железной дороге, писали, что их заработной платы ни на что не хватает³⁶. Трудности с продовольствием отразились и на рационе их лагерного питания, который стал «скудным и тошнотворным»: утром и вечером выдавали чай и три сухаря, в обед – суп с картофелем, 100 граммами мяса или рыбы, включая кости и внутренности. На второе полагалось две ложки просяной каши с добавлением льняного масла. Хлеба выделялось по 600 грамм на человека³⁷, а приобрести его за деньги стало очень сложно, так как местные жители перестали продавать хлеб военнопленным. Приходилось, переодевшись в штатское платье, выезжать за город и искать хлеб по деревням. Позднее пленные вспоминали, что бывали безумно счастливы, когда находили возможность его купить³⁸.

Летом 1917 г. прекратилась переписка между военнопленными и их семьями. Так, один из военнопленных писал, что перестал получать почту из Южного Тироля³⁹. Политическая обстановка в Кирсанове действовала на военнопленных угнетающе. Обострилась она после того, как в начале лета 1917 г. на должность комиссара безопасности⁴⁰ был избран купец А.К. Трунин⁴¹. Кирсановская пресса окрестила его «монархом города Кирсанов». В своих призывах Трунин настраивал население Кирсанова и пленных нижних чинов против офицеров⁴². В июне 1917 г. кирсановский гарнизон под командованием В.Н. Михневича произвел арест Трунина и его сторонников⁴³, в ходе которого пострадало 20 солдат и мирных жителей. Трагические обстоятельства данного события, развернувшегося в 200 метрах от места, где проживали военнопленные, значительно повлияли на их психоэмоциональное состояние⁴⁴. Один из них позднее вспоминал:

в другой раз я остался один, на полдня, охранять лошадей в поле. В тот день, в одиночестве, меня охватило такое чувство печали, что я застонал;

³⁵ Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 145.

³⁶ Bellezza S.A. Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani.

³⁷ Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 113–114.

³⁸ Fabio T. Storia di un soldato: il giro del mondo di Siro Pellis. P. 189.

³⁹ Gentilini A. Scrivere in guerra. Epistolari trentini (Galizia, Russia 1914–1918): Tesi di laurea. Università degli Studi di Trento, 2009. P. 129–130.

⁴⁰ Просветов Р.Ю., Канищев В.В., Беленова Е.И. Очерки истории Кирсанова: годы и люди. Тамбов: Мичуринск, 2014. С. 35.

⁴¹ Просветов Р.Ю., Канищев В.В., Беленова Е.И. Очерки истории Кирсанова.

⁴² Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 154.

⁴³ Просветов Р.Ю., Канищев В.В., Беленова Е.И. Очерки истории Кирсанова. С. 35.

⁴⁴ Privitera P. Un ufficiale austro-ungarico alla frontiera cinese e controrivoluzione: il diario di Oskar Ferlan. P. 92.

затем я сорвал несколько деревенских цветов, составил из них букет и предложил его Мадонне. У меня все еще есть этот маленький букет цветов, спустя 42 года. «По милости Мадонны я скоро вернусь, чтобы увидеть своих близких». Так я думал⁴⁵.

Некоторые военнопленные стали говорить о том, чтобы отказаться от итальянского предложения и снова стать австрийцами. Майор К. Манера, узнав о таких разговорах, 20 сентября 1917 г. организовал мероприятие по случаю годовщины отправки первой партии военнопленных в Италию и выступил на нем с речью, в которой пообещал ускорить процесс отъезда в Италию⁴⁶.

Тем временем в итальянском правительстве по поводу репатриации пленных велись ожесточенные споры. Так, заместитель начальника генштаба генерал-лейтенант К. Порро в июне 1917 г. призывал перебросить из России всех военнопленных, независимо от их политических взглядов, так как считал, что воссоединение с семьями на новоприсоединенных территориях будет воспринято ими как неоценимая забота итальянского правительства о своих гражданах⁴⁷. Категорически против этого плана выступал министр иностранных дел Италии С. Соннино, который считал, что подобное решение приведет к тому, что в Италию вместе с репатриантами могут проникнуть австрийские шпионы⁴⁸.

В России тем временем Бассиньяно планировал к августу 1917 г. завершить сбор военнопленных для их последующей отправки в Италию⁴⁹. Начальник специальной военной миссии просил свое правительство прислать итальянские пароходы, на что получил отказ, мотивированный сложностью политической и экономической ситуации. МИД Италии ходатайствовал перед правительством Великобритании о выделении парохода для репатриации военнопленных, но также получил отказ⁵⁰.

Члены миссии и сами обращались к организациям и частным компаниям других стран, чтобы зафрахтовать корабль⁵¹. В октябре 1917 г. удалось, наконец, найти судно «Стантор», готовое перевезти 600 военнопленных в Италию. Но из-за плохой работы телеграфа майор К. Манера узнал об этом с большим опозданием. 10 октября 1917 г. эшелон с военнопленными в количестве 600 солдат и 10 офицеров вышел из Кирсанова⁵², 15 октября он прибыл в Вологду. Там было получено сообщение из Петрограда от сотрудника

⁴⁵ Fabio T. Storia di un soldato: il giro del mondo di Siro Pellis. P. 188.

⁴⁶ Bellezza S.A. Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani.

⁴⁷ Ди Мукеле А. Меж двух мундиров. С. 201.

⁴⁸ Ди Мукеле А. Меж двух мундиров. С. 140.

⁴⁹ Ди Мукеле А. Меж двух мундиров. С. 202.

⁵⁰ Ди Мукеле А. Меж двух мундиров. С. 202.

⁵¹ Bazzani G. Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 142.

⁵² Rossi M. Diario di un patriota di Silvio Rieger (20 luglio 1914 – 24 giugno 1918). P. 109.

итальянского посольства о том, что судно, которое должно было перевозить военнопленных, уже отправилось из Архангельска⁵³. Из-за невозможности разместить такое количество военнопленных в Архангельске, было принято решение оставить их в Вологде⁵⁴.

Сотрудники специальной миссии сумели к ноябрю 1917 г. сосредоточить в Кирсанове 57 офицеров и около 2 500 солдат⁵⁵. Франция согласилась вывезти часть из них из России, но при условии высадки в Марокко, где они должны будут записаться в Иностранный легион, но военнопленные отказались от подобного предложения⁵⁶.

В конце октября 1917 г. Бассиньяно докладывал о том, что военнопленные, содержащиеся в кирсановском лагере, опасаются за свои жизни, из-за риска расправы со стороны русских солдат, а также физической невозможности перезимовать в Кирсанове. Также сообщалось о том, что промедление с отправкой могло привести к усилению австрийской пропаганды в новых ирредентных землях⁵⁷.

После установления советской власти 8 ноября 1917 г. был принят «Декрет о мире», в котором всем воюющим странам предлагалось заключить перемирие и начать переговоры для заключения мирного договора «без аннексии территорий и контрибуций»⁵⁸. В декабре 1917 г. начались мирные переговоры с Германией, создававшие предпосылки для заключения сепаратного мира⁵⁹. Предполагалось, что произойдет обмен военнопленными. Со своей стороны, Советская власть освободила военнопленных солдат, приравняв их к гражданам России. Обратной стороной данного решения стало то, что они лишились права на содержание от российского правительства. Пленные офицеры не получили подобных привилегий, они считались империалистическим элементом, который должен был содержаться в лагерях⁶⁰. Среди местного населения усилилось недоброжелательное отношение к военнопленным-итальянцам; они оказались предоставлены сами себе, продовольствие им больше не выдавалось⁶¹. Итальянское посольство перестало осуществлять почтовые переводы, поскольку их похищали на русской почте, а также передавать

⁵³ Guarasci R. Cosma Manera e la Legione Redenta: la storia e l'archivio. P. 26.

⁵⁴ Rossi M. Diario di un patriota di Silvio Rieger (20 luglio 1914 – 24 giugno 1918). P. 109.

⁵⁵ Biagini A. F.M. In Russia tra guerra e rivoluzione. P. 121.

⁵⁶ Snider-Giovannone M-N. Soldats du Tyrol, soldats du Frioul: des irrédentistes ? // The Great War in Italy. Oxford: Royaume-Uni, 2012. P. 5.

⁵⁷ Ду Микеле А. Меж двух мундиров. С. 203.

⁵⁸ Kennan G.F. Soviet-American relations, 1917–1920. Vol. I: Russia Leaves the War. Princeton: Princeton University Press, 1956. P. 74–75.

⁵⁹ Bazzani G. Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 140.

⁶⁰ Ду Микеле А. Меж двух мундиров. С. 220.

⁶¹ Ду Микеле А. Меж двух мундиров. С. 203.

денежные суммы через курьеров, поскольку те часто подвергались ограблениям. Банки были закрыты⁶².

В этих условиях начальник кирсановского лагеря К. Манера отправил послание в «Комиссию по делам помощи беженцам из Адриатики и Трентино». В нем говорилось о трудном положении военнопленных и отсутствии транспортных судов. Там же впервые прозвучало предложение о том, чтобы переправить военнопленных в Японию, а уже оттуда произвести их репатриацию в Италию. Не посвятив в свои планы главу миссии А. Бассиньяно, а вместе с ним и военное министерство, К. Манера нарушил субординацию. Его самоуправство вызвало недовольство в военном ведомстве, которое не устраивал тот факт, что «Комиссия по делам помощи беженцам из Адриатики и Трентино» могла в случае необходимости через национальную прессу предать огласке сложившуюся ситуацию, обвинив в ее возникновении итальянское правительство⁶³.

Итальянские власти, осознавая безвыходность положения, были вынуждены признать, что отправка военнопленных на восток России оказалась единственным способом их спасения⁶⁴.

Всех военнопленных, находившихся в его подчинении (2 000 чел.), К. Манера разделил на группы по 40 человек. Это требовалось для того чтобы в случае захвата одного вагона, небольшое количество пленных могло рассредоточиться по другим группам. Старшим назначался военнопленный, хорошо говоривший по-русски⁶⁵. Затем Манера договорился с начальником станции Кирсанов, чтобы к каждому следующему в Сибирь эшелону прицеплялся вагон с военнопленными. Предполагалось, что за 20–25 дней все пленные будут отправлены из Кирсанова, так как за сутки через его железнодорожную станцию проходило по 3 поезда в сторону Сибири. Первая группа покинула Кирсанов 28 декабря 1917 г.⁶⁶ Отправка из лагеря осуществлялась до февраля 1918 г.⁶⁷

Манера показывал руководителям групп информацию о железнодорожных узлах и ветках, на которых в случае непредвиденной ситуации можно было пересесть на другой поезд. Также он выдал документы на получение итальянского подданства и «свидетельство о репатриации» на каждые 10 человек⁶⁸. Глава миссии Бассиньяно выделил 300 тыс. рублей на

⁶² Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 145.

⁶³ Bellezza S.A. Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani.

⁶⁴ Ди Мукеле А. Меж двух мундиров. С. 205.

⁶⁵ Пинский уездный воинский начальник // ГАТО. Ф. 517. Оп. 1. Д. 13. Л. 57.

⁶⁶ Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 156.

⁶⁷ Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 170.

⁶⁸ Bazzani G. Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 156.

транспортные и кормовые расходы⁶⁹. Непосредственно при отправке из Кирсанова во Владивосток военнопленным выдавалось 40 рублей, которые предписывалось отложить на «черный день» для покупки хлеба, так как в пути могли возникнуть непредвиденные обстоятельства⁷⁰.

Лейтенанту Бабичу, который сопровождал военнопленных, поневоле оказавшихся в Вологде, поручалось отправить своих подопечных по Транссибирской магистрали в Челябинск по той же схеме⁷¹. Первая группа в количестве 120 человек отбыла 25 декабря 1917 г., последняя – 31 декабря⁷².

Заключение

В 1917 году в городе Кирсанов находился лагерь для австро-венгерских военнопленных итальянской национальности, которые приняли предложение итальянского правительства вступить в ряды вооруженных сил Итальянского королевства. Решение итальянского правительства о репатриации добровольно принявших предложение военнопленных создало из кирсановского лагеря, который должен был стать местом ожидания отправки в Италию, площадку идеологического воспитания. Однако революционные события внесли свои коррективы в положение военнопленных. В период обострения внутренней обстановки в России статус представителей «дружественной нации» потерял свое значение. Военнопленные итальянцы из союзников превратились во врагов. Продовольственный кризис и угроза сепаратного мира, которая привела бы к экстрадиции военнопленных в Австро-Венгрию, вынудили командование кирсановского лагеря эвакуировать военнопленных итальянцев на Дальний Восток с тем, чтобы оттуда переправлять их в Италию. Дальнейшее изучение данной темы требует работы с итальянскими архивными источниками, которые позволят проследить роль военнопленных в последующих событиях на Дальнем Востоке и в Гражданской войне.

⁶⁹ Ди Микеле А. Меж двух мундиров. С. 205.

⁷⁰ Fabio T. Storia di un soldato: il giro del mondo di Siro Pellis. P. 189.

⁷¹ Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente. Un difficile impatto con la realtà russa 1918–1919 // Italia contemporanea. 2009. № 256–257. P. 585. URL: https://www.reteparri.it/wp-content/uploads/ic/IC_256-257_2009_16_r.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

⁷² Bazzani G. Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920. P. 157.

Introduction

This article is devoted to servicemen of the Austro-Hungarian army of Italian nationality who were captured during the First World War and held in prisoners of war camps in the territory of the Russian Empire. The Italian government offered them to join the Italian armed forces and continue fighting on the side of their historical homeland. However, the Revolution of 1917 disrupted those plans, as it created almost insurmountable obstacles to the repatriation to Italy of those prisoners who had agreed to accept the offer. Since the impact of the events of 1917 on foreign prisoners of war held in Russian camps has not been fully explored, it seems important to examine in greater depth the aspect of this extensive topic that makes the title of the article.

During the entire period of World War I, 2.1 million Austro-Hungarian servicemen were held in the Russian captivity.¹ Among them, a fairly large group consisted of the Italians who had been mobilized from South Tyrol, Dalmatia, Istria, and the city of Trieste. Their number in Russian captivity was close to 25,000 servicemen, half of whom were natives of the Trentino region.² Before the war, the Italians from those territories of Austria-Hungary had been subjected to discrimination by the Austrian authorities.³

The source base of the study consists of a variety of published and unpublished documents and scholarly works. The topic of prisoners of war was addressed by the Russian historian I. Belova in one of the sections of her monographic study, which covers the use of prisoners of war in field work as well as the attitude of the Russian authorities and society towards them at the local level.⁴ The history of military captivity during World War I is also the subject of a monograph by N. Surzhikova, in which the author points out the contradictory and inconsistent nature of the policy towards prisoners of war on the part of central and local authorities and examines the peculiarities of their situation in the territory of Perm Governorate.⁵ Italian historian Andrea Di Michele, who based his research on the documents from both Italian and Austrian archives, presented a most complete analysis of the conditions of Italian-

¹ R. Nachtigal, "Prisoners of War in Russia during World War I" [in Russian], *Quaestio Rossica*, no. 1 (2014): 143, EDN: SEYXMX

² M. Lyons, *The Writing Culture of Ordinary People in Europe, c. 1860–1920* (Cambridge: Cambridge University Press, 2012), 144.

³ S.V. Shevyakov, "'Kirsanov Movement' of Prisoners of War of Italian Nationality from the Austro-Hungarian Army during World War I" [in Russian], *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 28, no. 3 (2023): 728, <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>; EDN: QTUAHI

⁴ I.B. Belova, *The First World War and the Russian Province. 1914 – February 1917* [in Russian] (Moscow: AIRO-XXI, 2011).

⁵ N.V. Surzhikova, *Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2014).

speaking servicemen of the Austro-Hungarian army held captive in the territory of the Austro-Hungarian Empire and the problems of the Italian national minority.⁶ A significant contribution to the study of the problem was made by Italian researcher Marina Rossi. She studied the experience of Russian captivity primarily among the natives of the Austrian Littoral as well as the attitude of prisoners of war to the policy of the Italian authorities who failed to fulfil their promises.⁷ Italian historian Federico Mazzini described the sentiments of Italian-speaking peasants residing in Trentino-Alto Adige and their attitude to the First World War.⁸ His compatriot Roberto Guarasci investigated in detail the activities of Major of Carabinieri Cosma Manera, who was entrusted with organizing the dispatch of Italian-speaking prisoners of war of the Austro-Hungarian army who had accepted Italian citizenship. In his work, Guarasci also identified the difficulties that stood in Manera's way in revolutionary Russia.⁹

Main body

In June 1915, an agreement was signed between the Russian Empire and the Kingdom of Italy. According to this agreement, prisoners of war of the Austro-Hungarian army of Italian nationality were given the opportunity to join the armed forces of Italy and fight against the Habsburg Empire. All prisoners who agreed to join the army of the Kingdom of Italy were to be gathered in a single camp, for which the town of Kirsanov in Tambov Governorate was chosen.¹⁰ According to the original plan, the Italian government demanded a careful selection of prisoners of war for return to their historical homeland based on their political and national loyalty, which, of course, slowed down the repatriation process significantly. To implement that plan, the War Ministry of the Kingdom in agreement with the Ministry of Foreign Affairs founded a special military mission.¹¹ Its duties included establishing the reliability of prisoners and accompanying them during their repatriation to Italy.

⁶ A. Di Michele, *Between Two Uniforms. Italian-Speaking Subjects of the Austro-Hungarian Empire in the First World War and in Russian Captivity* [in Russian], trans. M.G. Talalai (St Petersburg: Aleteya, 2022).

⁷ M. Rossi, *I Prigionieri Dello Zar. Soldati Italiani Dell'esercito Austro-Ungarico Nei Lager Della Russia (1914–1918)* (Milan: Mursia, 1997).

⁸ F. Mazzini, "Patriottismo condizionato. Identità e patrie dei soldati trentini, 1914–1920," *Contemporanea*, vol. 13, no. 3 (2010): 457–86.

⁹ R. Guarasci, *Cosma Manera e la Legione Redenta: la storia e l'archivio* (Canterano: Aracne, 2018).

¹⁰ A. Di Michele, "Patrioti irredenti o fedeli servitori dell'imperatore? Immagini e realtà dei soldati di lingua italiana nell'Esercito austro-ungarico durante la Grande Guerra," in *Il 1918. La Vittoria e il Sacrificio. Congresso di Studi storici internazionali (Roma 17–18 ottobre 2018). Atti del congresso* (Rome: Ministry of Defence, 2019), 332.

¹¹ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 164.

The mission consisted of 21 officers and was headed by Lieutenant-Colonel Achille Bassignano. The Special Military Mission arrived in Kirsanov on August 9, 1916.¹² The first repatriation of prisoners of war, numbering 1,720 men, took place on September 14, 1916. By mid-October of that year, two more groups of prisoners of war with a total of 2,420 men had been sent from the Kirsanov camp to Italy.¹³

As head of the Special Military Mission, Lieutenant-Colonel Bassignano decided to increase the number of prisoners of war who would join the armed forces of Italy to 6,000 men in October 1916.¹⁴ That number was agreed upon in Petrograd with Emperor Nicholas II.¹⁵ From its headquarters located in the Astoria Hotel, the mission began sending its members to Moscow, Tambov, and Kiev to try to recruit more prisoners of war and transport them to Kirsanov.¹⁶

In March 1917, Major Cosma Manera arrived in Russia from Italy to assist Lieutenant-Colonel A. Bassignano.¹⁷ He introduced changes to the agitation work with prisoners of war. Now it was based on the generously distributed promises to take care of the families of prisoners of war. Manera believed that when prisoners of war realized that Italy could become a homeland not only for themselves but also for their families, they would ask to be sent to Italy.¹⁸

As a result of the activities of the Special Military Mission, the number of Italian prisoners of war transferred from other camps of the Russian Empire to Kirsanov steadily increased. Bassignano and his associates received daily information about groups of prisoners of war who had agreed to repatriation to Italy. On September 1, 1917, there were already 1,900 men in the Kirsanov camp ready for dispatch.¹⁹

After arriving in Russia, Manera was sent to Kirsanov with the aim of reorganizing the camp administration.²⁰ First of all, he ordered the improvement of the sanitary condition of the premises where the prisoners of war were kept. Upon arrival at the camp, each of the prisoners was given a uniform and underwear.²¹ They were then sent to the bathhouse, after which they were examined in the infirmary and given any missing vaccinations. Next, the prisoners were distributed in the barracks according

¹² G. Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia in fiamme 1915–1920, Legione trentina* (Trento: Trentino Legion of the National Association of War Volunteers, 1933), 54.

¹³ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 61–63.

¹⁴ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 171.

¹⁵ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 58.

¹⁶ S.A. Bellezza, *Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani (1914–1920)* (Bologna: Il mulino, 2016).

¹⁷ Guarasci, *Cosma Manera e la Legione Redenta*, 23.

¹⁸ Mazzini, “Patriottismo condizionato,” 474.

¹⁹ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 202.

²⁰ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 198.

²¹ A.F.M. Biagini, *In Russia tra guerra e rivoluzione: La missione militare italiana, 1915–1918* (Rome: Ufficio storico SME, 1983), 122.

to their territorial origin. Each received a straw mattress and a specific place on the bunks. For daily cleaning, orderlies were appointed from among the prisoners of war in rotation. Their duties included cleaning the premises and bunks as well as lighting the stoves. The premises were ventilated three times a day for half an hour each time. The straw mattresses were required to be aired out daily, and drinking water, which came from the local wells, had to be boiled to avoid gastrointestinal diseases.²²

The prisoners' nutrition was improved as well, and they were also paid a daily allowance of 20 kopecks.²³ Next, Manera ordered the entire camp contingent to be divided into companies (of 200 men each) and began conducting military exercises.²⁴ Manera also managed to revive patriotic propaganda, which had practically died out after the first repatriations. For instance, he established the practice of performing patriotic hymns.²⁵ In November 1917, a newly-founded camp newspaper under the title *L'irredento* [The Irredentist or The Unredeemed] started publishing propaganda materials.²⁶ The purpose of those activities was to maintain cohesion and morale among the prisoners of war awaiting dispatch to Italy.

Specifically for the prisoners of war in Kirsanov, the brochure *Gli irredenti ex prigionieri liberati dalla Russia. Ai fratelli prigionieri in Russia* [The Irredentists, Former Prisoners Liberated from Russian Captivity. To the Brothers in Captivity in Russia] was published in Italy. Its authors were former prisoners repatriated from Russia. In such a way, they sought to strengthen the patriotic spirit of their fellows who remained in Russia and in the difficult political situation in Russia, instill in them hope for a speedy return to Italy. The brochure touched upon the issue of Russia's separate peace with the Central Powers. It said that the territories where most of them had previously lived became part of Italy and that the victory of Austria-Hungary and Germany was impossible. The brochure also reported on how warmly Italy had welcomed its returning sons. It also described the amenities provided to them by the Kingdom of Italy.²⁷

The Kirsanov camp also began to celebrate Italy's national holidays. A new tradition was established: ceremonial formations was made of twelve companies of prisoners of war, accompanied by the performance of the Royal March and the raising of the flag, which had been embroidered by Russian nuns at the request of the

²² "Kirsanovskii uezdnyi voinskii nachal'nik" [Kirsanov Uyezd Military Commander]. F. 510, op. 1, d. 33, l. 389. Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti [State Archive of Tambov Oblast] (GATO), Tambov, Russia.

²³ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 119.

²⁴ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 119.

²⁵ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 198.

²⁶ Bellezza, *Tornare in Italia*.

²⁷ Bellezza, *Tornare in Italia*.

prisoners of war.²⁸ The prisoners of war who had changed their minds about leaving for Italy were allowed to leave Kirsanov of their own free will and return to the camps where they had been before agreeing to accept the offer of the Kingdom of Italy.²⁹ To alleviate the boredom caused by the endless wait for dispatch to Italy, prisoners of war spent a great deal of time reading books and newspapers.³⁰

The captive officers in the camp were divided into two groups. The struggle between them over whether to accept Italy's offer was waged not only in the political but also in the cultural sphere. For instance, those who were not eager to fight for the interests of the Kingdom of Italy organized a concert with dancing on June 3, 1917 in Kirsanov, which ended only when the "young ladies" left the premises. The following day, those who had accepted Italy's offer organized their own concert. On July 10, an Italian military delegation arrived in Kirsanov. The prisoners of war who had agreed to repatriation held a celebration in honor of that event and hung out the Italian flag. After that, the prisoners of war who had not accepted the Italian government's offer were forced to leave the camp. Their dwellings were searched by a group consisting of a Russian officer and two lower ranks from among the Italian prisoners of war accompanying him. On the day of departure of the "dissidents," they were subjected to insults from the "patriots" of Italy at the railway station.³¹

Beginning from February 1917, the political situation in Russia deteriorated almost daily. The February Revolution led to the abdication of Nicholas II and the formation of the Provisional Government, which decided on March 4, 1917 that it would adhere to the international obligations assumed by the previous authorities.³² However, a dual power structure had formed in the country. In such a situation, in response to their requests for help, the Italian staff of the Special Military Mission could receive only formal statements of support from the Russian leadership. The Italians were forced to independently solve the problems of maintaining prisoners in the camp and their repatriation by negotiation with representatives of the local administration.³³

In Kirsanov, the Italian prisoners of war of officer rank sided with the accomplished revolution. On April 28, 1917, the officers' assembly decided to support the Provisional Government. On April 30, the prisoner representatives of the

²⁸ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 120.

²⁹ T. Fabio, "Storia di un soldato: il giro del mondo di Siro Pellis," *Qualestoria*, vol. 36, no. 1 (2008): 188.

³⁰ M. Rossi, "Diario di un patriota di Silvio Rieger (20 luglio 1914 – 24 giugno 1918)," *Qualestoria*, vol. 20, no. 3 (1992): 109.

³¹ P. Privitera, "Un ufficiale austro-ungarico alla frontiera cinese e controrivoluzione: il diario di Oskar Ferlan" [in Italian], *Qualestoria*, vol. 20, no. 3 (1992): 92.

³² V.S. Vasyukov, *Foreign Policy of the Provisional Government* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1966), 27–28.

³³ Bellezza, *Tornare in Italia*.

command staff hung a red flag and decided to take part in “the May Day socialist procession” together with the soldiers at the invitation of the local revolutionary committee. Throughout the day on May 1, the prisoners of war of the Kirsanov camp enjoyed almost unlimited freedom. Music played throughout the city. After lunch, 20,000 residents and between 6,000 and 8,000 soldiers marched with red flags. The Italian prisoner officers marched at the head of the lower ranks surrounded by Russian soldiers. The Italians sang the Marseillaise and the Internationale. At the rally, everyone shouted and applauded loudly. However, not everything was unambiguous and unconditional in such a festive atmosphere. According to the memoirs of one of the prisoners of war, among the participants of the May Day procession “there was a rumor about some not very clearly specified incident” with the Italian flag on that day, and the next morning the prisoners were subjected to insults for shouting in Italian.³⁴

Along with the growing political tension in Russian society, the economic situation in the country also began to deteriorate: the railways, post, and telegraph began to work intermittently. Food began to run short. In taverns, food was dispensed according to rations, and bread was issued on ration cards.³⁵ The prisoners of war who worked on the railway in Kirsanov wrote that their wages were insufficient for anything.³⁶ Food difficulties also affected the ration of their camp meals, which became “meagre and nauseating.” In the morning and evening, tea and three rusks were given to prisoners of war; at lunch, soup with potatoes, 100 grams of meat or fish, including bones and offal. For the second course, two spoonfuls of millet porridge with the addition of linseed oil were provided. Bread was allocated in the amount of 600 grams per person,³⁷ and it became very difficult to buy it for money, as local residents stopped selling bread to prisoners of war. They had to dress in civilian clothes, go out of town, and look for bread in the villages. The prisoners recalled later that they were immensely happy when they found an opportunity to buy bread.³⁸

In the summer of 1917, correspondence between prisoners of war and their families ceased. One of the prisoners wrote that he had stopped receiving mail from South Tyrol.³⁹ The political situation in Kirsanov had a depressing effect on the

³⁴ Privitera, “Un ufficiale austro-ungarico,” 92.

³⁵ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 145.

³⁶ Bellezza, *Tornare in Italia*.

³⁷ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 113–14.

³⁸ Fabio, “Storia di un soldato,” 189.

³⁹ A. Gentilini, “Scrivere in guerra. Epistolari trentini (Galizia, Russia 1914–1918)” (Tesi di laurea, Università degli Studi di Trento, 2009), 129–30.

prisoners of war. At the beginning of the summer of 1917,⁴⁰ the situation became even more acute when merchant A. Trunin was elected to the post of commissar of security.⁴¹ The Kirsanov press dubbed him “the monarch of the city of Kirsanov.” In his appeals, Trunin incited the population of Kirsanov and the lower ranks among the prisoners against the officers.⁴² In June 1917, the Kirsanov garrison under the command of V. Mikhnevich arrested Trunin and his supporters⁴³ and twenty soldiers and civilians were injured during the arrest. The tragic circumstances of that event, which occurred 200 meters from the site where the prisoners of war lived, significantly affected their psycho-emotional state.⁴⁴ One of them later recalled:

Another time I was left alone for half a day to guard the horses in the field. That day, in solitude, I was overcome by such a feeling of sadness that I moaned; then I picked some wildflowers, made a bouquet of them, and offered it to the Madonna. I still have this little bouquet of flowers, after 42 years. “By the grace of the Madonna I will soon return to see my loved ones.” That is what I thought.⁴⁵

Some prisoners of war began to talk about refusing the Italian offer and becoming Austrians again. Learning of such talk, Major C. Manera organized an event to mark the anniversary of the dispatch of the first group of prisoners of war to Italy on September 20, 1917 and gave a speech in which he promised to speed up the process of leaving for Italy.⁴⁶

Meanwhile, fierce disputes were raging in the Italian government over the repatriation of prisoners. In June 1917, Deputy Chief of the General Staff, Lieutenant-General C. Porro, called for the transfer of all prisoners of war from Russia regardless of their political views. He believed that reunification with families in the newly annexed territories would be perceived by them as invaluable care of the Italian government for its citizens.⁴⁷ The Italian Minister of Foreign Affairs Sidney Sonnino categorically opposed that plan, believing that such a decision would lead to the infiltration of Austrian spies into Italy together with the repatriates.⁴⁸

⁴⁰ R.Yu. Prosvetov, V.V. Kanishchev, and E.I. Belenova, *Essays on the History of Kirsanov: Years and People* [in Russian] (Tambov: Michurinsk, 2014), 35.

⁴¹ Prosvetov, Kanishchev, and Belenova, *Essays on the History of Kirsanov*.

⁴² Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 154.

⁴³ Prosvetov, Kanishchev, and Belenova, *Essays on the History of Kirsanov*, 35.

⁴⁴ Privitera, “Un ufficiale austro-ungarico,” 92.

⁴⁵ Fabio, “Storia di un soldato,” 188.

⁴⁶ Bellezza, *Tornare in Italia*.

⁴⁷ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 201.

⁴⁸ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 140.

Meanwhile in Russia, Bassignano planned to complete the gathering of prisoners of war for their subsequent dispatch to Italy in August 1917.⁴⁹ The head of the Special Military Mission asked his government to send Italian steamships but received a refusal motivated by the complexity of the political and economic situation. The Italian Ministry of Foreign Affairs petitioned the British government for the allocation of a steamship for the repatriation of prisoners of war but also received a refusal.⁵⁰

Members of the mission also approached organizations and private companies in other countries to charter a ship.⁵¹ In October 1917, they finally managed to find the vessel *Stentor* ready to transport 600 prisoners of war to Italy. But due to the poor operation of the telegraph, Major C. Manera learned that with a considerable delay. On October 10, 1917, a train with 600 prisoner soldiers and 10 officers left Kirsanov.⁵² On October 15, it arrived in Vologda. There, a message was received from an employee of the Italian embassy in Petrograd that the ship that was supposed to transport the prisoners of war had already left Arkhangelsk.⁵³ Due to the impossibility of accommodating such a number of prisoners of war in Arkhangelsk, it was decided to leave them in Vologda.⁵⁴

By November 1917, the staff of the Special Mission had managed to concentrate 57 officers and about 2,500 soldiers in Kirsanov.⁵⁵ France agreed to evacuate some of them from Russia, but only on condition of landing in Morocco where they would have to enlist in the Foreign Legion, but the prisoners of war refused such an offer.⁵⁶

At the end of October 1917, Bassignano reported that the prisoners of war held in the Kirsanov camp feared for their lives due to the risk of reprisals from Russian soldiers as well as the physical impossibility of wintering in Kirsanov. It was also reported that delay in dispatch could lead to the strengthening of Austrian propaganda in the new irredentist lands.⁵⁷

After the establishment of Soviet power, the Decree on Peace was adopted on November 8, 1917, which invited all warring countries to conclude an armistice and begin negotiations for the conclusion of a peace treaty “without annexations or

⁴⁹ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 202.

⁵⁰ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 202.

⁵¹ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 142.

⁵² Rossi, “Diario di un patriota,” 109.

⁵³ Guarasci, *Cosma Manera e la Legione Redenta*, 26.

⁵⁴ Rossi, “Diario di un patriota,” 109.

⁵⁵ Biagini, *In Russia tra guerra e rivoluzione*, 121.

⁵⁶ M-N. Snider-Giovannone, “Soldats du Tyrol, soldats du Frioul: des irrédentistes?” In *The Great War in Italy* (Oxford: Royaume-Uni, 2012), 5.

⁵⁷ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 203.

indemnities.”⁵⁸ In December 1917, peace negotiations with Germany began, creating the prerequisites for the conclusion of a separate peace.⁵⁹ It was assumed that an exchange of prisoners of war would take place. For its part, the Soviet authorities released prisoner soldiers, equating them with citizens of Russia. The downside of that decision was that they lost the right to maintenance from the Russian government. The prisoner officers did not receive such privileges; they were considered an imperialist element that was to be held in camps.⁶⁰ Among the local population, hostility towards the Italian prisoners of war increased; they were left to fend for themselves, and food was no longer issued to them.⁶¹ The Italian Embassy ceased to make postal transfers, as they were stolen in the Russian post, and also to transfer funds through couriers, since they were often robbed. Banks were also closed.⁶²

In those conditions, the head of the Kirsanov camp Manera sent a message to the Commission for Assistance to Refugees from the Adriatic and Trentino. It spoke of the difficult situation of the prisoners of war and the lack of transport ships. For the first time, the proposal was made to transport the prisoners of war to Japan and to repatriate them to Italy from there. Without informing head of the mission Bassignano and the War Ministry of his plans, Manera violated the chain of command. Manera's arbitrariness caused discontent in the military department, which was not satisfied with the fact that the Commission for Assistance to Refugees from the Adriatic and Trentino could publicize the current situation, if necessary, through the national press, accusing the Italian government of causing it.⁶³

Realizing the hopelessness of the situation, the Italian authorities were forced to admit that sending prisoners of war to the east of Russia turned out to be the only way to save them.⁶⁴

Manera divided all the prisoners of war under his command (2,000 men) into groups of 40 men. It was necessary so that in the event of capture of one carriage, a small number of prisoners could disperse to other groups. A prisoner of war who spoke Russian well was appointed senior.⁶⁵ Manera then agreed with the head of the Kirsanov station that a carriage with prisoners of war would be attached to each next

⁵⁸ G.F. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917–1920*, vol. 1, *Russia Leaves the War* (Princeton: Princeton University Press, 1956), 74–75.

⁵⁹ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 140.

⁶⁰ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 220.

⁶¹ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 203.

⁶² Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 145.

⁶³ Bellezza, *Tornare in Italia*.

⁶⁴ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 205.

⁶⁵ “Pinskii uezdnyi voinskii nachal'nik” [Pinsk Uyezd Military Commander]. F. 517, op. 1, d. 13, l. 57. GATO.

train going to Siberia. It was assumed that within 20–25 days all prisoners would be sent from Kirsanov, as three trains passed through its railway station per day towards Siberia. The first group left Kirsanov on December 28, 1917.⁶⁶ The departure from the camp continued until February 1918.⁶⁷

Manera showed the group leaders information about railway junctions and branches through which it was possible to change to another train in the event of an unforeseen situation. He also issued documents for obtaining Italian citizenship and a “certificate of repatriation” for every 10 men.⁶⁸ Head of the mission Bassignano allocated 300,000 rubles for transport and food expenses.⁶⁹ Directly upon departure from Kirsanov to Vladivostok, prisoners of war were issued 40 rubles, which were to be set aside to buy bread in an emergency, as unforeseen circumstances could arise along the way.⁷⁰

Lieutenant Babich, who was escorting prisoners of war that had found themselves in Vologda against their will, was ordered to send his charges to Chelyabinsk via the Trans-Siberian Railway, following the same procedure.⁷¹ The first group of 120 men left on December 25, 1917, and the last, on December 31.⁷²

Conclusion

In the town of Kirsanov in 1917, there was a camp for Austro-Hungarian prisoners of war of Italian nationality who had accepted the offer of the Italian government to join the armed forces of the Kingdom of Italy. The Italian government’s decision to repatriate the prisoners of war who had voluntarily accepted the offer turned the Kirsanov camp, which was supposed to become a place of waiting for dispatch to Italy, into a platform for ideological education. However, the revolutionary events altered the prisoners’ situation. During the period of aggravation of the internal situation in Russia, the status of representatives of a “friendly nation” lost its significance. Italian prisoners of war turned from allies into enemies. The food crisis and the threat of a separate peace, which would have led to the extradition of prisoners of war to Austria-Hungary, forced the command of the Kirsanov camp to evacuate the Italian prisoners of war to the Far East in order to send them on to Italy from there. Further study of this topic requires work with Italian archival sources,

⁶⁶ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 156.

⁶⁷ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 170.

⁶⁸ Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 156.

⁶⁹ Di Michele, *Between Two Uniforms*, 205.

⁷⁰ Fabio, “Storia di un soldato,” 189.

⁷¹ Rossi M. “Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente. Un difficile impatto con la realtà russa 1918–1919,” *Italia contemporanea*, no. 256–57 (2009): 585, accessed June, 14, 2025, https://www.reteparri.it/wp-content/uploads/ic/IC_256-257_2009_16_r.pdf

⁷² Bazzani, *Soldadi italiani nella Russia*, 157.

which will make it possible to reveal the role of prisoners of war in subsequent events in the Far East and in the Civil War.

Список литературы

- Белова И.Б.* Первая Мировая война и русская провинция. 1914 – февраль 1917 г. Москва: АИРО-XXI, 2011. 288 с.
- Васюков В.С.* Внешняя политика Временного правительства. Москва: Мысль, 1966. 496 с.
- Ди Микеле А.* Меж двух мундиров. Италоязычные подданные Австро-Венгерской империи на Первой мировой войне и в русском плену / перевод с итальянского М.Г. Талалая. Санкт-Петербург: Алетейя, 2022. 286 с.
- Нахтигаль Р.* Военнопленные в России в эпоху Первой мировой войны // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 142–156. EDN: SEYXMX
- Просветов Р.Ю., Канищев В.В., Беленова Е.И.* Очерки истории Кирсанова: годы и люди. Тамбов: Мичуринск, 2014. 226 с.
- Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.). Москва: РОССПЭН, 2014. 423 с.
- Шевяков С.В.* «Кирсановское движение» военнопленных итальянской национальности австро-венгерской армии в годы Первой мировой войны // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2023. Т. 28, № 3. С. 725–736. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>; EDN: QTUAHI
- Bazzani G.* Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920, Legione trentina. Trento: Legione trentina dell'Associazione nazionale volontari di guerra, 1933. 431 p.
- Bellezza S.A.* Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani (1914–1920). Bologna: Il mulino, 2016. 236 p.
- Biagini A.F.M.* In Russia tra guerra e rivoluzione: La missione militare italiana, 1915–1918. Roma: Ufficio storico SME, 1983. 203 p.
- Di Michele A.* Patrioti irredenti o fedeli servitori dell'imperatore? Immagini e realtà dei soldati di lingua italiana nell'Esercito austro-ungarico durante la Grande Guerra // *Il 1918. La Vittoria e il Sacrificio*. Congresso di Studi storici internazionali (Roma 17–18 ottobre 2018). Atti del congress. Roma: Ministero della Difesa, 2019. P. 315–338.
- Gentilini A.* Scrivere in guerra. Epistolari trentini (Galizia, Russia 1914–1918): Tesi di laurea. Università degli Studi di Trento, 2009. 103 p.
- Guarasci R.* Cosma Manera e la Legione Redenta: la storia e l'archivio. Canterano: Aracne, 2018. 148 p.
- Kennan G.F.* Soviet-American relations, 1917–1920. Vol. I: Russia Leaves the War. Princeton: Princeton University Press, 1956. 544 p.
- Lyons M.* The Writing Culture of Ordinary People in Europe, c. 1860–1920. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 278 p.
- Mazzini F.* Patriotismo condizionato. Identità e patrie dei soldati trentini, 1914–1920 // *Contemporanea*. 2010. Vol. 13, no. 3. P. 457–486.
- Privitera P.* Un ufficiale austro-ungarico alla frontiera cinese e controrivoluzione: il diario di Oskar Ferlan // *Qualestoria*. 1992. Anno XX, № 3. P. 87–107.
- Rossi M.* Diario di un patriota di Silvio Rieger (20 luglio 1914 – 24 giugno 1918) // *Qualestoria*. 1992. Anno XX, № 3. P. 107–125.

Rossi M. *I Prigionieri Dello Zar. Soldati Italiani Dell'esercito Austro-Ungarico Nei Lager Della Russia (1914–1918)*. Milano: Mursia, 1997. 206 p.

Rossi M. Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente. Un difficile impatto con la realtà russa 1918–1919 // *Italia contemporanea*. 2009. № 256–257. P. 583–598. URL: https://www.reteparri.it/wp-content/uploads/ic/IC_256-257_2009_16_r.pdf (дата обращения: 14.06.2025).

Snider-Giovanzone M-N. *Soldats du Tyrol, soldats du Frioul: des irrédentistes ?* // *The Great War in Italy*. Oxford: Royaume-Uni, 2012. P. 136–146.

Todero F. Storia di un soldato – contadino: il giro del mondo di Siro Pellis // *Qualestoria*. 2008. Anno XXXVI, № 1. P. 173–201.

References

Bazzani, G. *Soldati italiani nella Russia in fiamme 1915–1920, Legione trentina*. Trento: Trentino Legion of the National Association of War Volunteers, 1933.

Bellezza, S.A. *Tornare in Italia: come i prigionieri trentini in Russia divennero italiani (1914–1920)*. Bologna: Il mulino, 2016.

Belova, I.B. *The First World War and the Russian Province. 1914 – February 1917*. Moscow: AIRO-XXI, 2011. (in Russian)

Biagini, A.F.M. *In Russia tra guerra e rivoluzione: La missione militare italiana, 1915–1918*. Rome: Ufficio storico SME, 1983.

Di Michele, A. *Mezh dvukh mundirov. Italoyazychnye poddannye Avstro-Vengerskoi imperii na Pervoi mirovoi voine i v russkom plenu* [Between two uniforms. Italian-speaking subjects of the Austro-Hungarian Empire in the First World War and in Russian captivity], translated from Italian by M.G. Talalai. St Petersburg: Aleteya, 2022. (In Russian)

Di Michele, A. “Patrioti irredenti o fedeli servitori dell'imperatore? Immagini e realtà dei soldati di lingua italiana nell'Esercito austro-ungarico durante la Grande Guerra.” In *Il 1918. La Vittoria e il Sacrificio. Congresso di Studi storici internazionali (Roma 17–18 ottobre 2018). Atti del congresso*, 315–38. Roma: Ministero della Difesa, 2019.

Gentilini, A. “Scrivere in guerra. Epistolari trentini (Galizia, Russia 1914–1918).” Tesi di laurea, Università degli Studi di Trento, 2009.

Guarasci, R. *Cosma Manera e la Legione Redenta: la storia e l'archivio*. Canterano: Aracne, 2018.

Kennan, G.F. *Soviet-American Relations, 1917–1920*. Vol. 1, *Russia Leaves the War*. Princeton: Princeton University Press, 1956.

Lyons, M. *The Writing Culture of Ordinary People in Europe, c. 1860–1920*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

Mazzini, F. “Patriottismo condizionato. Identità e patrie dei soldati trentini, 1914–1920.” *Contemporanea*, vol. 13, no. 3 (2010): 457–86.

Nachtigal, R. “Voennoplennye v Rossii v epokhu Pervoi mirovoi voyny” [Prisoners of War in Russia during World War I]. *Quaestio Rossica*, no. 1 (2014): 142–56. EDN: SEYXMX (In Russian)

Privitera, P. “Un ufficiale austro-ungarico alla frontiera cinese e controrivoluzione: Il diario di Oskar Ferlan.” *Qualestoria*, vol. 20, no. 3 (1992): 87–107.

Prosvetov, R.Yu., V.V. Kanishchev, and E.I. Belenova. *Ocherki istorii Kirsanova: gody i lyudi* [Essays on the history of Kirsanov: Years and people]. Tambov: Michurinsk, 2014. (In Russian)

Rossi, M. “Diario di un patriota di Silvio Rieger (20 luglio 1914 – 24 giugno 1918).” *Qualestoria*, vol. 20, no. 3 (1992): 107–25.

Rossi, M. “Il Corpo di spedizione italiano in Siberia e in Estremo Oriente. Un difficile impatto con la realtà russa 1918–1919.” *Italia contemporanea*, no. 256–57 (2009): 583–98. Accessed June 14, 2025. https://www.reteparri.it/wp-content/uploads/ic/IC_256-257_2009_16_r.pdf

Rossi, M. *I Prigionieri Dello Zar. Soldati Italiani Dell'esercito Austro-Ungarico Nei Lager Della Russia (1914–1918)*. Milan: Mursia, 1997.

Shevyakov, S.V. “‘Kirsanovskoe dvizhenie’ voennoplennykh ital'yanskoi natsional'nosti avstro-vengerskoi armii v gody Pervoi mirovoi voyny” [“Kirsanov Movement” of prisoners of War of Italian nationality from the Austro-Hungarian army during World War I]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, vol. 28, no. 3 (2023): 725–36. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-3-725-736>; EDN: QTUAHI (In Russian)

Snider-Giovanzone, M-N. “Soldats du Tyrol, soldats du Frioul: des irrédentistes?” In *The Great War in Italy*, 136–46. Oxford: Royaume-Uni, 2012.

Surzhikova, N.V. *Military Captivity in the Russian Province (1914–1922)*. Moscow: ROSSPEN, 2014. (in Russian)

Todero, F. “Storia di un soldato – contadino: il giro del mondo di Siro Pellis.” *Qualestoria*, vol. 36, no. 1 (2008): 173–201.

Vasyukov, V.S. *Vneshnyaya politika Vremennogo pravitel'stva* [Foreign policy of the Provisional Government]. Moscow: Mysl', 1966. (In Russian)

Информация об авторе

Сергей Валериевич Шевяков – аспирант, <https://orcid.org/0000-0001-8699-7240>, Mig1709@mail.ru, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (д. 33, ул. Интернациональная, 392036 Тамбов, Россия).

Information about the author

Sergei V. Shevyakov – Postgraduate student, <https://orcid.org/0000-0001-8699-7240>, Mig1709@mail.ru, Tambov State University named after G.R. Derzhavin (33, ul. Internatsional'naya, 392036 Tambov, Russia).

Статья поступила в редакцию 22.07.2025; одобрена после рецензирования 23.10.2025; принята к публикации 10.11.2025.

The article was submitted 22.07.2025; approved after reviewing 23.10.2025; accepted for publication 10.11.2025.

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 922–959.
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 10, no. 3 (2026): 922–59.

Научная статья

УДК 94(470)

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-7>

<https://elibrary.ru/xecaoh>

**Дело П.А. Селецкого.
Разоблачение провокации в рядах эсеровской эмиграции 1923 г.**

Анна Анатольевна Голосеева

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия,

goloseyeva.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>

Anna A. Goloseyeva

Russian State University for the Humanities,

Moscow, Russia,

goloseyeva.anna@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>

Аннотация. В статье освещается одно из направлений подрывной работы органов ВЧК–ГПУ против социалистов-революционеров, а именно внедрение агентов-provokatorov в ее ряды. Рассматривается эпизод, связанный с provokatorом П.А. Селецким, завербованным органами ВЧК.

Цель статьи – рассмотрение феномена провокации П.А. Селецкого в контексте политического противостояния партии социалистов-революционеров и спецслужб Советской России.

В ходе работы были выявлены предпосылки провокации как метода разложения оппозиционных партий, проанализирована деятельность П.А. Селецкого в среде эсеровской эмиграции и его разоблачение, сделан вывод о влиянии данного события на деятельность партии социалистов-революционеров в России и в эмиграции.

В статье использована методология политической истории, которая позволяет выяснить процессы функционирования отдельных политических институтов (в данном случае политических партий), политику тех или иных общественных групп, их лидеров. Она дала возможность оценить конкретную политическую ситуацию, возможные сценарии развития событий и принятия решений.

Статья вводит в научный оборот ряд не публиковавшихся ранее писем из коллекции Б.И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (Стэнфорд, Калифорния) и архива Международного института социальной истории (Амстердам).

Автором рассматриваются события с момента зарождения подозрений в отношении П.А. Селецкого и до его окончательного разоблачения. Интересными представляются

© Голосеева А.А., 2026

© Goloseyeva A., 2026

поведенческие и межличностные аспекты взаимоотношений участников данной истории, которые отразились в переписке В.М. Чернова, В.М. Зензинова, членов ЦБ ПСР в России и П.А. Селецкого.

Подчеркивается, что провокаторская деятельность Селецкого имела для остатков ПСР в России крайне разрушительные последствия: коммуникация между местными группами была нарушена, действовавшее Центральное Бюро приостановило работу, связь с заграницей временно прервалась. Смятение, разброд и вспышки взаимной подозрительности в рядах зарубежных эсеров, последовавшие за разоблачением провокатора, также крайне негативно отразились на работоспособности организации.

Делается вывод о том, что усилия советских секретных служб по разложению российской политической эмиграции были весьма успешными, а метод провокации и внедрения в ряды зарубежных организаций своих агентов – эффективным.

Ключевые слова: Партия социалистов-революционеров, эсеры в эмиграции, политическая эмиграция, П.А. Селецкий, В.М. Чернов, ВЧК–ГПУ, провокации

Для цитирования: Голосеева А.А. Дело П.А. Селецкого. Разоблачение провокации в рядах эсеровской эмиграции 1923 г. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 922–959, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-7>; EDN: XECAOH

The Case of P.A. Seletskii. Exposing the Provocation in the Ranks of the Socialist Revolutionary Emigration of 1923

Abstract. This article is devoted to one of the areas of subversive work carried out by the VChK–GPU authorities against the Socialist Revolutionaries, namely, the infiltration of agent provocateurs into their ranks. It examines the episode involving provocateur P. Seletskii, who was recruited for work by the Cheka authorities.

The purpose of the article is to examine the phenomenon of Pyotr A. Seletskii's provocation in the context of the political confrontation between the Socialist Revolutionary Party and the special services of Soviet Russia.

This article identifies the prerequisites for provocation as a method of undermining opposition parties, analyses the activities of P. Seletskii among the Socialist Revolutionary emigration and his exposure. The author draws a conclusion about the impact of this event on the activities of the Socialist Revolutionary Party in Russia and in emigration.

The article employs the methodology of political history, which makes it possible to clarify the functioning processes in individual political institutions (in this instance, political parties), the policies of certain social groups and their leaders. This methodology has allowed for an assessment of the specific political situation as well as possible scenarios for the development of events and decision-making.

The article introduces into scholarly circulation a number of previously unpublished letters from the Nicolaevsky collection at the Hoover Institution Archives (*Stanford, California*) and from the archives of the International Institute of Social History (Amsterdam).

The author examines the events from the moment suspicions regarding P. Seletskii arose until his final exposure. Of particular interest are the behavioral and interpersonal aspects of the relationships among the participants in this story that are reflected in the correspondence of Viktor M. Chernov, Vladimir M. Zenzinov, members of the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party in Russia, and P. Seletskii.

It is emphasized that Seletskii's provocative activities had extremely destructive consequences for the remnants of the Socialist Revolutionary Party in Russia: communication between local groups was disrupted, the acting Central Bureau suspended its work, and contact with the abroad was temporarily cut off. The confusion, disarray, and outbreaks of mutual suspicion among the foreign Socialist Revolutionaries that followed the exposure of the provocateur also had an extremely negative impact on the organization's effectiveness.

It is concluded that the efforts of the Soviet secret services to undermine the Russian political emigration were quite successful and the method of provocation and agents infiltrating into the ranks of foreign organizations proved to be rather effective.

Keywords: Socialist Revolutionary Party, Socialist Revolutionaries in emigration, political emigration, P. Seletskii, V. Chernov, VChk-GPU, provocations

For citation: Goloseyeva, A.A. "The Case of P.A. Seletskii. Exposing the Provocation in the Ranks of the Socialist Revolutionary Emigration of 1923." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 922–59, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-7>; EDN: XECAON

Введение

Советские спецслужбы начали вести контрразведывательную и диверсионную работу против всех политических объединений русской эмиграции (от монархических до социалистических) с момента их образования. География оперативной деятельности охватывала огромные пространства от Китая до Франции.

К лету 1920 г. в ряде зарубежных стран при дипломатических и торговых миссиях РСФСР была создана большевистская резидентура. Всей ее работой руководил Иностранный отдел, действовавший в составе Особого отдела ВЧК и ставший в конце 1920 г. самостоятельным структурным подразделением (ИНО ВЧК). Одной из задач, стоящих перед ним, было получение сведений и секретной документальной информации о деятельности эмигрантских антибольшевистских организаций и об их связях в России.

В начале 1922 г., после преобразования ВЧК, ИНО продолжил работу в составе Секретно-оперативного управления ГПУ, где параллельно начал работать Секретный отдел, в Положении о котором значилось, что он «ведает и руководит борьбой с антисоветскими партиями, политическими группами и организациями»¹.

Практически везде, где появлялись эмигрантские сообщества, советские спецслужбы брали в разработку их активных русских общественных и политических лидеров. Советское руководство регулярно информировалось обо всех значимых событиях в среде политической эмиграции. Исследователь Б.Г. Струков отмечал следующее:

¹ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГПУ–ОГПУ (1922–1928) // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 112.

Были добыты практически все программные и уставные документы сколько-нибудь значимых организаций и движений, тщательно фиксировались передвижения, контакты и публичные выступления лидеров эмиграции, по возможности была взята под контроль их личная переписка².

Спецслужбы были готовы купировать любую деятельность эмиграции, если она оценивалась как возможная угроза Советской России. При этом оперативные мероприятия осуществлялись как легальными, так и противозаконными методами: достаточно вспомнить громкие дела с похищениями лидеров РОВС, генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера в 1930-е годы³. ОГПУ не только занималось устранением политических противников, но и оказывало влияние на политические процессы в странах русского рассеяния. Например, высылка правительством Александра Стамболийского ряда активных деятелей русской военной эмиграции из Болгарии в 1922–1923 гг. во многом была инициирована чекистами⁴.

Члены Партии социалистов-революционеров за рубежом также стали объектом пристального внимания ИНО ВЧК. Уже весной 1921 г. от заграничных агентов в отдел стала поступать довольно подробная информация об эсеровской эмиграции.

С конца декабря 1922 г. третье отделение Секретного отдела, занимавшееся непосредственно эсерами, возглавлял И.Ф. Решетов⁵, сам бывший эсер, в 1920 г. перешедший на службу в ВЧК.

Особо серьезные масштабы деятельность зарубежной резидентуры ГПУ приобрела в связи с подготовкой и проведением судебного процесса над членами эсеровской партии в 1922 г.⁶ По данным самих эсеров, для шпионажа

² Струков Б.Г. Борьба ОГПУ против российской политической эмиграции // Исторические чтения на Лубянке, 1999 год. Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы: сборник / составитель В.М. Комиссаров. Москва: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2000. С. 67.

³ Голдин В.И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. Москва: РИСИ, 2016. EDN: WYZUFX

⁴ Темпест Р. Страна родственных умов: русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 120–121. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCINBJ

⁵ Кокурин А.И., Петров Н.В. ГПУ – ОГПУ (1922–1928). С. 116.

⁶ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. С. 258–274. EDN: QWOXNB

за ними в этот период большевики дополнительно направили из России в Прагу, Париж и Берлин около 40 человек⁷.

Информация о зарубежных эсерах, которые в тот период уже испытывали серьезный организационный и идейный кризис, умело использовалась структурами ГПУ в пропагандистской кампании с целью дискредитации Партии социалистов-революционеров и окончательного ее устранения как политической силы. Перехваченные документы избирательно публиковались в советской печати с целью продемонстрировать антисоветскую сущность недавних соратников, разложение и вырождение эсеровской эмиграции.

Например, сильный резонанс приобрело дело с обнаружением документов из архива Административного центра Внепартийного объединения, которые были похищены большевиками с помощью эмигрантов-монархистов в Париже из редакции эсеровской газеты "Pour la Russie", издаваемой А.Ф. Керенским⁸. Содержание данных документов использовалось большевиками в качестве дополнительных аргументов обвинения на процессе 1922 г. против эсеров.⁹

Немногим ранее разразился скандал, не лучшим образом отразившийся на репутации Партии социалистов-революционеров, в связи с опубликованием в советских «Известиях» перехваченного письма В.М. Чернова в ЦК ПСР. Оно было посвящено характеристике внутрипартийных трений эсеров в эмиграции и содержало довольно нелицеприятные отзывы о представителях «правого крыла» партии¹⁰. Публикация данной корреспонденции сопровождалась пояснительной передовицей с характерным названием «В мире мерзости и запустения»¹¹.

Еще одним испытанным методом ГПУ было внедрение провокаторов в ряды заграничных политических групп. Настоящая статья посвящена довольно громкому эпизоду, связанному с разоблачением провокатора П.А. Селецкого, который около двух лет довольно успешно работал в эсеровской среде в России и в эмиграции.

⁷ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926). С. 259.

⁸ Фролова Е.И. Административный центр эмигрантского внепартийного объединения и Кронштадтское восстание 1921 г. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 33–49. EDN: IBCYIV

⁹ Янсен М. Суд без суда. 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров / перевод с английского Е.А. Ильзен-Грин, Г.Л. Грина, Ф.Е. Апанасенко. Москва: Возвращение, 1993. С. 116–120.

¹⁰ Письмо Чернова в Ц. К. П. С.-Р. // Известия. 1921. № 119 (1262) (2 июня). С. 2.

¹¹ Стеклов Ю. В мире мерзости и запустения // Известия. 1921. № 119 (1262) (2 июня). С. 1.

О работе советских органов безопасности по разложению и обезглавливанию антибольшевистского сопротивления в эмиграции издано достаточно много материалов¹².

Одним из первых работу советских агентов за рубежом осветил в своей книге «Советский шпионаж» известный меньшевик Давид Далин¹³. Данные по структуре и методам агентурно-оперативной деятельности ОГПУ исследуются в монографии А.Г. Теплякова «Машина террора»¹⁴. Описание операций спецслужб по нейтрализации конкретных эмигрантских организаций содержатся в работах М.В. Соколова¹⁵, П.Н. Базанова¹⁶, Л. Флейшмана¹⁷ и др.

Однако деятельность Иностранного и Секретного отделов ГПУ непосредственно против антибольшевистской демократической политической оппозиции (меньшевиков, эсеров и т.д.) в русской эмиграции в 20-е годы XX в. не получила достаточного освещения в исторической литературе. Данная проблема затрагивается в двух разделах работы Л. Герсона «Секретная полиция в Ленинской России»¹⁸ («Секретная полиция за рубежом»¹⁹ и «Секретная полиция и политическая оппозиция»²⁰), а также в сборнике «Советская секретная полиция»²¹. Отдельные сюжеты освещены в работе К. Шлегеля «Берлин, Восточный вокзал Европы», в частности, эпизод с участием сотрудницы советской контрразведки Софьи Залесской, в 1922 г. получившей задание следить за В.М. Черновым в Берлине и с этой целью устроившейся к нему в дом кухаркой²².

Наиболее подробно подрывная и провокаторская деятельность советских спецслужб против эсеров рассмотрена в монографии К.Н. Морозова «Судебный

¹² Кузьминых А.Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 146–211. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ

¹³ Dallin D.J. *Soviet Espionage*. New Haven: Yale University Press, 1955.

¹⁴ Тепляков А.Г. *Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг.* Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. EDN: UNBNFD

¹⁵ Соколов М.В. *Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР.* Москва: Азбуковник, 2011.

¹⁶ Базанов П.Н. *Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья.* Москва: Посев, 2013. С. 235–242. EDN: YGMUMF

¹⁷ Флейшман Л. *В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать.* Москва: Новое литературное обозрение, 2003.

¹⁸ Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. Philadelphia: Temple University Press, 1976.

¹⁹ Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. P. 231–240.

²⁰ Gerson L.D. *The Secret Police in Lenin's Russia*. P. 247–258.

²¹ *The Soviet Secret Police* / edited by S. Wolin, R.M. Slusser. New York: F.A. Praeger, 1957.

²² Шлегель К. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945)* / перевод с немецкого Л. Лисюткиной. Москва: НЛЮ, 2004. С. 417.

процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства»²³. Непосредственно о провокации П.А. Селецкого существуют в основном краткие упоминания, например, во вступлении к главе VII «П.С.–Р. в России, начиная с 1922 г.» сборника документов ПСР под редакцией М. Янсена²⁴ и во вступительной статье к сборнику «Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг.»²⁵. В статье М.В. Соколова²⁶, посвященной аресту остатков эсеровского ЦБ в 1925 году, описан интересный эпизод встречи эсера Е.Е. Колосова с П.А. Селецким в Петрограде в декабре 1923 г., которому «Игорь» (одна из партийных кличек провокатора) показался очень подозрительным.

Таким образом, подробный обзор обстоятельств дела провокатора П.А. Селецкого, внедренного в эсеровские ряды, представляется актуальной задачей.

Провокатор Селецкий в рядах эсеров и его разоблачение

Летом 1924 г. в официальном органе партии социалистов-революционеров – журнале «Революционная Россия» появилось сообщение о том, что Заграничная делегация партии объявляет Петра Александровича Селецкого (он же Игорь, он же Романук) агентом ГПУ и провокатором²⁷.

²³ Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926). С. 268.

²⁴ Партия социалистов-революционеров после Октябрьского переворота 1917 года. Документы из архива П.С.–Р / составитель М. Янсен. Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989. С. 268.

²⁵ Голосеева А.А., Морозов К.Н., Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры в годы последней эмиграции // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. Документы и материалы / составители А.А. Голосеева, К.Н. Морозов, А.Ю. Суслов. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2022. С. 57.

²⁶ Соколов М.В. Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 131. EDN: PBDIGL

²⁷ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 4–8.

Объявление о провокации П.А. Селецкого в газете «Революционная Россия»
Источник: Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36. С. 4

А началась эта история в конце 1922 г., когда П.А. Селецкий установил довольно тесные связи с эсеровским подпольем в Петрограде.

По имевшимся у заграничных эсеров данным, Петр Александрович Селецкий, внебрачный сын помещика Селецкого из Череповца, в середине 1910-х гг. был арестован и приговорен к 10 годам каторги по делу об экспроприации. На каторге он встретился с известным эсером О.С. Минором, что в дальнейшем дало ему возможность сослаться на это знакомство. В 1917 г. Селецкий вернулся с каторги, а после октябрьского переворота стал сторонником вооруженной борьбы против советской власти. В 1919 г. был арестован в Череповце как руководитель группы около-максималистского толка. По окончании следствия нескольких членов этой группы расстреляли, однако сам Селецкий избежал подобной участи, что дает основания полагать, что именно с этого времени он начал сотрудничать с ЧК. Это подтверждается и массовыми арестами, сопровождавшими его последующие приезды в Череповец, о чем стало известно позднее.

В конце 1922 г. Селецкому удалось установить довольно тесные связи с эсеровским подпольем в Петрограде. В начале 1923 г. он перебрался в Москву, где, воспользовавшись данными ему рекомендациями довольно известных в эсеровской среде лиц, вошел в контакт с членами Центрального бюро партии (ЦБ) и изъявил готовность выполнять партийные задания за границей,

поскольку, по его словам, имел возможности для выезда. В мае 1923 г. ЦБ командировало его в качестве своего представителя на объединительный конгресс Социалистического рабочего интернационала в Гамбурге и поручило наладить связи с Заграничной делегацией (ЗД), расстроенные из-за массовых арестов в Москве²⁸.

В Берлине «Игорь» предъявил мандат ЦБ и был встречен с полным доверием²⁹. Однако вскоре его поведение насторожило некоторых членов ЗД: он откровенно пренебрегал элементарными правилами конспирации; привезенные им зашифрованные письма невозможно было прочесть с помощью имевшегося партийного ключа; намекал на предательство некоторых пользующихся безупречной репутацией членов партии; проявлял пристальный интерес к деятельности монархических и других несоциалистических зарубежных организаций. А главное – подозрительными казались его неоднократные и настойчивые требования предоставить ему всю информацию о каналах связи ЗД с Россией, а также адреса и пароли для взаимодействия с однопартийцами, работавшими в стране Советов.

Первое время эсеры надеялись, что все сомнения можно разяснить причинами психологического характера. По этому поводу Чернов, фактический глава ЗД в тот период, писал:

Я тоже склонен теперь думать, что, очевидно, Игорь слишком переутомился на работе, и что ему следовало бы отдохнуть. Иначе из сношений его с заграницей ровно ничего не выйдет. <...> Остается только пожалеть, что единственный человек, которого русские товарищи могли снарядить к нам, так нервно измотан, что через него невозможно встать с Россией в те сношения, которые у нас всегда были³⁰.

В результате, ЗД в Берлине решила не давать

настойчиво просимых им адресов и связей в России и конспиративным образом навести о нем справки, не подавая в то же время Селецкому повода предполагать, что он состоит под подозрением³¹.

²⁸ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 30 апреля 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 378–380.

²⁹ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 4.

³⁰ Письмо В.М. Чернова к неустановленному лицу (В.Я. Гуревичу?), без даты // Hoover Institution Archives. Nicolaevsky (Boris I.) Collection (далее – НИА). Box 9. Folder 5.

³¹ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 5.

Вслед за Черновым, с которым «Игорь» имел продолжительную беседу, в информации ему отказали Ф.Е. Махин и С.П. Постников, представлявший Деловое Бюро ЗД в Праге. После этого Селецкий поменял тактику: с «черновцев» он переключился на общение с правым флангом эсеровской эмиграции и стал играть на фракционных разногласиях, пытаясь обострить их.

В рядах эсеров уже давно существовали серьезные идеологические расхождения, фактически расколовшие партию на несколько лагерей и ставшие одной из причин утраты ею лидирующих позиций в 1917 г. Советское руководство также понимало, что Партия социалистов-революционеров уже давно не является сплоченной организацией. В эмиграции в первой половине 1920-х гг. эсеры были условно разделены на четыре «фракции», группировавшиеся вокруг печатных изданий: левые – группа журнала «Воля России»; левоцентристы – группа В.М. Чернова: ЗД и журнал «Революционная Россия»; правоцентристы, объединившиеся вокруг газеты «Дни» А.Ф. Керенского; правые – группа парижского журнала «Современные записки».

На встречах с правыми Селецкий начал критиковать ЗД, поддерживал идею о совместной работе с разными политическими силами в эмиграции, поднимал вопрос о необходимости реорганизации заграничной работы. Все это соответствовало стремлениям правых и правоцентристов, но противоречило общему направлению партийной линии, неуклонно проводимой ЦБ в России до того момента и постоянно транслируемой в письмах к ЗД, вплоть до требования исключения из партии не подчинившихся партийной дисциплине видных правых эсеров Н.Д. Авксентьева и И.И. Фондаминского³².

Чернов и его соратники отнеслись к тесным контактам Селецкого с правыми в обход ЗД без энтузиазма, но не могли полностью исключить того, что подобное поведение связано с его заданием проинспектировать их работу и предложить ЦБ в России меры по повышению ее эффективности.

Чернов предложил «Игорю» приехать к нему в Вандлиц, под Берлином, для обстоятельного разговора и объяснений. Селецкий от встречи уклонился, сославшись на занятость служебно-командировочными делами³³. Тогда Чернов отправил ему письмо, в котором сформулировал все основные вопросы и претензии. В нем в частности говорилось:

Не скрою, что Ваше поведение, остающееся далеко не тайной для довольно обширной партийной периферии, вызывает повсюду немалое

³² Письмо членов ЦК ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 12 января 1921 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 148.

³³ Письмо П.А. Селецкого к В. М. Чернову от 4 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

недоумение. <...> Недоумение вызывает и противоречивость целого ряда Ваших заявлений и действий. <...> Вы начали в Гамбурге разговор со мною с упрека от лица русских товарищей в чрезмерной мягкости и уступчивости по отношению к правым. И ныне Вы, в противоречие к этому, настаиваете на каком-то компромиссе с ними. Чем объяснить это противоречие? <...> Мы ровно ничего не имеем против того, чтобы Вы информировались о нас и нашей деятельности хотя бы у всех правых оппозиционеров, собранных из Берлина, Праги, Парижа и, если имеется, еще из всех других городов. Мы не намерены спорить с ними на почве личных нареканий и принципиально оставляем их без ответа. Наша ставка – на идеи, на принципы, на строгую партийность позиции. Здесь, в эмиграции, ее часто заменяют ставкой на лиц. Мы этой дорогой не пойдем. И мы не верим, чтобы в России от нас хотели этого. Приглашая Вас слушать сколько угодно обиженных партией правых оппозиционеров, мы, однако, рассчитывали найти в Вас достаточно подкованного партийного человека для внесения в эту загранично-эмигрантскую среду оздоравливающего духа партийной выдержанности и принципиальности³⁴.

Селецкий ответил Чернову в снисходительном тоне, упомянув среди прочего малую продуктивность работы ЗД, необходимость ее реорганизации и созыва заграничного общеэсеровского съезда³⁵.

Со своей стороны, правые продолжали не замечать в поведении Селецкого ничего подозрительного, игнорировали предупреждения ЗД, охотно делились с ним своими планами и, конечно, не скупились на критику «черновцев» перед «доверенным лицом московского ЦБ». В.М. Зензинов, идейно тяготевший к правому крылу и к этому времени уже не входивший в состав ЗД ПСР, снабдил того рекомендательным письмом к знакомому социалисту в Риге, в котором просил его помочь Селецкому установить постоянный канал связи между московскими и берлинскими эсерами. В письме он писал:

Товарищ, который передаст Вам настоящее письмо, был делегирован из Москвы от нашего Центрального бюро на гамбургский международный социалистический конгресс и теперь возвращается обратно (сообщаю Вам об этом строго конфиденциально). Вы оказали бы нашей партии огромную услугу, если бы при помощи Ваших политических связей и знакомств помогли товарищу наладить из Москвы постоянные сношения с Берлином. Обо всех подробностях этого дела он переговорит с Вами лично. Заранее

³⁴ Письмо В.М. Чернова к П.А. Селецкому от 5 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

³⁵ Письмо П.А. Селецкого к В.М. Чернову от 5 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

благодарю Вас за все содействие, которое вы товарищу окажете. Буду рад в свою очередь когда-нибудь оказаться Вам полезным³⁶.

Очевидно, что данное письмо открывало Селецкому возможность контролировать всю переписку между заграничными и российскими эсерами. К счастью для эсеров, этого не произошло, отчасти из-за некоторых случайных обстоятельств, а отчасти из-за предпринятых ЗД предупредительных мер.

Позднее, уже после разоблачения провокатора, вокруг этого инцидента разразился скандал, так как имя Зензинова было упомянуто в сообщении ЗД:

К сожалению, член партии В.М. Зензинов, выбывший из состава З. Д. за несколько месяцев до приезда Селецкого, находя, что последний вполне достоин доверия и что Делегация недостаточно использовала его приезд, счел себя вправе передать С-му на свой личный риск и страх конспиративные связи, известные ему по работе с Загр. Делегацией, и снабдить Сел. для использования этих связей рекомендательным письмом на бланке З. Д., пользоваться которым он утратил право³⁷.

Зензинов счел необходимым публично оправдаться. На страницах газеты «Дни» он выступил с заметкой «Вынужденное объяснение», в которой попытался опровергнуть обвинения в халатности и даже уличить Заграничную делегацию в том, что она дала не совсем точную информацию об этом инциденте в печати. В частности, он отмечал следующее:

Никаких конспиративных связей, известных мне по моей работе в З. Д., я Селецкому не давал, а сообщил один заграничный адрес, который был мне известен по моему личному знакомству с одним из иностранных социалистов; до того этим адресом З. Д. никогда не пользовалась³⁸.

Со стороны ЗД последовал довольно резкий ответ³⁹, в котором уже более подробно и с дополнительными фактами освещалось неосторожное поведение Зензинова. Надо отметить, что подобные пикировки в прессе были весьма характерны для эсеровской эмиграции.

Селецкий уехал обратно в Москву 6 июня 1923 г., а спустя три недели из ЦБ за границу ушло письмо, предписывавшее ЗД в спешном порядке созвать

³⁶ Письмо В.М. Зензинова к Бруно Ролиану от 5 июня 1923 г. // НИА. Box 9. Folder 5.

³⁷ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 5.

³⁸ Зензинов В. Вынужденное объяснение // Дни. 1924. № 507 (10 июля). С. 1–2.

³⁹ Заявление ЗД ПСР по поводу «вынужденного объяснения» В.М. Зензинова // Революционная Россия. 1924. № 37–38. С. 28–29.

зарубежный съезд эсеровских групп и обсудить на нем причины и пути преодоления идейных и тактических разногласий в эсеровской среде, выработать общие направления партийной работы и реорганизовать ЗД. При этом указывалось, что ЦБ, заслушав доклад, который сделал Селецкий («вернувшийся из-за границы наш представитель на Гамбургском съезде»⁴⁰) о состоянии партийной работы за рубежом, пришло к заключению об отсутствии принципиальных расхождений между ЗД, группой Керенского-Зензинова и другими эсеровскими группировками. А несогласованность действий заграничных групп и отдельных крупных партийных работников объяснялась территориальной разобщенностью живущих за границей товарищей, отсутствием периодических встреч и съездов для выработки общей линии и тактики действий, а также разрывом связи ЗД с ЦБ ПСР⁴¹.

Здесь следует пояснить, что заграничные эсеры в тот момент не совсем понимали, в каком состоянии находились руководящие органы партии в России: ЦК ПСР, избранный на последнем, IV съезде партии в конце 1917 г., практически полностью был арестован и позднее осужден на известном процессе 1922 года. Из оставшихся на свободе эсеров было образовано Центральное организационное бюро, контакты с которым поддерживались заграничными эсерами более или менее регулярно до 1925 г. Однако состав ЦБ ПСР менялся и не всегда был известен заграничным товарищам⁴².

Информация, следовавшая из упомянутого выше письма, о том, что ЦБ функционирует, стала для членов ЗД новостью. В ответном письме В. Чернов сообщал:

С большой радостью прочли под вашим письмом подпись «Ц. Б. партии с.-р.». – Гамб[ургский] представитель говорил, что пока речь идет лишь о возрождении центра в виде «Врем[енного] Орг[анизационного] Бюро»⁴³.

Из наличия такой подписи можно было сделать вывод, что эсерам в России удалось связаться с прежним составом ЦБ и согласовать с ним обновленный состав ЦБ, путем кооптации новых членов или каким-то иным способом, типа

⁴⁰ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 26 июня 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 380.

⁴¹ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 26 июня 1923 г. С. 381.

⁴² Голосеева А.А., Морозов К.Н., Суслов А.Ю. Социалисты-революционеры в годы последней эмиграции. С. 38–40.

⁴³ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 387.

референдума по организациям. Однако это были лишь предположения, и Чернов просил подтвердить эту информацию, чтобы

уметь доказать, что партийное организационное право не нарушено. За границей это очень важно. Оппозиция всегда склонна наемать на самозванство⁴⁴.

В своем письме Чернов остановился и на других смущавших моментах. Больше всего его озадачило заявление об отсутствии каких-либо серьезных идейно-политических и тактических расхождений между левым центром ЗД и правыми. Он уточнял:

Означает ли ваше письмо, что отныне ЦБ меняет этот курс? Если да, то в чем конкретно состоят эти изменения? Одобрены ли они русскими организациями, намечавшими предыдущий курс на двух последних советах партии?⁴⁵

Дополнительно Чернов осторожно высказал свои подозрения в отношении Селецкого.

В ответном письме ЦБ было выражено однозначное мнение, что подозрения в отношении «Гамбургского делегата» они считают необоснованными⁴⁶.

Тем временем в зарубежной эмигрантской среде началась подготовка Первого съезда заграничных эсеровских организаций, в проведении которого были заинтересованы все: и левые эсеры, и правые эсеры, и ГПУ.

Левые и левоцентристы полагали, что съезд может стать важным этапом в консолидации эсеровской эмиграции на единой партийной платформе, положить конец организационной вольнице и окончательно ликвидировать ситуацию, когда «каждый – в прошлом сколько-нибудь крупный эсер – позволял себе как угодно искажать политический лик партии», проводя «безответственную личную и кружковую политику», что давало основания противникам и врагам партии судить о ней как о «партии зигзаг-курсов, случайных и персональных настроений»⁴⁷.

⁴⁴ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. С. 384.

⁴⁵ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. С. 384.

⁴⁶ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 15 сентября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 387–388.

⁴⁷ Письмо В.М. Чернова – Центральному Бюро ПСР. 9 августа 1923 г. С. 386.

Правые шли на съезд с целью покончить со своим опальным положением в партии, через Заграничный Областной комитет ослабить позиции ЗД и более активно и эффективно проводить свою политическую линию.

Для ГПУ съезд заграничных эсеров также имел немаловажное значение. Поддерживая «буржуазных» правых эсеров, можно было не только сохранять постоянную напряженность в отношениях между двумя основными течениями в заграничной эсеровской среде, но и постепенно добиться ослабления позиции левых, а затем объявить о полном перерождении партии эсеров, об утрате ею «социалистического идеала», об окончательном превращении ее во вспомогательную силу международного империализма. Селецкий, по замыслу ГПУ, мог стать эффективным инструментом влияния на работу и решения Первого съезда заграничных эсеровских организаций.

«Игорь» снова появился в Берлине в конце октября 1923 г. В этот раз он заявил, что кооптирован в состав ЦБ и является его секретарем. Привезенный им мандат⁴⁸ давал право не только на участие в съезде в качестве представителя ЦБ, но и наделял широкими полномочиями по реорганизации всей заграничной работы, в том числе и деятельности ЗД.

Однако доставленные Селецким, якобы от ЦБ, письма и тезисы о взаимных отношениях центрального партийного органа и заграничных организаций ПСР породили новые подозрения. И по содержанию, и по характеру, и по стилю они резко контрастировали как с политической линией партии, так и с нормами эсеровской субкультуры, и даже отступали «от обычной эсеровской терминологии в сторону большевицкой»⁴⁹. Как выяснилось позже, все привезенные Селецким «указания» ЦБ действительно были рождены в недрах ГПУ.

Организационное бюро съезда, куда поступил мандат «Игоря», признало его недостаточным и передало для дальнейшего обследования в специальную комиссию со следующей формулировкой:

1. Принимая во внимание, что ЗД в настоящее время подлинность мандата и лица, указанного в нем, удостоверить не может,
 2. что самый мандат по содержанию своему представляется достаточным для участия на съезде при условии его подлинности, несмотря на то, что вызывают некоторые сомнения употребляемые в нем термины, Оргбюро постановило:
1. запросить определенное заключение ЗД по вопросу о подлинности мандата и благонадежности лица,
 2. окончательное заключение вместе с

⁴⁸ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР и съезду товарищеской эмиграции. Москва, 29 сентября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 391.

⁴⁹ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 6.

мандатом представить на заключение съезда, сделав ему предложение в срочном порядке создать для этой цели специальную комиссию. Вопрос о посылке визы для означенного лица оставить открытым до решения указанной комиссии⁵⁰.

В результате Оргбюро съезда по согласованию с 3Д решило задержать Селецкого в Берлине и не дать ему возможности присутствовать на съезде, который работал с 15 по 24 ноября 1923 г. в Праге. Таким образом, Селецкий не был допущен к обсуждению многих важных партийных вопросов на указанном партийном собрании, прошедшем в закрытом режиме.

Следует отметить, что атмосфера на заседаниях съезда была весьма напряженная: помимо острых дискуссий по содержательным вопросам, не обошлось и без взаимных обвинений и выяснения личных отношений⁵¹. Вопрос о мандате Селецкого стал поводом для еще одного конфликта между правыми и левыми. А.Ф. Керенский в своем выступлении прозрачно намекнул на то, что «левый» оргкомитет съезда не допустил Селецкого на заседания из политических соображений, опасаясь его заявлений, противоречащих старой линии ЦБ:

И вот, наконец, когда из Москвы от Це-бе приезжает живой человек и на этот раз с иными директивами, на него пытаются набросить тень, его берут под подозрение, заподозривают его личную честь⁵².

Левые депутаты были возмущены, выступили с письменным протестом и добились, чтобы Керенский взял свои слова обратно.

В конце ноября 1923 г. Селецкий возвратился в Россию и продолжил «партийную» работу, результатом которой стали массовые аресты эсеров (в том числе около 200 человек в Поволжье) и разгром эсеровской типографии в Киеве. Кроме того, Селецкий усиленно пропагандировал идею созыва общепартийного съезда уже в России.

⁵⁰ Протокол заседания Оргбюро по созыву съезда 2 ноября 1923 г. Машинопись // International Institute of Social History. PSR Archives. Folder 959. Image 63. URL: <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵¹ Голосеева А.А. «Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 88–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW

⁵² Внеочередное заявление съезду депутатов «левой» фракции и ответ А.Ф. Керенского, 22 ноября 1923 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 614–615.

После отъезда Селецкого, ЗД приняла решение продолжить расследование по его делу, несмотря на формальную реабилитацию съездом «представителя ЦБ». Для этого была создана еще одна «особая конспиративная комиссия», работавшая в условиях полной секретности⁵³. Комиссия работала пять месяцев, для сбора сведений были даже организованы несколько поездок по России.

Первый серьезный прорыв в расследовании произошел после того, как один бывший эсер в России (он упоминается как «Б.») признался своим товарищам в том, что был завербован и являлся осведомителем ГПУ. Он рассказал о своем участии в масштабной схеме провокаций ГПУ против партии эсеров, в том числе за границей, которыми руководил его «куратор» – И.Ф. Решетов. Немаловажной частью этой схемы был Селецкий, хотя Б. не знал его лично и даже не сразу понял, что тот является сотрудником ГПУ.

Б. также был командирован Решетовым за границу с поручением

установить самую тесную связь с членами З. Д., стремясь внушить им доверие к солидности настоящего состава ЦБ, в состав которого вошел Селецкий, а в своих рассказах о положении в России сообразоваться с тем, что будет говорить последний⁵⁴.

Кстати, Б. пролил свет и на привезенный Селецким на съезд в Прагу, «возбудивший сомнение Организационного Бюро съезда документ с большевицкой фразеологией»⁵⁵: он был своеобразным предметом гордости Решетова, лично сочинившего тезисы о взаимных отношениях ПСР в России с заграничной организацией. Наконец, Б. подтвердил, что после съезда бывших эсеров в марте 1923 г.⁵⁶ в недрах ГПУ возникла идея созыва реального подпольного общероссийского съезда эсеров с целью внедрения в оставшиеся эсеровские партийные организации максимального числа агентов-провокаторов и окончательного разложения данной партии.

Эпизод, поставивший окончательную точку в деле провокатора, произошел в Москве. Человек, знающий Селецкого в лицо, увидел его на улице с накладными усами и бородой и проследил за ним. Выяснилось, что Селецкий, загримировавшись, чтобы остаться незамеченным, приходил на квартиру коммуниста Ломова, помощника Решетова. После этого сомнений не осталось,

⁵³ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 6.

⁵⁴ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 8.

⁵⁵ Раскрытие провокации // Революционная Россия. 1924. № 35–36 (июнь–июль). С. 7.

⁵⁶ Доклад И. Решетова о съезде бывших эсеров. 22 марта 1923 г. // Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК–ОГПУ. 1917–1926 / составители А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. Москва: МФД; Материк, 2007. С. 476–478.

и «Революционная Россия» выступила с открытым заявлением о раскрытии провокации.

Заключение

Структуры, созданные советскими секретными службами для работы по разложению российской политической эмиграции, оказались довольно эффективными. Умело используя метод провокации и внедрения в ряды зарубежных организаций своих агентов, советская власть смогла обезвредить не только правые и монархические группы за границей и внутри страны, но и нанести существенный ущерб лево-демократическим партиям и движениям, включая эсеров.

Даже один конкретный эпизод, связанный с провокаторской работой Селецкого, имел для остатков ПСР в России крайне разрушительные последствия: «создалось почти безвыходное положение, центр оказался изолирован от периферии, а местные группы одна от другой»⁵⁷. Это была и очередная организационная катастрофа: действовавший состав ЦБ приостановил работу и распустил личный состав. Встала необходимость в очередной раз, в почти невозможных условиях, формировать ЦБ из остатков партийцев. Эсерам в эмиграции становилось все труднее осуществлять контакты с товарищами в Советской России, и несколько позднее, на II съезде Заграничных организаций ПСР в 1928 г. в Париже было признано, что они имеют лишь случайный характер⁵⁸.

Несмотря на то, что не все задачи провокатора Селецкого были выполнены, он сумел внести дополнительный разлад в и так идейно разобщенные ряды заграничных эсеров, хотя формально организационное единство партии было временно сохранено.

Зарубежные эсеры так и не смогли найти адекватного «противоядия» работе советских спецслужб: их внутрипартийные расследования не имели большого успеха, и только случай и чутье опытных революционеров, таких как Чернов, имевших за плечами многолетний опыт конспиративной деятельности, помогли выявить провокатора.

Сотрудники Секретного отдела ГПУ могли считать успехом своей спецоперации даже само разоблачение провокатора Селецкого: смятение, разброд и вспышки взаимной подозрительности в рядах зарубежных

⁵⁷ Письмо Центрального бюро ПСР – Заграничной Делегации ПСР. Москва, 19 сентября 1924 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 392–393.

⁵⁸ Протокол первого заседания Второго съезда заграничных организаций ПСР в Париже, 29 апреля 1928 г. // Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 – начало 1950-х гг. С. 642.

социалистов негативно отразились на работоспособности организации. Партия эсеров, имевшая травматичный опыт провокации Азефа, очень болезненно переносила все инциденты, связанные с предательством в своих рядах. Очередные поиски провокатора после волны арестов остатков российских эсеров в 1925 г. спровоцировали раскол уже в самой ЗДПСР и в конечном счете привели к постепенному угасанию эсеровской партийной работы в эмиграции.

Introduction

Soviet special services began conducting counterintelligence and subversive work against all Russian political associations in exile, ranging from monarchists to socialists, from the moment those groups emerged. The geographical scope of their operational activities stretched across vast territories from China to France.

By the summer of 1920, Bolshevik intelligence residencies attached to the diplomatic and trade missions of the RSFSR had been established in several foreign countries. The work of the residencies was directed by the Foreign Department (the INO VChK), which initially operated within the Cheka's Special Department and became an independent structural unit at the end of 1920. One of the tasks assigned to it was to obtain intelligence and secret documentary information concerning the activities of émigré anti-Bolshevik organizations and their connections inside Russia.

At the beginning of 1922, following the reorganization of the Cheka, the INO continued its operations as part of the GPU's Secret Operational Directorate, where it was joined by the newly formed Secret Department. According to its statute, the Secret Department was "responsible for and directed the struggle against anti-Soviet parties, political groups, and organizations."¹

Almost everywhere where émigré communities emerged, Soviet special services placed active Russian public and political leaders under surveillance. The Soviet leadership received regular reports on all significant developments related to political emigration. As researcher B. Strukov observed in his work,

Virtually all programmatic and statutory documents of any organization or movement of particular significance were obtained; the movements, contacts, and public appearances of emigration leaders were meticulously recorded; and their personal correspondence was brought under control wherever possible.²

The special services stood ready to suppress any activity by the emigration that was considered a potential threat to Soviet Russia. Moreover, operational measures were carried out using both legal and illegal methods: suffice it to recall the high-profile cases involving the abduction of the ROVS (Russian All-Military Union) leaders, generals A. Kutepov and E. Miller, in the 1930s.³ The OGPU not only

¹ A.I. Kokurin, and N.V. Petrov, "The GPU–OGPU (1922–1928)" [in Russian], *Svobodnaya mysl'*, no. 7 (1997): 112.

² B.G. Strukov, "The OGPU's Struggle against Russian Political Emigration" [in Russian], in *Historical Readings at Lubyanka, 1999. Russian Special Services in the 1920s–1930s: A Collection*, comp. V.M. Komissarov (Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb, 2000), 67.

³ V.I. Goldin, *Generals Were Abducted in Paris. Russian Military Diaspora and Soviet Special Services in the 1930s* [in Russian] (Moscow: RISI, 2016), EDN: WYZUFX

engaged in the elimination of political opponents but also exerted influence on political processes in the countries of the Russian diaspora. For instance, the expulsion from Bulgaria in 1922–23 of several active figures of the Russian military emigration by the government of Alexander Stamboliiski was largely initiated by the Chekists.⁴

Members of the Socialist Revolutionary Party in emigration also became the focus of close attention by the INO VChK. In the spring of 1921, the department began receiving rather detailed information about the Socialist Revolutionary emigration from its foreign agents.

From the end of December 1922, the third section of the Secret Department, which dealt directly with the Socialist Revolutionaries, was headed by I. Reshetov, a former Socialist Revolutionary himself who had entered the service of the Cheka in 1920.⁵

The activities of the GPU's foreign residency assumed particularly significant proportions in connection with the preparation and conduct of the trial of members of the Socialist Revolutionary Party (SRP) in 1922.⁶ According to the Socialist Revolutionaries' own estimates, the Bolsheviks sent an additional forty people from Russia to Prague, Paris, and Berlin to spy on the SRP members during this period.⁷

Information about the foreign Socialist Revolutionaries, those who were already experiencing a serious organizational and ideological crisis at the time, was skillfully exploited by various GPU structures in a propaganda campaign aimed at discrediting of the Socialist Revolutionary Party and eliminating it once and for all as a political force. Intercepted documents were selectively published in the Soviet press to demonstrate the anti-Soviet essence of the former comrades-in-arms and to illustrate the decay and degeneration of the Socialist Revolutionary emigration.

For example, the case involving the publication of documents from the archive of the Administrative Center of the Non-Party Association caused significant excitement. These documents were stolen by the Bolsheviks with the help of émigré monarchists from the editorial office of the Socialist Revolutionary newspaper *Pour la Russie* published by A. Kerensky in Paris.⁸ The content of these documents was

⁴ R. Tempest, "A Land of Kindred Intellectuals: Russian Émigrés in Bulgaria during the Early Post-Revolutionary Years" [in Russian], *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 3, no. 4 (2020): 120–21, <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCIHBJ

⁵ Kokurin, Petrov, *The GPU–OGPU (1922–1928)*, 116.

⁶ K.N. Morozov, *The Trial of the Socialist Revolutionaries and Prison Confrontation (1922–1926): Ethics and Tactics of Struggle* [in Russian] (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2005), 258–74, EDN: QWOXNB

⁷ Morozov, *The Trial of the Socialist Revolutionaries*, 259.

⁸ E.I. Frolova, "The Administrative Center of the Emigrant Non-Party Association and the Kronstadt Uprising of 1921" [in Russian], *Voprosy istorii*, no. 9 (2007): 33–49, EDN: IBCYIVA

used by the Bolsheviks as additional prosecutorial evidence during the 1922 trial of the Socialist Revolutionaries, which took place in Moscow.⁹

Somewhat earlier, a scandal broke out that did little to enhance the reputation of the Socialist Revolutionary Party. It was connected to the publication of an intercepted letter from Viktor M. Chernov to the SRP Central Committee in the Soviet newspaper *Izvestiya*. The letter addressed the intra-party frictions among the Socialist Revolutionaries in emigration and contained rather unflattering remarks about representatives of the party's "right wing."¹⁰ The publication of this correspondence was accompanied by an editorial preface bearing the characteristic title "In a World of Abomination and Desolation."¹¹

Another tried-and-tested method employed by the GPU was the infiltration of provocateurs into foreign political groups. This article is devoted to a rather high-profile episode connected with the exposure of provocateur P. Seletskii, who worked quite successfully within the Socialist Revolutionary milieu both in Russia and in emigration for the period of approximately two years.

A considerable amount of works has been published on the work of the Soviet security authorities in undermining and decapitating anti-Bolshevik resistance in emigration.¹²

One of the first scholars to describe the work of Soviet agents abroad was David Dallin. The well-known Menshevik referred to this topic in his book *Soviet Espionage*.¹³ Data on the structure and methods of the OGPU's agent-operational activities are examined in A. Teplyakov's monograph *The Terror Machine*.¹⁴ Descriptions of special services' operations to neutralize specific émigré organizations are contained in the works of M. Sokolov,¹⁵ P. Bazanov,¹⁶ L. Fleishman,¹⁷ etc.

⁹ M. Jansen, *A Show Trial under Lenin: The Trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922* [in Russian], trans. E.A. Il'zen-Grin, G.L. Grin, and F.E. Apanasenko (Moscow: Vozvrashchenie, 1993), 116–20.

¹⁰ "Letter from V.M. Chernov to the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party" [in Russian], *Izvestiya*, no. 119 (1262), June 2, 1921, 2.

¹¹ Yu. Steklov, "In a World of Abomination and Desolation" [in Russian], *Izvestiya*, no. 119 (1262), June 2, 1921, 1.

¹² A.L. Kuz'minykh, "The Internal Affairs Agencies of the Soviet State in the Period of Stalinism in the Context of Russian Historiography," *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 146–211, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ

¹³ D.J. Dallin, *Soviet Espionage* (New Haven: Yale University Press, 1955).

¹⁴ A.G. Teplyakov, *The Terror Machine: The OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941* [in Russian] (Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2008).

¹⁵ M.V. Sokolov, *The Temptation of Activism. Russian Republican Democratic Emigration of the 1920s–1930s and the OGPU of the USSR* [in Russian] (Moscow: Azbukovnik, 2011).

However, the activities of the GPU's Foreign and Secret Departments aimed directly against the anti-Bolshevik democratic political opposition (the Mensheviks, the Socialist Revolutionaries, etc.) belonging to the Russian emigration in the 1920s have not received much coverage in the historical literature yet. This issue is addressed in two sections of L. Gerson's work *The Secret Police in Lenin's Russia*,¹⁸ namely "The Secret Police Abroad,"¹⁹ and "The Secret Police and the Political Opposition,"²⁰ as well as in the collection *The Soviet Secret Police*.²¹ Certain episodes are covered in K. Schlögel's book *Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert*, particularly the episode involving Sofia Zalesskaya, an employee of Soviet counterintelligence. In 1922, she was assigned a task to watch V. Chernov in Berlin and for that purpose obtained a job as a cook in his household.²²

Subversive and provocateur activities of the Soviet special services against the Socialist Revolutionaries are examined in the greatest detail in K. Morozov's monograph *The Trial of the Socialist Revolutionaries and Prison Confrontation (1922–26): Ethics and Tactics of Struggle*.²³ Regarding the provocation of Pyotr Seletskii, there are mostly brief mentions, for example, in the introduction to Chapter VII "The SRP in Russia, Beginning in 1922" of the collection of SRP documents *The Socialist Revolutionary Party after the October Coup of 1917. Documents from the Archive of the P.S.R.* compiled by M. Jansen²⁴ and in the introductory article to the collection *The Socialist Revolutionary Party in Emigration. 1918 – Early 1950s. Documents and Materials*.²⁵ An article by M. Sokolov,²⁶ devoted

¹⁶ P.N. Bazanov, *The Brotherhood of Russian Truth, the Most Mysterious Organization of the Russian Diaspora* [in Russian] (Moscow: Posev, 2013), 235–42, EDN: YGMUMF

¹⁷ L. Fleishman, *In the Grip of Provocation. Operation "Trust" and the Russian Émigré Press* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003).

¹⁸ L.D. Gerson, *The Secret Police in Lenin's Russia* (Philadelphia: Temple University Press, 1976).

¹⁹ Gerson, *The Secret Police*, 231–40.

²⁰ Gerson, *The Secret Police*, 247–58.

²¹ S. Wolin, and R.M. Slusser, eds., *The Soviet Secret Police* (New York: F.A. Praeger, 1957).

²² K. Schlögel, *Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert* [in Russian], trans. L. Lisutkina (Moscow: NLO, 2004), 417.

²³ Morozov, *The Trial of the Socialist Revolutionaries*, 268.

²⁴ M. Jansen, comp., *The Socialist Revolutionary Party after the October Coup of 1917. Documents from the Archive of the P.S.R.* [in Russian] (Amsterdam: Stichting Beheer IISG, 1989), 268.

²⁵ A.A. Goloseyeva, K.N. Morozov, and A.Yu. Suslov, "The Socialist Revolutionaries in the Last Years of Emigration" [in Russian], in *The Socialist Revolutionary Party in Emigration. 1918 – Early 1950s. Documents and Materials*, comp. A.A. Goloseyeva, K.N. Morozov, and A.Yu. Suslov (Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2022), 57.

²⁶ M.V. Sokolov, "Failure of the SR Central Bureau in Leningrad" [in Russian], *Rodina*, no. 7 (2012): 131, EDN: PBDIGL

to the arrest of the remnants of the Socialist Revolutionary Central Bureau in 1925, describes an interesting episode of a meeting between Socialist Revolutionary E. Kolosov and P. Seletskii in Petrograd in December 1923, in which “Igor” (one of the party code names of the provocateur) seemed highly suspicious.

Thus, a detailed review of the circumstances of the case of the provocateur P. Seletskii, who was infiltrated into the Socialist Revolutionary ranks, seems to be quite a relevant task.

Provocateur Pyotr Seletskii in the ranks of the Socialist Revolutionaries and his exposure

In the summer of 1924, a report appeared in the official organ of the Party of Socialist Revolutionary Party, its periodical *Revolyutsionnaya Rossiya* [Revolutionary Russia], stating that the Foreign Delegation of the party declared Pyotr Aleksandrovich Seletskii (also known as Igor and Romanuk) to be an agent of the GPU and a provocateur.²⁷

Announcement of the provocation by P. Seletskii in the newspaper *Revolyutsionnaya Rossiya*
Source: “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*,
no. 35–36, 1924, 4–8

This story began at the end of 1922, when Seletskii established rather close ties with the Socialist Revolutionary underground in Petrograd.

²⁷ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 4–8.

According to the information available to the Socialist Revolutionaries in exile, Pyotr Aleksandrovich Seletskii, an illegitimate son of the landowner Seletskii from Cherepovets, was arrested and sentenced to ten years of hard labor in the mid-1910s on charges of expropriation. In hard labor, he met O. Minor, a well-known Socialist Revolutionary. This fact later allowed him to refer to this acquaintance. In 1917, Seletskii returned from hard labor and became a supporter of armed struggle against Soviet power after the October coup. In 1919, he was arrested in Cherepovets as the leader of a group of near-maximalist persuasion. After the investigation, several members of this group were shot. Seletskii escaped such a fate, which suggests that it was from this time that he began cooperating with the Cheka. It was also confirmed by the mass arrests that accompanied his subsequent visits to Cherepovets, which became known later.

At the end of 1922, Seletskii managed to establish rather close ties with the Socialist Revolutionary underground in Petrograd. At the beginning of 1923, he moved to Moscow. There, using recommendations given to him by the persons quite well known in Socialist Revolutionary circles, he contacted members of the Central Bureau of the party (the CB) and expressed his willingness to carry out party assignments abroad, since he had the means to travel, according to him. In May 1923, the CB sent him as its representative to the unification congress of the Socialist Workers' International in Hamburg and instructed him to establish ties with the Foreign Delegation (the FD), which had been disrupted due to mass arrests in Moscow.²⁸

In Berlin, "Igor" presented his CB mandate and was received with complete trust.²⁹ However, his behavior soon alarmed some members of the Foreign Delegation. He openly neglected the elementary rules of conspiracy; the coded letters he brought could not be deciphered using the existing party key; he hinted at the betrayal of certain party members with impeccable reputations; he showed a keen interest in the activities of monarchist and other non-socialist foreign organizations. And most importantly, suspicious seemed his repeated and persistent demands to be provided with all information about the FD's channels of communication with Russia as well as addresses and passwords for interacting with party comrades working in the country of the Soviets.

At first, the Socialist Revolutionaries hoped that all doubts could be explained by psychological reasons. On this matter, Viktor Chernov, the de facto head of the Foreign Delegation at that time, wrote:

²⁸ "Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, April 30, 1923" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 378–80.

²⁹ "Unmasking the Provocation" [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 4.

I am also now inclined to think that, obviously, Igor has become too overworked and that he should rest. Otherwise, nothing will come of his dealings with the abroad . . . One can only regret that the only person whom our Russian comrades could send to us is so nervously exhausted that it is impossible to establish the kind of relations with Russia that we always had through him.³⁰

As a result, the Foreign Delegation in Berlin decided not to give him,

any addresses and contacts in Russia that he persistently requested and to make inquiries about him in a conspiratorial manner, at the same time giving Seletskii no reason to believe that he was under suspicion.³¹

Following Chernov, with whom “Igor” had a lengthy conversation, F. Makhin and S. Postnikov, who represented the Business Bureau of the FD in Prague, also refused to provide any information to him. After this, Seletskii changed his tactics. He switched from communicating with the circle of V. Chernov to communicating with the right wing of the Socialist Revolutionary emigration and began to play on factional disagreements, trying to further exacerbate them.

Serious ideological differences had long existed within the Socialist Revolutionary ranks, effectively splitting the party into several camps and becoming one of the reasons for its loss of leading positions in 1917. The Soviet leadership also understood that the Socialist Revolutionary Party had long ceased to be a cohesive organization. In emigration in the first half of the 1920s, the Socialist Revolutionaries were conditionally divided into four “factions” grouped around certain periodicals: the left faction, the group of the magazine *Volya Rossii*; the left centrists, the group of V. Chernov including the Foreign Delegation and the magazine *Revolyutsionnaya Rossiya*; the right-centrists, the group associated with A. Kerensky’s newspaper *Dni*; the right faction, the group associated with the Parisian journal *Sovremennye Zapiski*.

In his meetings with the right faction, Seletskii began to criticize the FD, supported the idea of joint work with various political forces in emigration, and raised the issue of the need to reorganize foreign work altogether. All of this aligned with the aspirations of the right and right-centrists but contradicted the general direction of the party line consistently pursued by the CB in Russia up to that point and constantly transmitted in letters to the FD, including the demand to expel prominent right-wing

³⁰ “Pis'mo V.M. Chernova k neustanovlennomu litsu (V.Ya. Gurevichu?), bez daty” [Letter from V.M. Chernov to an Unidentified Person (V.Ya. Gurevich?), undated]. Nicolaevsky (Boris I.) Collection, box 9, folder 5, Hoover Institution Archives (HIA), Stanford CA, USA.

³¹ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 5.

Socialist Revolutionaries N. Avksent'ev and I. Fondaminskii from the party for failing to submit to party discipline.³²

Chernov and his associates viewed Seletskii's close contacts with the rightists, bypassing the Foreign Delegation, without enthusiasm. Nevertheless, they could not completely rule out the possibility that such behavior was related to his assignment to inspect their work and propose measures to the CB in Russia to improve its effectiveness.

Chernov suggested that "Igor" come to him in Wandlitz, north of Berlin, for a thorough conversation and explanation. Seletskii avoided the meeting, citing being busy with official travel matters.³³ Chernov then sent him a letter in which he formulated all the main questions and complaints. Among other things, it stated:

I will not pretend that your behavior, which is far from being a secret to a rather large party periphery, does not cause considerable bewilderment everywhere. . . . The inconsistency of a number of your statements and actions also causes bewilderment. . . You began a conversation with me in Hamburg with a reproach on behalf of our Russian comrades about excessive softness and condescension towards the right wing of the party. And now you, in contradiction to this, insist on some kind of compromise with them. How can this contradiction be explained? . . . We have absolutely nothing against you receiving information about us and our activities, even from all the right-wing oppositionists gathered from Berlin, Prague, Paris, and, if available, from all other cities. We do not intend to argue with them on the basis of personal accusations and we fundamentally leave them unanswered. Our stake is on ideas, on principles, on a strict party stance. Here, in emigration, it is often replaced by a stake on individuals. We will not go down that road. And we do not believe that in Russia they want this from us as well. While inviting you to listen as much as you like to right-wing oppositionists who feel wronged by the party, we nevertheless expected to find in you a sufficiently experienced party person to introduce into this foreign émigré environment the healing spirit of party discipline and principle.³⁴

³² "Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, January 12, 1921" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 148.

³³ "Pis'mo P.A. Seletskogo k V.M. Chernovu ot 4 iyunya 1923 g." [Letter from P.A. Seletskii to V.M. Chernov as of June 4, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

³⁴ "Pis'mo V.M. Chernova k P.A. Seletskomu ot 5 iyunya 1923 g." [Letter from V.M. Chernov to P.A. Seletskii as of June 5, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

Seletskii replied to Chernov in a rather condescending tone, mentioning among other things the low productivity of the FD's work, the need for its reorganization, and the urgency of convening a foreign all-Socialist Revolutionary congress.³⁵

For their part, the right faction continued to see nothing suspicious in Seletskii's behavior, ignored the FD's warnings, willingly shared their plans with him, and, of course, were not sparing in their criticism of Chernov's devotees before the "confidant of the Moscow CB." Vladimir Zenzinov, who ideologically gravitated toward the right wing and at that time was no longer a member of the FD of the SRP, provided him with a letter of recommendation to an acquaintance socialist in Riga, in which he asked him to help Seletskii establish a permanent channel of communication between the Socialist Revolutionaries in Moscow and Berlin. In the letter, he wrote:

The comrade who will deliver this letter to you was delegated by our Central Bureau from Moscow to the Hamburg International Socialist Congress and is now returning back to Moscow (I am telling you this strictly confidentially). You would render our party a great service if, with the help of your political connections and acquaintances, you helped the comrade establish permanent communication links between Moscow and Berlin. He will discuss all the details of this matter with you personally. Thank you in advance for any assistance you may provide to the comrade. I will, in turn, be glad to be of use to you someday.³⁶

It is obvious that for Seletskii, this letter opened up the opportunity to control all correspondence between foreign and Russian Socialist Revolutionaries. Fortunately for the Socialist Revolutionaries, this did not happen, partly due to some accidental circumstances and partly due to the precautionary measures taken by the FD.

Later, after the exposure of the provocateur, a scandal broke out around this incident, as Zenzinov's name was mentioned in the FD's report. It stated the following:

Unfortunately, V.M. Zenzinov, a party member who had left the FD a few months before Seletskii's arrival, finding that the latter was quite worthy of trust and that the Delegation had not made sufficient use of his arrival, considered himself entitled to hand over to S., at his own personal risk and peril, conspiratorial connections known to him from his work with the Foreign

³⁵ "Pis'mo P.A. Seletskogo k V.M. Chernovu ot 5 iyunya 1923 g." [Letter from P.A. Seletskii to V.M. Chernov as of June 5, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

³⁶ "Pis'mo V.M. Zenzinova k Bruno Rolianu ot 5 iyunya 1923 g." [Letter from V.M. Zenzinov to Bruno Rolian as of June 5, 1923]. Box 9, folder 5. HIA.

Delegation, and to provide S. with a letter of recommendation on the letterhead of the FD, which he had lost the right to use.³⁷

Zenzinov found it necessary to publicly justify himself. On the pages of the newspaper *Dni*, he published a piece entitled “A Forced Explanation,” in which he attempted to refute the accusations of negligence and even accused the Foreign Delegation of providing inaccurate information about this incident in the press. In particular, he noted:

I provided Seletskii with no conspiratorial connections known to me from my work in the FD; I only gave him one foreign address that was known to me through my personal acquaintance with one of the foreign socialists; the FD had never used this address before.³⁸

A rather sharp response followed from the FD,³⁹ which set out Zenzinov’s careless behavior in greater detail and with additional facts. It should be noted that such squabbling in the press was quite characteristic of the Socialist Revolutionary emigration.

Seletskii left for Moscow on 6 June 1923. Three weeks later a letter was sent from the CB abroad, instructing the FD to urgently convene a foreign congress of Socialist Revolutionary groups to discuss the causes and ways of overcoming ideological and tactical disagreements within the Socialist Revolutionary environment, to work out common directions for party work, and to reorganize the FD. At the same time, it was pointed out that having heard the report made by Seletskii (“our representative who returned from abroad from the Hamburg Congress”) on the state of party work abroad,⁴⁰ the CB had concluded that there were no fundamental disagreements between the FD, the Kerensky–Zenzinov group, and other Socialist Revolutionary groupings. The lack of coordination in the actions of foreign groups and individual leading party workers was explained by the geographical separation of comrades living abroad, the lack of periodic meetings and congresses to develop a common line

³⁷ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 5.

³⁸ V. Zenzinov, “A Forced Explanation” [in Russian], *Dni*, no. 507, July 10, 1924, 1–2.

³⁹ “Statement of the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party Regarding V.M. Zenzinov’s ‘Forced Explanation’” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 37–38, 1924, 28–29.

⁴⁰ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, June 26, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 380.

and tactics of action, and the breakdown of communication between the FD and the CB of the Socialist Revolutionary Party.⁴¹

It should be explained here that the foreign Socialist Revolutionaries at that time did not fully understand the state of the party's leading bodies in Russia. Almost all members of the Central Committee of the Socialist Revolutionary Party elected at the last, Fourth, Party Congress at the end of 1917, had been arrested by that time and later convicted at the well-known trial of 1922. The Central Organizing Bureau was formed from the Socialist Revolutionaries who remained at large. The foreign Socialist Revolutionaries maintained more or less regular contact with the bureau until 1925. However, the composition of the CB of the Socialist Revolutionary Party changed and was not always known to the foreign comrades.⁴²

The information contained in the aforementioned letter, that the CB was functioning, came as news to the members of the FD. In a response letter, V. Chernov reported:

It was with great joy that we read the signature “the CB of the SRP” under your letter. – The Hamburg representative said that so far it was only a question of the revival of the center in the form of “Prov[isional] Org[anizing] Bureau.”⁴³

From the presence of such a signature, one could conclude that the Socialist Revolutionaries in Russia had managed to contact the former composition of the CB and to agree with it on its renewed composition, either by co-opting new members or in some other way, such as a referendum of the organizations. However, these were only assumptions, and Chernov asked to confirm this information so that he would

be able to prove that party organizational law has not been violated. This is very important abroad. The opposition is always inclined to hint at imposture.⁴⁴

In his letter, Chernov also touched upon other disturbing points. What puzzled him most was the statement about the absence of any serious ideological-political and tactical differences between the left center of the FD and the right. He asked:

⁴¹ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, June 26, 1923,” 381.

⁴² Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 38–40.

⁴³ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 387.

⁴⁴ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923,” 384.

Does your letter mean that from now on the CB is changing this course? If so, what exactly do these changes consist of? Have they been approved by the Russian organizations that outlined the previous course at the last two councils organized by the party?⁴⁵

Additionally, Chernov cautiously expressed his suspicions regarding Seletskii.

In a response letter, the CB expressed the unambiguous opinion that they considered the suspicions about the “Hamburg delegate” to be groundless.⁴⁶

Meanwhile, in the foreign émigré environment, preparations began for the First Congress of Foreign Socialist Revolutionary Organizations, in which everyone was interested: the left Socialist Revolutionaries, the right Socialist Revolutionaries, and the GPU.

The leftists and left-centrists believed that the congress could become an important stage in the consolidation of the Socialist Revolutionary emigration on a common party platform, put an end to organizational lawlessness, and finally eliminate the situation where “every prominent in his past Socialist Revolutionary would be allowed to distort the political face of the party as he pleased,” pursuing “irresponsible personal and circle politics,” which gave opponents and enemies of the party grounds to judge it as a “party of zigzag courses, of accidental and personal moods.”⁴⁷

The rightists came to the congress with the aim of putting an end to their disgraced position in the party, weakening the FD’s position through the Foreign Regional Committee, and pursuing their own political line more actively and effectively.

For the GPU, the congress of foreign Socialist Revolutionaries was also of considerable importance. By supporting the “bourgeois” right-wing Socialist Revolutionaries, it was possible not only to maintain constant tension in the relations between the two main currents in the foreign Socialist-Revolutionary environment but also to gradually weaken the position of the left, and then declare the complete degeneration of the Socialist Revolutionary Party, its complete loss of the “socialist ideal,” and its final transformation into an auxiliary force of international imperialism. And Seletskii, according to the GPU’s plan, could in this situation become an effective instrument for influencing the work and decisions of the First Congress of Foreign Socialist Revolutionary Organizations.

⁴⁵ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923,” 384.

⁴⁶ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, September 15, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 387–88.

⁴⁷ “Letter from V.M. Chernov to the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party. August 9, 1923,” 386.

“Igor” reappeared in Berlin at the end of October 1923. This time he announced that he had been co-opted into the CB and was its secretary. The mandate he brought gave him not only the right to participate in the congress as a representative of the CB but also endowed him with broad powers to reorganize all foreign work, including the activities of the FD.⁴⁸

Nevertheless, the letters and theses on mutual relations between the central party organ and the foreign organizations of the SRP delivered by Seletskii, allegedly from the CB, gave rise to new suspicions. Both in content, character, and style, they contrasted sharply with both the party’s political line and the norms of the Socialist Revolutionary subculture, and even deviated “from the usual Socialist-Revolutionary terminology towards Bolshevik terminology.”⁴⁹ As it later turned out, all of these “instructions” of the CB brought by Seletskii were indeed born in the bowels of the GPU.

The Organizing Bureau of the Congress, which received “Igor’s” mandate, recognized it as insufficient and referred it for further investigation to a special commission with the following wording:

(1) Taking into account that the FD cannot currently verify the authenticity of the mandate and the person specified therein; (2) that the mandate itself, in terms of its content, appears sufficient for participation in the congress, provided that it is authentic, despite the fact that some of the terms used in it raise certain doubts, the Organizing Bureau resolved: (1) to request a definite opinion from the FD on the question of the authenticity of the mandate and the reliability of the person; (2) to submit the final opinion together with the mandate to the congress for its conclusion, proposing that it urgently establish a special commission for this purpose. The question of issuing a visa for the said person shall remain open pending the decision of the said commission.⁵⁰

As a result, the Organizing Bureau of the Congress, in agreement with the FD, decided to detain Seletskii in Berlin and not allow him to attend the congress, which

⁴⁸ “Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party and the Congress of Comrade Emigrants. Moscow, September 29, 1923” [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 391.

⁴⁹ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolyutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 6.

⁵⁰ “Protokol zasedaniya Orgburo po sozyvu s"ezda 2 noyabrya 1923 g. Mashinopis” [Minutes of the meeting of the Organizing Bureau for the convocation of the congress, November 2, 1923. Typescript]. Folder 959, image 63. PSR Archives. International Institute of Social History (IISH), accessed August 1, 2024, <https://search.socialhistory.org/Record/ARCH01038/ArchiveContentList#935>

took place from November 15 to November 24, 1923 in Prague. Thus, Seletskii was not allowed to participate in the discussion of many important party issues at that party meeting, which was held as a closed session.

It should be noted that the atmosphere at the congress sessions was very tense. In addition to heated discussions on substantive issues, there were mutual accusations and personal score-settling.⁵¹ The question of Seletskii's mandate became the cause of yet another conflict between the right and the left. In his speech, A. Kerensky clearly hinted that the "left" organizing committee of the congress had not allowed Seletskii to attend the sessions for political reasons, fearing his statements, which contradicted the old line of the CB:

And so, finally, when an actual human being arrives from Moscow from the CB, this time with different directives, an attempt is made to cast a shadow over him, he is taken under suspicion, his personal honor is being questioned.⁵²

The left delegates were indignant, filed a written protest, and succeeded in forcing Kerensky to retract his words.

At the end of November 1923, Seletskii returned to Russia and continued his "party" work, the result of which was the mass arrest of Socialist Revolutionaries (including about 200 people in the Volga region) and the destruction of a Socialist Revolutionary printing house in Kiev. In addition, Seletskii vigorously propagated the idea of convening an all-party congress in Russia.

After Seletskii's departure, the FD decided to continue the investigation into his case despite the formal rehabilitation of the "CB representative" by the congress. For that purpose, another "special conspiratorial commission" was established, which worked under conditions of complete secrecy.⁵³ The commission worked for five months. There even were several trips to Russia aimed at gathering information.

The first serious breakthrough in the investigation occurred after a former Socialist Revolutionary in Russia (referred to as B.) confessed to his comrades that he had been recruited and was an informant of the GPU. He spoke about his participation in a large-scale scheme of GPU provocations against the Socialist Revolutionary Party,

⁵¹ A.A. Goloseyeva, "'We Are Barbarians to Each Other': The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party in Prague (1923) and an Attempt of Organizational Consolidation" [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 484 (2022): 88–100, <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW

⁵² "Extraordinary Statement to the Congress of Deputies of the 'Left' Faction and the Response of A.F. Kerensky, November 22, 1923" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 614–15.

⁵³ "Unmasking the Provocation" [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 6.

including abroad, which was directed by his “handler” I. Reshetov. Seletskii was an important part of the scheme, although B. did not know him personally and did not even immediately realize that he was a GPU employee.

B. was also sent abroad by Reshetov with the assignment

to establish the closest possible contact with the members of the FD, trying to instill in them confidence in the solidity of the current composition of the CB, of which Seletskii had become a member, and in his stories about the situation in Russia to conform to what the latter would say.⁵⁴

Incidentally, B. also shed light on the document that Seletskii had brought to the congress in Prague, “which had raised doubts in the Organizing Bureau of the Congress and had Bolshevik phraseology.”⁵⁵ It was a kind of object of pride for Reshetov, who personally wrote the theses on the mutual relations of the SRP in Russia with the foreign organization. Finally, B. confirmed that after the congress of former Socialist Revolutionaries in March 1923,⁵⁶ the idea arose within the GPU of convening a real all-Russian underground congress of Socialist Revolutionaries with the aim of infiltrating the remaining Socialist Revolutionary organizations with the maximum possible number of agent provocateurs and finally destroying the party.

The episode that put the final point in the provocateur’s case occurred in Moscow. A person who knew Seletskii by sight saw him in the street wearing a fake moustache and beard and followed him. It turned out that wearing disguise to remain unnoticed, Seletskii had come to the apartment of communist Lomov, Reshetov’s assistant. After that, no doubts remained and the newspaper *Revolutsionnaya Rossiya* issued an open statement about the exposure of the provocation.

Conclusion

The structures created by the Soviet secret services to undermine the Russian political emigration proved to be quite effective. By skillfully using the method of provocation and infiltrating their agents into the ranks of foreign organizations, the Soviet authorities were able not only to neutralize the right-wing and monarchist groups abroad and within the country but also to inflict significant damage on the left-democratic parties and movements, including the Socialist Revolutionaries.

⁵⁴ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 8.

⁵⁵ “Unmasking the Provocation” [in Russian], *Revolutsionnaya Rossiya*, no. 35–36, June–July, 1924, 7.

⁵⁶ “Report by I. Reshetov on the Congress of Former Socialist Revolutionaries. March 22, 1923” [in Russian], in A.A. Plekhanov, and A.M. Plekhanov, comps., *F.E. Dzerzhinsky, Chairman of the VChK–OGPU. 1917–1926* (Moscow: MFD; Materik, 2007), 476–78.

Even one specific episode connected with Seletskii's provocative work had extremely destructive consequences for the remnants of the SRP in Russia: "An almost hopeless situation was created, the center found itself isolated from the periphery, and local groups, from one another."⁵⁷ It was another organizational catastrophe altogether: the acting CB suspended its work and disbanded its personnel. Once again, under nearly impossible conditions, it became necessary to form a CB from the remnants of party members. It turned out to be increasingly difficult for the Socialist Revolutionaries in emigration to maintain contacts with their comrades in Soviet Russia, and somewhat later, at the Second Congress of Foreign Organizations of the SRP in 1928 in Paris, it was recognized that those contacts were only occasional.⁵⁸

Although not all of the provocateur Seletskii's tasks were fulfilled, he managed to introduce additional discord into the already ideologically fragmented ranks of the foreign Socialist Revolutionaries, even though the formal organizational unity of the party was temporarily preserved.

The Socialist Revolutionaries in exile never managed to find an adequate "antidote" to the work of the Soviet special services: their internal party investigations were not very successful. Only chance and the instincts of experienced revolutionaries such as Chernov, who had years of experience in conspiratorial activity behind them, helped to expose the provocateur.

The employees of the Secret Department of the GPU could consider even the exposure of the provocateur Seletskii a success of their special operation: the confusion, disarray, and outbreaks of mutual suspicion among the foreign socialists had a negative impact on the organization's effectiveness. The Socialist Revolutionary Party, which had already had the traumatic experience of the Azef affair, was very sensitive to any incidents involving betrayal in its ranks. The renewed search for a provocateur after the wave of arrests of the remaining Russian Socialist Revolutionaries in 1925 triggered a split within the FD of the SRP itself and, ultimately, led to the gradual decline of Socialist Revolutionary party work in emigration.

⁵⁷ "Letter from the Central Bureau of the Socialist Revolutionary Party to the Foreign Delegation of the Socialist Revolutionary Party. Moscow, September 19, 1924" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 392–93.

⁵⁸ "Minutes of the First Session of the Second Congress of Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party in Paris, April 29, 1928" [in Russian], in Goloseyeva, Morozov, and Suslov, *The Socialist Revolutionary Party in Emigration*, 642.

Список литературы

Базанов П.Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. Москва: Посев, 2013. 424 с. EDN: YGMUMF

Голдин В.И. Генералов похищали в Париже. Русское военное Зарубежье и советские спецслужбы в 30-е годы XX века. Москва: РИСИ, 2016. 856 с. EDN: WYZUFX

Голосеева А.А. «Мы друг другу варвары»: Первый съезд заграничных организаций партии социалистов-революционеров в Праге (1923 г.) и попытка организационного сплочения // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 88–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW

Кокурин А.И., Петров Н.В. ГПУ–ОГПУ (1922–1928) // Свободная мысль. 1997. № 7. С. 110–125.

Кузьминых А.Л. Органы внутренних дел советского государства в период сталинизма в контексте отечественной историографии // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. 2019. Т. 3, № 1. С. 146–211. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ

Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 736 с. EDN: QWOXNB

Соколов М.В. Провал ЦБ эсеров в Ленинграде // Родина. 2012. № 7. С. 130–134. EDN: PBDIGL

Соколов М.В. Соблазн активизма. Русская республиканско-демократическая эмиграция 20–30-х гг. XX в. и ОГПУ СССР. Москва: Азбуковник, 2011. 550 с.

Струков Б.Г. Борьба ОГПУ против российской политической эмиграции // Исторические чтения на Лубянке, 1999 год. Отечественные спецслужбы в 20–30-е годы: сборник / составитель В.М. Комиссаров. Москва: Общество изучения истории отечественных спецслужб, 2000. С. 66–70.

Темпест Р. Страна родственных умов: русские эмигранты в Болгарии. Первые послереволюционные годы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2020. Т. 3, № 4. С. 113–123. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCINBJ

Тепляков А.Г. Машина террора: ОГПУ–НКВД Сибири в 1929–1941 гг. Москва: Новый хронограф; АИРО-XXI, 2008. 608 с. EDN: UNBHFD

Флейшман Л. В тисках провокации. Операция «Трест» и русская зарубежная печать. Москва: Новое литературное обозрение, 2003. 328 с.

Фролова Е.И. Административный центр эмигрантского внепартийного объединения и Кронштадтское восстание 1921 г. // Вопросы истории. 2007. № 9. С. 33–49. EDN: IBCYIV

Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1919–1945) / перевод с немецкого Л. Лисюткиной. Москва: НЛЮ, 2004. 632 с.

Янсен М. Суд без суда. 1922 год: Показательный процесс социалистов-революционеров / перевод с английского Е.А. Ильзен-Грин, Г.Л. Грина, Ф.Е. Апанасенко. Москва: Возвращение, 1993. 272 с.

Dallin D.J. Soviet Espionage. New Haven: Yale University Press, 1955. 558 p.

Gerson L.D. The Secret Police in Lenin's Russia. Philadelphia: Temple University Press, 1976. 332 p.

The Soviet Secret Police / edited by S. Wolin, R.M. Slusser. New York: F.A. Praeger, 1957. 408 p.

References

- Bazanov, P.N. *Bratstvo Russkoi Pravdy – samaya zagadochnaya organizatsiya Russkogo Zarubezh'ya* [The Brotherhood of Russian Truth, the most mysterious organization of the Russian diaspora]. Moscow: Posev, 2013. EDN: YGMUMF (In Russian)
- Dallin, D.J. *Soviet Espionage*. New Haven: Yale University Press, 1955.
- Fleishman, L. *V tiskakh provokatsii. Operatsiya “Trest” i russkaya zarubezhnaya pechat’* [In the grip of provocation. Operation “Trust” and the Russian émigré press]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003. (In Russian)
- Frolova, E.I. “Administrativnyi tsentr emigrantskogo vnepartiinogo ob"edineniya i Kronshtadtskoe vosstanie 1921 g.” [The administrative center of the emigrant non-party association and the Kronstadt Uprising of 1921]. *Voprosy istorii*, no. 9 (2007): 33–49. EDN: IBCYIVA (In Russian)
- Gerson, L.D. *The Secret Police in Lenin’s Russia*. Philadelphia: Temple University Press, 1976.
- Goldin, V.I. *Generalov pokhishchali v Parizhe. Russkoe voennoe Zarubezh'e i sovetskie spetssluzhby v 30-e gody XX veka* [Generals were abducted in Paris. Russian military diaspora and Soviet special services in the 1930s]. Moscow: RISI, 2016. EDN: WYZUFX (In Russian)
- Goloseyeva, A.A. “‘My drug drugu varvary’: Pervyi s"ezd zagranichnykh organizatsii partii sotsialistov-revolutsionerov v Prage (1923 g.) i popytka organizatsionnogo splocheniya” [“We are barbarians to each other”: The First Congress of the Foreign Organizations of the Socialist Revolutionary Party in Prague (1923) and an attempt of organizational consolidation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 484 (2022): 88–100. <https://doi.org/10.17223/15617793/484/10>; EDN: BOLGOW (In Russian)
- Jansen, M. *Sud bez suda. 1922 god: Pokazatel'nyi protsess sotsialistov-revolutsionerov* [A show trial under Lenin: the trial of the Socialist Revolutionaries, Moscow 1922], translated from English by E.A. Il'zen-Grin, G.L. Grin, and F.E. Apanasenko. Moscow: Vozvrashchenie, 1993. (In Russian)
- Kokurin, A.I., and N.V. Petrov. “GPU–OGPU (1922–1928)” [The GPU–OGPU (1922–1928)]. *Svobodnaya mysl'*, no. 7 (1997): 110–25. (In Russian)
- Kuz'minykh, A.L. “The Internal Affairs Agencies of the Soviet State in the Period of Stalinism in the Context of Russian Historiography.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 3, no. 1 (2019): 146–211. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2019-3-1-3>; EDN: ZACQDZ
- Morozov, K.N. *Sudebnyi protsess sotsialistov-revolutsionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva* [The trial of the Socialist Revolutionaries and prison confrontation (1922–1926): Ethics and tactics of struggle]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2005. EDN: QWOXNB (In Russian)
- Schlögel, K. *Berlin, Vostochnyi vokzal. Russkaya emigratsiya v Germanii mezhdv dvumya vainami (1919–1945)* [Berlin – Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert], translated from German by L. Lisutkina. Moscow: NLO, 2004. (In Russian)
- Sokolov, M.V. “Proval TsB eserov v Leningrade” [Failure of the SR Central Bureau in Leningrad]. *Rodina*, no. 7 (2012): 130–34. EDN: PBDIGL (In Russian)
- Sokolov, M.V. *Soblazn aktivizma. Russkaya respublikansko-demokraticeskaya emigratsiya 20–30-kh gg. XX v. i OGPU SSSR* [The temptation of activism. Russian republican democratic emigration of the 1920s–1930s and the OGPU of the USSR]. Moscow: Azbukovnik, 2011. (In Russian)

Strukov, B.G. “Bor’ba OGPU protiv rossiiskoi politicheskoi emigratsii” [The OGPU’s struggle against Russian political emigration]. In *Istoricheskie chteniya na Lubyanke, 1999 god. Otechestvennye spetssluzhby v 20–30-e gody: sbornik* [Historical readings at Lubyanka, 1999. Russian special services in the 1920s–1930s: A collection], compiled by V.M. Komissarov, 66–70. Moscow: Obshchestvo izucheniya istorii otechestvennykh spetssluzhb, 2000. (In Russian)

Tempest, R. “Strana rodstvennykh umov: russkie emigranty v Bolgarii. Pervye poslerevolutsionnye gody” [A land of kindred intellects: Russian émigrés in Bulgaria during the early post-revolutionary years]. *Filosoficheskie pis'ma. Russko-evropeiskii dialog*, vol. 3, no. 4 (2020): 113–23. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2020-3-4-113-123>; EDN: FCIHBJ (In Russian)

Teplyakov, A.G. *Mashina terrora: OGPU–NKVD Sibiri v 1929–1941 gg.* [The terror machine: The OGPU–NKVD of Siberia in 1929–1941]. Moscow: Novyi khronograf; AIRO-XXI, 2008. EDN: UNBHFD. (In Russian)

Wolin, S., and R.M. Slusser, eds. *The Soviet Secret Police*. New York: F.A. Praeger, 1957.

Информация об авторе

Анна Анатольевна Голосеева – кандидат исторических наук, доцент, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>, goloseyeva.anna@yandex.ru, Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, пл. Миусская, 125047 Москва, Россия).

Information about the author

Anna A. Goloseyeva – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, <https://orcid.org/0009-0007-6191-9749>, goloseyeva.anna@yandex.ru, Russian State University for the Humanities (6, pl. Miusskaya, 125047 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 30.01.2025; одобрена после рецензирования 02.09.2025; принята к публикации 10.11.2025.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 02.09.2025; accepted for publication 10.11.2025.

HISTORIA PROVINCIAE-

ЖУРНАЛ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

2026 · Т. 10 · № 3

Рецензия

УДК 94

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-8>

<https://elibrary.ru/vrbhft>

Гарнизон Соловецкого архипелага в годы Второй мировой войны
Рецензия на: Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. Страницы истории. Наследие. Археология. Соловки; Архангельск: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2025. 558 с.

Михаил Николаевич Супрун

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф.М. Достоевского,
Санкт Петербург, Россия,
suprun.ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>

Mikhail N. Suprun

Russian Christian Academy for Humanities
named after Fyodor Dostoevsky,
St Petersburg, Russia,
suprun.ru@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>

Аннотация. Рецензируемая монография представляет собой первое фундаментальное исследование по истории Соловецкого гарнизона в период с 1940 года – времени его создания – и до перевода основных его частей на материк в 1947 г. Основой всех воинских частей и учреждений на Соловках в те годы являлся Учебный отряд в составе 6 школ подготовки специалистов для военно-морского флота, включая самую известную «Школу юнгов ВМФ». Наряду с ним на архипелаге в эти годы было размещено еще тридцать воинских подразделений (госпиталь, авиационное звено связи, зенитные и береговые артиллерийские батареи, специализированные роты и др.). На основе большого количества источников, впервые вводимых в научный оборот, исследователи попытались осветить деятельность каждого из подразделений. Параллельно с работой в архивах авторы в течение нескольких полевых сезонов обследовали и описали остатки более тысячи «землянок», хозпостроек и оборонительных сооружений, передав в архив Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника артефакты и обширные полевые отчеты. Краткое описание наиболее интересных памятников вошло в книгу как «своеобразный каталог памяти». Результаты, представленные авторами книги, разрушают многие мифы и сложившиеся стереотипы по истории Соловков военных лет, позволяя тем самым исправить существующие ошибки в литературе, кино и даже на мемориальных досках и монументах.

© Супрун М.Н., 2026

© Suprun M., 2026

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, военная археология, Соловки, гарнизон, Учебный отряд ВМФ, Школа юнгов ВМФ

Для цитирования: Супрун М.Н. Гарнизон Соловецкого архипелага в годы Второй мировой войны. Рецензия на: Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. Страницы истории. Наследие. Археология. Соловки; Архангельск: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2025. 558 с. // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2026. Т. 10, № 3. С. 961–972, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-8>; EDN: VRBHFT

Garrison of the Solovetsky Archipelago during the Years of World War II

Review of *Solovetskii garnizon v 1940–1947 gg. Stranitsy istorii. Nasledie.*

Arkheologiya [Solovetsky garrison in 1940–1947. Pages of history. Heritage.

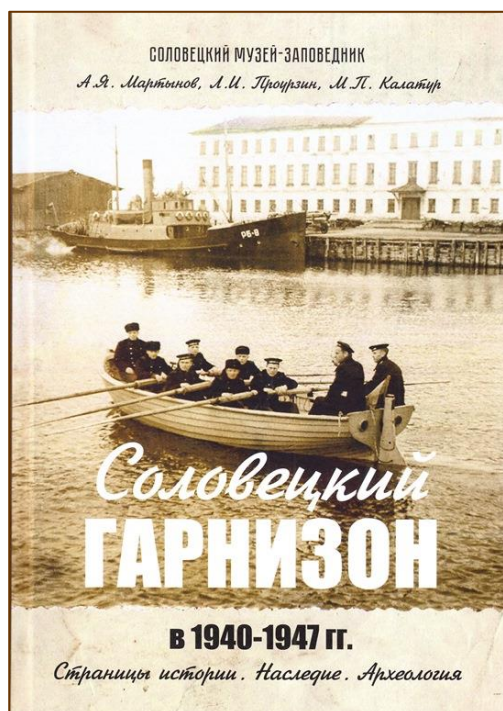
Archaeology], by A.Ya. Martynov, L.I. Prouzsin, and M.P. Kalatur (Solovki;

Arkhangel'sk: Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik, 2025)

Abstract. The monograph under review is the first fundamental study on the history of the Solovetsky garrison from the time of its creation in 1940 till the transfer of its main units to the mainland in 1947. The Naval Training Detachment constituted the basis for all military units and institutions on Solovki in those years. The detachment included 6 schools for training naval specialists, including the most famous Naval Cadet School (*Shkola Yungov VMF*). Along with the detachment, thirty more military units (a hospital, a postal aviation unit, anti-aircraft and coastal artillery batteries, specialized companies, etc.) were stationed on Solovki back then. Based on the great number of sources, most of which are being introduced into the scholarly discourse for the first time, the researchers made an attempt to highlight the activities of each of the units. In parallel with their work in the archives, the authors of the monograph examined and described the remains of more than one thousand “dugouts,” outbuildings, and defensive installations during several field seasons, adding artifacts and extensive field reports to the collection of the Solovetsky State Historical Architectural and Natural Museum Preserve. A brief description of the most interesting monuments was included in the book as a “kind of memory catalog.” The results presented by the authors of the book under review destroy many myths and stereotypes of the history of Solovki during the war years, thereby making it possible to correct the existing errors in literature, movies, and even on the memorial plaques and monuments.

Keywords: World War II, the Great Patriotic War, military archeology, Solovki, garrison, Naval Training Detachment, Naval Cadet School (*Shkola Yungov VMF*)

For citation: Suprun, M.N. “Garrison of the Solovetsky Archipelago during the Years of World War II.” Review of *Solovetskii garnizon v 1940–1947 gg. Stranitsy istorii. Nasledie. Arkheologiya* [Solovetsky garrison in 1940–1947. Pages of history. Heritage. Archaeology], by A.Ya. Martynov, L.I. Prouzsin, and M.P. Kalatur (Solovki; Arkhangel'sk: Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik, 2025). *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 10, no. 3 (2026): 961–72, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2026-10-3-8>; EDN: VRBHFT

К 80-летию Победы на Соловках вышло фундаментальное исследование об истории архипелага в годы Второй мировой войны¹. Если первобытная и средневековая история, включая описание историко-культурных памятников Соловецкого монастыря, внесенных в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, и даже история Соловецкого лагеря особого назначения (СЛОН) достаточно хорошо изучены и описаны, то, как выясняется, история Соловецких островов в годы минувшей войны оказалась практически неизвестной.

Отрывочные сведения о «мальчиках с бантиками», ставшие известными благодаря сочинениям Валентина Пикуля и Виталия

Гузанова, прочно укоренились в публичном нарративе и представляют собой, пожалуй, единственную яркую страницу истории Соловков военного времени в общественной памяти². Как это часто бывает, сложившиеся стереотипы искажают действительность и воспроизводят исторические ошибки в литературе, кино и даже в надписях мемориалов.

В 2020 г. заместитель директора музея по научной работе А.Я. Мартынов – известный археолог и историк архипелага – и старший научный сотрудник музея М.П. Калатур предприняли попытку исправить ошибки, представив краткую историю соловецкого Учебного отряда³. К их работе присоединился сотрудник местного лесничества Л.И. Проурзин, который в силу специфики профессии и особого интереса к военной истории выявил на Соловках десятки

¹ Рецензируемая монография стала лауреатом конкурса «Книга года» для издателей и полиграфистов Архангельской области, проводимого Архангельской областной научной библиотекой имени Н.А. Добролюбова и министерством культуры региона в целях развития лучших традиций книжного дела в Поморье. Книга А.Я. Мартынова, Л.И. Проурзина, М.П. Калатура «Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. Страницы истории. Наследие. Археология» в 2025 г. победила в номинации «Лучшая книга о Русском Севере». – *редкол.*

² Пикуль В.С. Мальчики с бантиками. Ленинград: Детлит, 1979; Гузанов В.Г. Соловецкие паруса. Мурманск: Книжное издательство, 1982.

³ Калатур М.П., Мартынов А.Я. Учебный отряд Северного флота на Соловецких островах. 1939–1957 гг. История и память. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2020.

«памятников военной археологии». К полевым изысканиям подключился А.Я. Мартынов. В предисловии к книге авторы пишут:

Полевые исследования, продолженные после 2020 г., позволили обнаружить и исследовать остатки еще около 900 оборонительных укреплений, описание большей части которых также включено в это издание⁴.

В результате появилась монография по истории всего Соловецкого гарнизона (а не только Учебного отряда), которая включила в себя огромное количество нового материала, доставленного экспедицией из «разведок» и извлеченного из всех доступных архивохранилищ страны. В ходе этих работ фонды музея пополнились десятками новых артефактов, а историческая часть монографии – параграфами по истории 36 воинских частей и археологическим разделом.

Привлеченные авторами недавно рассекреченные архивные документы, включающие многостраничные отчеты о деятельности Соловецкого гарнизона, планы обороны архипелага, приказы командования, списки начальствующего состава, инструкции, учебные планы и т.п., убеждают в репрезентативности представленного материала. А ознакомление с отложившимися в фондах музея научными и полевыми отчетами, часть из которых вошла в рецензируемую монографию, подчеркивают фундаментальность проделанной авторами работы.

В монографии выделено два раздела – исторический и археологический. Первый включает 11 глав, посвященных истории гарнизона на Соловках, начиная с момента его формирования в 1940 г. и до перевода на материк в 1947 г. Основное внимание уделено базовому подразделению гарнизона – Учебному отряду, который состоял из шести школ, готовивших специалистов военно-морских профессий. Одной из них была *«Школа юнгов Военно-морского флота»* – официальное историческое название школы «мальчиков с бантиками», шесть раз прописанное в майском 1942 г. приказе наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова и повторяющееся во всех документах той эпохи. И авторы совершенно справедливо предлагают пользоваться именно этим названием.

В книге описана деятельность каждой из школ: Школы оружия, Школы связи, Электромеханической и Объединенной школ, а также Школы младших авиационных специалистов (ШМАС). Наряду с этими учебными заведениями

⁴ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. Страницы истории. Наследие. Археология. Соловки; Архангельск: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2025. С. 10.

Учебного отряда, на архипелаге дислоцировались еще более двух десятков воинских подразделений соловецкого гарнизона: зенитные и береговые артиллерийские батареи, 78-й военно-морской госпиталь, 24-е авиационное звено связи, 1-й дисциплинарный батальон Северного флота, строительная, противодесантная, пулеметная роты, рота ополчения... Считаю *исторической несправедливостью*⁵ полное отсутствие публикаций об этих подразделениях, авторы постарались максимально восполнить данный пробел, собрав доступную информацию об их дислокации, списочном составе, судьбах наиболее известных выпускников и командиров, в первую очередь Героев Советского Союза.

Исторический экскурс раздела сопровождается публикацией копий важнейших документов, редких фотографий⁶, выдержек из воспоминаний и писем ветеранов, а также биографическими справками о людях, чьи имена упомянуты по ходу повествования. Данные материалы оживляют академический стиль работы. Подкупает знание авторами деталей с привязкой материала к местности. Рассказывая о «Школе юнгов ВМФ», например, авторы приводят подробное описание землянок, размещение в них нар, системы отопления, освещения, характеристику материалов, из которых строились «кубрики», их точное расположение на острове. Детализация такого уровня свидетельствует о «глубоком (в буквальном смысле слова) проникновении» авторов в тему. Подобная скрупулезность в описании вполне оправдана тем, что рецензируемая монография написана музейщиками и в первую очередь для музейщиков.

«Естественное стремление авторов к объективности в описании и оценках деятельности Соловецкого гарнизона в годы войны»⁷ обусловило включение в книгу материалов о проступках и преступлениях, совершенных в гарнизоне, о чем в былые годы не принято было ни говорить, ни писать. По данным цитируемых документов, более 90 % преступлений, совершенных военными гарнизона, составляли самовольные отлучки, «хулиганские действия», случаи пьянства и пререкания с начальством, в чем было уличено

⁵ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 11.

⁶ Поскольку Соловки были отнесены к так называемой «прифронтовой полосе», все фотоаппараты гарнизона были зарегистрированы у военного цензора, а все сделанные на островах негативы и фотографии производились с разрешения командования и проходили строгую военную цензуру.

⁷ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 123.

около 5 % личного состава⁸. Более тяжкие преступления, направленные на рассмотрение трибунала, были связаны с дезертирством, смертью по неосторожности, случаями суицида. Согласно политдонесениям за период с 22 июня 1941 г. по 15 мая 1943 г. в пятитысячном гарнизоне умерли от разных болезней, были случайно застрелены сослуживцами, покончили с собой, признаны дезертирами или пропали без вести 20 человек⁹.

Особого внимания заслуживает анализ «Плана обороны Соловецких островов», представленный в 8-й главе. Уникальность этого документа состоит в том, что в нем на 546 страницах подробно описаны все восемь линий обороны архипелага, места дислокации частей гарнизона, их действия на случай высадки вражеского десанта или применения врагом химического оружия¹⁰. Разработке плана предшествовал приказ наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова от 17 июля 1941 г. об организации обороны Соловецких островов, в котором было строго указано «...без особого приказания не оставлять их ни при каких условиях»¹¹. Создание и реализация такого плана были вполне оправданными, поскольку вплоть до 1943 г. существовала опасность атаки островов, по крайней мере с воздуха¹². Кроме того, обучение курсантов фортификационному делу проходило в том числе и на строительстве оборонительных укреплений.

Одна из глав монографии посвящена статистике, а именно: количеству «классных»¹³ специалистов, подготовленных школами Учебного отряда, числу ушедших на фронт и не вернувшихся с войны курсантов. В основе подсчетов – еще один недавно рассекреченный документ – «Отчет по обзору деятельности Учебного отряда Северного флота за время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.», составленный командиром отряда П.Г. Максимовым. Анализируя отчет, сопоставляя его с другими источниками, авторы приводят наиболее точные на сегодняшний день, хотя и небесспорные, цифры. По их

⁸ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 124.

⁹ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 125.

¹⁰ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 171–202.

¹¹ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 168, 171.

¹² Известно, что за всю войну ни один германский корабль не осмелился пройти хорошо защищенное Горло и войти в Белое море.

¹³ Терминология того времени. Под «классными специалистами» подразумевались выпускаемые школами специалисты 1-го, 2-го и 3-го классов (разрядов).

подсчетах, за годы войны в школах отряда было подготовлено не менее 19 600 специалистов, прошедших обучение по программам, длившимся от трех до одиннадцати месяцев, в том числе в Школе юнгов ВМФ – 4 111, Школе оружия – 4 802, Электромеханической школе – 4 678, Школе связи – 2 560, в Объединенной школе – 3 025¹⁴. Больше половины выпускников (52,3 %) получили специальности по первому разряду, 32,5 % – по второму, т.е. учились на «хорошо» и «отлично». Такой успеваемости учеников может позавидовать любая современная школа. Большая часть воспитанников Учебного отряда была направлена прямо на передовую, в части морской пехоты, что, по мнению авторов, объясняет высокую смертность среди выпускников – до 7 тыс. человек. Общее же количество подготовленных Учебным отрядом специалистов за время существования на архипелаге и материке за 1940–1957 гг. составило около 52 тыс.¹⁵ Поэтому цифра выпускников Учебного отряда, что выбита на памятной доске у входа в монастырскую «Петербургскую гостиницу» (55 тыс. человек), возможно завышена, а информация, залитая в бронзу на других монументах, посвященных соловецким юнгам, не вполне точна. Полагаем, что сведения и терминология, содержащиеся в рецензируемой монографии, позволят исправить ошибки.

Упомянутый выше «План обороны Соловецких островов», где указаны места дислокации всех воинских частей гарнизона, дополненный воспоминаниями бывших курсантов и аэрофотосъемкой, сделанной с немецких самолетов-разведчиков, лег в основу археологических изысканий авторов. Результаты «полевых разведок» в самых общих чертах изложены во втором разделе монографии «Полевое наследие гарнизона. (Археология Великой Отечественной войны)». Сами полевые отчеты сезонов 2018–2024 гг. – это результат, как пишут авторы, работы, которую можно измерить созданием 130 маршрутов длиной более 2 тысяч километров с фиксацией и описанием остатков 110 «землянок» и более 1 000 оборонительных сооружений, включая 75 дзотов, 9 зенитных батарей, 2 береговые батареи, более 10 километров траншей с сотнями блиндажей, пулеметных гнезд, стрелковых окопов и ячеек¹⁶. Можно лишь предположить, какой объем занимают сами полевые отчеты, если

¹⁴ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 213–214.

¹⁵ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 218.

¹⁶ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 234–235.

их иллюстративный материал включает свыше 2 тысяч фотографий. Поэтому вторая часть книги представляет собой каталог остатков основных сооружений военной поры с их GPS координатами, позволяющими продолжить исследование, например, через создание интерактивной карты соловецких рубежей обороны. При этом авторы признают, что этот «своеобразный каталог памяти» создан с нарушениями академических требований оформления научных каталогов. Иначе объем книги увеличился бы в несколько раз.

Полагаем, что такая форма каталогизации оправдана еще и по другой причине. В правовой неопределенности археологических разведок/раскопок объектов «конфликтной археологии» (находящихся в компетенции Академии наук) и военно-поисковой работы (в компетенции Министерства обороны) такая форма фиксации объектов – оптимальный способ избежать столкновения интересов этих ведомств. Вынесенный в заголовок второго раздела термин «военная археология» по-прежнему остается дискуссионным. Специалисты до сих пор не пришли к единому мнению относительно того, сколько лет должно пройти, чтобы отделить объект военно-поисковой работы от археологического памятника. Кто должен выдавать «открытые листы» военным археологам и можно ли считать копателей-поисковиков археологами? Если у военной археологии иные методы, чем у криминалистов и судмедэкспертов, то, может быть, следует подобрать к этой дисциплине иную терминологию. Где различие между черными и белыми копателями? По нашему мнению, авторы рецензируемой монографии удачно ушли от того, чтобы быть втянутыми в эту дискуссию, составив лишь «каталог памяти».

Первая глава «каталога» включает описание более сотни «землянок», в которых размещалась каждая из школ. Вторая глава, самая объемная, посвящена описанию остатков более тысячи оборонительных укреплений, некогда возведенных военными гарнизона. Наиболее интересные объекты из упоминаемых в книге проиллюстрированы фотографиями и схемами обмеров. Полевые исследования показали, что строительство всех трех линий обороны было начато осенью 1941 г. и завершено к весне следующего года. В последующие годы проводились работы лишь по укреплению и обустройству «землянок» и оборонительных рубежей. Даже в лютые морозы первой военной зимы на этих объектах ежедневно было задействовано до сотни человек. Авторы пишут:

Эта работа, без сомнения, была важнейшей составляющей подготовки курсантов школ Учебного отряда к участию в боевых действиях в еще

более суровых условиях Заполярья, куда они в основном и направлялись после окончания учебы¹⁷.

Книгу венчают самые интересные, по мнению авторов, выдержки из воспоминаний и писем ветеранов – неоценимый источник соловецкой истории повседневности.

Безусловно, проделанную авторами работу трудно переоценить, как с точки зрения объема, качества, так и новизны. Между тем удаленность островов и их исследователей от центров изучения военной истории обусловили ряд методологических и даже исторических погрешностей. Попытка авторов в общеисторическом контексте объяснить создание на архипелаге военного гарнизона вышла не вполне удачной. Как следствие, военная история Соловков оказалась оторванной от общей военно-политической обстановки на Европейском Севере, а связь исторического контекста с историей гарнизона выглядит искусственной, порой алогичной. Поэтому многие вопросы развертывания на Соловках Учебного отряда и иных воинских частей, специфики организации системы обороны архипелага остались без ответа. Так, большой параграф, посвященный истории создания Северного флота с 1914 г. (?), едва ли дает объяснение причинам размещения соловецкого гарнизона на месте упраздненной в 1939 г. Соловецкой тюрьмы особого назначения НКВД (СТОН). Логичнее, на наш взгляд, было бы увязать развертывание воинских частей на Соловках с началом Второй мировой войны, результатами Зимней войны, оккупацией нацистами Норвегии и созданием в мае 1940 г. Архангельского военного округа. Рассказ об истории всей авиации Северного флота в период с 1936 по 1945 г. также выглядит искусственно подтянутым для объяснения причин размещения на Соловках 24-го авиационного звена связи, поскольку малая авиация и до войны являлась единственным оперативным средством сообщения островов с материком.

Думается, важнее было показать тяжелейшую ситуацию, сложившуюся на кандалакшском направлении Карельского фронта в первый год войны, обусловившую необходимость срочного создания оборонительных рубежей на Соловках. Наркомат ВМФ не без оснований опасался прорыва врага к Кандалакше, что не исключало высадки на Соловках воздушных или морских десантов. Прорыв военно-морских сил врага к архипелагу с севера, со стороны Горла Белого моря, был для него самоубийственным, принимая во внимание

¹⁷ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 511.

мощную систему обороны пролива и морские глубины, крайне затруднявшие маневрирование здесь подводных лодок. Не случайно на протяжении всей войны ни один германский корабль не рискнул войти в воды Белого моря. Поэтому слухи, до сих пор циркулирующие среди соловчан о замеченных возле островов вражеских субмаринах, более чем преувеличены.

Весьма рискованными были и пролеты над островами немецких самолетов, не говоря уже об опасности целенаправленных бомбежек гарнизона крупными летными соединениями. Германские разведчики 124-го отряда Люфтваффе поодиночке или небольшими группами регулярно летали над архипелагом, несколько раз сбросили бомбы на цели, выбранные случайным образом, как это было, например, с демонстративной бомбардировкой в день Красной армии, 23 февраля 1942 г.¹⁸ В основном же германские пилоты использовали острова как ориентиры при пролетах над морем¹⁹.

Целенаправленно бомбить Соловки немцы могли лишь с аэродромов Финляндии, в частности, с аэродрома Кеми, как это было, например, при бомбардировках Архангельска летом–осенью 1942 г. Но, как следует из германских мемуаров, командование такой цели перед летчиками и не ставило. Не подтверждены пока немецкими архивами и три самолета, сбитые соловецкими зенитчиками. Думается, что высадка комбинированного вражеского десанта на Соловках была бы возможна лишь в случае захвата финско-германскими войсками одновременно и Кандалакши, и Мурманска. Причем такой десант должен был бы как минимум вдвое превосходить численность оборонявшихся, т.е. штурм Соловков мог быть осуществлен силами одной или двух дивизий (германская разведка располагала точными данными о численности и вооружении гарнизона²⁰). Таких ресурсов у врага не

¹⁸ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 195.

¹⁹ См.: Fehse W. Die Chronik der 1.Staffel (F) Aufklarungsgruppe 124. Köln: Eigenverlag, 1999; Шмаль П.В. Архангельск через бомбовый прицел // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Вып. 3 / составитель М.Н. Супрун. Москва: Андреевский флаг, 2000. С. 254–256; Selinger F. Von “Nanok” bis “Eismitte”: Meteorologische Unternehmungen in der Arktis 1940–1945. Hamburg: Convent, 2001.

²⁰ По данным германской разведки гарнизон насчитывал около 4 500 военнослужащих, что было недалеко от реальной численности, которая в военные годы колебалась от 4 000 до 6 000 человек (Супрун М.Н. Соловки в документах германской разведки // Соловки и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней: сборник тезисов докладов научной конференции (Соловки, 7–12 сентября 2020 г.) / составители А.Я. Мартынов, А.В. Алешкова. Архангельск: Лоция, 2020. С. 275–280.

было. Это понимал и нарком Н.Г. Кузнецов, отдавая приказ об организации обороны островов и делая ставку на бойцов, вооруженных в основном стрелковым оружием.

Понимая огрехи и все сложности работы над темой, авторы рецензируемой монографии признаются, что их надежды

найти ответы на все вопросы, связанные с историей Соловецкого гарнизона, к сожалению, не оправдались: чтобы сделать это, нужны еще годы работы в архивах, в поле и в рабочем кабинете²¹,

и что они сознают наличие возможных ошибок и приносят извинения за них перед вдумчивым и владеющим определенным багажом знаний читателем.

Возможные ошибки, по нашему мнению, совершенно не умаляют огромный и благородный труд, проделанный авторами. Их книга несомненно внесет весомый вклад в изучение Соловков и всего Европейского Севера в годы Второй мировой войны. Остается лишь сожалеть, что мизерный тираж (200 экз.), оплаченный авторами (!), уже сделал рецензируемую монографию практически недоступной для большинства заинтересованных читателей.

Список литературы

Гузанов В.Г. Соловецкие паруса. Мурманск: Книжное издательство, 1982. 208 с.

Калатур М.П., Мартынов А.Я. Учебный отряд Северного флота на Соловецких островах. 1939–1957 гг. История и память. Соловки: Соловецкий музей-заповедник, 2020. 139 с.

Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. Страницы истории. Наследие. Археология. Соловки; Архангельск: Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2025. 558 с.

Пикуль В.С. Мальчики с бантиками. Ленинград: Детлит, 1979. 221 с.

Супрун М.Н. Соловки в документах германской разведки // Соловки и прилегающие территории: история и культура с древнейших времен до наших дней: сборник тезисов докладов научной конференции (Соловки, 7–12 сентября 2020 г.) / составители А.Я. Мартынов, А.В. Алешкова. Архангельск: Лоция, 2020. С. 275–280.

Шталь П.В. Архангельск через бомбовый прицел // Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Вып. 3 / составитель М.Н. Супрун. Москва: Андреевский флаг, 2000. С. 254–256.

Fehse W. Die Chronik der 1.Staffel (F) Aufklarungsgruppe 124. Köln: Eigenverlag, 1999. 252 S.

Selinger F. Von “Nanok” bis “Eismitte”: Meteorologische Unternehmungen in der Arktis 1940–1945. Hamburg: Convent, 2001. 384 S.

²¹ Мартынов А.Я., Проурзин Л.И., Калатур М.П. Соловецкий гарнизон в 1940–1947 гг. С. 15.

References

- Fehse, W. *Die Chronik der 1. Staffel (F) Aufklarungsgruppe 124*. Köln: Eigenverlag, 1999. (In German)
- Guzanov, V.G. *Solovetskie parusa* [Solovetsky sails]. Murmansk: Knizhnoe izdatel'stvo, 1982. (In Russian)
- Kalatur, M.P., and A.Ya. Martynov. *Uchebnyi otryad Severnogo flota na Solovetskikh ostrovakh. 1939–1957 gg. Istoriya i pamyat'* [The training detachment of the Northern Fleet on the Solovetsky Islands. 1939–1957. History and memory]. Solovki: Solovetskii muzei-zapovednik, 2020. (In Russian)
- Martynov, A.Ya., L.I. Prourzin, and M.P. Kalatur. *Solovetskii garnizon v 1940–1947 gg. Stranitsy istorii. Nasledie. Arkheologiya* [Solovetsky garrison in 1940–1947. Pages of history. Heritage. Archaeology]. Solovki; Arkhangel'sk: Solovetskii gosudarstvennyi istoriko-arkhitekturnyi i prirodnyi muzei-zapovednik, 2025. (In Russian)
- Pikul', V.S. *Mal'chiki s bantikami* [Boys with bows]. Leningrad: Detlit, 1979. (In Russian)
- Selinger, F. *Von "Nanok" bis "Eismitte": Meteorologische Unternehmungen in der Arktis 1940–1945*. Hamburg: Convent, 2001. (In German)
- Shtal', P.V. "Arkhangel'sk cherez bombovyi pritsel" [Arkhangelsk through the bombsight]. In *Severnye konvoi: issledovaniya, vospominaniya, dokumenty* [The Arctic Convoys: Research, memoirs, documents], iss. 3, compiled by M.N. Suprun, 254–56. Moscow: Andreevskii flag, 2000. (In Russian)
- Suprun, M.N. "Solovki v dokumentakh germanskoi razvedki" [Solovki in the documents of the German intelligence]. In *Solovki i prilegayushchie territorii: istoriya i kul'tura s drevneishikh vremen do nashikh dnei: sbornik tezisev dokladov nauchnoi konferentsii (Solovki, 7–12 sentyabrya 2020 g.)* [Solovki and adjacent territories: History and culture from ancient times to the present day: Abstracts of the scientific conference (Solovki, September 7–12, 2020)], compiled by A.Ya. Martynov, and A.V. Aleshkova, 275–80. Arkhangel'sk: Lotsiya, 2020. (In Russian)

Информация об авторе

Михаил Николаевич Супрун – доктор исторических наук, профессор <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>, suprun.ru@mail.ru, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского (д. 15, наб. реки Фонтанки, 191023 Санкт Петербург, Россия).

Information about the author

Mikhail N. Suprun – Doctor of Historical Sciences, Professor, <https://orcid.org/0000-0003-1921-3615>, suprun.ru@mail.ru, Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky (15, Fontanka, 191023, St Petersburg, Russia).

Статья поступила в редакцию 16.10.2025; принята к публикации 17.04.2026.

The article was submitted 16.10.2025; accepted for publication 17.04.2026.